www.вославу.рф

ВО СЛАВУ ОТЧИЗНЫ!

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ
ОРГАН ИЗДАТЕЛЬСКОГО ДОМА «РУССКАЯ РАЗВЕДКА»

№ 2 (10)
2020

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

АНТОШКИН Николай Тимофеевич – Герой Советского Союза, генерал-полковник авиации, Заслуженный военный летчик РФ, депутат Государственной Думы;

БАБАНСКИЙ Юрий Васильевич – Герой Советского Союза, генерал-лейтенант, ветеран боевых действий;

БЕНОВ Геннадий Матвеевич – генерал-лейтенант, председатель Союза ветеранов советских офицеров, член ВС ВВС СССР;

БОДРЯГИН Александр Николаевич – полковник, президент Союза ветеранов военной разведки;

БОДУНОВ Игорь Аркадьевич – полковник, ветеран военно-технического сотрудничества, член правления Фонда «Резерв»;

БОНДАРЕНКО Константин Константинович – полковник, ветеран военной разведки;

БЫЧИХИН Павел Александрович – полковник, ветеран военной разведки;

ГЛАГОЛЕВ Вячеслав Евгеньевич – генерал-лейтенант, ветеран военной разведки, профессор, доктор военных наук, действительный член Академии военных наук;

ГРОСС Виктор Константинович – полковник, летчик-испытатель 1-го класса;

ДЕМЕНТЬЕВ Сергей Павлович – генерал-майор авиации, ветеран боевых действий, член Фонда «Резерв»;

ДОМСКИЙ Игорь Александрович – доктор ветеринарных наук, профессор, член-корреспондент РАН, лауреат Премии Правительства РФ;

ИЗМАЙЛОВ Владимир Макарович– генерал-полковник, председатель Совета ветеранов военной разведки;

КЛИМУК Петр Ильич – дважды Герой Советского Союза, генерал-полковник авиации, летчик-космонавт СССР;

КОРНЕЕВЕЦ Владимир Сергеевич – полковник, ветеран военной разведки;

КОТЕЛКИН Александр Иванович – генерал-майор авиации, кандидат экономических наук, ветеран военной разведки;

КРИВОРУЧКО Анатолий Петрович – полковник, доктор исторических наук, профессор, ветеран военной разведки, член Союза писателей России;

КРИТСКИЙ Василий Юрьевич – заместитель главного конструктора по перспективным разработкам ОКБ им. А.М. Люльки, ПАО «ОДК – УМПО», член Фонда «Резерв»;

КУЗНЕЦОВ Владимир Васильевич – заместитель начальника департамента международных организаций МИД РФ;

ЛАДЫГИН Фёдор Иванович – генерал-полковник, начальник Главного разведывательного управления Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации (1992–1997 гг.);

ЛЕМЗЕНКО Кир Георгиевич – вице-адмирал, ветеран военной разведки;

ЛЁВИН Алексей Гаврилович – Герой Социалистического Труда, президент Всероссийской общественной организации «Трудовая доблесть России», кандидат технических наук;

МОЧНОВ Николай Борисович – полковник, ветеран боевых действий, президент Фонда «Резерв», Заслуженный испытатель космической техники, ветеран военной разведки;

НЕМЧИКОВ Геннадий Алексеевич – генерал-майор авиации, ветеран боевых действий, вице-президент Фонда «Резерв», кандидат военных наук:

ПАНИН Илья Григорьевич – генерал-полковник, председатель Совета ветеранов ГУК МО РФ;

ПОЛОЗОВ Андрей Алексеевич – гвардии майор, летчик 1-го класса, литератор;

ПОНОМАРЕВ Александр Васильевич – генерал-майор, член Совета ветеранов военной разведки;

ПОПОВ Сергей Владимирович – генеральный директор «ОДК — Пермские моторы»;

РЕШЕТНИКОВ Василий Васильевич – Герой Советского Союза, генерал-полковник авиации, Заслуженный военный летчик СССР, участник Великой Отечественной войны;

РОДИОНОВ Юрий Николаевич – генерал-полковник, заместитель министра обороны СССР по кадрам, генеральный инспектор Министерства обороны РФ, кандидат экономических наук, Почетный гражданин города Таганрога;

РОМАНЕНКО Юрий Викторович – дважды Герой Советского Союза, полковник, летчик-космонавт СССР;

РУМЯНЦЕВ Владимир Владимирович – генерал-лейтенант, ветеран военной разведки;

САВИНЫХ Виктор Петрович – дважды Герой Советского Союза, летчик-космонавт, Почетный президент Университета геодезии и картографии РФ, член-корреспондент РАН;

СТРЮКОВ Владимир Антонович – полковник, воин-интернационалист, член Союза писателей России, ветеран военной разведки, главный редактор ВИА «Во славу Отчизны»;

ЦИБЛИЕВ Василий Васильевич – Герой Российской Федерации, генерал-лейтенант авиации, летчик-космонавт РФ;

ЧУЙКОВ Николай Владимирович – полковник, председатель общественной комиссии по международному сотрудничеству Союза ветеранов России;

ЮДИН Виктор Анатольевич – генерал-майор авиации, член Фонда «Резерв».

История – особая наука, занимающаяся изучением прошлого человеческих обществ, начиная с зарождения социума по настоящее время. Главной задачей истории, основным её предназначением следует считать познание прошлого человечества для понимания современного состояния нашего человеческого общества и предвидения его развития в будущем.

История призвана отражать реальность прошлого в его узловых моментах так, как писал древнеримский политический деятель и мыслитель Марк Туллий Цицерон: «Первая задача истории – воздержаться от лжи, вторая – не утаить правды, третья – не дать никакого повода заподозрить себя в пристрастности или в предвзятой враждебности».

В истории России была целая временная полоса, когда появилось удивительно прискорбное пренебрежение к истории, к наследию наших предков. А ведь память о них – необходимое условие воспитания чувства патриотизма. Само понятие «патриотизм» вмещает в себя мощные заряды исторических знаний нашего прошлого, без которых невозможна осмысленная любовь к своему Отечеству.

Изучение прошлого, осмысление происходящего и предвидение грядущего вдвойне ценно тогда, когда приходит тому срок и, когда правда остается незыблемым критерием сущего во всех разностях и сложностях взаимосвязанного развивающегося исторического процесса.

Военно-исторический альманах «Во славу Отчизны» нацелен на освещение вопросов нашей истории в объективном, справедливом и честном ключе.

Учредители:
Союз ветеранов военной разведки;
Фонд «Резерв» ветеранов Военно-воздушных сил

Главный редактор:
Владимир Стрюков

Верстка дизайн-макета:
Ирина Васина

E-mail: info@вославу.рф
www.вославу.рф

Содержание

★ КАЛЕНДАРЬ ПАМЯТНЫХ ДАТ

Владимир Стрюков
Великая Отечественная война 4

Парад Победы 24 июня 1945 года 32

Александр Камчатов
Вождь мирового пролетариата 54

★ ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ

Е. А. Шитиков
Атомная бомба в торпедном аппарате..... 74

★ РОССИЯ И ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА

А.И. Грибков
Опыт и уроки планирования операции «Анадырь»..... 86

★ ВОЕННАЯ РАЗВЕДКА

К.К. Звонарев
Русская агентурная разведка во время русско-японской войны 1904-1905 гг. 120

★ АВИАЦИЯ РОССИИ

Действия авиации в Маньчжурской стратегической операции..... 144

★ ПОГРАНИЧНЫЕ ВОЙСКА РОССИИ

Г.П. Сечкин
Охрана тыла действующей Красной Армии 157

★ РОССИЯ В ЛОКАЛЬНЫХ ВОЙНАХ

Корейская война 182

★ РОССИЯ И ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ

Ю.Н. Тихонов
Как разрешить афганскую проблему. Окончание..... 197

★ ВООРУЖЕНИЕ И БОЕВАЯ ТЕХНИКА

А.В. Лобанов.
Танки, штурмовые орудия, САУ Вермахта..... 223

★ ИЗ ИСТОРИИ СПЕЦСЛУЖБ

У.Д. Астон.
Слухи о шпионах и действительные шпионы 244

★ ВОЕННАЯ ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Н. Васильев, А. Говоров
Где же фельдмаршал? 258

ВЛАДИМИР СТРЮКОВ

К 75- ГОДОВЩИНЕ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

Великая Отечественная война 1941-1945 гг. занимает особое место в истории нашего государства. Она явилась небывалым по своей жестокости испытанием всех материальных и духовных сил Советского Союза и стала самой суровой проверкой боевых качеств Красной Армии и Военно-Морского Флота. Народы СССР самоотверженно защищали свой общий дом, свою Родину от нашествия гитлеровской Германии и её союзников по фашистскому блоку. Наша Красная Армия выполнила также нелегкую, но благородную миссию освобождения народов Европы от фашистского порабощения.

По своим масштабам и стратегическому значению четырехлетняя битва на советско-германском фронте стала главной составной частью II мировой войны, так как основная тяжесть борьбы с немецко-фашистской агрессией выпала на долю нашей страны. В исторических сражениях под Москвой и Ленинградом, под Сталинградом и на Курской дуге, на Днепре и Белоруссии, в Прибалтике и Восточной

Пруссии, в странах Юго-Восточной, Центральной и Северной Европы Красная Армия нанесла врагу решающие поражения.

Прошло уже 75 лет после окончания II мировой и Великой Отечественной войн. Однако все еще не прекратились попытки исказить правду об этих войнах, о роли в них Советского Союза. Последнее время усилились яростные попытки фальсифицировать всю нашу историю — историю России. Наши враги на Западе и представители нашей «пятой колонны» пытаются обосновать версию о том, что Советский Союз совершенно не был готов к отражению фашистской агрессии, что его победы над Германией объясняются то ли «военным счастьем», то ли «чистой случайностью». Одновременно, вопреки элементарной логике, они старались и стараются изобразить Советский Союз главным виновником войны, якобы первым сосредоточившим на западной границе мощную группировку для наступления на Германию, чем, дескать, он и спровоцировал упреждающий удар Гитлера.

Следует подчеркнуть, что все эти утверждения далеки от истины и не отражают объективную реальность. Ход событий того времени, исторические факты и документы полностью опровергают суждения наших врагов о вынужденном характере начала войны со стороны гитлеровцев, свидетельствуют об их несостоятельности и надуманности. Сам Гитлер на секретном совещании в узком кругу руководящего состава Вермахта 14 августа 1939 г. в Оберзальцбурге утверждал, что «... Россия не собирается таскать каштаны из огня для Англии и уклонится от войны». На совещании 22 июля 1940 г. он опять со всей определенностью заявил: «...Русские не хотят войны». Между тем у Вермахта к тому времени уже имелся план вторжения в Россию, приуроченный к началу лета 1940 г. Генерал-майор Эрих Маркс, которому была поручена разработка первого варианта указанного плана, откровенно сетовал на то, что Красная Армия не в состоянии «проявить любезность и напасть» на немцев. То есть сожалел об отсутствии предлога для агрессии.

31 июля 1940 г. фюрер впервые официально сообщил высшему генералитету о своих планах войны против Советского Союза. В этот день Гальдер записал первые исходные данные о плане войны: «Начало — май 1941 г. Продолжительность операции — 5 месяцев. Было бы лучше начать уже в этом году, однако это не проходит, так как осуществить операцию надо одним ударом. Цель — уничтожение жизненной силы России». В то же время Гальдер в своих дневниках многократно замечает, что «Россия сделает все, чтобы избежать войны» и он не верит «в вероятность инициативы со стороны русских».

В оценке обстановки по плану «Барбаросса» немецкое командо-

▲ На Восток

вание тоже исходило из того, что Красная Армия будет обороняться. В директиве по стратегическому развертыванию ОКХ от 31 января 1941 г. сказано: «Вероятно, что Россия, используя частично усиленные полевые укрепления на новой и старой государственной границе, а также многочисленные удобные для обороны выгодные рубежи, примет главное сражение в районе западнее Днепра и Двины... При неблагоприятном течении сражений, которые следует ожидать к югу и северу от Припятских болот, русские попытаются задержать наступление немецких войск на рубеже Днепр, Двина».

Подобная оценка возможных действий Красной Армии проходила во многих донесениях германского посла и военного атташе в Москве. В частности, 7 июня 1941 г. посол сообщил в Берлин, что Сталин и Молотов, по наблюдениям сотрудников посольства, делают всё, чтобы избежать военного конфликта с Германией. В разведсводке Генштаба сухопутных войск рейха от 13 июня 1941 г. говорилось, что «со стороны русских... как и прежде, ожидаются оборонительные действия».

Все это свидетельствует о том, что на самом деле у фашистского руководства не было и не могло быть никаких данных или подозрений о возможности превентивного удара со стороны Красной Армии. По словам германского посла в Москве Ф. Шулленбурга, Гитлер в беседе с ним накануне войны выразил недовольство тем, что Советский Союз невозможно даже «спровоцировать на нападение».

Немецкий историк Иоганнес Пукеррорт справедливо отмечал, что гитлеровская «выдумка о превентивной войне преследовала две цели: во-первых, придать нападению на Советский Союз хоть какую то видимость морального оправдания, во-вторых, спекуляцией на антикоммунизме попытаться привлечь на свою сторону западные державы в качестве союзников для разбойничьего «похода на Восток».

▲ 22 июня 1941

Руководитель прессы третьего рейха Фриче, привлеченный после войны к ответственности вместе с другими нацистскими преступниками, в своих показаниях на Нюрнбергском процессе свидетельствовал о том, что он организовал после нападения Германии на СССР широкую кампанию антисоветской пропаганды, стараясь убедить общественность в том, что в начавшейся войне повинен Советский Союз, а не Германия. «Должен однако заявить, — что никаких оснований к тому, чтобы обвинить Советский Союз в подготовке военного нападения на Германию, у нас не было. В своих выступлениях по радио я прилагал все усилия к тому, чтобы запугать народы Европы и население Германии ужасами большевиков».

И далее (слова Фриче в беседе с одним из сотрудников Международного трибунала): «Я всегда говорил, что наша вина в развязывании войны против западных держав равнялась примерно 50 процентам, потому, что все-таки они являлись авторами Версальского договора. Но наша вина в войне против Востока — стопроцентная. Это была коварная и неспровоцированная агрессия».

Внимательное изучение предвоенных событий, материалов Нюрнбергского процесса, дневников Гальдера и других документов показывает, что гитлеровское руководст-

во шаг за шагом целеустремленно готовило агрессию против СССР. Гитлер отлично знал о неготовности СССР к войне летом 1941 г. Однако он учитывал, что в дальнейшем условия для нападения на Советский Союз станут менее благоприятными. Если бы фюрер в самом деле был убежден (на основе неопровержимых факторов), что Советский Союз изготовился для превентивного удара и располагал для этого необходимыми силами, то он (Гитлер) по-видимому не решился бы предпринять агрессию против Советского государства и вести войну на два фронта.

Чтобы до конца разобраться в этом вопросе, необходимо проанализировать состояние вооруженных сил СССР и Германии на тот момент. Поскольку вооруженные силы всегда были, есть и будут главным орудием войны, уровень их боеспособности, боевой мощи является основным, решающим критерием готовности государства или коалиции государств к войне.

Указами Президиума Верховного Совета СССР от 7 мая 1940 г. К. Е. Ворошилов был назначен заместителем Председателя СНК СССР и председателем Комитета Обороны при СНК СССР, а С. К. Тимошенко — наркомом обороны СССР.

Решение о необходимости «произвести сдачу и приемку дел по НКО» было принято на Политбюро ЦК ВКП(б) 8 мая 1940 г. К. Е. Ворошилову было предложено сдать дела С. К. Тимошенко «в течение не более 10 дней». В тот же день подобное решение принял и СНК СССР.

Совершенно секретно

АКТ

Во исполнение постановления СНК СССР от 8 мая 1940 года за №690 при приеме Наркомата Обороны тов. ТИМОШЕНКО от тов. ВОРОШИЛОВА в присутствии тт. ЖДАНОВА, МАЛЕНКОВА и ВОЗНЕСЕНСКОГО заслушаны доклады Начальников Центральных Управлений и установлено следующее:

Организация и структура центрального аппарата

1. Действующее положение о Наркомате Обороны, утвержденное Правительством в 1934 году, устарело, не соответствует существующей структуре и не отражает современных задач, возложенных на Наркомат Обороны. Вновь созданные управления: Главное Управление Красной Армии, Управление Военно-Технического снабжения, Управление Снабжения, Управление продовольственного, обозного и вещевого снабжения, Управление стрелкового и минометного вооружений, Управление высших военно-учебных заведений, Управление снабжения горючим и Управление Начальника пехоты существуют по временным положениям. Структура других управлений (Генштаб, Арт. Управление, Управление Связи, Строительно-квартирного Управления, Управление ВВС и Инспекции) изменена, причем положения об этих изменениях не утверждены.

При наличии 34 самостоятельных Управлений и отделов и недостаточно четком распределении обязанностей между Заместителями Наркома часто имела место задержка в разрешении вопросов в управлениях НКО.

2. В армии имеется до 1080 наименований действующих уставов, наставлений и руководств. Основные уставы: полевой службы, внутренней службы, дисциплинарный и некоторые боевые уставы родов войск устарели и требуют коренной переработки. Отсутствуют: наставление по вождению крупных войсковых соединений (армий), наставление по атаке и обороне укрепленных районов и наставление для действий войск в горах.

3. Большинство войсковых частей существуют по временным штатам, не утвержденным Народным Комиссаром. Штатное и табельное хозяйство запущено. Около 1400 штатов и табелей, по которым войска живут и снабжаются, никем не утверждены и изданы для руководства, как временные.

4. Вопросы военного законодательства и Систематизации приказов Наркома Обороны не налажены. Имеется много приказов, требующих отмены или переработки, как устаревших и затрудняющих руководство войсками.

5. Контроль за исполнением отданных приказов и решений Правительства был организован недостаточно. Не было живого действенного руководства обучением войск. Поверка на местах, как система, не проводилась и заменялась получением бумажных отчетов.

Оперативная подготовка

1. К моменту приема и сдачи Наркомата Обороны оперативного плана войны не было, не разработаны и отсутствуют оперативные планы, как общий, так и частные.

Генштаб не имеет данных о состоянии прикрытия границ. Решения Военных Советов Округов, армий и фронта по этому вопросу Генштабу неизвестны.

▲ На передовую

*2. Руководство оперативной подготовкой высше*го начсостава и штабов выражалось лишь в планировании ее и даче директив. С 1938 года Народный Комиссар Обороны и Генеральный Штаб сами занятий с высшим начсоставом и штабами не проводили. *Контроль за оперативной подготовкой в округах почти отсутствовал. Наркомат Обороны отстает в разработке вопросов оперативного использования войск в современной войне.*

3. Подготовка театров военных действий к войне во всех отношениях крайне слаба. В результате этого:

а) ВОСО не проявило должной маневренности в деле использования наличных железнодорожных средств для войсковых перевозок.

Положения об управлении железными дорогами на театре войны, четко определяющего функции органов НКПС и органов ВОСО, а также порядок перевозок, нет.

б) Строительство шоссейных дорог идет медленно и ведется многими организациями (Гуждор, Главдорупр, Гулаг НКВД), что приводит к распылению сил и средств и отсутствию общего плана дор. строительства;

в) строительство связи по линии НКС сильно отстает, а по линии НКО в 1940 г. сорвано совершенно, вследствие позднего представления Генштабом и Управлением Связи заявок на строительные материалы и неотпуска таковых. Каблирование и использование уплотненных бронзовых проводов ведется в крайне ограниченном размере;

г) в аэродромном отношении крайне слабо подготовлена территория Западной Белоруссии, Западной Украины, ОДВО и ЗакВО;

д) ясного и четкого плана подготовки театров в инженерном отношении, вытекающего из оперативного плана, нет. Основные рубежи и вся система инж. подготовки не определены;

е) директивы, утверждающей план строительства УР на 1940 г., округам к моменту приема Наркомата не дано. (* УР — укрепленный район. Ред.)*

Система предполья окончательно не разработана и в округах этот вопрос решается по-разному.

Вопросы вооружения вновь создаваемых укрепленных районов требуют быстрейшего разрешения, в первую очередь новых УРов на Западной границе.

ж) В топографическом отношении театры военных действий подготовлены далеко недостаточно и потребность войск в картах не обеспечена.

Укомплектование и устройство войск

1. Точно установленной фактической численности Красной Армии в момент приема Наркомат не имеет. Учет личного состава, по вине Главного Управления Красной Армии, находится в исключительно запущенном состоянии.

2. Личный состав войск состоял из кадрового и приписного состава; план увольнения приписного состава находится в процессе разработки.

3. Положение о прохождении службы рядового и младшего начсостава, изданное в 1931 году, устарело, для руководства непригодно и никто им не пользуется. Нового положения, определяющего порядок прохождения службы, не составлено.

4. По устройству войск — нет положений об управлении частями (полками), соединениями (дивизиями и бригадами). Положение о войсковом хозяйстве устарело и требует переработки. Не разработано положение о полевом управлении войск.

Мобилизационная подготовка

1. В связи с войной и значительным передислоцированием войск мобилизационный план нарушен. Нового мобилизационного плана Наркомат Обороны не имеет.

Мероприятия по отмобилизованию распорядительным порядком не закончены разработкой.

2. Наркомат Обороны не устранил еще следующие недостатки мобилизационного плана, вскрытые при проведении частичной мобилизации в сентябре 1939 года:

а) крайняя запущенность учета военнообязанных запаса, т. к. переучет не проводился с 1927 года;

б) отсутствие единого учета военнообязанных и существование обособленного специального учета железнодорожников, водного транспорта НКВД;

в) слабость и неналаженность работы военкоматов;

г) отсутствие очередности в отмобилизовании частей, что привело к перегрузке первых дней мобилизации;

д) нереальность планов размещения войск при отмобилизовании;

е) неотработанность плана снабжения обмундированием при мобилизации;

ж) неравномерность подъема по мобилизации военнообязанных, конского состава и автотранспорта;

з) отсутствие твердо установленного порядка в бронировании рабочей силы на военное время;

и) нереальность и неудовлетворительное состояние учета лошадей, повозок, упряжи и автотранспорта.

▲ 7 ноября 1941 года

3. В числе военнообязанных запаса состоит 3.155.000 необученных людей. Плана обучения их Наркомат Обороны не имеет. В числе обученного состава состоят на учете военнообязанные запаса с недостаточной подготовкой и по ряду специальностей, мобилизационная потребность в специалистах не покрывается. Плана переобучения специалистов и переподготовки слабо обученного состава Наркомат Обороны также не имеет.

4. Наставления по мобилизационной работе в войсках и военкоматах, признанные устаревшими, не переработаны.

Состояние кадров

К моменту приема Наркомата Обороны, армия имела значительный некомплект начсостава, особенно в пехоте, достигающий до 21% к штатной численности на 1 мая 1940 года.

Установлено, что ежегодные выпуски из военных училищ не обеспечивали создания необходимых резервов для роста армии и образования запасов.

Качество подготовки командного состава низкое, особенно в звене взвод — рота, в котором до 68% имеют лишь краткосрочную 6-месячную подготовку курса младшего лейтенанта.

Подготовка комсостава в военных училищах поставлена неудовлетворительно, вследствие недоброкачественности программ, неорганизованности занятий, недостаточной загрузки учебного времени и особенно слабой полевой практической выучки. Усовершенствование командного состава должным образом не организовано. Недостатком программ подготовки командиров в военно-учебных заведениях является: проведение занятий преимущественно в классах, недостаточность полевых занятий, насыщение программ общими предметами в ущерб военным.

В вопросах присвоения военных званий нет твердо установившейся системы и в ряде случаев имела место кампанейщина. Этому способствовало отсутствие периодического аттестования начсостава. Существующий порядок аттестования не выявляет деловых качеств командира и работы командира по боевой подготовке своей части. Происходит это потому, что командный состав в значительной мере устранился от дела аттестования и подбора кадров, которое зачастую проводилось политорганами.

Учет начсостава поставлен неудовлетворительно и не отражает командного состава, имеющего бо-

евой опыт. Кандидатские списки отсутствуют.

При назначении командного состава Управление Кадров недостаточно привлекало начальников соответствующих родов войск и служб.

Нормы пополнения начсостава на военное время не разработаны. Учет и подготовка начсостава запаса находится в неудовлетворительном состоянии.

Плана подготовки и пополнения комсостава запаса для полного отмобилизования армии по военному времени не было.

Боевая подготовка войск

Главнейшими недостатками в подготовке войск являются:

1) Низкая подготовка среднего командного состава в звене рота — взвод и особенно слабая подготовка младшего начальствующего состава.

2) Слабая тактическая подготовка во всех видах боя и разведки, особенно мелких подразделений.

3) Неудовлетворительная практическая полевая выучка войск и неумение ими выполнять то, что требуется в условиях боевой обстановки.

4) Крайне слабая выучка родов войск по взаимодействию на поле боя: пехота не умеет прижиматься к огневому валу и отрываться от него; артиллерия не умеет поддерживать танки; авиация не умеет взаимодействовать с наземными войсками.

5) Войска не обучены лыжному делу.

6) Применение маскировки отработано слабо.

7) В войсках не отработано управление огнем.

8) Войска не обучены атаке укрепленных районов, устройству и преодолению заграждений и форсированию рек.

Причинами этого являются неправильное обучение и воспитание войск.

В боевой подготовке войск допускается много условностей, войска не тренируются в обстановке, приближенной к боевой действительности, применительно к требованиям театров военных действий.

Широкое применение системы условностей в обучении и воспитании войск создало в войсках неправильное представление о суровой действительности войны.

Войска мало обучаются в поле практическому выполнению всего необходимого для боя. Недостаточно воспитывается и прививается выносливость, физическая закалка и стремление выполнить приказ беспрекословно, точно и быстро, несмотря ни на какие трудности и преодолевая их.

Вместо этого зачастую допускается ложный демократизм, подрыв авторитета командира.

Неправильно построены программы и планы боевой подготовки, приводящие к тому, что роды войск занимаются изолированно, периоды обучения и боевые стрельбы их тождественных подразделений не совпадают по времени и недостаточно обеспечиваются материально.

Состояние родов войск

1. ПЕХОТА: а) вопросам организации, вооружения и подготовки пехоты не уделено должного внимания;

б) пехота подготовлена слабее всех других родов войск;

в) накопление подготовленного запаса пехоты недостаточно;

г) командный состав пехоты плохо подготовлен и имеет большой некомплект;

д) пехотное вооружение отстает от современных требований боя и не обеспечено минометами и автоматами.

2. ВОЕННО-ВОЗДУШНЫЕ СИЛЫ. Материальная часть ВВС Красной Армии в своем развитии за последние три года отстает по скоростям, дальностям, мощностям моторов и вооружению самолетов от авиации передовых армий других стран. Наркомат Обороны (Управление Военно-Воздушных Сил) не проявил достаточной инициативы и настойчивости по внедрению более современных типов самолетов. Управление Военно-Воздущных Сил не определяло направления развития военной авиации. По этой причине ВВС не имеют пикирующих бомбардировщиков и отстают во внедрении современных типов самолетов. По вооружению отстает внедрение крупнокалиберного оружия.

Отработка новых образцов самолетов, испытание и доводка их проходят крайне медленно.

Состояние учета самолетов и моторов неудовлетворительное, а качественный учет совершенно не организован и не ведется.

Склады авиамеханического имущества недостаточны и не удовлетворяют потребности авиационных частей.

Аэродромная сеть недостаточна и не обеспечивает нормальной работы авиачастей и развитие ее отстает от роста военно-воздушных сил.

Организация военно-воздушных сил в связи со значительным ростом авиации устарела и требует пересмотра и объединения в более крупные авиационные соединения (дивизии).

Существующая организация авиабаз не обеспечивает обслуживания передовых оперативных аэродромов и содержания их в рабочем состоянии в течение круглого года.

Летно-технический состав недостаточно подготовлен в бомбометании, в полетах в сложных метеорологических условиях и в стрельбе.

Авиационные школы выпускают слабых летчиков, обученных главным образом на старой материальной части и вследствие этого молодых летчиков приходится переучивать в частях.

Вопросы прохождения службы летно-техническим составом не отработаны, в результате чего с 1938 года существует неправильное положение, когда красноармейцы действительной военной

службы, после годичного обучения в школах младших специалистов, выпускаются по категории среднего начальствующего состава.

Несмотря на большой некомплект штурманов, подготовка их не организована.

Аварийность и катастрофы в авиации продолжают оставаться высокими вследствие слабой подготовки летного состава, незнания им материальной части, низкой дисциплинированности, неорганизованности летной работы и безответственности командиров частей и бригад за происшедшие аварии и катастрофы.

3. АВИАДЕСАНТНЫЕ ЧАСТИ не получили должного развития.

Организация воздушно-десантных частей (маломощные бригады) отстает от современных требований и требует пересмотра в сторону создания более сильных соединений и развития парашютного дела.

Существующая двойственность подчинения — по линии УБП (боевая подготовка) и по линии ВВС (снабж. спец. имущ, и обесп. самолетами) отрицательно сказывается на управлении и боевой подготовке авиадесантных частей.

4. АВТОБРОНЕТАНКОВЫЕ ВОЙСКА. Вооружение танковых частей в своем развитии отстает от современных требований вследствие того, что современные толстобронные танки внедрены на вооружение с опозданием.

В использовании танковых частей организация взаимодействия с другими родами войск в достаточной степени не отработана.

Ремонт автобронемашин, при наличии достаточной ремонтной базы, — затягивается.

Существующие ремонтные комплекты, как по количеству, так и по своей спецификации составлены неудачно. Наиболее ходовые части в них изготовлены в малых количествах и не обеспечивают потребности.

Вопросы организации текущего и среднего ремонта боевых машин в полевых условиях разрешены неправильно. По существующему порядку предусматривается отправка боевых машин для ремонта в тыловые мастерские, что задерживает ремонт и не обеспечивает своевременный ввод их в строй.

Эксплуатация существующего автомобильного и тракторного парка поставлена неудовлетворительно, вследствие чего в армии имеется большое количество машин, требующих ремонта.

Существующий тракторный парк недостаточен и не обеспечивает полностью подъема материальной части артиллерии на мехтяге.

5. АРТИЛЛЕРИЯ. В связи с тем что делу организации и подготовки артиллерийских частей было

уделено достаточное внимание, наличие материальной части артиллерии по средним и мелким калибрам обеспечивает развертывание артиллерийских частей, но отстает по крупным калибрам и зенитной артиллерии. Особенно недостаточна обеспеченность наиболее крупными калибрами— 203 мм и выше.

По боеприпасам — потребность армии по средним системам обеспечивается недостаточно. Специальные артиллерийские выстрелы (бронебойные, зажигательные, а также выстрелы для зенитной артиллерии) имеются в крайне недостаточном количестве.

Приборами управления, биноклями артиллерия обеспечена недостаточно.

Наличие хранилищ не обеспечивает полностью хранение имеющихся запасов. Организация складского хозяйства поставлена неудовлетворительно. К моменту приема из-за недостатка хранилищ и загруженности складов ненужными материалами находилось на открытом воздухе большое количество боеприпасов и вооружения.

6. СТРЕЛКОВОЕ ВООРУЖЕНИЕ. Внедрение современных образцов стрелкового вооружения (пистолеты-пулеметы и самозарядная винтовка) Наркоматом Обороны производится с опозданием и крайне медленно.

По количеству винтовок мобилизационная потребность развернутой армии обеспечивается без учета убыли винтовок и для новых формирований во время войны.

7. МИННО-МИНОМЕТНОЕ ВООРУЖЕНИЕ. Наркоматом Обороны не придавалось значения минно-минометному вооружению. В результате Красная Армия оказалась необеспеченной минометами и неподготовленной к их использованию.

К моменту приема Наркомата, Красная Армия минометами полностью еще не обеспечена. В частях имеется большой некомплект минометов, а минометы крупных калибров существуют только в образцах.

Совершенно неотработанными остаются вопросы использования и применения пехотных и противотанковых мин. Производство и изготовление этих мин не организовано и имеются только опытные образцы.

8. ИНЖЕНЕРНЫЕ ВОЙСКА — по своей организации и вооружению отстают от общего развития других родов войск.

Обеспеченность существующих инженерных частей основными видами инженерного вооружения слабая.

Новейшие средства инженерной техники: окопокопатели, средства глубокого бурения, новые дорожные машины — имеются только в образцах и не внедрены на вооружение инженерных войск.

Переправочные средства по количеству недостаточны, особенно по тяжелым паркам.

Исключительно низкая обеспеченность инженерных войск по колючей проволоке.

В подготовке и в вооружении войск не получили развития и выпали такие коренные вопросы, как вопросы преодоления УРов, заграждения и разграждения, особенно минного.

9. ВОЙСКА СВЯЗИ — в настоящее время на своем вооружении имеют много устаревших типов телеграфно-телефонных аппаратов и радиосредств. Внедрение новых средств радиотехники проходит крайне медленно и в недостаточных размерах. Войска плохо обеспечены почти по всем видам имущества связи.

Большим недостатком войск связи является отсутствие быстродействующих и засекречивающих приборов.

Существующее отставание в развитии техники связи и нечеткость организации связи привели к тому, что во время похода в Западную Украину и Западную Белоруссию, а также во время войны с белофиннами войска связи не имели устойчивой и непрерывно действующей связи.

10. ХИМИЧЕСКИЕ ВОЙСКА. Внимание к химическому оружию в Наркомате Обороны ослаблено.

Существующие дегазационные средства не обеспечивают по своему количеству и качеству предъявляемые к ним требования. Дегазационные машины, состоящие на вооружении (АРС и АХИ-5), малопроходимы, а из дегазаторов существует только хлорная известь.

Химическая подготовка войск поставлена неудовлетворительно, что объясняется недооценкой значения химических средств нападения со стороны общевойсковых командиров.

Научно-исследовательская работа по развитию химического вооружения поставлена слабо, а разработанные новые образцы внедряются в армии медленно.

11. КОННИЦА. Состояние и вооружение конницы удовлетворительные. Отмечается слабость и недоработанность организации горнокавалерийских частей.

Состояние разведывательной работы

Организация разведки является одним из наиболее слабых участков в работе Наркомата Обороны. Организованной разведки и систематического поступления данных об иностранных армиях не имеется.

Работа Разведывательного Управления не связана с работой Генерального Штаба. Наркомат Обороны не имеет в лице Разведывательного Управления органа, обеспечивающего Красную Армию данными об организации, состоянии, вооружении, подготовке к развертыванию иностранных армий. К моменту приема Наркомат Обороны такими разведывательными данными не располагает. Театры военных действий и их подготовка не изучены.

Противовоздушная оборона

Противовоздушная оборона войск и охраняемых пунктов находится в состоянии полной запущенности. Существующее состояние ПВО не отвечает современным требованиям.

Вооружению активных средств ПВО зенитной артиллерии не уделялось достаточного внимания. Совершенно недостаточна обеспеченность приборами управления зенитной артиллерии. Дально-

меры, состоящие на вооружении, не обеспечивают стрельбу на высотах более 6,2 км, а приборы ПУАЗО несовершенны.

Подготовка зенитных частей неудовлетворительная и тренировка их ведется с устарелыми типами самолетов. Нет практики с современными самолетами.

Служба ВНОС плохо организована, слабо подготовлена, плохо вооружена и не обеспечивает своевременного обнаружения самолетов противника и оповещения. Радиоперехватывающие средства (РУС и РЕДУТ) имеются только в отдельных образцах. Нет ясности, кому подчиняется служба ВНОС: командующему ВВС или отделу ПВО.

Наркоматом Обороны к моменту приема не было выполнено постановление Правительства о введении в приграничных округах помощников Командующего войсками по ПВО.

Руководство Наркомата Обороны работой местных пунктов ПВО неудовлетворительное и слабое.

При существующем состоянии руководства и организации ПВО должная защита от воздушного нападения не обеспечивается.

Устройство и служба тыла

1. Руководство Организацией тыла и тыловой подготовкой начальствующего состава и тыловых учреждений слабое. За последние два года в армии не было ни одного специального тылового учения, не было учебных сборов командиров службы тыла. Хотя приказом Наркома требовалось ни одного учения без отработки тыла не проводить, но фактически в некоторых частях учения с тылом не проводились. Устав тыла засекречен и комначсостав его не знает. Устав требует переработки.

2. Территории, отошедшие к СССР в 1939—40 гг., в отношении устройства тыла не подготовлены.

3. Мобилизационная заявка 1937—38 гг. устарела и требует переработки.

4. План вооружения и снабжения на 1940 год в округа до сих пор по вине ГУКА не спущен, что не дает возможности отработать обеспеченность войск на мирное и военное время.

5. Учет количественный и качественный в центральных довольствующих управлениях поставлен плохо и не дает возможности правильно определить обеспеченность войск.

▲ Тыл фронту

6. Мобфонды продфуража, израсходованные в зимний период 1940 г., не восстановлены, а на Камчатке, Сахалине и в МНР они вовсе отсутствуют. Дислокация мобфондов требует коренного пересмотра.

7. Финансовые сметы на первый месяц войны устарели, непригодны и требуют переработки.

Военно-хозяйственное снабжение

Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 9 августа 1935 г. по приведению войскового хозяйства и всего дела военно-хозяйственного снабжения армии в образцовый порядок не выполнено.

Войсковое хозяйство продолжает оставаться в запущенном состоянии. Учет и отчетность по имуществу не налажены. В боевых операциях 1939—40 гг. армейский и войсковой тыл работали неудовлетворительно.

1. ОРГАНИЗАЦИЯ И СИСТЕМА СНАБЖЕНИЯ

Организация и система обозно-вещевого и продовольственного снабжения и квартирного обеспечения КА мирного времени совершенно не были приспособлены на военное время.

Введенные в 1936 г. помощники старшин рот и ротные писаря вскоре были сокращены. Вновь они восстанавливаются лишь с конца 1939 года, когда учет имущества был запутан во всех низовых звеньях.

Действующие нормы снабжения, особенно вещевым имуществом, устарели или негодны и при пересмотре их есть полная возможность навести экономию.

По вопросам снабжения и ведения хозяйства войска руководствуются большим количеством приказов НКО, вышедших за истекшие два десятилетия. Большое количество частей, особенно из числа сформированных за последние годы, этих приказов не имеют.

Нет положения о правах, обязанностях и персональной ответственности командиров частей и соединений за хозяйственное состояние части, за утрату, порчу, разбазаривание и незаконное использование государственных средств.

2. ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЕ СНАБЖЕНИЕ АРМИИ. Текущее снабжение войск продовольствием и фуражом проходит без перебоев. Имеющиеся в войсках неснижаемые переходящие запасы продфуража обеспечивают всю армию по основным продуктам на 15—30 дней.

Наркомат Обороны и промышленность не были подготовлены к войне для изготовления сухарей и концентратов. Упродснаб и Генштаб недооценили значения этих продуктов на снабжении армии.

В частях нет должного порядка в расходовании, учете и отчетности продовольствия и фуража.

3. ВЕЩЕВОЕ СНАБЖЕНИЕ КРАСНОЙ АРМИИ. Войска не были своевременно обеспечены вещевым имуществом по зимнему плану 1939—40 г. Отпуск обмундирования частям затянулся до января

1940 года. Вопросы обеспечения теплыми вещами (ушанки, перчатки, валенки) не были проработаны и не ставились своевременно Наркоматом Обороны.

Опыт войны показал, что Военные Советы и Начснабы округов не знают действительной обеспеченности и потребностей частей в вещевом имуществе.

Поэтому части отправлялись на фронт необеспеченными или обеспеченными сверх нормы по преувеличенным заявкам и бросали имущество при выступлении.

Хранение обмундирования и обуви в окружных складах и особенно в складах частей поставлено неудовлетворительно.

Обезличка в пользовании бельем после стирки и недостаточная требовательность командного состава к сбережению красноармейцами обмундирования, белья и обуви приводит к излишним расходам и преждевременному износу обмундирования и белья и снижению общего воинского вида.

Учет имущества запущен. В период больших учебных сборов во многих частях имущество НЗ было смешано с имуществом текущего довольствия. За время войны с Финляндией в учете наличия обозно-вещевого имущества в частях и довольствующих управлениях происходила путаница. Учет по приказу НКО №12 — 1940 г. в войсках еще не заведен.

Банно-прачечное обслуживание очень усложнено и требует упорядочения.

4. ОБОЗНО-ХОЗЯЙСТВЕННОЕ СНАБЖЕНИЕ КРАСНОЙ АРМИИ. Обеспечение колесным обозом армии находится в тяжелом состоянии. Производство колесного обоза систематически уменьшается.

Постановление СНК и ЦК ВКП(б) 1935 г. о создании фонда «Обороне — повозка с упряжью» не выполнено. Управление обозно-хозяйственного снабжения и ГУКА не контролировали и не добивались создания этого фонда.

Внедрение в шорно-седельном и др. производствах кожзаменителей (пост. СНК №039—35 г.) проводится слабо.

Содержание и хранение обозно-хозяйственного имущества в ряде частей поставлено плохо.

Вопросы снабжения горючим

1. Запасы горючего крайне низки.

Строительство бензоемкостей выполнено в совершенно недостаточных размерах вследствие систематического невыполнения Наркомстроем и другими строительными организациями плана строительства бензоскладов.

2. Войска исключительно слабо обеспечены тарой под горючее на военное время.

Транспортировка горючего с баз снабжения в места потребления крайне затруднена из-за не-

достатка тары и средств перевозки и заправки. Вероятные театры военных действий не имеют в достаточном количестве баз горючего, особенно для авиации.

3. Отмечается отсутствие бережного отношения к сбору и регенерации отработанных масел. Так, например, из авиамасел, полученных в 1939 году, было собрано и сдано на регенерацию только 2331 тонна, что составляет 30% подлежащего сдаче на регенерацию.

Борьба за экономное расходование горючего ведется слабо, вследствие чего имеется перерасход горючего по мирному времени.

По политическому управлению

1. Наиболее крупным недостатком политической работы в армии является то, что эта работа не была органически связана с задачами боевой подготовки, укрепления дисциплины в армии и поднятия авторитета командного состава.

2. Кадры руководящего политсостава недостаточно пополнялись выросшими молодыми политработниками.

Большая часть политсостава армии не имеет достаточной военной подготовки. Политуправление не определило, какими военными знаниями должен обладать политсостав разных степеней и до последнего времени не организовало военной подготовки всего политсостава.

В программе Военно-Политической Академии на военные дисциплины времени отведено недостаточно.

3. Указание Всеармейского совещания политработников 1938 г., утвержденное ЦК ВКП(б), о ликвидации в двухмесячный срок «вридства» в политсоставе Политуправление не выполнило.

Политуправление с 1938 г. не выполняет установленный порядок ежегодного делового и политического аттестования политсостава и подменило его получением справок формального характера.

4. Аттестованием кадров политсостава запаса Политуправление не занималось. Приписка политсостава запаса в связи с войной была нарушена, однако Политуправление недопустимо задерживает пересмотр приписки политсостава запаса и внесение в нее необходимых изменений.

5. В армии на 1.1.40 г. имелось кандидатов партии с просроченным стажем 64 797 чел., из них с 8-летним кандидатским стажем — 3135 человек и с 10-летним стажем — 226 человек.

6. Политуправление нарушает установленный ЦК ВКП(б) порядок выдачи в 10-дневный срок партдокументов принятым в ВКП(б) и затягивает эту выдачу на срок до года. До сих пор не выдано еще 9166 партбилетов и 16 729 кандидатских карточек. Политуправление нарушило трехмесячный срок отчетности и не отчиталось перед ЦК ВКП(б) за 211000 выданных партдокументов.

7. В политзанятиях с красноармейцами и начсоставом Политуправление упускало изучение сопредельных стран и их армий.

Политуправление не уделяло достаточного внимания работе среди войск и населения противника.

8. В директиве об осенней проверке политзанятий 1939 года Политуправление предложило оценку их производить по группам, причем давать оценку всей группе «отлично», если в группе имеется не менее 25% отличных, 35% хороших, 30% посредственных и не более 10% плохих оценок. Такое указание по существу неправильное и толкает на путь снижения требований.

9. По решению ЦК ВКП(б) в Политуправлении создано отделение по кадрам Осоавиахима. Это отделение по Осоавиахиму почти ничего не делает и привлекается Политуправлением для выполнения других работ.

Санитарная служба

Санитарная служба в Красной Армии, как показал опыт войны с белофиннами, оказалась недостаточно подготовленной. По вине Санитарного

Управления не хватало медицинских кадров, особенно хирургов, там, где они больше всего требовались.

Полевая подготовка медсостава кадра и запаса, особенно по вопросам военно-полевой хирургии, организации и тактики санитарной службы оказалась неудовлетворительной.

Вопросы эвакуации раненых с учетом своевременного возвращения легкораненых в строй требуют переработки.

Крупнейшим недостатком работы Санитарного Управления во время советско-финской войны было то, что оно стояло в стороне от дела захоронения убитых на поле боя.

Установленные нормы освежения медимущества не всегда соблюдались.

Военно-учебные заведения

Сеть высших военно-учебных заведений состоит из 16 военных академий и 10 военных факультетов, 132 сухопутных военных училищ и школ, 52 авиационных и авиатехнических училищ и школ, находящихся в ведении Управления высших военно-учебных заведений, Управления военно-учебных заведений и Управления военно-учебных заведений ВВС.

Крупным недостатком программ военных академий является то, что в этих программах отводится мало времени специальным дисциплинам, что отражается на качестве подготовки.

Новыми образцами вооружения военные академии и военные училища обеспечены недостаточно. В военных академиях и военных училищах отмечается низкая требовательность, имеет место завышение оценок.

Подготовка слушателей в военных академиях и курсантов в военных училищах имеет ряд существенных недостатков, из коих главными являются:

а) недостаточное знание материальной части;

б) недостаточность практических навыков;

в) слабое знание иностранных языков.

Военное изобретательство

Военное изобретательство, выделенное в самостоятельный отдел Наркомата Обороны, оторвано от Управлений, ведающих вопросами вооружения и технического снабжения. Вследствие этого ценные изобретения задерживаются внедрением в армию и своевременно не реализуются.

Отдел Изобретений занимается только рассмотрением поступающих изобретений, не имея возможности самостоятельно реализовать их.

Управления НКО по своей специальности не уделяют должного внимания поступающим изобретательским предложениям.

По управлению военного издательства

В плане выпуска книг Воениздатом необходимо предусмотреть издание литературы по таким актуальным вопросам боевой подготовки армии, как-то: по общей тактике, тактике мелких подразделений, службе штабов, службе тыла и по армиям сопредельных с нами стран, а также справочной литературы для начсостава специальных родов войск.

Аппарат Воениздата требует укрепления как путем освобождения его от негодных работников, так и пополнения квалифицированными военно-редакторскими кадрами.

Должна быть ликвидирована практика растранжиривания средств на всякого рода авансы авторам за ненаписанные труды и гонорары за недоброкачественные рукописи.

ПРИЛОЖЕНИЕ. Ведомость наличия основных видов вооружения по — состоянию на 1 мая 1940 года.*

СДАЛ — ПРИНЯЛ —
К. ВОРОШИЛОВ С. ТИМОШЕНКО
УЧАСТВОВАЛИ ПРИ СДАЧЕ И ПРИЕМЕ:
ЖДАНОВ
МАЛЕНКОВ
ВОЗНЕСЕНСКИЙ

В Акте приема и сдачи дел по Наркомату обороны была дана полная картина состояния боевой готовности Красной Армии накануне войны. Перечислены серьезнейшие недостатки в обеспечении обороноспособности Советского государства. Это были проблемы, которые, казалось, невозможно ликвидировать за несколько лет. Новый нарком обороны отчетливо видел все проблемы в армии и осознавал свои задачи по их устранению.

Боеспособность, боевая мощь армии и флота характеризуются несколькими составляющими, основные из которых являются:

- боевой и численный состав армии и флота;
- количество и качество вооружения и боевой техники, находящихся на оснащении войск;
- наличие и качество организационных структур, обеспечивающих использование боевых возможностей армии и флота в войне;
- степень стратегического развертывания вооруженных сил к началу войны;
- количество командных кадров.

Все эти составляющие боеспособности армии и флота выражают

их потенциальные возможности выполнять стоящие перед ними задачи в войне.

Все они тесно взаимосвязаны между собой и требуют рассмотрения в едином комплексе. Боеспособность вооруженных сил не является категорией абстрактной. Она непременно должна оцениваться в сравнении с соответствующими компонентами боеспособности вооруженных сил противника. При этом в случае участия в войне коалиционных группировок войск и сил флота, особенно на одних и тех же театрах военных действий, оценка боеспособности вооруженных сил делается с учетом совокупной мощи армий союзников.

В результате прогнозирования характера будущей войны, главные события которой предполагались на континентальных театрах военных действий, в фашистской Германии, у её союзников, а также в СССР основу вооруженных сил составляли сухопутные войска и авиация. Военно-морским силам (флотам) отводилась содействующая роль в решении задач войны на континенте. Поэтому представляется целесообразным остановиться на анализе боеспособности именно этой основной части их вооруженных сил.

БОЕВОЙ И ЧИСЛЕННЫЙ СОСТАВ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ ГЕРМАНИИ, ЕЕ СОЮЗНИКОВ И СССР К НАЧАЛУ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941-1945 гг.

Готовясь к нападению на Советский Союз, фашистское руководство использовало не только экономическую и военную мощь Германии, восстановленную после I мировой войны с помощью международных монополий, но и людские и экономические ресурсы многих стран Европы. Кроме оккупированных ранее государств, за год и девять месяцев до июня 1941 г. только присоединенные к Германии территории увеличились на 217 тыс. кв. км, а население возросло более чем на 27 млн. человек.

Вермахт, таким образом, получил с военной техникой и материальными запасами 92 французских, 30 чехословацких, 22 бельгийских, 18 голландских, 6 норвежских и ряд других дивизий. Несколько немецких соединений были оснащены трофейной, преимущественно французской автомобильной техникой. В частности, только во Франции было захвачено 3 тыс. самолетов и свыше 3,5 тыс. танков. Всего в оккупированных странах захвачено военной техники на 150 дивизий.

В ходе подготовки к нападению на СССР фашистская Германия существенно обновила вооружение и технику. Из войск почти полно-

▲ Фашисткие палачи

стью были изъяты устаревшие танки, а на других машинах установлены пушки большего калибра. Шло активное создание новых образцов военной техники.

Германия также сумела создать для себя выгодное стратегическое положение. Этому способствовали ослабление Англии, разгром Франции и поражение ряда других европейских государств. Оккупировав Чехословакию и разгромив польские вооруженные силы, Германия получила возможность развернуть ударные группировки в непосредственной близости к границам Советского Союза в полосе предстоящего наступления. Обеспечены были также и фланги на севере и юге.

Фашистское военное командование в основу своего стратегического замысла войны против СССР положило идею проведения сокрушительных молниеносных ударов на широком фронте и на большую глубину. Разгром Советских Вооруженных Сил планировалось осуществить в короткие сроки — в течение 5-6 месяцев.

Вооруженные силы фашистской Германии перед нападением на Советский Союз насчитывали 8,5 млн. чел. В сухопутных войсках (5,2 млн. чел.) имелось 179 пехотных и кавалерийских, 35 моторизованных и танковых дивизий и 7 бригад. Из них были развернуты против СССР 119 пехотных и кавалерийских (66,5%), 33 моторизованных и танковых (94,3%) дивизий и две бригады. Кроме того у границ Советского Союза приводились в боевую готовность 29 дивизий и 16 бригад союзников Германии — Финляндии, Венгрии и Румынии. Всего в восточной группировке войск фашистской Германии и ее союзников насчитывалось 5,5 млн. человек, 47,2 тыс. орудий и минометов, 4,3 тыс. танков и около 5 тыс. боевых самолетов. На вооружении Вермахта находились также трофейные танки Чехословакии и Франции.

В Советских Вооруженных силах к началу войны имелось 303 дивизии и 22 бригады, из которых в западных военных округах (ЛенВО. ПрибВО, ЗапВО, КОВО, ОдВО) размещались 166 дивизий и 9 бригад. В них насчитывалось 2,9 млн. человек, 32,9 тыс. орудий и минометов (без 50-мм), 14,2 тыс. танков, 9,2 тыс. боевых самолетов. Это немногим более половины всего боевого и численного состава Красной Армии и Военно-Морского Флота. А всего к июню 1941 г. в армии и на флоте в наличии было — 4,8 млн. человек личного состава, 76,5 тыс. орудий и минометов (без 50 мм минометов), 22,6 тыс. танков, около 20 тыс. самолетов. Кроме того, в формированиях других ведомств, состоявших на довольствии в НКО, находилось 74 944 человек; находилось в войсках (силах) на «Больших учебных сборах» 805 264 военнообязанных, которые были включены в списочную численность войск (сил) с объявлением мобилизации.

Группировка войск противника, сосредоточенная у границы с СССР, превосходила советские войска западных военных округов по личному составу в 1,9 раза, по тяжелым и средним танкам — в 1,5 раза, по боевым самолетам новых ти-

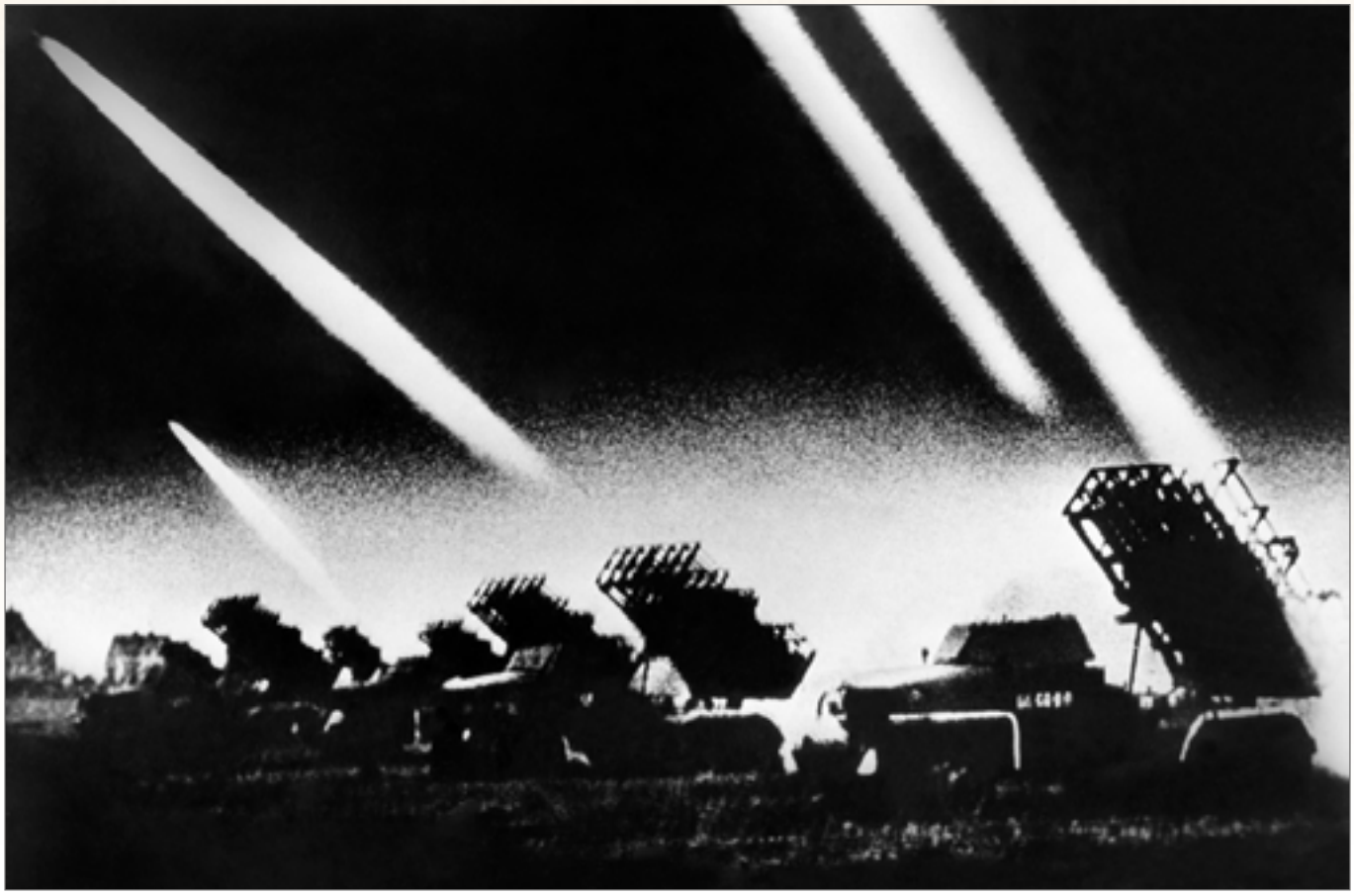
пов — в 3,2 раза. Хотя всего самолетов и танков в Красной Армии было больше.

Фашистская Германия и ее союзники превосходили группировку войск СССР у западных границ по количеству дивизий, численности личного состава и уступали по количеству танков (почти в 3,3 раза) и боевых самолетов (в 1,6 раза). Тем не менее, общее превосходство с учетом всех показателей, было в пользу Германии в 1,2 раза. С выдвижением к западным границам шести армейских объединений, имевших в своем составе 57 дивизий, можно было бы ожидать получение превосходства над противником, однако на их подход и развертывание требовалось не менее месяца.

Следует учесть также, что приводимое нами количество соединений, имевшихся в вооруженных силах СССР и Германии перед началом войны, не отражает в полной мере действительного соотношения сил сторон. Выдвинутые к западным границам СССР немецкие дивизии были полностью укомплектованы по штатам военного времени (14-16 тыс. человек в пехотной дивизии). Советские же стрелковые соединения встретили войну с большим недокомплектом личного состава и боевой техники. Например, подавляющая часть стрелковых дивизий при штатной численности 14,5 тыс. человек фактически имела по списку от 5-6 тыс. до 8-9 тыс. человек. Наиболее слабой их стороной была низкая оснащенность средствами связи, противотанковой и противовоздушной обороны.

Важнейшей составной частью боеспособности являются количество и качество вооружения и военной техники. Ударные и маневренные возможности войск, разнообразие и эффективность применяемых ими способов боевых действий обуславливаются уровнем их технической оснащенности. Перед нападением на СССР после кампаний в Западной Европе и Польше на оснащении германского вермахта были оставлены образцы вооружения и техники, показавшие наилучшую эффективность в боевых действиях, проведена модернизация ряда выпускавшихся видов вооружения, вся техника отремонтирована и ее ресурс доведен до необходимого уровня к успешному применению в войне.

В Советском Союзе при подготовке Красной Армии к защите от возможного нападения извне также уделялось большое внимание ее техническому оснащению. Однако качественное состояние ее вооружения уступало германскому. В Советских Вооруженных Силах, в том числе и в западных военных округах, армиях резерва Главного командования, выдвигавшихся к западным границам, находилось большое количество вооружения и военной техники устаревших образцов

▲ Катюши

▲ Ил-2

или с недостаточно высокими тактико-техническими характеристиками, нуждавшихся в капитальном и среднем ремонте. Объясняется это тем, что начавшееся в конце 20-х и начале 30-х годов XX в. развитие индустриальной и научно-технической базы страны не позволяло сразу конструировать и производить наиболее качественные образцы вооружения. За 10-12 лет до войны в СССР было выпущено большое количество оружия и боевой техники, которые быстро устаревали, отставали от требований времени. Их нужно было снимать с оснащения армии и заменять новыми. Однако оборонные отрасли не справлялись с этим. В то же время происходило увеличение количества танковых, артиллерийских, авиационных формирований, особенно после 1939 г. с переходом на комплектование армии по закону о всеобщей воинской обязанности и в условиях нарастания угрозы войны. Устаревшие образцы боевой техники оставались в вооруженных силах и направлялись на оснащение новых формирований.

Большой ущерб в объективной оценке качества технической оснащенности Красной Армии нанесло «Наставление по учету и отчетности в Красной Армии», введенное приказами НКО в январе 1940 г. По этому наставлению всё вооружение и имущество делились на пять категорий, первые две которых относились к боеготовой группе. При этом требования и к имуществу, и к боевой технике были одинаковы. По такой мерке, например, танки БТ-2 и БТ-5 отнесены ко 2-й категории, хотя они за 5-6 лет до выхода в свет этого наставления были сняты с производства, не обеспечены ремонтным фондом и не обладали необходимым ресурсом для применения в войне. В авиации категорийность самолетов определялась без учета наличия подготовленного летного и технического состава.

В оценке боеспособности вооруженных сил важное место занимают наличие и качество организационных структур войск. Строительство и развитие вооруженных сил по видам, родам войск и службам, формирование объединений, соединений и частей по их боевому и оперативному предназначению ведется в интересах повышения управляемости, возможности создавать различные по составу группировки войск, сил и средств для выполнения боевых задач.

В зависимости от предполагаемых взглядов на войну, способов ее ведения определяется доля вооруженных сил в достижении оперативных и стратегических целей в войне, осуществляется строительство их видов. Накануне нападения фашистской Германии на СССР в наличии у воюющих сторон были все виды вооруженных сил для действий на земле, в воздухе и на море — сухопутные войска, военно-воздушные силы, военно-морской флот и для защиты с воздуха — войска ПВО.

В вооруженных силах Германии удельный вес военно-воздушных сил и войск ПВО был выше, чем в Красной Армии. Это свидетельствовало о том, что сухопутные группировки войск Германии на театрах военных действий могли прикрываться с воздуха и поддерживаться авиацией на суше в 1,5 раза сильнее, чем соответствующие войска Красной Армии.

Действующая армия Германии по опыту войн в Западной Европе во второй половине 30-х годов XX в. организационно состояла из:

- групп армий;
- полевых армий;
- танковых групп, позднее получивших наименование танковых армий;
- армейских и моторизованных корпусов, ряд из которых переименовывался в танковые.

Все эти структуры были переменными. Боевой состав войск и их численность определялись накануне войны, а в ходе ее — при планировании новых операций — в зависимости от сложности и важности задач, которые предстояло им решать.

Военно-воздушные силы Германии делились на воздушные флоты, которые взаимодействовали с группами армий или отдельными ар-

миями, и предназначались для их прикрытия и поддержки в ходе операций. Воздушные флоты также были непостоянного состава.

В Советских Вооруженных Силах с началом войны действующей армией становились войска приграничных военных округов, переименованных во фронты. В состав фронтовых объединений включались общевойсковые армии, стрелковые корпуса, входившие в армии или предназначенные действовать самостоятельно. Боевой состав и численность фронтовых и армейских объединений, а также стрелковых корпусов не был одинаковым, и зависел от важности решаемых ими боевых и оперативных задач.

В штатных структурах вооруженных сил Германии, ее союзников и СССР имелись дивизии — стрелковые (пехотные), кавалерийские, танковые, моторизованные и другие. Главной особенностью этих формирований являлось то, что они представляли собой основные тактические боевые единицы сухопутных войск, вооруженных сил в целом.

Важной составной частью боеспособности вооруженных сил является качество командных кадров и кадров армии вообще. Известно, что офицерский корпус называют становым хребтом, костяком вооруженных сил. Деятельностью офицеров претворяется в жизнь военная доктрина государства, осуществляются строительство и подготовка вооруженных сил, проявляется искусство применения их в войне.

В фашистской Германии военные кадры готовились, совершенствовались в условиях милитаризации страны и подготовки ее к осуществлению замыслов гитлеровского руководства по «завоеванию мирового господства», начиная с избавления от пут Версальского Договора при возрождении вермахта до практических действий по завоеванию стран Западной Европы, а затем подготовки к нападению на СССР. Офицеры и генералы вермахта во второй половине 30-х годов XX в. получили практику в тактическом, оперативном и стратегическом масштабах управления войсками, в организации их материального, технического и боевого обеспечения в реальных объемах и времени, требуемых войной, военными действиями.

Советские военные кадры в своей подавляющей части, за исключением участвовавших в советско-финляндской войне, в боях на реке Халхин-Гол и освободительном походе в Западную Украину и Западную Белоруссию, опытом управления войсками в боевых условиях или близким к ним не обладали. Таких в Красной Армии было около 75%.

На подготовку и качество советских военных кадров неблагоприятно влияло их быстрое продвижение по должностям без приобретения необходимого опыта пребывания на этих должностях.

Более 55% командных кадров перед войной находились на своих должностях менее, чем полгода и лишь четверть их можно считать имеющими опыт, которые занимали должности более одного года. Такое положение с кадрами сложилось из-за того, что с 1939 г. численность Красной Армии увеличилась почти

▲ Сталинград

▲ Жертвы нацистов

вдвое. В то же время происходило формирование танковых, авиационных, артиллерийских соединений, шло дальнейшее техническое оснащение Красной Армии, требовавшие перемещения кадров по должностям, в том числе из одного вида вооруженных сил или рода войск в другой.

Из-за необходимости назначать на вакантные должности большого количества командиров, многие из них занимали посты, особенно в тактическом звене, не имея даже военного образования (13,6%).

В подготовке военных кадров большое значение имеет понимание ими природы войны, характера возможных боевых действий, способов использования в них войск. До Великой Отечественной войны, в 30-е годы XX в. в Красной Армии в обучении войск преобладала наступательная тематика, особенно по теории глубоких операций и боев. По сути дела, это была передовая теория, но она значительно «опережала» реальное положение тех лет — уровень технической оснащенности войск, их подготовки, способность командных кадров управлять войсками в таких операциях. В то же время при обучении штабов, войск и военных кадров мало уделялось внимания организации и ведению обороны, боям в окружении и при отходе, фактически игнорировался важнейший принцип в планировании и ведении войны; готовя глубокие и решительные операции по разгрому противника, нельзя исключать подобных действий с его стороны, необходимости организации эффективного противодействия им. И в теории, и в практике руководящего состава Красной Армии, всех ее военных кадров оказался ошибочным взгляд и на развязывание войны фашистской Германией. «Внезапный переход в наступление в таких масштабах, притом сразу всеми имеющимися и заранее развернутыми на важнейших стратегических направлениях силами, — писал впоследствии Г.К. Жуков, — то есть характер самого удара, во всем объеме нами не был предусмотрен. Ни нарком, ни я, ни мои предшественники Б.М. Шапошников, К.А. Мерецков и руководящий состав Генерального штаба не рассчитывали, что противник сосредоточит такую массу бронетанковых и моторизованных войск и бросит их в первый же день мощными компактными группировками на всех стратегических направлениях с целью нанесения сокрушительных рассекающих ударов».

Следует подчеркнуть, что подобный способ развязывания войны Германия уже применяла при нападении на страны Западной Европы и Польшу. Было время его проанализировать, учесть в подготовке наших войск и военных кадров. К сожалению, этого сделано не было. И значительная часть военных кадров Красной Армии оказалась неподготовленной к управлению войсками в сложной обстановке.

Существенное место в боеспособности вооруженных сил принадлежит их стратегическому развертыванию перед войной. Степень стратегического развертывания вооруженных сил является концентрированным выражением их готовности организованно вступить в войну, реализовать заложенную в них боеспособность в решение задач, поставленных перед ними накануне и в ходе начавшейся войны. Стратегическое развертывание вооруженных сил представляет собой комплекс мероприятий по переводу существовавших в мирных условиях объединений, соединений, частей и учреждений в боевое состояние, отмобилизование их до уровня военного времени, формирование резервов, перемещение войсковых формирований на соответствующие стратегические направления (театры военных действий) с целью создания группировок войск (сил флота) и, наконец, их оперативное развертывание (занятие исходного положения) для выполнения задач по боевому и оперативному предназначению.

Своевременность и полнота проведения всех мероприятий по стратегическому развертыванию вооруженных сил обеспечивает успех их действий, особенно в начале войны, в ее первых операциях.

Фашистская Германия и ее союзники к 22 июня 1941 г. осуществили в полном объеме стратегическое развертывание своих группировок войск, их оперативное развертывание у западных границ СССР. Войскам и командному составу были поставлены конкретные задачи, какого противника (соединения, части), в каком месте, к какому времени разгромить (окружить, уничтожить), какой местностью овладеть и т. п. Это мероприятие венчало весь процесс стратегического развертывания всех группировок войск Германии и ее союзников, предназначенных для вторжения на территорию СССР. Они ожидали лишь сигнала на начало действий.

Нападение Германии застало Советские Вооруженные Силы в разгар стратегического развертывания, когда все его мероприятия были начаты, но ни одно к началу войны не завершилось. В наиболее тяжелом положении оказались Северо-Западный, Западный и Юго-Западный фронты (бывшие Прибалтийский, Западный и Киевский особые военные округа), войска которых приняли на себя с первых дней войны удары главных группировок войск противника — групп армий «Север», «Центр» и «Юг». Объединения, соединения и части на указанных направлениях должны были в наиболее полной мере осуществить оперативное развертывание, занять исходное положение для

▲ На Запад

▲ Москва, 1944 год

отражения ударов противника. Однако этого не было сделано. Из 75 стрелковых дивизий этих фронтов более трети находились в движении, совершали марши к новому месту дислокации или в районы сосредоточения, 20 дивизий требовали доукомплектования от 25 до 50%. Из 16 моторизованных корпусов, входивших также в состав этих фронтов, 13 находились в стадии доукомплектования личным составом, вооружением и техникой. При этом 4 корпуса не имели количества танков, необходимого даже для оснащения одной танковой или моторизованной дивизии. Например, из 1134 положенных по штату танков в 17-м механизированном корпусе было всего 63, а в 20-м мехкорпусе Западного фронта — 94.

Доукомплектования требовала авиация фронтов и армий. В ней недоставало не только новой материальной части, но и летного состава, обслуживающего персонала, аэродромов базирования.

Большая сложность в повышении боеспособности войск западных особых военных округов и в приведении их в соответствующую боевую готовность возникла в связи с высокой напряженностью развертывания новых формирований в целом в вооруженных силах. В 1941 г. предусматривалось сформировать четыре армейских управления, 19 стрелковых дивизий, 3 авиационных корпуса, 20 авиационных дивизий и дивизий ПВО, свыше 130 авиаполков и полков ПВО, большое число соединений, частей и подразделений различных родов войск и служб — автомобильных, инженерных, связи и других, а также завершить создание 16 механизированных корпусов. На их укомплектование требовалось около 1,5 млн. человек, более 10 тыс. танков, около 10 тыс. самолетов, десятки тысяч орудий, минометов, стрелкового оружия, автомобилей, тягачей.

Естественно, народное хозяйство без перевода его работы на режим военного времени справиться с этим не могло. Получаемые от оборонной промышленности вооружение и боевая техника в какой-то степени распылялись, чем тормозилось в целом стратегическое развертывание вооруженных сил, не вело к желаемому темпу повышения их боеспособности, как это требовалось обстановкой накануне войны.

Подводя итоги сравнительного анализа боеспособности вооруженных сил Германии и СССР накануне и в начале Великой Отечественной войны, следует отметить, что Советское правительство и военное руководство провели крупные мероприятия, направленные на повышение боеспособности Красной Армии. В количественном отношении Вооруженные Силы СССР по ряду пози-

ций превосходили армии Германии и ее союзников, но уступали противнику по качеству многих образцов вооружения, опыту и подготовке кадров, а также в стратегическом развертывании. Последний фактор говорит о том, что проходившее с отставанием от вермахта стратегическое развертывание Красной Армии не могло стать провокацией и тем более причиной для нападения на СССР. К тому же осуществлялось оно в ответ на возможное развязывание войны Германией уже изготовившимися группировками ее войск у границ Советского Союза.

Боеспособность Красной Армии в силу ряда объективных и субъективных причин тоже по большинству параметров оказалась ниже боеспособности вермахта и стала важнейшим фактором, обусловившим неудачи и поражения группировок Советских Вооруженных Сил в войне с Германией в 1941 г. и, в какой-то степени, в 1942 г.

Неимоверными усилиями военно-политического руководства, возглавляемого И. В. Сталиным, массовым героизмом и отвагой воинов Красной Армии и Военно-Морского Флота, напряженным и самоотверженным трудом советских людей в тылу был достигнут перелом в войне от тяжелейших неудач и поражений в первые годы войны к крупным победам и низвержению фашистской Германии.

Отмечая 24-ю годовщину создания Красной Армии, И. В. Сталин указал на недопустимость сравнений немецкого народа с режимом нацистской Германии. «Со всей уверенности можно сказать, что эта война приведет либо к раздроблению или к полному уничтожению гитлеровской клики. Смешны попытки идентифицировать весь немецкий народ и немецкое государство с этой кликой. Опыт истории говорит, что гитлеры приходят и уходят, а народ германский и государство германское остается. Сила Красной Армии состоит в том, что она не знает расовой ненависти, что представляет собой источник слабости Германии. Все свободолюбивые народы противостоят национал-социалистической Германии. Мы воюем с немецким солдатом не потому, что он немец, а потому что он выполняет приказ поработить наш народ».

Сильнейший, бесчеловечный враг всего за четыре месяца дошел до Москвы и вплоть до Курской битвы сохранял наступательные возможности. Перелом в войне и победа были результатом неимо-

▲ По логову врага

верного напряжения сил, массового героизма советских людей, изумлявших врагов и союзников. Идеей, вдохновлявшей бойцов на фронте и тружеников в тылу и умножающей их силу, была защита своего Отечества, как дела правого и справедливого. Коммунистическая партия имела настолько мощный авторитет, что смогла обеспечить единство воли и высокую исполнительность на всех ступенях общества, начиная от самых верхов власти и заканчивая простыми людьми: солдатами, рабочими, крестьянами. В 1943 году Уинстон Черчилль писал: «Ни одно правительство не устояло бы перед такими жесточайшими ранами, которые нанес Гитлер России. Но Советы не только выстояли и оправились от этих ран, но и нанесли германской армии удар такой мощи, какой не смогла бы нанести ей ни одна другая армия в мире».

Кто как воевал, кто, как страдал в войну, говорит такой пример: «Мы в США тоже переживали лишения. Ввели карточки на бензин для автомашин. Курицу не каждый день можно было купить» Единственная бомба, принесенная японским воздушным шаром и убившая шесть фермеров — против 1 710 разрушенных и сожженных советских городов и 70 000 деревень и сел.

В телеграмме генералу Д. Макартуру 6 мая 1942 года президент США Ф. Рузвельт писал «...С точки зрения большой стратегии.... Трудно уйти от того очевидного факта, что русские армии уничтожают больше солдат и вооружения противника, чем все остальные 25 государств объединенных наций вместе взятых».

Союзники СССР во II мировой войне проявили себя только в 1944 году, когда исход стал уже понятен, а до этого помогали нам поставками военной техники и продовольствия по ленд-лизу. Советник и доверенное лицо президента Ф. Рузвельта Гарри Гопкинс отмечал: «Мы никогда не считали, что наша помощь по ленд-лизу является фактором в советской победе над Гитлером на Восточном фронте. Она была достигнута героизмом и кровью русской армии».

Госсекретарь США Э. Стеттиниус говорил, что «За эту помощь русские уже заплатили цену, которая не поддается измерению в долларах или тоннах. Это миллионы немецких солдат, убитых или взятых в плен, нацистские танки, превращенные в груды железного лома на поле боя, пушки и грузовики, брошенные отступающими немецкими армиями».

И далее он же: «Если бы Советский Союз не смог удержать свой фронт, у немцев создалась бы возможность захвата Великобритании. Они могли бы также захватить Африку, и в этом случае им удалось бы создать свой плацдарм в Латинской Америке».

Решающий вклад Советского Союза в разгром нацистской Германии признавали идеологические противники СССР. «Главная заслуга

▲ Берлин, 1945 год

в разгроме гитлеровской Германии, несомненно принадлежит Советскому Союзу. На протяжении всей Второй мировой войны советско-германский фронт оставался главным. Именно здесь были разгромлены 507 дивизий вермахта и 100 дивизий союзников Германии».

Боевые действия Красной Армии за пределами территории СССР были освободительной миссией стран Европы от фашизма. Задача освобождения народов от фашизма с самого начала войны ставилась в качестве важнейшей. В выступлении по радио 3 июля 1941 года И. В. Сталин заявил: «Целью этой всенародной Отечественной войны против фашистских угнетателей является не только ликвидация опасности нависшей над нашей страной, но и помощь всем народам Европы, стонущим под игом германского фашизма. В этой освободительной войне мы не будем одинокими. Наша война за свободу нашего Отечества сольется с борьбой народов Европы и Америки за их независимость, за демократические свободы. Это будет единый фронт народов стоящих за свободу против порабощения со стороны фашистских армий Гитлера».

Под умелым руководством Верховного Главнокомандующего Красной Армии И. В. Сталина победа побудила в народе чувство национальной гордости и уверенности в свои силы.

Великая Отечественная война закончилась полной военно-политической, экономической и идеологической победой Советского Союза, предопределив исход Второй мировой войны в целом. Освобождение мира от угрозы фашистского порабощения стало главным военно-политическим событием XX века.

За победу советский народ заплатил огромную цену. За годы Великой Отечественной войны погибло и умерло 26,6 млн. наших соотечественников. Из них 8 668 400 человек составили потери армии и флота. Две трети людских потерь приходятся на мирное население. ■

С победой Советского Союза стремительно менялось положение стран на международной арене. Образовались новые центры влияния. Теперь основной силой запада стала Америка, а востока — Советский Союз. СССР превратился в великую державу, изменившую геополитическую обстановку в мире, которая в итоге вылилась в противостояние капитализма и социализма.

▲ Знамя Победы

ПАРАД ПОБЕДЫ 24 ИЮНЯ 1945 ГОДА

▲ Поверженные

Решение о проведении парада победителей было принято И. В. Сталиным вскоре после Дня Победы — 15 мая 1945 г. Заместитель начальника Генерального штаба генерал армии С. М. Штеменко вспоминал: «Верховный Главнокомандующий приказал нам продумать и доложить ему наши соображения о параде в ознаменование победы над гитлеровской Германией, при этом указал: «Нужно подготовить и провести особый парад. Пусть в нем будут участвовать представители всех фронтов и всех родов войск...».

24 мая И. В. Сталину были доложены предложения Генерального штаба по проведению Парада Победы. Их он принял, но не согласился со сроками проведения. В то время как Генштаб отводил на подготовку два месяца, Сталин приказал провести парад через месяц. В тот же день командующим войсками Ленинградского, 1-го и 2-го Белорусских, 1-го, 2-го, 3-го и 4-го Украинских фронтов была направлена директива за подписью начальника Генерального штаба генерала армии А. И. Антонова:

«Верховный Главнокомандующий приказал:

Для участия в параде в городе Москве в честь победы над Германией выделить от фронта сводный полк.

Сводный полк сформировать по следующему расчету: пять батальонов двухротного состава по 100 человек в каждой роте (десять отделений по 10 человек). Кроме того, 19 человек командного состава из расчета: командир полка — 1, заместителей командира полка — 2 (по строевой и по политической части), начальник штаба полка — 1, командиров батальонов — 5, командиров рот — 10 и 36 человек знаменщиков с 4 ассистентами-офицерами. Всего в сводном полку 1059 человек и 10 человек запасных.

В сводном полку иметь шесть рот пехоты, одну роту артиллеристов, одну роту танкистов, одну роту летчиков и одну роту сводную (кавалеристы, саперы, связисты).

Роты укомплектовать так, чтобы командирами отделений были средние офицеры, а в каждом отделении — рядовые и сержанты.

Личный состав для участия в параде отобрать из числа бойцов и офицеров, наиболее отличившихся в боях и имеющих боевые ордена.

Сводный полк вооружить: три стрелковые роты — винтовками, три стрелковые роты — автоматами, роту артиллеристов — карабинами за спину, роту танкистов и роту летчиков — пистолетами, роту саперов, связистов и кавалеристов — карабинами за спину, кавалеристов, кроме того, — шашками.

На парад прибыть командующему фронтом и всем командирам, включая авиационные и танковые армии.

Сводному полку прибыть в Москву 10 июня 1945 г., имея при себе 36 боевых знамен, наиболее отличившихся в боях соединений и частей фронта, и все захваченные в боях знамена противника независимо от их количества. Парадное обмундирование для всего состава полка будет выдано в Москве».

На парад предполагалось вывести десять сводных полков фронтов и сводный полк Военно-Морского Флота. К участию в нем привлекались также слушатели военных академий, курсанты военных училищ и войска Московского гарнизона, а также военная техника, в том числе авиация.

На фронтах немедленно приступили к формированию и укомплектованию сводных полков. Личный состав их отбирался с особой тщательностью. Первыми кандидатами становились те, кто проявил в боях мужество и героизм, храбрость и воинское мастерство. Немаловажное значение имел и рост. Так, в приказе по войскам 1-го Белорусского фронта от 24 мая 1945 г. указывалось, что рост должен быть не ниже 176 см, а возраст — не старше 30 лет. В конце мая были сформированы сводные полки фронтов пятибатальонного состава.

Командирами сводных полков были назначены:

- от Карельского фронта — генерал-майор Г. Е. Калиновский
- от Ленинградского — генерал-майор А. Т. Стученко

▲ Карельский фронт

▲ Ленинградский фронт

- от 1-го Прибалтийского — генерал-лейтенант А. И. Лопатин
- от 3-го Белорусского — генерал-лейтенант П. К. Кошевой
- от 2-го Белорусского — генерал-лейтенант К.М Эрастов
- от 1-го Белорусского — генерал-лейтенант И. П. Рослый
- от 1-го Украинского — генерал-майор Г. В. Бакланов
- от 4-го Украинского — генерал-лейтенант А. Л. Бондарев
- от 2-го Украинского — гвардии генерал-лейтенант И. М. Афонин
- от 3-го Украинского — гвардии генерал-лейтенант Н. И. Бирюков.

В большинстве своем это были командиры корпусов. Сводный полк ВМФ возглавил вице-адмирал В. Г. Фадеев.

Хотя директивой Генерального штаба численный состав каждого сводного полка определялся в количестве 1059 человек при 10 запасных, в ходе комплектования он увеличился до 1465 человек, но при том же количестве запасных.

В весьма сжатые сроки требовалось решить множество проблем. Так, если слушатели военных академий, курсанты военных училищ столицы и воины Московского гарнизона, которым 24 июня предстояло пройти по Красной площади, имели парадное обмундирование, регулярно занимались строевой подготовкой, а многие участвовали и в первомайском параде 1945 года, то с подготовкой более чем 15 тыс. фронтовиков все обстояло иначе. Их нужно было принять, разместить, подготовить к параду. Самым сложным было вовремя управиться с пошивом парадного обмундирования. Тем не менее, швейные фабрики Москвы и Подмосковья, приступившие в конце мая к его пошиву, сумели справиться с этой нелегкой задачей. К 20 июня все участники парада были одеты в парадное обмундирование нового образца.

Еще одна проблема возникла в связи с изготовлением десяти штандартов, под которыми должны были выйти на парад сводные полки фронтов. Выполнение столь ответственного задания было возложено на подразделение московских военных строителей, которым командовал инженер-майор С. Максимов. Над изготовлением образца они трудились круглосуточно, но он

был забракован. А ведь до парада оставалось около десяти дней. Было принято решение обратиться за помощью к специалистам художественно-производственных мастерских Большого театра. К изготовлению штандартов были привлечены начальник художественно-бутафорского цеха В. Терзибашьян и начальник слесарно-механического цеха Н. Чистяков. Совместно с ними сделали новый эскиз оригинальной формы. На вертикальное дубовое древко с серебряным венком, обрамлявшим золотую пятиконечную звезду, крепился горизонтальный металлический штырь с «золотыми» шпилями на концах. На нем подвешивалось двустороннее алое бархатное полотнище штандарта, окаймленное золотой узорчатой ручной вязью и наименованием фронта. По сторонам спадали отдельные тяжелые золотые кисти. Образец был сразу одобрен, а мастера завершили работу даже досрочно.

Нести штандарты во главе сводных полков поручили лучшим из лучших фронтовиков. И тут не все пошло гладко. Дело в том, что в собранном виде штандарт весил более 10 кг. Не каждый мог пройти по Красной площади строевым шагом, держа его на вытянутых руках. Как всегда бывает в таких случаях, на выручку пришла народная смекалка. Знаменосец конного полка И. Лучанинов припомнил, как крепится развернутое ножовое знамя на марше. По этому образцу, но применительно к пешему строю, шорно-седельная фабрика за двое суток изготовила особые портупеи, перекинутые на широких ремнях через левое плечо, с кожаным стаканом, в котором крепилось древко штандарта. А многие сотни орденских лент, венчавших древки 360 боевых знамен, которые нужно было пронести по Красной площади во главе сводных полков, были изготовлены в мастерских Большого театра. Каждое знамя представляло воинскую часть или соединение, отличившееся в боях, а каждая из лент знаменовала коллективный подвиг, отмеченный боевым орденом. Большинство знамен были гвардейскими.

К 10 июня в Москву стали прибывать специальные поезда с участниками парада. Личный состав размещали в Чернышевских, Алешинских, Октябрьских и Лефортовских казармах, в городках Хлебниково, Болшево, Лихоборы. В составе сводных полков воины приступили к строевым занятиям и тренировкам на Центральном аэродроме имени М. В. Фрунзе. Проводились они ежедневно по шесть-семь часов. Интенсивная подготовка к параду требовала от его участников напряжения всех физических и моральных сил. Заслуженные герои не получали никаких послаблений.

Для принимающего парад и командующего парадом заблаговременно подобрали коней: маршалу Г. К. Жукову— белого светло-серой масти терской породы по кличке «Кумир», маршалу К. К. Рокоссовскому — вороного караковой масти по кличке «Полюс».

Период подготовки к параду ознаменовался особо радостным и волнующим для его участников событием — вручением наград. 24 мая 1945 г. заместитель председателя Президиума Верховного Совета СССР Н. М. Шверник вручил маршалам Г. К. Жукову, И. С. Коневу, Р. Я. Малиновскому, К. К. Рокоссовскому и Ф. И. Толбухину ордена «Победа». 12 июня М. И. Калинин вручил

▲ Прибалтийский фронт

▲ 1-й Белорусский фронт

Жукову третью «Золотую Звезду», а Рокоссовскому и Коневу — вторую. Одновременно эту награду получили И. Х. Баграмян и А. И. Еременко. Начиная с 10 июня 1945 г. медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», учрежденной 9 мая 1945 г., первыми в Вооруженных Силах были награждены фронтовики — участники Парада Победы. Попутно проводился обмен орденов и медалей, имевших дефекты, а также врученных еще в 1941-1943 гг., на новые, появившиеся после введения в 1943 г. орденских планок.

По указанию Генерального штаба в Москву из частей 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов (из Берлина и Дрездена) доставили около 900 единиц трофейных знамен и штандартов. Принимал их в спортзале Лефортовских казарм командир 181-го стрелкового полка 291-й стрелковой дивизии полковник А. К. Коркишко. 200 знамен и штандартов, отобранных затем специальной комиссией, были помещены в специальную комнату и взяты под охрану управлением военного коменданта Москвы. В день Парада Победы их на крытых грузовых машинах доставили на Красную площадь и вручили личному составу парадной роты «носильщиков».

Из воинов-фронтовиков сводных полков 10 июня была сформирована рота (10 шеренг, а в шеренге — 20 человек). Располагалась она в парадном строю напротив храма Василия Блаженного. На строевом плацу, где начались тренировки, фронтовики выглядели далеко не лучшим образом, но ведь требовались асы, а не просто строевики. Дело пошло, когда по предложению коменданта г. Москвы генерал-лейтенанта К. Синилова командиром назначили превосходного строевика — старшего лейтенанта Д. Вовка, заместителя командира роты почетного караула. Тренировались с палками-распорками от солдатских палаток длиной 1,8 м. Но одни не выдерживали таких физических нагрузок, у других никак не ладилось со строевой подготовкой. Пришлось провести частичную замену. В состав роты включили группу рослых воинов 3-го полка дивизии имени Ф. Э. Дзержинского. С их помощью началась одиночная строевая подготовка. Кавалер двух орденов Славы С. Шипкин вспоминал: «Нас муштровали, как новобранцев, гимнастерки не просыхали от пота. Но нам было по 20-25 лет, и огромная радость победы легко брала верх над усталостью. Занятия шли на пользу, и мы искренне благодарны были ребятам-дзер-

▲ 2-й Белорусский фронт

▲ 3-й Белорусский фронт

жинцам». Ко дню парада рота была подготовлена. 21 июня, поздним вечером, маршал Г. К. Жуков на Красной площади экзаменовал подготовку «носильщиков» и остался доволен.

К сожалению, не все «сдали экзамен» на генеральной репетиции. По замыслу организаторов, шествие войск должно было начаться с выноса Знамени Победы, которое доставили в Москву 20 июня из Берлина. Но из-за слабой строевой выучки С. А. Неустроева, М. А. Егорова и М. В. Кантарии маршал Г. К. Жуков принял решение не выносить его на парад.

За два дня до парада, 22 июня, за подписью Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза И. В. Сталина был издан приказ № 370:

«В ознаменование победы над Германией в Великой Отечественной войне назначаю 24 июня 1945 года в Москве на Красной площади парад войск Действующей армии, Военно-Морского Флота и Московского гарнизона — Парад Победы.

На парад вывести сводные полки фронтов, сводный полк Наркомата Обороны, сводный полк Военно-Морского Флота, военные академии, военные училища и войска Московского гарнизона.

Парад Победы принять моему заместителю Маршалу Советского Союза Жукову.

Командовать Парадом Победы Маршалу Советского Союза Рокоссовскому.

Общее руководство по организации парада возлагаю на командующего войсками Московского Военного Округа и начальника гарнизона города Москвы генерал-полковника Артемьева».

И вот наступило утро 24 июня 1945 г., пасмурное и дождливое. Вода стекала по каскам и обмундированию построенных к 8 часам сводных полков фронтов, слушателей военных академий, курсантов военных училищ и войск Московского гарнизона. К девяти часам гранитные трибуны у Кремлевской стены были до отказа заполнены депутатами Верховного Совета СССР и РСФСР, работниками наркоматов, деятелями культуры, участниками юбилейной сессии Академии наук СССР, тружениками московских заводов и фабрик, иерархами Русской православной церкви, иностранными дипломатами и многочисленными зарубежными гостями. В 9 часов 45 минут под аплодисменты собравшихся на Мавзолей поднялись члены Политбюро ЦК ВКП во главе с И. В. Сталиным.

Командующий парадом К. К. Рокоссовский на вороном коне под пунцовым чепраком занял место для движения навстречу принимающему парад Г. К. Жукову. Ровно в 10 часов, с боем кремлевских курантов,

▲ 1-й Украинский фронт

Г. К. Жуков на белом коне выехал на Красную площадь. Впоследствии он так вспоминал о первых минутах исторического Парада: «Без трех минут десять. Я был на коне у Спасских ворот. Отчетливо слышу команду: «Парад, смирно!» Вслед за командой прокатился гул аплодисментов. Часы отбивают 10.00... Грянули мощные и торжественные звуки столь дорогой для каждой русской души мелодии «Славься!» М. И. Глинки. Затем сразу воцарилась абсолютная тишина, раздались четкие слова команды командующего парадом Маршала Советского Союза К. К. Рокоссовского...».

В 10 часов 5 минут начался объезд войск. Г. К. Жуков поочередно здоровался с воинами сводных полков и поздравлял участников Парада с победой над Германией. Могучее «Ура» громом разносилось над Красной площадью. Объехав войска, маршал поднялся на трибуну. По поручению ЦК партии и советского правительства Георгий Константинович поздравил советский народ и его доблестные Вооруженные Силы с победой. После этого торжественно прозвучал Гимн Советского Союза в исполнении 1400 военных музыкантов, раздались 50 залпов артиллерийского салюта, и над площадью разнеслось троекратное «Ура!».

Торжественный марш победителей открыл командующий парадом Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский. Вслед за ним шла группа юных барабанщиков — воспитанников 2-й Московской военно-музыкальной школы, за ними следовал сводный полк Карельского фронта во главе с командующим его войсками маршалом К. А. Мерецковым, а затем сводные полки фронтов в том порядке, в каком располагались они во время войны, с севера на юг — от Баренцева моря до Черного. За Карельским фронтом шествовал сводный полк Ленинградского фронта во главе с маршалом Л. А. Говоровым. Далее сводный полк 1-го Прибалтийского фронта во главе с генералом армии И. Х. Баграмяном. Перед сводным полком 3-го Белорусского фронта шел маршал А. М. Василевский. Сводный полк 2-го Белорусского фронта вел заместитель командующего войсками фронта генерал-полковник К. П. Трубников. Впереди сводного полка 1-го Белорусского фронта также шел заместитель командующего войсками генерал армии В. Д. Соколовский. В составе полка была и группа воинов Войска Польского, которую возглавлял генерал брони В. В. Корчиц. Затем следовал сводный полк 1-го Украинского фронта во главе с маршалом И. С. Коневым. Сводный полк 4-го Украинского фронта вел генерал армии А. И. Еременко. За ним следовал сводный полк 2-го Украинского фронта со своим командующим маршалом Р. Я. Малиновским. И, наконец, самый южный из фронтов — 3-й Украинский во главе с маршалом

Ф. И. Толбухиным. Замыкал шествие сводных полков фронтов сводный полк Наркомата Военно-Морского Флота во главе с вице-адмиралом В. Г. Фадеевым.

Гигантский оркестр численностью 1400 музыкантов сопровождал движение войск. Каждый сводный полк проходит под свой боевой марш почти без пауз. И вдруг оркестр смолк, и в этой тишине начали бить 80 барабанов. Вперед вышла особая рота с двумя сотнями вражеских знамен. Полотнища их почти волочились по мокрой брусчатке площади. У подножья Мавзолея находились два деревянных помоста. Поравнявшись с ними, бойцы делали поворот направо и с силой бросали на них гордость третьего рейха. С глухим стуком падали древки. Полотнища устилали помост. Трибуны взорвались аплодисментами. Дробь барабанов продолжалась, и перед Мавзолеем росла гора предаваемых позору вражеских знамен. И с годами не меркнет этот полный глубокого смысла акт, запечатленный в фотографиях, плакатах, картинах, увековеченный в книгах и фильмах.

Но вот опять заиграл оркестр. На площадь вступили части Московского гарнизона во главе с командующим войсками Московского военного округа генерал-полковником П. А. Артемьевым. За ним — сводный полк Наркомата обороны, слушатели военных академий и курсанты военных училищ. В черно-красной форме и белых перчатках замыкали шествие воспитанники суворовских училищ. Затем мимо трибун рысью прошла сводная конная бригада во главе с генерал-лейтенантом Н. Я. Кириченко, проехали расчеты зенитных установок на машинах, батареи противотанковой и крупнокалиберной артиллерии, гвардейские минометы, мотоциклисты, бронемашины, машины с десантниками. Парад техники продолжили танки Т-34 и ИС, самоходные артиллерийские установки. Завершился парад на Красной площади прохождением сводного оркестра. Он длился 2 часа (122 минуты) под проливным дождем, но тысячи людей, заполнивших Красную площадь, казалось, не замечали его. Однако пролет авиации над Красной площадью и демонстрация трудящихся столицы из-за непогоды были отменены. К вечеру дождь прекратился, и на улицах Москвы продолжился праздник. На площадях гремели оркестры. А вскоре небо над городом озарилось праздничным салютом. В 23 часа из 100 аэростатов, поднятых зенитчиками, залпами полетели 20 тыс. ракет. Так завершился тот исторический день. 25 июня 1945 г. в Большом Кремлевском дворце состоялся прием в честь участников Парада Победы.

Военный парад 24 июня 1945 г. — это триумф народа-победителя, военного искусства советских полководцев, всех Вооруженных Сил, их боевого духа. В нем приняли участие 24 маршала, 249 генералов, 2536 других офицеров, 31 116 сержантов и солдат.

▲ 2-й Украинский фронт

▲ 4-й Украинский фронт

Материал подготовлен Научно-исследовательским институтом (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации

ПЕРЕЧЕНЬ ЧАСТЕЙ, ВЫХОДИМЫХ НА ПАРАД

Наименование части	Кол-во рот, эскадронов	Кол-во людей
1. Пехота		
1-й фронтовой полк Карельского фронта	**8**	**859**
2-й фронтовой полк Ленинградского фронта	**14**	**1468**
3-й фронтовой полк 1-го Прибалтийского фронта	**14**	**1468**
4-й фронтовой полк 3-го Белорусского фронта	**14**	**1468**
5-й фронтовой полк 2-го Белорусского фронта	**14**	**1468**
6-й фронтовой полк 1-го Белорусского фронта	**14**	**1468**
7-й фронтовой полк 1-го Украинского фронта	**14**	**1468**

Наименование части	Кол-во рот, эскадронов	Кол-во людей
8-й фронтовой полк 4-го Украинского фронта	**14**	**1468**
9-й фронтовой полк 2-го Украинского фронта	**14**	**1468**
10-й фронтовой полк 3-го Украинского фронта	**14**	**1468**
Сводный полк НК ВМФ	**10**	**1062**
Знамена бывшей германской армии	—	**200**
Полк НКО	**6**	**616**
Академия им. М. В. Фрунзе	**6**	**616**
Академия им. Ф. Э. Дзержинского	**4**	**413**
Академия БТ и МВ КА им. И. В. Сталина	**10**	**1022**
Академия командного и штурманского состава ВВС КА	**4**	**413**
Военно-воздушная академия им. Н. Е. Жуковского	**8**	**819**
Высшие всеармейские ВПК ГЛАВПУР КА	**8**	**819**
Краснознаменная высшая развед. школа ГШ КА	**6**	**616**
Военно-инженерная академия им. В. В. Куйбышева	**4**	**413**
Академия химзащиты им. К. Е. Ворошилова	**4**	**413**
Курсы усовершенствования офиц. состава ВДВ КА	**4**	**413**
Институт иностранных языков	**4**	**413**
Артиллерийское училище им. Л. Б. Красина	**4**	**413**

▲ ИС2

Наименование части	Кол-во рот, эскадронов	Кол-во людей
Военно-пехотное училище им. Верх. Совета РСФСР	4	413
Авиаучилище связи	6	616
Военно-политическое училище им. В. И. Ленина	8	819
Военно-инженерное училище	6	616
Калининское училище технических войск КА	4	413
Училище технических войск им. В. Р. Менжинского	4	413
Кремлевский полк	4	413
1-я дивизия мсд войск НКВД	24	2464
2-я дивизия мсд войск НКВД	10	1022
Суворовские училища	8	819
Центральная школа дрессировщиков	4	301
ИТОГО	**298**	**31041**
2. Конница		
Сводный кавполк:		
— Высшая кавшкола им. С. М. Буденного	2. эск.	160
— Новочеркасское училище (г. Подольск)	4 эск.	308
Кавполк НКВД	7 эск.	580
ИТОГО	**13 эск.**	**1048**

▲ Пехота

▲ Катюши

3. Артиллерия

Наименование части	Кол-во батарей	Кол-во орудий	Вид тяги
1-я пулеметная дивизия	8	пулем. ДШК — 64	автомашин — 34
89-я дивизия МЗА	8	25 мм — 32	автомашин — 34
91-я дивизия МЗА	8	37 мм — 32	автомашин — 34
1-я гв. зенитная арт. дивизия	8	85 мм — 32	автомашин — 34
54-я зенитная арт. дивизия	8	85 мм — 32	автомашин — 34
2-я прожекторная дивизия	8	прожект. — 24 звукоулав. — 8	автомашин — 34
97-й гв. минометный полк ГМЧ	9	М-8 — 12 М-13 — 24	автомашин — 50
40-я гв. минометная бригада ГМЧ	6	М-31-12 — 24	автомашин — 34
636-й истребительно-противотанковый арт. полк	9	45 мм — 12 57 мм — 24	автомашин — 38
Артполк 1 мсд	12	76 мм — 48	автомашин — 50
46-й минометный полк	6	120 мм — 24	автомашин — 26
64-й минометный полк	6	160 мм — 24	автомашин — 26
54-я истребительная противотанковая арт. бригада	10	100 мм — 40	автомашин — 42

▲ САУ-100

Наименование части	Кол-во батарей	Кол-во орудий	Вид тяги
Арт. полк 2 мсд	6	122 мм — 24	автомашин - 26
989-й гаубичн. арт. полк	6	122 мм —12 152 мм — 12	автомашин - 26
Арт. полк 3 ЛАУ	5	122 мм — 20	тракторов - 20 автомашин - 2
Арт. полк РАУ	5	152 мм — 20	тракторов - 20 автомашин - 2
Арт. бригада БМ	15	152 мм — 6 203 мм — 24	тракторов - 38 автомашин - 2 автоприцепов - 8
Арт. бригада ОМ	8	210 мм — 2 280 мм — 12 305 мм — 2	тракторов - 30 автомашин - 2 автоприцепов - 6
ИТОГО	151	орудий — 386 установок ГМЧ — 60 пулеметов ДШК — 64 прожекторов — 24 звукоулавлив. — 8 минометов — 48 ВСЕГО — 590	автомашин - 530 тракторов - 108 прицепов - 14 ВСЕГО - 652

4. Бронетанковые и механизированные войска

Наименование	Кол-во машин	Кол-во людей
Батальон мотоциклов М-72	**169**	**507**
Батальон бронемашин БА-64	**76**	**152**
Полк мотопехоты	**101**	**1721**
Батальон ВДВ	**51**	**904**
Полк СУ-76	**41**	**164**
Бригада ТО-34	**51**	**216**
Полк СУ-100	**41**	**164**
Полк ИС	**41**	**164**
Полк ИСУ-122	**21**	**105**
Полк ИСУ-152	**21**	**105**
ИТОГО	613	4202

Комендант города Москвы
генерал-лейтенант Синилов

▲ Т-34

СПИСОК КОМАНДИРОВ ЧАСТЕЙ НА ПАРАДЕ ПОБЕДЫ

Наименование части	Кто ведет
1-й Белорусский полк	генерал-лейтенант Рослый Иван Павлович
1-й Украинский полк	генерал-майор Бакланов Глеб Владимирович
2-й Белорусский полк	генерал-лейтенант Эрастов Константин Максимович
Ленинградский полк	генерал-майор Стученко Андрей Трофимович
2-й Украинский полк	генерал-лейтенант Афонин Иван Михайлович
3-й Украинский полк	генерал-лейтенант Бирюков Николай Иванович
3-й Белорусский полк	генерал-лейтенант Кошевой Петр Кириллович
Прибалтийский полк	генерал-лейтенант Лопатин Антон Иванович
Карельский полк	генерал-майор Калиновский Григорий Евстафьевич
4-й Украинский полк	генерал-лейтенант Бондарев Андрей Леонтьевич
Сводный полк НКВМФ	вице-адмирал Фадеев Владимир Георгиевич
Полк Народного комиссариата обороны	генерал-лейтенант Тарасов Алексей Александрович

Наименование части	Кто ведет
Краснознаменная ордена Ленина и ордена Суворова 1-й степени Военная академия им. М. В. Фрунзе	генерал-полковник Чибисов Никандр Евлампиевич
Арт. ордена Ленина академия КА им. Ф. Э. Дзержинского	генерал-полковник Хохлов Василий Исидорович
Военная ордена Ленина академия БТ и МВ КА им. И. В. Сталина	генерал-лейтенант Ковалев Григорий Николаевич
Военная академия командного и штурманского состава ВВС КА (Монино)	генерал-лейтенант авиации Ионов Петр Павлович
Военно-воздушная ордена Ленина академия им. Н. Е. Жуковского	генерал-лейтенант авиации Соколов-Соколенок Николай Александрович
Высшие всеармейские военно-политические курсы ГЛАВПУР КА	генерал-майор Ковалевский Алексей Иванович
Краснознаменная высшая разведывательная школа Генштаба и РК УКС	генерал-майор Кочетков Михаил Андреевич
Краснознаменная Военно-инженерная академия им. В. В. Куйбышева	генерал-майор Оливетский Борис Александрович
Военная академия химзащиты им. К. Е. Ворошилова	генерал-майор Петухов Дмитрий Ефимович
Курсы усовершенствования офицерского состава ВДВ КА	генерал-майор Русских Михаил Яковлевич
Военный институт иностранных языков	генерал-лейтенант Биязи Николай Николаевич
1-е гвардейское ордена Красной Звезды минометно-артиллерийское училище им. К. Е. Красина	генерал-майор артиллерии Вовченко Максим Лаврентьевич
Московское Краснознаменное пехотное училище им. Верховного Совета РСФСР	генерал-майор Фесин Иван Иванович
1-е Московское Краснознаменное ордена Ленина авиаучилище связи ВВС КА	генерал-майор авиации Василькевич Виктор Эдуардович

▲ Сталин на трибуне мавзолея

Наименование части	Кто ведет
Московское дважды Краснознаменное военно-политическое училище им. В.И. Ленина	генерал-майор Устьянцев Андрей Федорович
Московское Краснознаменное военно-инженерное училище КА	генерал-майор инженерных войск Ермолаев Павел Александрович
Калининское военное училище технических войск КА	генерал-майор технических войск Мельников Петр Герасимович
Московское военно-техническое училище НКВД им. В.Р. Менжинского	генерал-майор инженерно-артиллерийской службы Горяинов Макар Федорович
Кремлевский полк	полковник Евменчиков Тимофей Филиппович
1 мсд войск НКВД	генерал-майор Пияшев Иван Иванович
2 мсд войск НКВД	генерал-майор Лукашев Василий Васильевич
Суворовское училище	генерал-майор Еремин Петр Антонович
Центральная военно-техническая школа дрессировщиков	генерал-майор Медведев Григорий Пантелеймонович
Сводный кавполк	генерал-лейтенант Кириченко Николай Яковлевич
Кавполк НКВД	полковник Васильев Алексей Федорович
Артиллерия Московского военного округа	генерал-лейтенант Рябов Николай Федорович
Части ПВО	генерал-лейтенант Оленин Иван Алексеевич генерал-майор артиллерии Гиршевич Михаил Григорьевич

▲ Гвардейские минометы

Наименование части	Кто ведет
1-я пулеметная дивизия ПВО	полковник Лесков Федор Филиппович
89-я дивизия МЗА	подполковник Иойлев Федор Федорович
91-я дивизия МЗА	полковник Басин Борис Григорьевич
1-я гвард. зенитная дивизия	гвардии генерал-майор артиллерии Кикнадзе Михаил Геронтьевич
54-я зенитная арт. дивизия	полковник Валуев Петр Андреевич
2-я прожекторная дивизия	полковник Чернавский Александр Михайлович
Части ГМЧ	полковник Матыгин Дмитрий Евдокимович
97-й минометный полк ГМЧ	полковник Митюшев Николай Васильевич
40-я гв. минометная бригада ГМЧ	полковник Чумак Марк Маркович
636-й истребительно-противотанковый арт. полк	подполковник Силантьев Кузьма Андреевич
Артполк 1 мсд	подполковник Богачевский Степан Степанович
46-й минометный полк	подполковник Егоров Иван Федорович
64-й минометный полк	майор Батагов Султанбек Казбекович
54-я истреб. противотанковая арт. бригада	полковник Титенко Михаил Степанович
Артполк 2 мсд	полковник Великанов Петр Сергеевич
989-й гауб. артиллерийский полк	майор Голубев Федор Степанович

▲ Объезд парада

Наименование части	Кто ведет
Артполк 3 ЛАУ	подполковник Якимов Алексей Филиппович
Артполк РАУ	подполковник Вовк-Курилех Иван Павлович
Артиллерийская бригада БМ	полковник Бачманов Владимир Матвеевич
Артиллерийская бригада ОМ	подполковник Андреев Александр Владимирович
Бронетанковые и механизированные войска Московского военного округа	генерал-майор танковых войск Котов Петр Васильевич
Мотоциклетный батальон М-72	подполковник Неделько Андрей Алексеевич
Батальон бронемашин БА-64	подполковник Капустин Александр Степанович
Полк мотопехоты	гвардии полковник Степанов Иван Яковлевич
Батальон воздушно-десантных войск	полковник Юрченко Николай Егорович
Полк СУ-76	подполковник Ландырь Павел Демидович
Бригада танков ТО-34	подполковник Бурмистров Николай Павлович
Полк СУ-100	подполковник Сивов Иван Дмитриевич
Полк ИС	полковник Маточкин Николай Васильевич
Полк ИСУ-122	подполковник Зайцев Федор Афанасьевич
Полк ИСУ-152	гвардии полковник Прилуков Борис Ильич
Сводный оркестр Московского гарнизона	генерал-майор Чернецкий Семен Александрович

Комендант города Москвы
генерал-лейтенант Синилов

СПИСОК
ТРОФЕЙНЫХ ЗНАМЕН, ОТОБРАННЫХ НА ПАРАД

Знамена частей

1. 5-й кирасирский полк
2. 8-й кавалерийский полк
3. 3-я гр. истр. эскадра «Хорст Вессель»
4. 1-й драгунский полк
5. 10-й уланский полк
6. 3-й кавполк
7. 12-й легкий кавполк
8. 10-й конно-пехотный полк
9. 9-й конно-пехотный полк
10. 4-й гусарский полк
11. 11-й конно-пехотный полк
12. 8-й тяж. драг. полк
13. 8-й уланск. кав. полк
14. 1-й кирасирский полк
15. 4-й гусарский полк
16. 4-й уланский полк
17. 1-й кавалер. полк
18. 10-й драгунский полк
19. 1-й уланск. кавал. полк
20. 4-й кавалерийский полк
21. 1-й кавалер. полк
22. 2-й кавалерийский полк
23. 2-й уланский полк
24. 6-й гусарский полк
25. 4-й кавалерийский полк
26. 17-й артиллер. полк

Батальонные знамена

1. 3-й батальон 57-го пех. полка
2. 2-й батальон 1-го пех. полка
3. 1-й батальон 45-го пех. полка
4. 3-й батальон 23-го пех. полка
5. 2-й батальон 30-го пех. полка
6. 1-й батальон 7-го пех. полка
7. 1-й батальон 3-го пех. полка
8. 3-й батальон 106-го пех. полка
9. 1-й батальон 49-го пех. полка
10. 2-й батальон 83-го пех. полка
11. 2-й батальон 81-го пех. полка
12. 1-й батальон 84-го пех. полка
13. 2-й батальон 24-го пех. полка
14. 3-й батальон 2-го пех. полка
15. 9-й танковый батальон
16. 1-й батальон 1-го пех. полка
17. 2-й батальон 43-го пех. полка
18. 3-й батальон 44-го пех. полка
19. 1-й батальон 22-го пех. полка
20. 4-й батальон 61-го пех. полка
21. 1-й батальон 36-го пех. полка
22. 1-й батальон 28-го пех. полка
23. 2-й батальон 51-го пех. полка
24. 2-й батальон 23-го пех. полка
25. 1-й батальон 57-го пех. полка
26. 2-й батальон 38-го пех. полка
27. 1-й батальон 30-го пех. полка
28. 3-й батальон 43-го пех. полка
29. 2-й батальон 88-го пех. полка
30. 2-й батальон 44-го пех. полка
31. 1-й батальон 106-го пех. полка
32. 3-й батальон 1-го пех. полка
33. 2-й батальон 3-го пех. полка
34. 1-й батальон 51-го пех. полка
35. 3-й батальон 88-го пех. полка
36. 3-й батальон 7-го пех. полка
37. 1-й батальон 24-го пех. полка
38. 2-й батальон 28-го пех. полка
39. 2-й батальон 36-го пех. полка
40. 3-й батальон 45-го пех. полка
41. 3-й батальон 30-го пех. полка
42. 1-й батальон 83-го пех. полка
43. 3-й батальон 28-го пех. полка
44. 2-й батальон 116-го пех. полка
45. 3-й батальон 33-го пех. полка
46. 3-й батальон 22-го пех. полка

▲ Трибуна Мавзолея

47. 3-й батальон 3-го пех. полка
48. 2-й батальон 22-го пех. полка
49. 2-й батальон 28-го пех. полка
50. 2-й батальон 49-го пех. полка
51. 3-й батальон 84-го пех. полка
52. 1-й батальон 59-го пех. полка
53. 1-й батальон 88-го пех. полка
54. 2-й батальон 2-го пех. полка
55. 3-й батальон 24-го пех. полка
56. 2-й батальон 84-го пех. полка
57. 1-й батальон 81-го пех. полка
58. 1-й батальон 23-го пех. полка
59. 2-й батальон 45-го пех. полка
60. 2-й батальон 7-го пех. полка
61. 1-й батальон 43-го пех. полка
62. 2-й батальон 59-го пех. полка
63. 1-й батальон 116-го пех. полка
64. 1-й батальон 38-го пех. полка
65. 3-й батальон 51-го пех. полка
66. 2-й батальон 57-го пех. полка
67. 3-й батальон 49-го пех. полка
68. 3-й батальон 116-го пех. полка
69. 1-й батальон 6-го стр. кав. полка
70. 2-й батальон 71-го пех. полка
71. 3-й батальон 71-го пех. полка
72. 2-й батальон 15-го разв. полка
73. 2-й батальон 14-го пех. полка
74. 1-й батальон 2-го танк. полка
75. 1-й батальон 21-го разв. полка
76. 7-й танк. батальон связи
77. 2-й бат. 7-го стр. кав. полка
78. 29-й саперный батальон
79. 41-й батальон связи
80. 1-й батальон 7-го стр. кав. полка
81. 48-й батальон связи
82. 2-й батальон 15-го пех. полка
83. 15-й батальон связи
84. 3-й егерский батальон 15-го пех. полка
85. 21-й батальон связи
86. 1-й батальон 71-го пех. полка
87. 48-й саперный батальон
88. 18-й батальон связи
89. 15-й пулем. батальон
90. 37-й батальон связи
91. 1-й батальон 68-го саперного полка
92. 2-й батальон 7-го резервного полка
93. 58-й саперный батальон
94. 4-я РО
95. 59-й пулем. батальон
96. 9-я РО
97. 2-й батальон 116-го резервного полка
98. 9-й автотран. батальон
99. 1-й самокат. батальон
100. 29-й батальон связи
101. 2-й батальон 68-го саперного полка
102. 1-й батальон 15-го пех. полка
103. 1-й батальон 31-го танк. полка
104. 2-й батальон 15-го саперного полка
105. 1-й батальон 27-го танк. полка
106. 2-й батальон пех. полка (нет номера)
107. 2-й батальон 6-го стр. кав. полка
108. 38-й пул. батальон
109. 1-й батальон 14-го кав. полка
110. 28-й батальон связи
111. 1-й стр. мотом. батальон
112. 11-й батальон связи
113. 1-й батальон 1-й танк. бриг.
114. 1-й батальон 13-го пех. полка
115. 2-й батальон 1-го танк. полка
116. 41-й саперный батальон
117. 9-й пул. батальон
118. 2-й батальон 2-го танк. полка
119. 1-й батальон 15-го танк. полка
120. 2-й батальон 13-го пех. полка
121. 1-я РО
122. 29-я РО
123. 1-й батальон связи
124. 8-й батальон связи
125. 11-й саперный батальон
126. 3-й батальон 11-го резер. полка
127. 31-й пул. батальон
128. 21-й саперный батальон
129. 1-й саперный батальон
130. 18-й саперный батальон
131. 28-й саперный батальон
132. 15-й саперный батальон
133. 1-й автотран. батальон
134. 8-й автотран. батальон
135. 8-й саперный батальон
136. 1-й егерск. батальон 2-го пех. полка
137. 1-й батальон 10-го л. пех. полка
138. 67-й танковый батальон

Знамена дивизионов

1. 3-й дивизион 8-го арт. полка
2. 1-й дивизион 9-го арт. полка
3. 1-й дивизион А.И.Р.
4. 2-й дивизион 18-го арт. полка
5. 18-й дивизион А.И.Р.
6. 2-й дивизион 37-го арт. полка
7. 2-й дивизион 78-го арт. полка
8. 2-й дивизион 28-го арт. полка
9. 21-й противотанк. дивизион
10. 1-й дивизион 54-го арт. полка
11. 1-й дивизион 44-го арт. полка
12. 1-й дивизион 45-го арт. полка
13. 1-й дивизион 28-го арт. полка
14. 2-й дивизион 47-го арт. полка
15. 28-й дивизион А.И.Р.
16. 2-й дивизион 21-го арт. полка
17. 3-й дивизион 65-го арт. полка
18. 2-й дивизион 64-го арт. полк
19. 2-й дивизион 8-го арт. полка
20. 3-й дивизион 9-го арт. полка
21. 1-й дивизион 8-го арт. полка
22. 3-й дивизион 21-го арт. полка
23. 11-й противотанк. дивизион
24. 2-й дивизион 9-го арт. полка
25. 15-й противотанк. дивизион
26. 1-й дивизион 116-го арт. полка
27. 1-й дивизион 15-го арт. полка
28. 3-й дивизион 1-го арт. полка
29. 37-й противотанк. дивизион
30. 2-й дивизион 44-го арт. полка
31. 1-й дивизион 57-го арт. полка
32. 9-й противотанк. дивизион
33. 1-й батальон 13 МСП
34. 42-й дивизион ПТО
35. 41-й сап. батальон
36. 3-й егерск. батальон 15-го пех. полка

Полковник Передельский

▲ Парад Победы 24 июня 1945 года

ПРИКАЗ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО

Состоявшийся 24 июня с. г. парад Победы войск действующей армии, Военно-Морского Флота и частей Московского гарнизона показал хорошую организованность, слаженность и строевую выучку всех войск, участвовавших на параде.

Объявляю благодарность маршалам, генералам, офицерам, сержантам и рядовым — участникам парада Победы.

За хорошую подготовку и организацию парада Победы объявляю благодарность:

- командующему войсками Московского военного округа и начальнику гарнизона г. Москвы генерал-полковнику Артемьеву;
- командирам сводных полков:
  - Карельского фронта — генерал-майору Калиновскому
  - Ленинградского фронта — генерал-майору Стученко
  - 1-го Прибалтийского фронта — генерал-лейтенанту Лопатину
  - 3-го Белорусского фронта — генерал-лейтенанту Кошевому
  - 2-го Белорусского фронта — генерал-лейтенанту Эрастову
  - 1-го Белорусского фронта — генерал-лейтенанту Рослому
  - 1-го Украинского фронта — генерал-майору Баклanову
  - 4-го Украинского фронта — генерал-лейтенанту Бондареву
  - 2-го Украинского фронта — генерал-лейтенанту Афонину
  - 3-го Украинского фронта — генерал-лейтенанту Бирюкову
  - Народного Комиссариата Военно-Морского Флота — вице-адмиралу Фадееву.

Верховный Главнокомандующий
Маршал Советского Союза И.Сталин

К 150-летию со дня рождения В.И. Ленина

АЛЕКСАНДР КАМЧАТОВ

ВОЖДЬ МИРОВОГО ПРОЛЕТАРИАТА

▲ Петроград

«Я уважаю в Ленине человека, который с полным самоотвержением отдал все свои силы осуществлению социальной справедливости... Люди, подобные ему, являются хранителями и обновителями совести человечества».

Альберт Эйнштейн

Китайский революционер, основатель партии Гоминьдан, один из наиболее почитаемых в Китайской Народной Республике политических деятелей Сунь Ятсен подчеркивал, что "За многие века мировой истории появились тысячи вождей и учёных с красивыми словами на устах, которые никогда не проводились в жизнь. Ты, Ленин, исключенье. Ты не только говорил и учил, но претворил свои слова в действительность. Ты создал новую страну. Ты указал нам путь..."

«Прошло немного лет после его смерти, а Ленин уже стал неотъемлемой частью не только его родной России, но и всего мира. И по мере того, как идет время, величие его растет, он теперь один из тех немногих мировых деятелей, чья слава бессмертна. ... Ленин продолжает жить, причем не в памятниках и портретах, а в своих колоссальных свершениях и в сердцах сотен миллионов рабочих, которых вдохновляет его пример, вселяя надежду на лучшее будущее». — Джавахарлал Неру — Премьер-министр Индии.

Кубинский революционер и политический деятель Фидель Кастро Рус задает вопрос и отвечает на него: «В чем состоит великая заслуга Ленина? Великая заслуга Ленина состоит в том, что, восприняв учение Маркса, он защитил его от всех ревизионистов, очистил от всяких извращений, от всех ревизий и толкований, которые пытались внести в учение Маркса. Вооружившись теорией Маркса, Ленин создает партию, борется внутри этой партии против всех мелкобуржуазных течений, против всяких псевдореволюционных течений, преодолевает внутри партии эти течения и, руководствуясь революционной теорией, завоевывают власть. Точнее, завоевывает революционную власть».

Советский политический и государственный деятель, выдающийся русский мыслитель, философ, основоположник марксизма-ленинизма, создатель партии большевиков, организатор и вождь Великой Октябрьской Социалистической революции, основатель Советского государства, Председатель Совета Народных Комиссаров, создатель III (Коммунистического) интернационала Владимир Ильич Ленин (Ульянов) родился 10 апреля (по старому стилю) 1870 года в Симбирске. Ленин — один из самых известных политических деятелей XX века, имя которого знает весь мир.

Дед Ленина — Н. В. Ульянов, крепостной крестьянин из Нижегородской губернии, впоследствии жил в городе Астрахань, был портным-ремесленником. Отец — И. Н. Ульянов, по окончании Казанского университета преподавал в средних учебных заведениях Пензы и Нижнего Новгорода, а затем был инспектором и директором народных училищ Симбирской губернии. И. Н. Ульянов дослужился до чина действительного статского советника и получил потомственное дворянство. Мать Ленина — М. А. Ульянова (урождённая Бланк, 1835—1916), дочь врача, получив домашнее образование, сдала экстерном экзамены на звание учительницы; всецело посвятила себя воспитанию детей. Старший брат Ленина — Александр — революционер, участвовал в подготовке покушения на царя Александра III, за что был казнен. Сестры — А. И. Ульянова-Елизарова, М. И. Ульянова и младший брат — Д. И. Ульянов впоследствии стали видными деятелями Коммунистической партии.

В 1879—1887 годах Владимир Ульянов учился в Симбирской гимназии, которой руководил Ф. М. Керенский, отец А. Ф. Керенского, будущего главы Временного правительства (1917 г.). Он был крещён по православному обряду и до 16 лет принадлежал к симбирскому религиозному Обществу преподобного Сергия Ра-

▲ Сунь Ятсен

▲ Неру Джавахарлал

▲ Ленин с родителями

донежского, отойдя от религии, вероятно, в 1886 году.

В 1885 году в списке учеников гимназии указано, что Владимир — «ученик весьма даровитый, усердный и аккуратный. Успевает во всех предметах очень хорошо. Ведет себя примерно». Способности он имел совершенно исключительные, обладал огромной памятью, отличался ненасытной научной любознательностью и необычайной работоспособностью... Воистину, это была ходячая энциклопедия... Он пользовался среди всех его товарищей большим уважением и деловым авторитетом, но... нельзя сказать, чтобы его любили, скорее — ценили...В классе ощущалось его умственное и трудовое превосходство...хотя...сам Ульянов никогда его не выказывал и не подчеркивал.

В 1887 году Владимир Ульянов окончил гимназию с золотой медалью и поступил на юридический факультет Императорского Казанского университета. Ф. М. Керенский был очень разочарован его выбором, так как советовал ему поступать на историко-словесный факультет университета ввиду больших успехов младшего Ульянова в латыни и словесности.

В том же 1887 году, 8 мая, его старшего брата — Александра — казнили как участника народовольческого заговора с целью покушения на жизнь императора Александра III. Произошедшее стало глубокой трагедией для семьи Ульяновых, не подозревавшей о революционной деятельности Александра.

В декабре 1887 года Владимир Ульянов за активное участие в революционной сходке студентов был арестован, исключён из университета и выслан в деревню Кокушкино Лаишевского уезда Казанской губернии. С этого времени Владимир Ульянов посвятил всю свою жизнь делу борьбы против самодержавия и капитализма, делу освобождения трудящихся от гнёта и эксплуатации. В октябре 1888 он вернулся в Казань. Здесь он вступил в один из марксистских кружков, организованных Н. Е. Федосеевым, в котором изучались и обсуждались сочинения К. Маркса, Ф. Энгельса, Г. В. Плеханова. Труды Маркса и Энгельса сыграли решающую роль в формировании мировоззрения Владимира Ульянова — он становится убеждённым марксистом.

Так как во время полицейского следствия были выявлены связи молодого Ульянова с нелегальным кружком Богораза, а также по причине казни его брата, он попал в список «неблагонадёжных» лиц, подлежащих полицейскому надзору. По этой же причине ему было запрещено восстановиться в университете, а соответствующие прошения его матери раз за разом отклонялись.

В мае 1889 года М. А. Ульянова приобрела имение Алакаевка в 83,5 десятины (91,2 гектара) в Самарской губернии, и семья переехала туда на жительство. Уступив настойчивым просьбам матери, Владимир попробовал заниматься управлением имением, но успеха не имел. Окрестные крестьяне, пользуясь неопытностью новых хозяев, похитили у них лошадь и две коровы. В результате Ульянова продала вначале землю, а впоследствии и дом.

В 1891 году Владимир Ульянов сдал экстерном экзамены за юридический факультет при Петербургском университете и стал работать помощником присяжного поверенного в Самаре. Здесь он организовал кружок марксистов, установил связи с революционной молодёжью других городов Поволжья, выступал

с рефератами, направленными против народничества. К самарскому периоду относится первая из сохранившихся его работ— статья «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни».

В конце августа 1893 года Владимир Ульянов переехал в Петербург, где вступил в марксистский кружок, членами которого были С. И. Радченко, П. К. Запорожец, Г. М. Кржижановский и др. Легальным прикрытием его революционной деятельности была работа помощником присяжного поверенного. Непоколебимая вера в победу рабочего класса, обширные знания, глубокое понимание марксизма и умение применить его к разрешению жизненных вопросов, волновавших народные массы, снискали Владимиру Ульянову уважение петербургских марксистов и сделали его их признанным руководителем. Он устанавливает связи с передовыми рабочими (И. В. Бабушкиным, В. А. Шелгуновым и др.), руководит рабочими кружками, разъясняет необходимость перехода от кружковой пропаганды марксизма к революционной агитации в широких пролетарских массах.

В период 1892—1893 годов взгляды Ленина под сильным влиянием работ Плеханова медленно эволюционировали от народовольческих к социал-демократическим. При этом он уже в 1893 году разработал новую на тот момент доктрину, объявившую современную ему Россию, в которой четыре пятых населения составляло крестьянство, «капиталистической» страной. Кредо ленинизма было окончательно сформулировано в 1894 году:

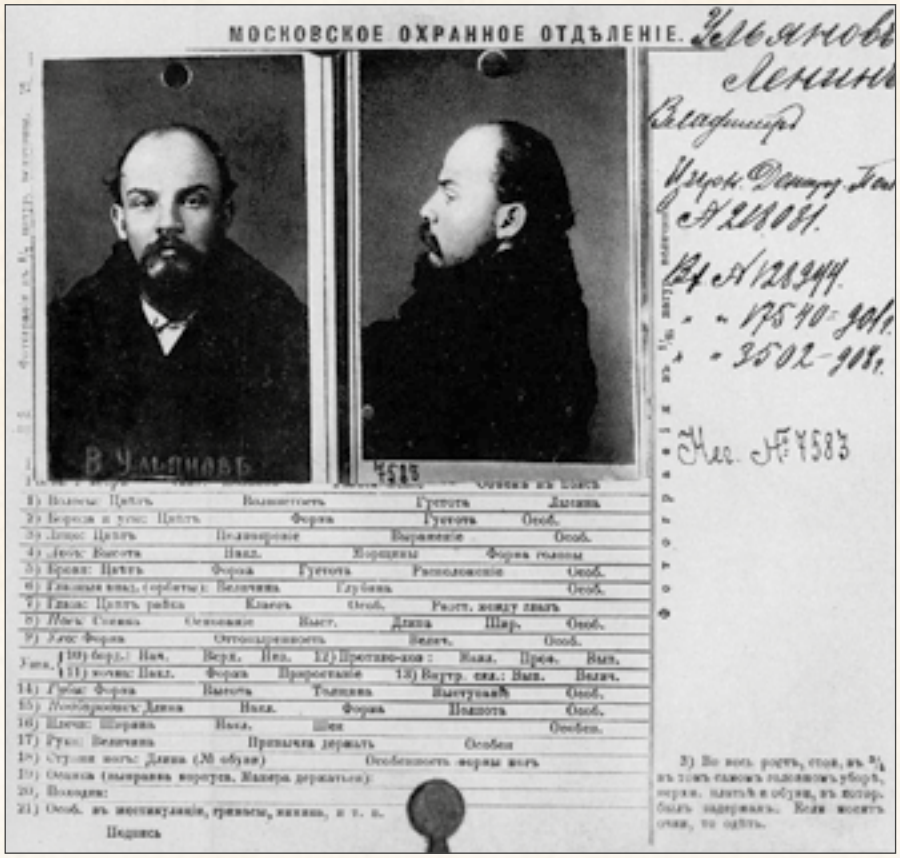
«Русский рабочий, поднявшись во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и поведет русский пролетариат (рядом с пролетариатом всех стран) прямой дорогой открытой политической борьбы к победоносной коммунистической революции».

Владимир Ульянов первым из российских марксистов поставил задачу создания партии рабочего класса в России как неотложную практическую задачу и возглавил борьбу революционных социал-демократов за её осуществление. Он считал, что это должна быть пролетарская партия нового типа, по своим принципам, формам и методам деятельности отвечающая требованиям новой эпохи — эпохи империализма и социалистической революции.

В 1894 году Владимир Ульянов написал труд «Что такое "друзья народа" и как они воюют против социал-демократов?», в конце

▲ Члены Петербургского Союза борьбы

▲ Ленин в картотеке охранки

1894 — начале 1895 года — работу «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве (Отражение марксизма в буржуазной литературе)». В них он подверг уничтожающей критике субъективизм народников и объективизм «легальных марксистов», показал последовательно марксистский подход к анализу российской действительности, охарактеризовал задачи пролетариата России, развил идею союза рабочего класса с крестьянством, обосновал необходимость создания в России подлинно революционной партии. В апреле 1895 года Владимир Ульянов выехал за границу для установления связи с группой «Освобождение труда». В Швейцарии познакомился с Плехановым, в Германии — с В. Либкнехтом, во Франции — П. Лафаргом и другими деятелями международного рабочего движения. В сентябре 1895 года, возвратившись из-за границы, он побывал в Вильнюсе, Москве и Орехово-Зуеве, где установил связи с местными социал-демократами. Осенью 1895 года по его инициативе и под его руководством марксистские кружки Петербурга объединились в единую организацию — Петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», который явился зачатком революционной пролетарской партии, впервые в России стал осуществлять соединение научного социализма с массовым рабочим движением.

Под влиянием Плеханова Владимир Ульянов частично отступил от своей доктрины, провозглашающей царскую Россию «капиталистической» страной, объявив её страной «полуфеодальной». Ближайшей целью для него становится свержение самодержавия, теперь в союзе с «либеральной буржуазией». «Союз борьбы» вёл активную пропагандистскую деятельность среди рабочих, им было выпущено более 70 листовок. В ночь на 9 декабря 1895 года, как и многие другие члены «Союза», Ульянов был арестован, более года содержался в тюрьме, там он написал «Проект и объяснение программы социал-демократической партии». В 1897 году Владимир Ленин был выслан на 3 года в село Шушенское Минусинского округа Енисейской губернии.

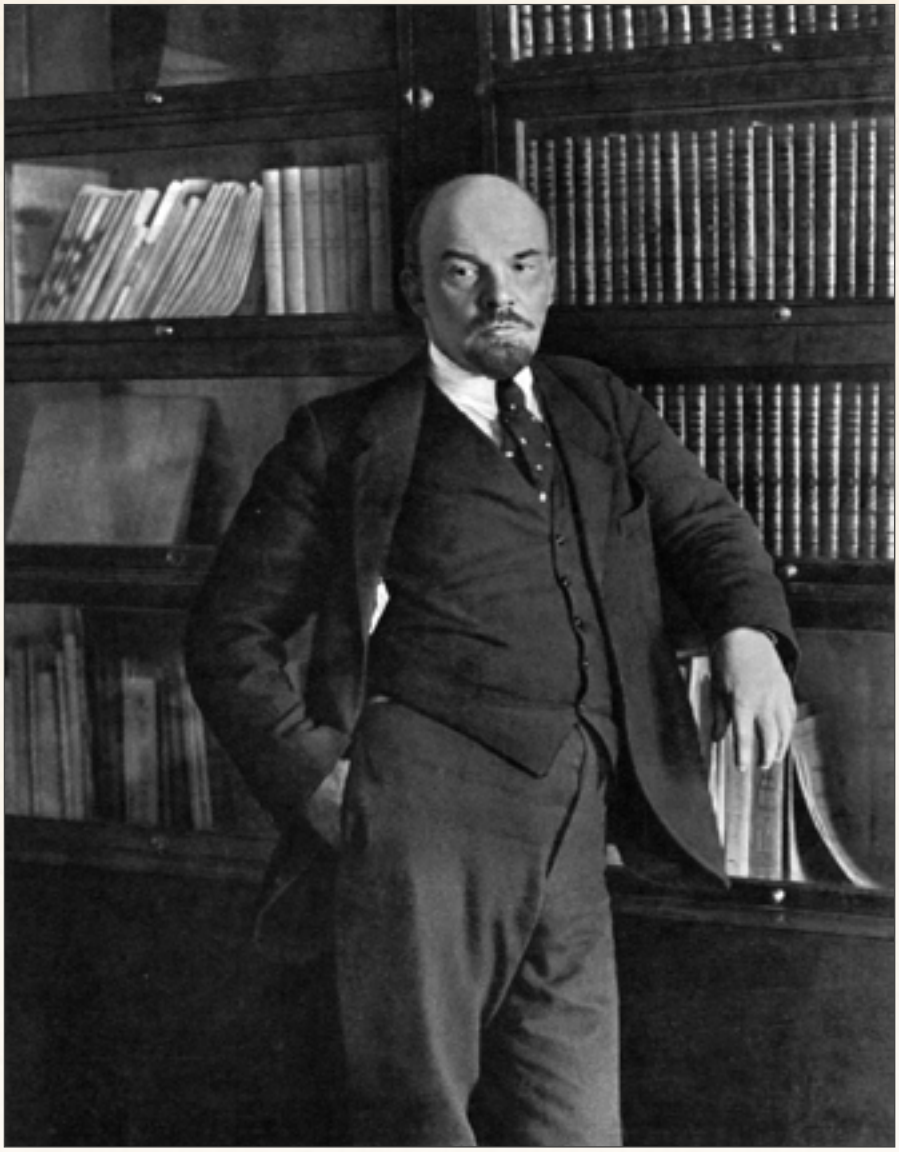
С тем, чтобы «гражданская» жена Владимира Ульянова, Н.К. Крупская, могла последовать за ним в ссылку, ему пришлось в июле 1898 года зарегистрировать свой брак с ней. Так как в России того времени признавались только церковные браки, Ульянову, на тот момент уже бывшему атеистом, пришлось обвенчаться в церкви, официально обозначив себя как православного. Изначально ни Владимир Ильич, ни Надежда Константиновна не собирались оформлять свой брак церковным путём, но через самое короткое время пришёл приказ полицмейстера: или венчаться, или Надежда Константиновна должна покинуть Шушенское и следовать в Уфу.

Из Шушенского Владимир Ульянов установил и поддерживал связь с социал-демократами Петербурга, Москвы, Нижнего Новгорода, Воронежа и других городов, с группой «Освобождение труда», вёл переписку с социал-демократами, находившимися в ссылке на Севере и в Сибири, сплотил вокруг себя ссыльных социал-демократов Минусинского округа. В ссылке он написал свыше 30 работ, в том числе книгу «Развитие капитализма в России» и брошюру «Задачи русских социал-демократов», которые имели большое значение для выработки программы, стратегии и тактики партии. В 1898 году в Минске состоялся 1-й съезд РСДРП, провозгласивший образование социал-демократической партии в России и издавший «Манифест Российской социал-демократической рабочей партии». С основными положениями «Манифеста» Владимир Ульянов солидаризировался. Однако партия фактически ещё не была создана. Происходивший без его участия и других видных марксистов съезд не смог выработать программу и устав партии, преодолеть разобщённость социал-демократического

движения. Владимир Ульянов разработал практический план создания марксистской партии в России; важнейшим средством достижения этой цели должна была стать, как считал он, общерусская нелегальная политическая газета. Борясь за создание пролетарской партии нового типа, непримиримой к оппортунизму, он выступил против ревизионистов в международной социал-демократии (Э. Бернштейн и др.) и их сторонников в России («экономисты»). В 1899 году он составил «Протест российских социал-демократов», направленный против «экономизма». «Протест» был обсуждён и подписан 17 ссыльными марксистами.

После окончания ссылки Владимир Ульянов 29 января (10 февраля) 1900 года выехал из Шушенского. Следуя к новому месту жительства, он останавливался в Уфе, Москве и других городах, нелегально посетил Петербург, всюду устанавливая связи с социал-демократами. Поселившись в феврале 1900 года в Пскове, Владимир Ульянов провёл большую работу по организации газеты, в ряде городов создал для неё опорные пункты.

В апреле 1900 года Владимир Ульянов нелегально из Пскова совершает однодневную поездку в Ригу. На переговорах с латышскими социал-демократами рассматривались вопросы по транспортировке газеты «Искра» из-за границы в Россию через порты Латвии. В начале мая 1900 года Владимир Ульянов получил в Пскове заграничный паспорт. 19 мая он выезжает в Петербург, а 21 мая там его задерживает полиция. Был также тщательно досмотрен и багаж, отправленный Ульяновым из Пскова в Подольск. После досмотра багажа начальник Московского охранного отделения С. В. Зубатов направляет телеграмму в Петербург начальнику особого отделения департамента полиции Л. А. Ратаеву: «Груз оказался библиотекой и тенденциозными рукописями, вскрыт в порядке Устава Российских железных дорог, как отправленный незапломбированным. По рассмотрении жандармской полицией и экспертизы

отделения будет отправлен по назначению. Зубатов». Как опытный конспиратор, Владимир Ульянов не дал псковской полиции поводов против себя. В донесениях филеров и в сведениях Псковского жандармского управления о В. И. Ульянове отмечается, что «за время проживания в Пскове до выезда за границу ни в чём предосудительном не замечен».

29 июля 1900 года Владимир Ульянов выезжает в Швейцарию, где проводит с Плехановым переговоры об издании газеты и теоретического журнала. В редколлегию газеты «Искра» вошли три представителя эмигрантской группы «Освобождение труда» — Плеханов, П. Б. Аксельрод и В. И. Засулич и три представителя «Союза борьбы» — Ульянов, Мартов и Потресов (позже появился и журнал — «Заря»). Редакция «Искры» обосновалась в Мюнхене. Основную работу в Мюнхене по организации выпуска «Искры» проводит Ульянов. Первый номер «Искры» поступает из типографии 24 декабря 1900 года.

В среднем тираж газеты составлял 8 000 экземпляров, а некоторых номеров — до 10 000 экземпляров. Распространению газеты способствовало создание сети подпольных организаций на территории Российской империи. «Искра» сыграла исключительную роль в идейной и организационной подготовке революционной пролетарской партии, в размежевании с оппортунистами. Она стала центром объединения партийных сил,

воспитания партийных кадров. Впоследствии Ленин отмечал, что «весь цвет сознательного пролетариата стал на сторону «Искры».

Один из создателей «Искры», Потресов, впоследствии меньшевик, писал: "Никто, как он, не умел так заражать своими планами, так импонировать своей волей, так покорять своей личностью, как этот на первый взгляд такой невзрачный и грубоватый человек, по видимости не имеющий никаких данных, чтобы быть обаятельным... Ни Плеханов, ни Мартов, ни кто-либо другой не обладал секретом излучавшегося Лениным прямо гипнотического воздействия на людей, я бы сказал — господства над ними. Плеханова — почитали, Мартова — любили, но только за Лениным беспрекословно шли как за единственным бесспорным вождем. Ибо только Ленин представлял собою, в особенности в России, редкостное явление человека железной воли, неукротимой энергии, сливающего фанатическую веру в движение, в дело, с не меньшей верой в себя. Если когда-то французский король Людовик XIV мог говорить: государство — это я, то Ленин без излишних слов неизменно чувствовал, что партия — это он, что он — концентрированная в одном человеке воля движения. И соответственно этому действовал ".

В декабре 1901 года в журнале «Заря» публикуется статья под заглавием «Гг. «критики» в аграрном вопросе. Очерк первый»— первая работа, которую Владимир Ульянов подписал псевдонимом «Н. Ленин».

В период 1900—1902 годов Ленин под влиянием наступившего в то время общего кризиса революционного движения пришёл к выводу о том, что предоставленный сам себе революционный пролетариат вскоре откажется от борьбы с самодержавием, ограничившись лишь одними экономическими требованиями.

В 1902 году в работе «Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения» Ленин выступил с собственной концепцией партии, которую он видел централизованной боевой организацией («партия нового типа»). В этой статье он пишет: «Дайте нам организацию революционеров, и мы перевернем Россию!». В данной работе Ленин впервые сформулировал свои доктрины «демократического централизма» (строгой иерархической организации партии революционеров) и «привнесения сознания».

Согласно новой на тот момент доктрине «привнесения сознания», предполагалось, что промышленный пролетариат сам по себе не революционен и склонен лишь к экономическим требованиям («тред-юнионизм»), необходимая «сознательность» должна была быть «привнесена» извне партией профессиональных революционеров, которая в таком случае стала бы «авангардом».

Заграничная агентура царской разведки напала на след газеты «Искра» в Мюнхене. Поэтому в апреле 1902 года редакция газеты переехала из Мюнхена в Лондон. С апреля 1902 по апрель 1903 года В. И. Ленин жил в Лондоне, под фамилией Рихтер, В конце апреля 1903 года Ленин переезжает из Лондона в Женеву в связи с переводом туда издания газеты «Искра». В Женеве он проживал до 1905 года.

С 17 июля по 10 августа 1903 года в Лондоне проходил II съезд РСДРП. Ленин принимал активное участие в подготовке съезда не только своими статьями в «Искре» и «Заре»; ещё с лета 1901 года вместе с Плехановым он работал над проектом программы партии, подготовил проект устава. Программа состояла из двух частей — программы-минимума и программы-максимума; первая предполагала свержение царизма и установление демократической республики, уничтожение остатков крепостничества в деревне, в частности возвращение крестьянам земель, отрезанных у них помещиками при отмене крепостного права (так называемых «отрезков»), введение восьмичасового рабочего дня, признание права наций на самоопределение и установление равноправия наций; программа-максимум определяла конечную цель партии — построение социалистического общества и условия достижения этой цели — социалистическую революцию и диктатуру пролетариата.

На самом съезде Ленин был избран в бюро, работал в программной, организационной и мандатной комиссиях, председательствовал на ряде заседаний и выступал почти по всем вопросам повестки дня.

К участию в съезде были приглашены как организации, солидарные с «Искрой» (и называвшиеся «искровскими»), так и не разделявшие её позицию. В ходе обсуждения программы возникла полемика между сторонниками «Искры» с одной стороны и «экономистами» (для которых оказалось неприемлемым положение о диктатуре пролетариата) и Бундом (по национальному вопросу внутри партии) — с другой; в результате 2 «экономиста», а позже и 5 бундовцев покинули съезд.

Но обсуждение устава партии, 1-го пункта, определявшего понятие члена партии, обнаружило разногласия и среди самих искровцев, разделившихся на «твёрдых» (сторонников Ленина) и «мягких» (сторонников Мартова). После съезда Ленин писал:

В моем проекте это определение было таково: «Членом Российской социал-демократической рабочей партии считается всякий, признающий ее программу и поддерживающий партию, как материальными средствами, так и личным участием в одной из партийных организаций». Мартов же вместо подчёркнутых слов предлагал сказать: работой под контролем и руководством одной из партийных организаций... Мы доказывали, что необходимо сузить понятие члена партии для отделения работающих от болтающих, для устранения организационного хаоса, для устранения такого безобразия и такой нелепости, чтобы могли быть организации, состоящие из членов партии, но не являющиеся партийными организациями, и т. д. Мартов стоял за расширение партии и говорил о широком классовом движении, требующем широкой — расплывчатой организации и т. д.... «Под контролем и руководством», — говорил я, — означают на деле не больше

и не меньше, как: без всякого контроля и без всякого руководства».

Противники Ленина усматривали в его формулировке попытку создать не партию рабочего класса, а секту заговорщиков. Предложенная Мартовым формулировка 1-го пункта устава была поддержана 28 голосами против 22 при одном воздержавшемся. При выборах в Центральный Комитет РСДРП, после ухода бундовцев и экономистов, группа Ленина получила большинство. Это случайное обстоятельство, как показали дальнейшие события, навсегда разделило партию на «большевиков» и «меньшевиков».

На III съезде РСДРП, проходившем в Лондоне в апреле 1905 года, Ленин подчёркивал, что главная задача происходящей революции — покончить с самодержавием и остатками крепостничества в России.

При первой же возможности, в начале ноября 1905 года, Ленин нелегально, под чужой фамилией, прибыл в Санкт-Петербург и возглавил работу избранного съездом Центрального и Петербургского комитетов большевиков; большое внимание уделял руководству газетой «Новая жизнь». Под руководством Ленина партия готовила вооружённое восстание. В это же время Ленин пишет книгу «Две тактики социал-демократии в демократической революции», в которой указывает на необходимость гегемонии пролетариата и вооружённого восстания. В борьбе за привлечение на свою сторону крестьянства (которая активно велась с эсерами) Ленин пишет брошюру «К деревенской бедноте». В декабре 1905 года в Таммерфорсе проходила I конференция РСДРП, где впервые лично встретились В. И. Ленин и И. В. Сталин, знакомые до этого по переписке с 1903 года.

На IV (1906), V (1907) съездах РСДРП, в книге «Две тактики социал-демократии в демократической революции» (1905) и многочисленных статьях Ленин разработал и обосновал стратегический план и тактику большевистской партии в революции, подверг критике оппортунистическую линию меньшевиков.

По мнению Ленина, несмотря на поражение декабрьского вооружённого восстания, большевики использовали все революционные возможности, они первыми вступили на путь восстания и последними покинули его, когда этот путь стал невозможен.

В годы реакции 1908—1910 годы Ленин вёл борьбу за сохранение нелегальной большевистской партии против меньшевиков-ликвидаторов, отзовистов, против раскольнических действий троцкистов, против примиренчества к оппортунизму. Он глубоко проанализировал опыт Революции 1905—1907 гг. В это же время Ленин дал отпор наступлению реакции на идеологические основы партии. В труде «Материализм и эмпириокритицизм» (издан в 1909 году), Ленин разоблачил изощрённые приёмы защиты идеализма буржуазными философами, попытки ревизионистов извратить философию марксизма, развил диалектический материализм.

С октября 1905 по 1912 год Ленин был представителем РСДРП в Международном социалистическом бюро 2-го Интернационала. Возглавляя делегацию большевиков, он принимал деятельное участие в работе Штутгартского (1907) и Копенгагенского (1910) международных социалистических конгрессов. Ленин вёл решительную борьбу против оппортунизма в международном рабочем движении, сплачивая левые револю-

▲ Стокгольм 1917

ционные элементы, много внимания уделял разоблачению милитаризма и разработке тактики большевистской партии по отношению к империалистическим войнам.

5 мая 1912 года вышел первый номер легальной большевистской газеты «Правда». Её главным редактором фактически был Ленин. Он почти ежедневно писал в «Правду» статьи, посылал письма, в которых давал указания, советы, исправлял ошибки редакции. За 2 года в «Правде» было опубликовано около 270 ленинских статей и заметок. Также в эмиграции Ленин руководил деятельностью большевиков в IV Государственной Думе, являлся представителем РСДРП во II Интернационале, писал статьи по партийным и национальным вопросам, занимался изучением философии.

С конца 1912 года Ленин жил на территории Австро-Венгрии. Здесь, в галицийском местечке Поронин, его застала I мировая война. Австрийские жандармы арестовали Ленина, объявив его царским шпионом. Чтобы освободить его, потребовалась помощь депутата австрийского парламента социалиста В. Адлера. На вопрос габсбургского министра «Уверены ли вы, что Ульянов — враг царского правительства?» Адлер ответил: «О, да, более заклятый, чем ваше превосходительство».

6 августа 1914 года Ленин был освобождён из тюрьмы, а через 17 дней был уже в Швейцарии. Вскоре по приезду Ленин огласил на собрании группы большевиков-эмигрантов свои тезисы о войне. Он говорил, что «...начавшаяся война является империалистической, несправедливой с обеих сторон, чуждой интересам трудящихся. Прочного и справедливого мира — без грабежа и насилия победителей над побеждёнными, мира, при котором не был бы угнетён ни один народ, добиться невозможно, пока у власти стоят капиталисты. Покончить с войной и заключить справедливый, демократический мир может только сам народ. А для этого трудящимся надо повернуть оружие против империалистических правительств, превратив империалистическую бойню в войну гражданскую, в революцию против правящих классов и взять власть в свои руки. Поэтому кто хочет прочного, демократического мира, должен быть за гражданскую войну против правительств и буржуазии. Мы любим свой язык и свою родину, мы полны чувства национальной гордости, и именно поэтому мы особенно ненавидим своё рабское прошлое... и своё рабское настоящее».

▲ Ленин в Разливе

I мировая война ускорила созревание условий для свержения прогнившего самодержавного строя в России. В феврале 1917 года произошла буржуазно-демократическая революция, уничтожившая царизм. В стране установилось двоевластие. Получив известие о революции, В.И. Ленин определил задачи пролетариата и партии большевиков в новых условиях. В «Письмах из далека» он сформулировал политический курс партии, направленный на дальнейшее развитие революции, на переход от её первого, демократического, этапа ко второму, социалистическому, предупреждал о недопустимости поддержки буржуазного Временного правительства, призывал вести борьбу за переход всей власти в руки Советов.

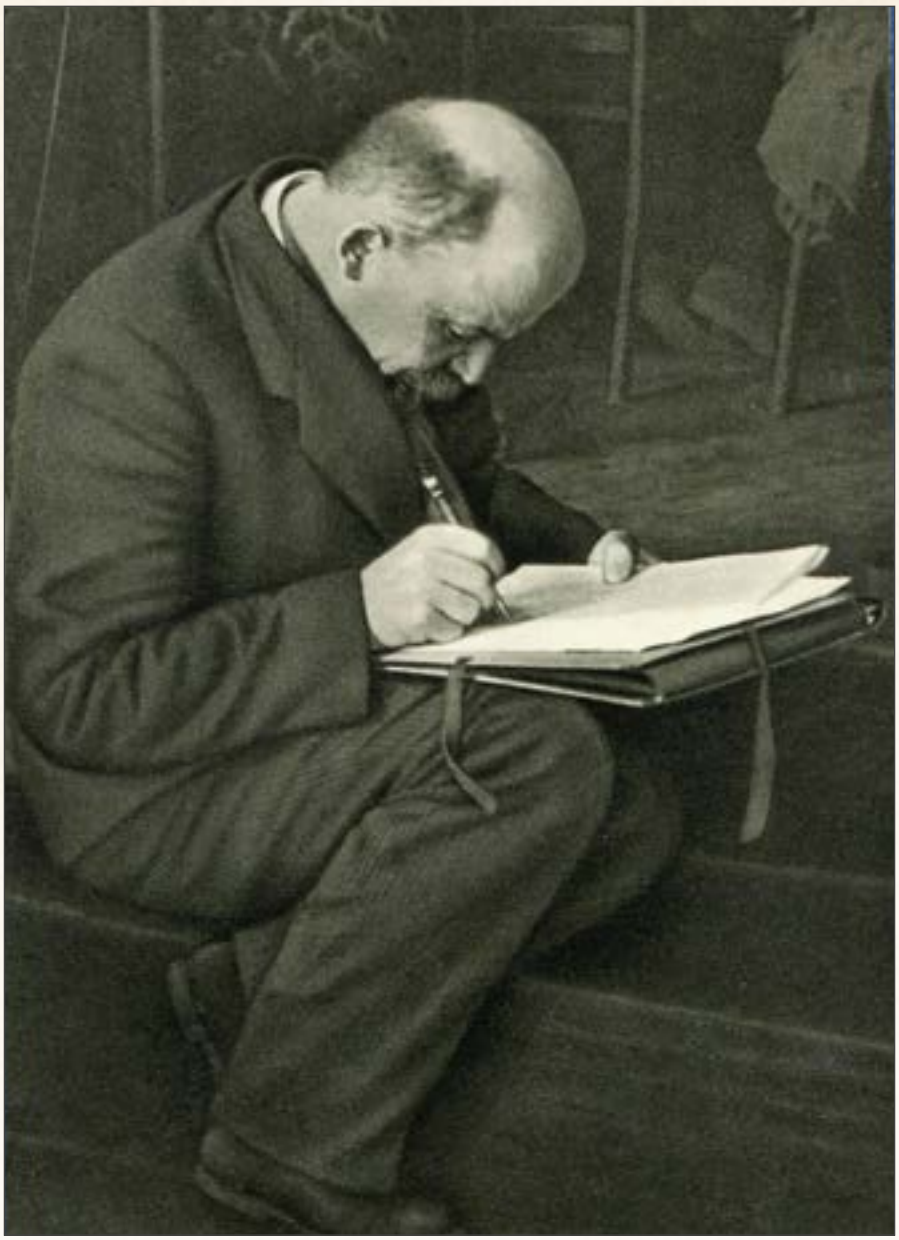
Весной 1917 года германские власти позволили Ленину вместе с 35 соратниками по партии выехать на поезде из Швейцарии через Германию, в Россию. 4 апреля Ленин проезжает в Россию. Он оценил политическую ситуацию в России, как благополучную для начала осуществления мировой пролетарской революции.

В своих исторических Апрельских тезисах («О задачах пролетариата

в данной революции»), в докладах и выступлениях на 7-й (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП (б) он развил план борьбы за мирный переход от буржуазно-демократической революции к социалистической путем завоевания большинства в Советах. Под его руководством ЦК партии развернул военно-боевую работу по созданию Красной Гвардии, привлечению солдат и офицеров армии и флота на сторону социалистической революции.

В июле 1917 года мирный ход революции был прерван. Вся власть перешла в руки контрреволюции. Ленин вынужден был уйти в подполье, скрываться в шалаше за озером Разлив, близ Петрограда, затем до начала октября — в Финляндии. В подполье он продолжал руководить деятельностью большевистской партии.

7 октября 1917 года Ленин нелегально прибыл из Выборга в Петроград. Ленин явился вождем Великой Октябрьской социалистической революции. В его работах «Большевики должны взять власть», «Марксизм и восстание», «Кризис назрел» и «Советы постороннего» развиты дальше марксистские положения о вооруженном восстании. На основе глубокого анализа расстановки и соотношения классовых сил в стране и на международной арене он сделал вывод, что назрел момент для совершения социалистической революции, разработал конкретный план вооруженного восстания, определил место и время нанесения решающего удара. Ленин указал на то, что «вооруженное восстание есть особый вид политической борьбы, подчиненный особым законам...» и что к нему надо относиться, как к искусству. Он предложил немедленно организовать штаб повстанческих отрядов, распределить силы и сосредоточить верные части в наиболее важных пунктах, подготовить окружение правительственных зданий, занять телефонную станцию и телеграф. Ленин рекомендовал создать отряды, готовые умереть но не пропустить неприятеля к центру города, вооружить рабочих, обеспечить оборону города против возможного наступления контрреволюционных частей. Для политического руководства восстанием было создано Политбюро ЦК во главе с Лениным.

▲ Тезисы

24 октября 1917 года после 6 часов вечера Ленин покинул конспиративную квартиру, оставив записку: «...Ушёл туда, куда вы не хотели, чтобы я уходил. До свидания. Ильич». В целях конспирации Ленин меняет внешний вид: сбривает бороду и усы, надевает старое пальто и кепку, повязывает щёку платком. Ленин на трамвае доезжает до Боткинской улицы, проходит Литейный мост, сворачивает на Шпалерную, по дороге дважды останавливается юнкерами и, наконец, приходит в Смольный. Прибыв в Смольный, он приступает к руководству восстанием. Ленин предлагал действовать жёстко, организованно, быстро, поскольку далее ждать было нельзя. Нужно было арестовать правительство, не оставляя власти в руках Керенского до 25 октября, обезоружить юнкеров, мобилизовать районы и полки, направить от них представителей в ВРК и ЦК большевиков. В ночь с 25 на 26 октября Временное правительство было

▲ Прибытие Ленина на Финляндский вокзал в Петрограде 3 апреля 1917 г.

арестовано. Для свержения Временного правительства понадобилось 2 дня. 25 октября Ленин написал обращение о низложении Временного правительства. В тот же день на открывшемся II Всероссийском съезде Советов были приняты ленинские декреты о мире и о земле, и образовано правительство — Совет Народных Комиссаров во главе с Лениным. 5 января 1918 года открылось Учредительное собрание, большинство в котором получили эсеры, представлявшие интересы крестьян, составлявших на тот момент 80 % населения страны. Ленин при поддержке левых эсеров поставил Учредительное собрание перед выбором: ратифицировать власть Советов и декреты большевистского правительства или разойтись. Не согласившееся с такой постановкой вопроса Учредительное собрание потеряло кворум и было принудительно распущено.

Победа Октября — главное событие XX века, открывшее новую эру в истории человечества — эру перехода от капитализма к социализму. Ленин возглавил практическую деятельность партии большевиков и народных масс России по созданию нового социалистического общества. Его деятельность охватывала все стороны жизни Советской Республики. Огромную организаторскую работу он соединял с теоретической деятельностью, разрабатывая в своих трудах актуальные проблемы строительства нового общества и вооруженной защиты социалистического Отечества. «Мы — оборонцы теперь, с 25 октября 1917 года, — говорил Ленин, — мы — за защиту отечества с этого дня».

Сразу же после Октябрьской революции начался контрреволюционный мятеж Керенского-Краснова. Вслед за тем против Советской власти выступили белоказачьи, офицерские и юнкерские части на Дону, в Москве, Баку, на Украине и в других районах. Однако Советская власть сравнительно легко подавляла в тот момент военное сопротивление эксплуататоров и одерживала победы на внутреннем фронте в результате поддержки, оказываемой ей большинством населения.

Под руководством Ленина для обеспечения защиты государства от интервенции внешних врагов и сил внутренней контрреволюции был разработан исторический де-

▲ 2 Съезд Советов

крет об организации Рабоче-Крестьянской Красной Армии, принятый Советом Народных Комиссаров 15 (28) января 1918 года.

Для подавления вооруженного сопротивления свергнутых эксплуататорских классов, была создана рабоче-крестьянская милиция и образован специальный орган — Всероссийская Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК).

Провозгласив политику мира и дружбы между народами, Советское государство во главе с Лениным приняло энергичные меры к прекращению войны и заключению всеобщего демократического мира. Однако отказ Антанты от этих предложений вынудил Советское правительство приступить 9(22) декабря 1917 года в Брест-Литовске к сепаратным мирным переговорам с Германией и её союзниками.

В тяжелейшей для Советской России обстановке В. И. Ленин видел только один выход. Чтобы спасти страну, надо заключить мир с Германией, но мир позорный, грабительский. Вооруженных сил в то время у Советской России еще не было. Германия проигрывала в войне со странами Антанты, и после поражения ее в I мировой войне Россия аннулировала бы этот позор. Таков был замысел Ленина. Вопрос о мире обсуждался в ЦК РКП(б) неоднократно. Замысел Ленина тогда твердо поддерживали Сталин, Сокольников, Артем (Сергеев), Зиновьев. За борьбу (революционную) выступали Троцкий, Бухарин, Урицкий, апеллируя при этом к мировой революции. Сталин, обосновывая необходимость подписания сепаратного мира, заявил, что «революционного движения на Западе нет, нет фактов, а есть только потенция, а с потенцией мы не можем считаться». Сталин оказался прав. Ленину были дороги идеалы мировой революции, он жил этой идеей, поэтому он отмежевался от сталинского высказывания о революционном движении на Западе.

Вопрос о мире был, по существу, тогда вопросом жизни или смерти для Советского государства.

9 января 1918 года советская делегация, возглавляемая Троцким, бывшим в то время наркомом иностранных дел, прибыла в ставку германской армии, в Брест-Литовск. Троцкий имел указание ЦК и В. И. Ленина — подписать мир с Германией, во что бы то ни стало. Но Троцкий вместо того, чтобы поставить свою подпись под документом, начал демагогически стращать немцев мировой революцией и призывать пролетариат Европы к революции против своих правительств. Генералу Гофману, главе немецкой делегации, Троцкий заявил: «Советская Россия войну прекращает, но мира не подписывает». Решение Троцкого было чрезвычайно выгодно Германии, получившей свободу действий для удушения Советской власти и оккупации России. Этим предательством Троцкий открыл дорогу немцам вглубь России, к Петрограду, на Украину. Немцы предъявили ультиматум, и перешли в наступление от Балтийского до Черного моря. Обороняться было нечем. Армии не было. Советское правительство приняло германский ультиматум.

24 февраля советская делегация нового состава выехала в Брест-Литовск. 3 марта был подписан мирный договор. По нему от Советской России были отторгнуты польские территории, Литва, Курляндия, Лифляндия, Эстляндия и часть Белоруссии; на Кавказе к Турции отходили Карс, Ардаган и Батуми. Украина и Финляндия признавались самостоятельными государствами. Германия сохраняла за собой Моонзунские острова и Рижский залив. Были наложены огромные контрибуции золотом, углем, хлебом, другими природными богатствами.

Германия сохраняла оккупацию всех территорий, занятых немецкими войсками к моменту подписания договора. Советская Россия обязывалась провести незамедлительную полную демобилизацию своей армии, включая вновь сформированные части Красной Армии.

В. И. Ленин глубоко верил в недолговечность и непрочность Брестского договора. Он призывал рабочих и крестьян России не впадать в отчаяние. Ноябрьская революция в Германии свергла кайзера Вильгельма II и его правительство. 13 ноября 1918 года Советское правительство аннулировало граби-

▲ Брестский договор

▲ Ленин в Кремле, 1918

тельский Брест-Литовский мирный договор.

Ленин ничего не смог сделать с Троцким. Он не мог отдать «Иудушку Троцкого» под суд революционного трибунала, как это делал потом демон революции на фронтах Гражданской войны, расстреливая любого не понравившегося ему краскома. В партии на тот момент было очень много сторонников Троцкого, все решения принимались коллегиально. Ленин не имел в государстве, да и в партии единоличной власти.

Осенью 1918 года международная обстановка серьезно изменилась. Потерпел поражение в I мировой войне австро-германский военный блок. Произошла Ноябрьская революция 1918 года в Германии. 13 ноября постановлением ВЦИК был аннулирован Брестский договор, что знаменовало полное торжество стратегии Ленина.

Вместе с тем возросла угроза расширения интервенции Антанты. В ноябре 1918 года английские корабли появились в Новороссийске, французские — в Одессе и Севастополе. В этих условиях партия и Советское правительство предприняли чрезвычайные экономические и политические меры для отражения военного нашествия. В короткий срок была перестроена на военный лад экономика, разработана и проведена в жизнь политика «военного коммунизма». 2 сентября 1918 года Советская Республика была объявлена военным лагерем. Вся политическая, хозяйственная и культурная жизнь страны перестраивалась применительно к нуждам войны. Для мобилизации всех сил и ресурсов в интересах обороны 30 ноября 1918 года был создан Совет Рабочей и Крестьянской Обороны во главе с Лениным. Этот чрезвычайный орган диктатуры пролетариата в условиях военного времени координировал и направлял деятельность военных и гражданских ведомств в центре и на местах.

О многогранной военно-организаторской деятельности Ленина свидетельствуют следующие факты. С декабря 1918 по декабрь 1920 годов под его председательством состоялось 143 заседания Совета Обороны (с конца марта 1920 — Совета Труда и Обороны). Только в течение 1919 года он руководил работой 14 Пленумов ЦК и 40 заседаний Политбюро ЦК РКП(б), на которых решались военные вопросы. За годы войны Ленин направил в различные органы более 600 писем и телеграмм по вопросам обороны страны.

С конца осени 1918 года Советская Республика сосредоточила основные усилия на Южном фронте. Он был объявлен главным. «...Ничего на запад, немного на восток, всё (почти) на юг», — требовал Ленин. Правильный выбор решающего фронта и сосредоточение на нем в течение января-февраля 1919 года главных усилий позволили не только разгромить силы южной контрреволюции и освободить Левобережную Украину, но и вести успешное наступление на других фронтах. Под влиянием боевых успехов Красной Армии и революционной агитации среди войск интервентов Антанта вынуждена была отказаться от открытой вооруженной интервенции и искать новые пути борьбы с Советской властью.

К весне 1919 года во многих капиталистических странах образовались коммунистические группы и левые социалистические организации. Стало возможным осуществить поставленную Лениным задачу — создать III-й, Коммунистический Интернационал.

В начале марта 1919 года состоялся 1-й конгресс Коммунистического Интернационала, в работе которого приняли участие 52 делегата из 30 стран. Ленин выступил с докладом о буржуазной демократии и диктатуре пролетариата, в котором подчеркнул, что коммунистические партии в своей деятельности должны исходить из необходимости социалистической революции и замены буржуазного государства государством нового типа — диктатурой рабочего класса. Историческое значение создания III-го Интернационала Ленин видел в том, что он возглавил борьбу международного пролетариата за осуществление вековых идеалов социализма.

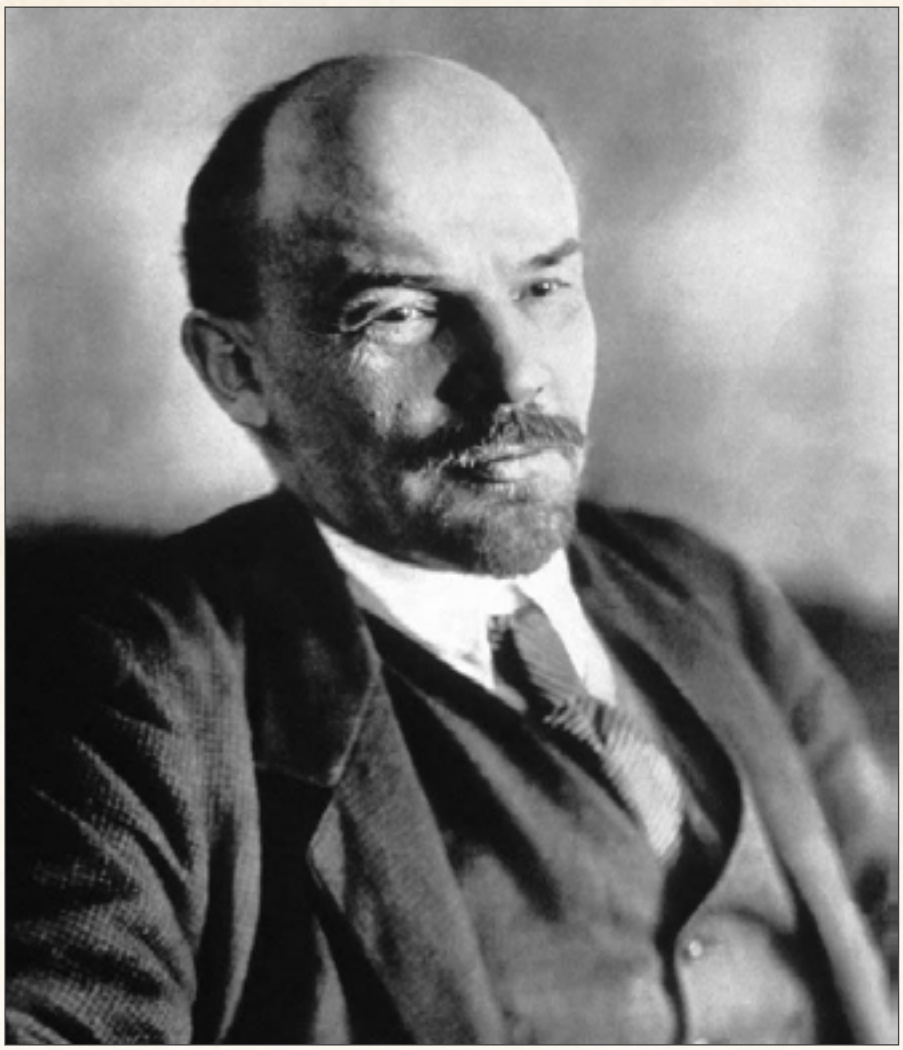
В тяжелый для Советской Республики период весной 1919 года с особой силой сказалась выдающаяся роль Ленина в организации обороны страны. В связи с положением Восточного фронта была выработана программа организации отпора колчаковщине и поставлена главная стратегическая задача Красной Армии «напрячь все силы, развернуть революционную энергию», защитить и отвоевать Волгу, Урал и Сибирь. Восточный фронт пополнился новыми частями, вооружением, снаряжением и боеприпасами. Вскоре на Восточном фронте наступил перелом. К середине лета 1919 года Красная Армия нанесла поражение колчаковцам, а к осени освободила Урал и вышла к районам Западной Сибири. В «Письме к рабочим и крестьянам по поводу победы над Колчаком» Ленин призывал советских людей не успокаивать себя достигнутыми успехами, напрячь все силы, чтобы окончательно сломить и уничтожить врага, изгнать Колчака и интервентов из Сибири.

Разгром Колчака заставил империалистов Антанты вновь сделать основную ставку на южную контрреволюцию, возглавлявшуюся генералом Деникиным. В новом объединенном походе империалисты замышляли использовать силы других белогвардейских генералов и войска малых, сопредельных с Советской Республикой государств. В написанном Лениным в июле 1919 года письме ЦК РКП(б) к организациям партии «Все на борьбу с Деникиным!» была сформулирована главная политическая и стратегическая задача: «Все силы рабочих и крестьян, все силы Советской республики должны быть напряжены, чтобы отразить нашествие Деникина и победить его, не останавливая победного наступления Красной Армии на Урал и на Сибирь. В этом состоит основная задача момента». Ленин был повседневно связан с Реввоенсоветом Республики и Главным командованием, направлял и контролировал их деятельность, следил за выполнением стратегических задач и военных директив ЦК партии, занимался вопросами подготовки и проведения важнейших военных операций. К концу 1919 года деникинская армия была разгромлена. Войска Южного фронта вышли к Черному морю.

Под Петроградом потерпели поражение войска генерала Юденича. Оценивая значение этих побед, Ленин в «Письме к рабочим и крестьянам Украины по поводу побед над Деникиным» сделал вывод: «Великорусским и украинским рабочим обязательно нужен тесный военный

▲ I Конгресс Коминтерна

и хозяйственный союз, ибо иначе капиталисты «Антанты», «Согласия», то есть союза богатейших капиталистических стран, Англии, Франции, Америки, Японии, Италии, задавят и задушат нас поодиночке». Победы Красной Армии обеспечили стране мирную передышку. На 9-м съезде РКП(б) были приняты директивы, являвшиеся основой ленинского плана ГОЭЛРО.

В мае 1920 года Ленин закончил написание известного труда «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», в котором разработал программные основы стратегии и тактики коммунистических партий всех стран мира в новой исторической обстановке, в эпоху общего кризиса капитализма, в условиях существования и борьбы двух социальных систем.

Попытки международного империализма ликвидировать Советскую власть военным путем продолжались. В апреле 1920 года милитаристы буржуазно-помещичьей Польши при поддержке Антанты напали на Советскую Россию. В июне их поддержал ударом из Крыма генерал Врангель. Ленин призвал советский народ вновь сосредоточить всё внимание на военных задачах и дать сокрушительный отпор империалистическим агрессорам. Благодаря принятым мерам Красная Армия, получив подкрепления, перешла в наступление. Всё это позволило, несмотря на неудачу под Варшавой, отразить наступление польских милитаристов. В ноябре 1920 года окончательно разгромлена армия Врангеля. Только на Дальнем Востоке продолжали оставаться японские интервенты, но и они были изгнаны в октябре 1922 года.

В годы Гражданской войны особенно ярко проявилась теоретическая и практическая деятельность Ленина в военной области. Он выступал не только как политический вождь, но и как выдающийся стратег, глубокий знаток военной науки и военного искусства. Он сформулировал положения о факторах, решающих ход и исход борьбы, показал зависимость военного искусства от общественного строя, от экономического развития страны. На войне побеждает тот, отмечал он, кто обладает превосходством в экономической, социально-политической, научно-технической, моральной и военной областях.

После окончания Гражданской войны Ленин возглавил борьбу партии и трудящихся за восстановление и дальнейшее развитие экономики, культурное строительство в стране. На 10-м съезде партии в 1921 году Ленин выступил с отчетом о политической деятельности ЦК РКП(б), с докладами о замене продразвёрстки натуральным налогом, о единстве партии. Им были написаны проекты важнейших решений. Ленин дал теоретическое и политическое обоснование необходимости перехода к новой экономической политике (нэпу). Съезд уделил особое внимание вопросу о единстве партии. Троцкисты, «рабочая оппозиция», «децисты» и другие оппортунистические группы требовали свободы фракций, толкали партию к расколу. Съездом были приняты ленинские резолюции о единстве партии, о синдикалистском и анархическом уклоне в ней. Съезд принял также постановление по военному вопросу, направленному на дальнейшее укрепление Красной Армии и Флота, повышение их боеспособности.

Во внешней политике Ленин неуклонно отстаивал возможность и необходимость мирного сосуществования государств с различным общественным строем, боролся за предотвращение новой мировой войны. Призывал партию, народ всемерно укреплять военную мощь Республики Советов, беречь «обороноспособность нашей страны и нашей Красной Армии, как зеницу ока...»

С именем Ленина неразрывно

связано рождение Рабоче-Крестьянской Красной Армии и Красного Флота, их героическая история. Во всякой войне, подчеркивал Ленин, победа в конечном счете обуславливается состоянием духа тех масс, которые на поле боя проливают свою кровь. Это ленинское положение полностью подтвердилось опытом Гражданской и Великой Отечественной войн.

Ленин первым из марксистов раскрыл сущность, характер и типы войн эпохи империализма, вскрыл их связь с экономическими и политическими закономерностями развития последней стадии капитализма.. Он всесторонне исследовал типы войн, показав, что в эпоху империализма могут быть войны национально-освободительные, революционные, гражданские, войны между империалистическими государствами, войны победившего пролетариата в защиту социализма.

С именем и деятельностью Ленина связана целая революционная эпоха в жизни человечества.

Многочисленные примеры демонстрируют широкий спектр суждений В. И. Ленина по «религиозному вопросу» и разнообразие практических подходов к нему. За категоричностью в одних случаях и проявлением терпимости в других можно увидеть чёткую позицию по отношению к сфере религии. В её основе, во-первых, принципиальная несовместимость диалектико-материалистического мировоззрения с какой-либо религией, представление об исключительно земных корнях религий. Во-вторых, антиклерикализм, перешедший в послереволюционный период в воинственное отношение к религиозным организациям как политическим противникам коммунистической партии. В-третьих, убеждённость Ленина в значительно меньшей важности проблем, связанных с религией, по сравнению с решением задач переустройства общества и поэтому подчинение первых последним.

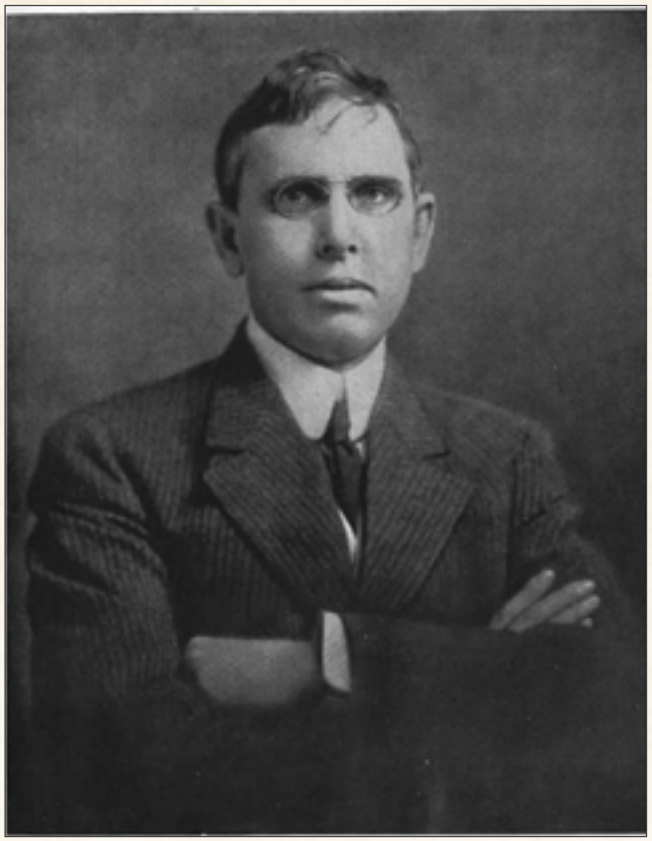
В работе «Социализм и религия» Ленин пишет: «Религия есть один из видов духовного гнёта, лежащего везде и повсюду на народных массах, задавленных вечной работой на других, нуждою и одиночеством. Бессилие эксплуатируемых классов в борьбе с эксплуататорами так же неизбежно порождает веру в лучшую загробную жизнь, как бессилие дикаря в борьбе с природой порождает веру в богов, чертей, в чудеса и т. п. Того, кто всю жизнь работает и нуждается, религия учит смирению и терпению в земной жизни, утешая надеждой на небесную награду. А тех, кто живёт чужим трудом, религия учит благотворительности в земной жизни, предлагая им очень дешёвое оправдание для всего их эксплуататорского существования и продавая по сходной цене билеты на небесное благополучие. Религия есть опиум народа. Религия — род духовной сивухи, в которой рабы капитала топят свой человеческий образ, свои требования на сколько-нибудь достойную человека жизнь»

После переезда советского правительства в Кремль в 1918 году, патриарх Тихон продолжал служить литургии, всенощные, молебны, панихиды, которые нередко проходили рядом с местом работы и проживания Ленина — в Успенском и Архангельском соборах Московского Кремля. Патриарх **Тихон говорил, что:** "Идейно мы с Владимиром Ильичом Лениным, конечно, расходились, но я имею сведения о нем, как о человеке добрейшей и поистине христианской души."

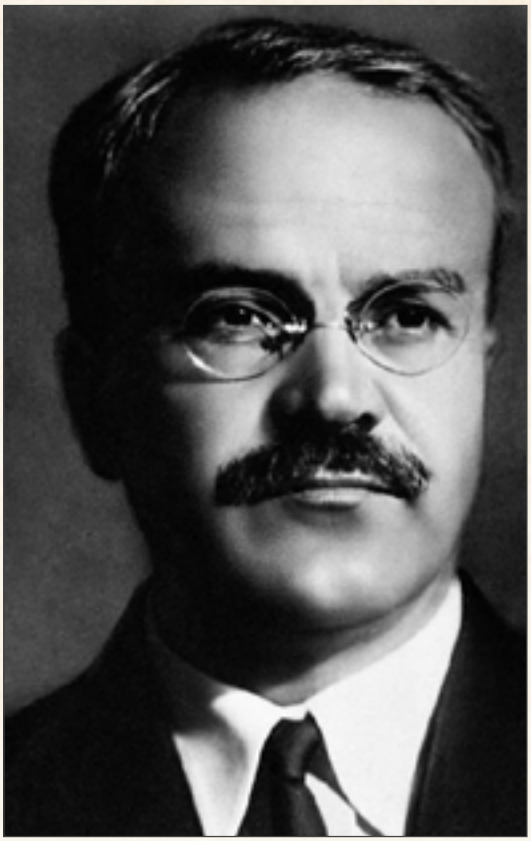
Ленин как Председатель Совета Народных Комиссаров подписал 20 января 1918 года Декрет о свободе совести, церковных и религиозных обществах, в редактировании которого он принимал участие. В Собрании узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства этот декрет был опубликован 26 января уже под другим названием — Об отделении церкви от государства и школы от церкви. Этим декретом всё имущество существовавших в России церковных и религиозных обществ было объявлено «народным достоянием». Декретом запрещалось «издавать какие-либо местные законы или постановления,

▲ Патриарх Тихон

▲ Теодор Драйзер

▲ Молотов В.М.

которые бы стесняли или ограничивали свободу совести» и устанавливалось, что «каждый гражданин может исповедовать любую религию или не исповедовать никакой. Всякие праволишения, связанные с исповеданием какой бы то ни было веры или неисповеданием никакой веры, отменяются».

Во время Гражданской войны Ленин обращал внимание на опасность ущемления интересов верующих. Об этом он говорил, выступая на I Всероссийском съезде работниц 19 ноября 1918 года, писал в проекте Программы РКП(б) в 1919 году («осуществлять фактическое освобождение трудящихся масс от религиозных предрассудков, добиваясь этого посредством пропаганды и повышения сознания масс, вместе с тем заботливо избегая всякого оскорбления чувств верующей части населения...») и в указании В. М. Молотову в апреле 1921 года.

Ленин поддержал просьбы верующих из Ягановской волости Череповецкого уезда содействовать достройке местного храма, заложенного ещё в 1915 г. (в записке Ленина председателю Афанасьевского сельсовета В. Бахвалову от 2 апреля 1919 года говорилось: «Окончание постройки храма, конечно, разрешается...»).

После Октябрьской революции и особенно после образования СССР повсеместно стали создаваться национальные школы, газеты, развиваться искусство. Тысячи и тысячи учителей из центральных районов страны переехали в самые отдаленные районы, чтобы учить и воспитывать детей. В результате огромной работы свыше 50 народов впервые получили свою письменность. Советская власть открыла в республиках педагогические вузы подготовки кадров на родном языке, создала республиканские академии наук. На окраинах бывшей царской империи создавались индустриальные центры, формировались рабочий класс, новая интеллигенция. Развивался процесс консолидации наций и народов СССР.

Американский писатель Теодор Драйзер отмечал: «Когда я был в 1927 и 1928 годах в России, мне случалось видеть на отдаленных окраинах страны, объединенной духом Ленина, крестьян и рабочих, мужчин и женщин, благоговейно склонившихся или обнаживших голову перед бюстом Ленина и, насколько я понял, видевших в нем (и, по-моему, совершенно справедливо) своего спасителя».

Вождь мирового пролетариата был убежденным революционером марксистом, которому ничего, кроме победы пролетариата, точнее его ленинских идей, не было нужно. Ленин был абсолютно безразличен к еде, одежде и к развлечениям. Образ мышления и его отношение к быту характеризует вот такая записка:

«23 мая 1918 г.

Управляющему делами Совета Народных Комиссаров

Владимиру Дмитриевичу Бонч-Бруевичу

Ввиду невыполнения Вами на-

стоятельного моего требования указать мне основания для повышения мне жалования с 1 марта 1918 г. с 500 до 800 руб. в месяц и ввиду явной беззаконности этого повышения, произведенного Вами самочинно по соглашению с секретарем Совета Николаем Петровичем Горбуновым в прямое нарушение декрета Совета Народных Комиссаров от 23 ноября 1917 г., объявляю Вам строгий выговор.

Председатель Совета Народных Комиссаров В. Ульянов (Ленин)».

Министр иностранных дел СССР В.М. Молотов вспоминал: "На съезде Советов, когда Ленин выступал, провозглашая Советскую власть, я стоял за ним и почему-то смотрел на его ботинок. У Ленина была привычка: во время выступления приподнимать ногу на носке, он как бы весь тянулся ввысь. И я отчетливо видел протертую насквозь подошву его ботинка. На всю жизнь врезалось в память...»

Норвегия выступила с инициативой присуждения Нобелевской премии мира Владимиру Ленину, с формулировкой «За торжество идей мира», как ответный шаг на изданный в Советской России «Декрет о Мире», выводивший в сепаратном порядке Россию из I мировой войны. Нобелевский комитет данное предложение отклонил в связи с опозданием ходатайства к установленному сроку — 1 февраля 1918 года, однако вынес решение, заключающееся в том, что комитет не будет возражать против присуждения Нобелевской премии мира В.И. Ленину, если существующее российское правительство установит мир и спокойствие в стране (как известно, путь к установлению мира в России преградила Гражданская война, начавшаяся в 1918 году).

В 1919 году по приказу Реввоенсовета Республики В.И. Ленин был принят в почётные красноармейцы 1 отделения 1 взвода 1 роты 195 стрелкового Ейского полка.

22 января 1924 года Н.П. Горбунов, секретарь Совета Народных Комиссаров, снял со своего пиджака орден Красного Знамени и приколол его к френчу уже умершего Ленина. Эта награда находилась на одежде тела Ленина в Мавзолее до 1943 года. Еще один орден Красного Знамени был возложен к гробу Ленина вместе с венком от Военной академии РККА.

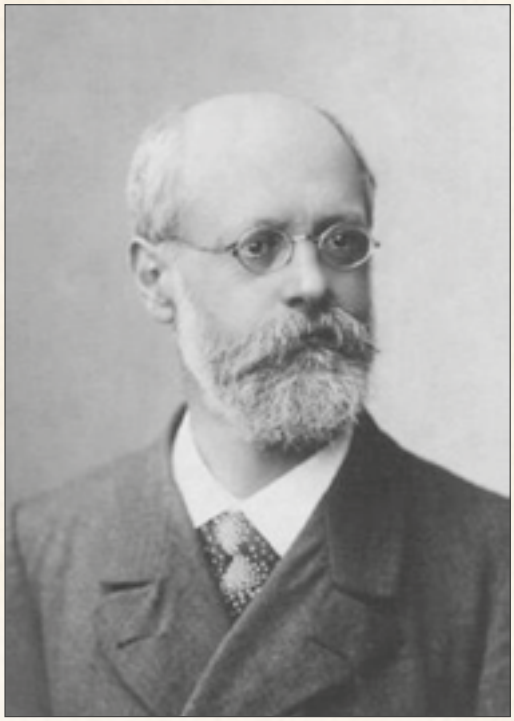
Пэр Англии Арчибальд Керр, лорд Инверчепел писал: "Ленин в сотрудничестве со своими помощниками предпринял самый грандиозный социальный эксперимент, который был сделан за две тысячи лет. В течение двух тысяч лет все подобные попытки кончались неудачей, но Ленин приступил к делу по-новому и основательно. Как человек действия, он всемирно-историческая величина.

Враги обвиняют его в жестокости. Это—заблуждение. Он был основательным и последовательным осуществителем грандиозной нравственной идеи. Этот покойник будет каждый раз воскресать. В сотне форм. Пока из хаоса нашей земли не восстанет справедливость."

Выступавший за сотрудничество с Советской Россией, лидер французской партии радикалов, премьер-министр Французской республики в 1924-1925, 1926 и 1932 годах Эдуард Эррио, правительство, возглавляемое им, установило дипломатические отношения с Советским Союзом в 1924 году и подписало

▲ Кончина Ленина

▲ Каутский Карл

договор о ненападении с СССР в 1932 году, писал: «Нет нужды указывать, как далек я был от ленинского учения, но я всегда восхищался его исключительными дарованиями государственного человека, его решительностью, энергией и действительно энциклопедической образованностью. Я уверен, что если бы он жил, то еще многое сделал бы для своей страны, ибо это был человек, который умел оценивать всякое положение и находить выход из него». Кстати, словарный язык печатных сочинений Ленина насчитывает 37 500 слов, словарный язык Пушкина насчитывает 21 000 слов, Шекспира — 15 000 слов.

Лидер и теоретик германской социал-демократии, экономист, историк и публицист Карл Каутский в 1924 году писал: "Наши разногласия не должны делать нас слепыми к величию усопшего. Он был колоссальной фигурой, каких мало в мировой истории. Между правителями великих государств нашего времени имеется только один, который хоть сколько-нибудь приближается к нему по своей силе. Это был Бисмарк. Конечно, их цели были диаметрально противоположны. У одного — торжество династии Гогенцоллернов в Германии, у другого — торжество пролетарской революции. Это такая же противоположность, как между водой и огнем. Цель Бисмарка была мелка, цель Ленина — колоссальна".

В феврале 1924 года И. В. Сталин на общем собрании памяти Ильича произнес: «Ленин был рожден для революции. Он был поистине гением революционных взрывов и величайшим мастером революционного руководства. Никогда он не чувствовал себя так свободно и радостно, как в эпоху революционных потрясений. Этим я вовсе не хочу сказать, что Ленин одинаково одобрял всякое революционное потрясение или что он всегда и при всяких условиях стоял за революционные взрывы. Нисколько. Этим я хочу лишь сказать, что никогда гениальная прозорливость Ленина не проявлялась так полно и отчётливо, как во время революционных взрывов. В дни революционных поворотов он буквально расцветал, становился ясновидцем, предугадывал движение классов и вероятные зигзаги революции, видя их, как на ладони. Недаром говорится в наших партийных кругах, что «Ильич умеет плавать в волнах революции, как рыба в воде».

Отсюда «поразительная» ясность тактических лозунгов и «головокружительная» смелость революционных замыслов Ленина.

Вспоминаются два особенно характерных факта, отмечающих эту особенность Ленина.

Первый факт. Период перед Октябрьским переворотом, когда миллионы рабочих, крестьян и солдат, подгоняемые кризисом в тылу и на фронте, требовали мира и свободы; когда генералитет и буржуазия подготовляли военную диктатуру в интересах «войны до конца»; когда все так называемое «общественное мнение», все так называемые «социалистические партии» стояли против большевиков, третируя их «немецкими шпионами»; когда Керенский пытался загнать в подполье — и отчасти уже успел загнать — партию большевиков; когда всё еще могучие и дисциплинированные армии австро-германской коалиции стояли против наших усталых и разлагавшихся армий, а западноевропейские «социалисты» благополучно пребывали в блоке со своими правительствами в интересах «войны до полной победы»...

Что значило поднять восстание в такой момент? Поднять восстание

в такой обстановке — это значило поставить всё на карту. Но Ленин не боялся рискнуть, ибо он знал, видел своим ясновидящим взором, что восстание неизбежно, что восстание победит, что восстание в России подготовит конец империалистической войны, что восстание в России всколыхнёт измученные массы Запада, что восстание в России превратит войну империалистическую в войну гражданскую, что восстание даст Республику Советов, что Республика Советов послужит оплотом революционного движения во всём мире.

Известно, что это революционное предвидение Ленина сбылось впоследствии с невиданной точностью.

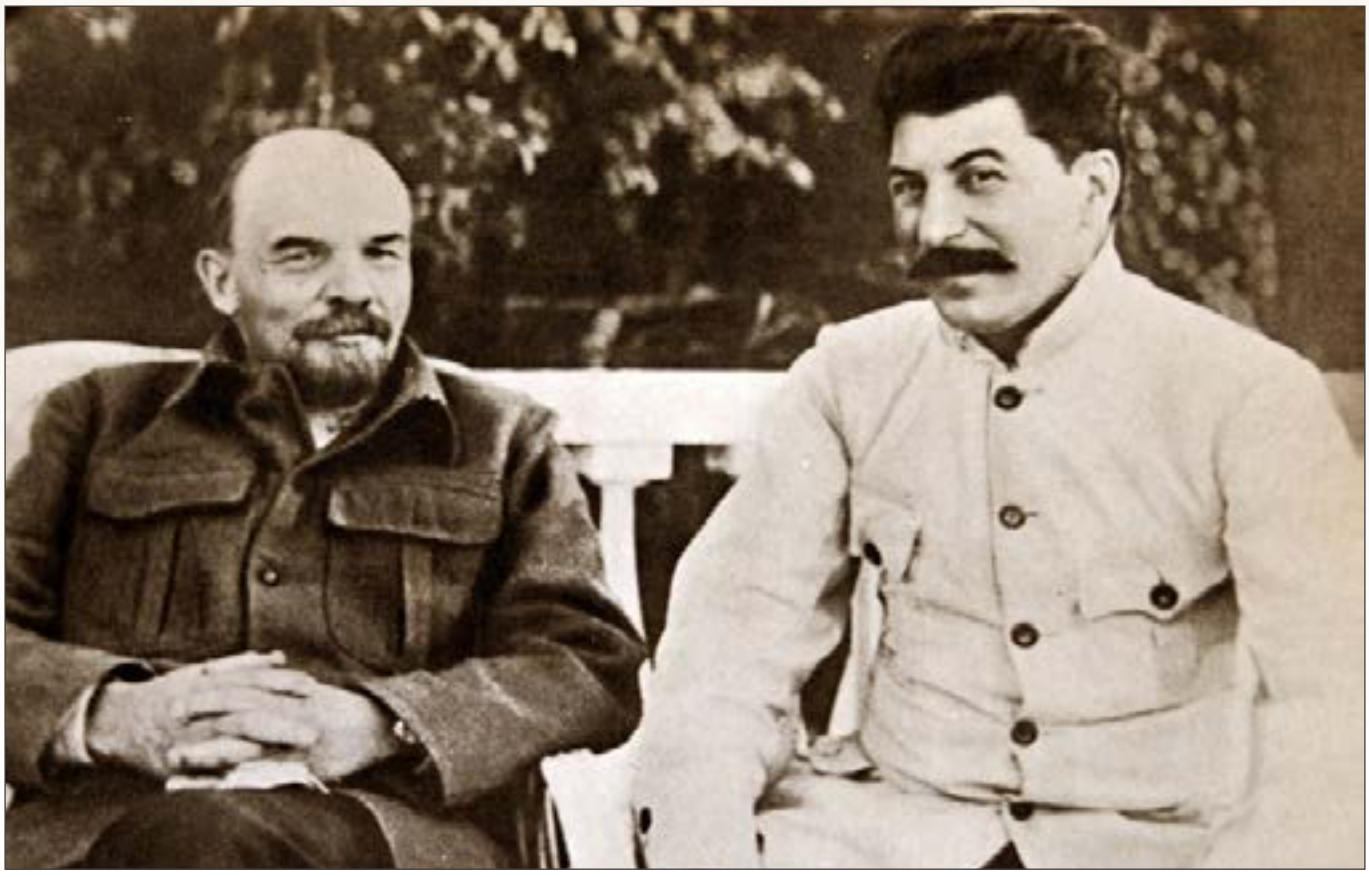
Второй факт. Первые дни после Октябрьской революции, когда Совет Народных Комиссаров пытался заставить мятежного генерала, главнокомандующего Духонина, прекратить военные действия и открыть переговоры с немцами о перемирии. Помнится, как Ленин, Крыленко (будущий главнокомандующий) и я отправились в Главный штаб в Питере к проводу для переговоров с Духониным. Минута была жуткая. Духонин и Ставка категорически отказались выполнить приказ Совнаркома. Командный состав армии находился целиком в руках Ставки. Что касается солдат, то неизвестно было, что скажет 14-миллионная армия, подчинённая так называемым армейским организациям, настроенным против Советской власти. В самом Питере, как известно, назревало тогда восстание юнкеров. Кроме того, Керенский шёл на Питер войной. Помнится, как после некоторой паузы у провода лицо Ленина озарилось каким-то необычайным светом. Видно было, что он уже принял решение. «Пойдём на радиостанцию, — сказал Ленин, — она нам сослужит пользу: мы сместим в специальном приказе генерала Духонина, назначим на его место главнокомандующим тов. Крыленко и обратимся к солдатам через голову командного состава с призывом — окружить генералов, прекратить военные действия, связаться с австро-германскими солдатами и взять дело мира в свои собственные руки».

Это был «скачок в неизвестность». Но Ленин не боялся этого «скачка», наоборот, он шёл ему навстречу, ибо он знал, что армия хочет мира и она завоюет мир, сметая по пути к миру все и всякие препятствия, ибо он знал, что такой способ утверждения мира не пройдёт даром для австро-германских солдат, что он развяжет тягу к миру на всех без исключения фронтах.

Известно, что это революционное предвидение Ленина также сбылось впоследствии со всей точностью.

Гениальная прозорливость, способность быстро схватывать и разгадывать внутренний смысл надвигающихся событий—это то самое свойство Ленина, которое помогало ему намечать правильную стратегию и ясную линию поведения на поворотах революционного движения».

С Днем Рождения Ильич!

▲ Ленин и Сталин в Горках, 1922 г.

Е.А. ШИТИКОВ, вице-адмирал

АТОМНАЯ БОМБА В ТОРПЕДНОМ АППАРАТЕ

При появлении атомного оружия наиболее многочисленным классом кораблей в отечественном флоте были подводные лодки. Ещё перед войной Военно-Морской Флот СССР занимал первое место в мире по числу подводных лодок. Великая Отечественная война подтвердила их эффективность в борьбе на коммуникациях противника. В условиях ядерной войны подлодки, находящиеся под толщей воды, имели бы явное преимущество перед надводными кораблями. Если по последним одно время возникли сомнения в целесообразности их строительства, то в отношении подлодок таких колебаний среди специалистов никогда не было. Поэтому, естественно, командование ВМФ хотело в первую очередь иметь атомное оружие на подводных лодках. Боевые зарядные отделения (БЗО) торпед были несопоставимо меньше авиационных атомных бомб. Например, первая американская бомба имплозивного типа („Толстяк“) имела диаметр полтора метра, в то время как у торпед он в три раза меньше. В этом заключалась труд-

ность перехода от авиационного атомного оружия к морскому и преодолеть её хотели разными путями.

Разработчики зарядов предлагали увеличить размеры торпеды, а специалисты флота — уменьшить размеры заряда и иметь его хотя бы малой мощности. В связи с этим и появились два проекта торпедного оружия с ядерными боеприпасами.

Инициатором первого проекта выступил В. И. Алфёров, деятельность которого в разное время была связана с Военно-Морским Флотом, Наркоматом судостроительной промышленности и Министерством среднего машиностроения. Во флоте он прослужил от командира торпедного катера до заместителя начальника Научно-исследовательского минно-торпедного института в Ленинграде. В системе Наркомата судостроительной промышленности Алфёров работал директором крупного торпедного завода №182 (позднее „Дагдизель“) в Махачкале и заместителем начальника Научно-технического комитета в Наркомсудпроме. Перейдя во вновь организованное 1-е Главное управление Совета Министров СССР, капитан 1 ранга В. И. Алфёров был назначен в КБ–11 и принимал самое активное участие в создании первой атомной бомбы, будучи заместителем главного конструктора, разрабатывавшим схему и приборы системы подрыва ядерного заряда. Работу в Министерстве среднего машиностроения он закончил в звании контр-адмирала и должности заместителя министра, отвечавшего за разработку ядерного оружия. Но это произошло позже, в 1968 году.

Авторитет В. И. Алфёрова в промышленности позволил ему сразу же после испытания первой водородной бомбы быстро организовать разработку сверхбольшой торпеды Т–15 под водородный заряд.

В Военно-Морском Флоте отношение к Алфёрову было крайне негативным после его письма Л. П. Берии и Н. А. Булганину о якобы незаконной передаче союзникам во время войны документации на авиационную торпеду 45–36АВ–А (авиационная высотного торпедометания — Алфёрова). Именно это письмо послужило поводом для известного несправедливого суда над адмиралами Н. Г. Кузнецовым, Л. М. Галлером, В. А. Алафузовым и Г. А. Степановым.

По режимным соображениям, а также с учётом сложившихся личностных отношений торпеда Т–15 сначала разрабатывалась без участия Военно-Морского Флота. О ней 6 отдел узнал через проект первой атомной подводной лодки, главным конструктором которой являлся В. Н. Перегудов.

Интересна краткая характеристика на Перегудова: „Хотя хорошо выполняет теоретические исследования, но большее влечение имеет к практическим вопросам... и годен к единоначалию“.

Предполагаемое вооружение атомной лодки, как уже упоминалось, стало известно флоту только в декабре 1953 года после утверждения тактико-технических данных эскизного проекта 627. Оно сильно удивило моряков. Размещение одного громадного торпедного аппарата в первом отсеке фактически вытесняло традиционное торпедное вооружение. Торпедный аппарат для сверхторпеды размещался в ди-

аметральной плоскости и повлиял на конфигурацию носа лодки. Вместо заострённой штевневой формы впервые была принята носовая оконечность сферической формы. Длина торпедного аппарата составляла более 22% общей длины лодки.

В конце 1953 года 6-й отдел ВМФ выдал промышленности (через 6-е Управление МО) тактико-техническое задание (ТТЗ) на атомное боевое зарядное отделение (БЗО) корабельной торпеды калибра 533 мм с повышенной дальностью хода.

После этого в разработке оказались две торпеды: „большая" — калибра 1550 мм и „малая" — калибра 533 мм, соответственно с термоядерным и атомным зарядами. Первая — по инициативе Минсредмаша, вторая — флота.

Военно-Морской Флот стал возражать против большой торпеды, тем не менее, именно она вошла не только в эскизный, но и в технический проект 627 (1954 г.). В техпроекте вооружение атомной подводной лодки опять состояло из одной большой торпеды, предназначенной главным образом для стрельбы по портам и базам, и двух торпед с обычными БЗО для самообороны (все торпеды электрические). А чем же стрелять по кораблям в ордере? Кроме того, весьма сомнительной была возможность подойти на дистанцию выстрела к военно-морской базе противника. Уже к концу войны противолодочная оборона стала брать верх над подводными лодками (за Вторую мировую войну немцы потеряли 781 подлодку).

Для ядерного боеприпаса больше подходили не малоэнергетичные электроторпеды, которые разрабатывались в то время с аппаратурой самонаведения, а прямоидущие дальноходные торпеды. ТТЗ было выдано на атомное БЗО именно к такому типу торпед.

Разработчиком всех типов торпед являлся НИИ–400 Минсудпрома, который длительное время возглавлял А. М. Борушко. Главным конструктором новой парогазовой торпеды калибром 533 мм с атомным боевым зарядным отделением был Г. И. Портнов. За основу он принял конструкцию торпеды в варианте дальноходного режима. На период разработки она получила шифр Т–5.

Официальные возражения против большой торпеды Т–15 Военно-Морской Флот изложил в заключении по техническому проекту 627. Взамен одного колоссального торпедного аппарата предлагалось установить аппараты традиционного калибра. В откорректированном в 1955 году техническом проекте вместо трёх торпед (из них одна Т–15) боекомплект торпед составил 20 единиц при восьми 533-мм торпедных аппаратах, что вполне удовлетворило моряков. Только после этого были прекращены работы над торпедой Т–15.

Основные характеристики торпед Т–15 и Т–5 приведены в таблице.

Элементы	Торпеда	
	Т–15	Т–5
Калибр, мм	1550	533
Вес торпеды, кг	40000	2200
Длина торпеды, см	2355	792
Тип энергетики	Электрическая	Парогазовая
Ядерный заряд	Термоядерный	Атомный
Подлодки — носители торпед	Атомная пр. 627	Всех проектов

Как видно из таблицы, все элементы этих двух торпед Т–15 и Т–5 резко отличались друг от друга.

Ядерные заряды для торпед первоначально разрабатывало КБ–11 под руководством Ю. Б. Харитона.

Заряд для торпеды конструировали по имплозивной схеме, то есть делящиеся материалы переводились в надкритическое состояние путём симметричного обжатия. Сферический заряд химического взрывчатого вещества на первых ядерных боеприпасах инициировался одновременно в нескольких точках по наружной поверхности.

Для торпеды Т–5 предназначался малогабаритный заряд РДС. Его газодинамическая особенность состояла в том, что впервые применялась схема с уменьшенным числом точек инициирования. Теоретическую часть и конструкцию заряда разрабатывали Е. И. Забабахин, М. Н. Нечаев, В. Ф. Гречишников, В. К. Боболев, А. Д. Захаренков, Н. А. Казаченко, В. К. Чернышёв, Л. М. Тимонин.

Первое испытание заряда РДС состоялось 19 октября 1954 года на Семипалатинском полигоне под руководством министра среднего машиностроения В. А. Малышева. Комиссию возглавлял И. В. Курчатов, в неё входили А. С. Александров, Ю. Б. Харитон, Е. А. Негин, Д. А. Фишман, Г. А. Цырков, В. И. Жучихин, Г. П. Ломинский. От Минсудпрома присутствовал министр И. И. Носенко, от Военно-Морского Флота — контр-адмирал П. Ф. Фомин.

Заряд размещался в корпусе БЗО торпеды. Сборкой этой конструкции руководил Н. Л. Духов. Управление подрывом производилось с помощью того же пульта, который использовался при взрыве первой атомной бомбы. Подрыв заряда осуществляла группа В. И. Жучихина. К сожалению ядерный заряд не сработал: взрыв химического ВВ не вызвал реакции деления плутония. Вокруг башни образовалась зона радиоактивного заражения. Удаление радиационно-активных материалов производил личный состав полигона. Жаль, что тогда полученный опыт по дезактивации местности не довели до специалистов в этой области.

Это первый отказ в истории испытаний отечественного ядерного оружия. Случись такое при Берии — кому-то пришлось, по всей видимости, сесть за решётку. Но даже и после него органы были „бдительны".

Е. А. Негин рассказывал:

„После поездки к месту несостоявшегося атомного взрыва Курчатова, Малышева, Зернова, Харитона и других участников мы собрались в каземате и стали спокойно разбираться в причинах отказа. Вдруг появляется некий полковник госбезопасности. В фуражке, начищенный, с иголочки. Козырнул и обращается к В. А. Малышеву, нашему министру:

— Товарищ министр! Если я правильно понимаю, произошёл отказ?

— Правильно понимаете.

— Разрешите начать следствие...

Нам всем как-то нехорошо стало".

Из воспоминаний участника испытаний С. Л. Давыдова:

„Курчатов с сопровождавшими его лицами наблюдал взрыв... Но... вспышка не возникла, над башней поднялось лишь небольшое облако дыма. Подорвался только заряд химического ВВ, а ядерная реакция не пошла. Все стояли сконфуженные, в том числе и Игорь Васильевич. Наконец Курчатов прервал молчание, и я услышал, как он сказал, что отрицательный результат вполне допустим при экспериментальной отработке заряда".

В. И. Жучихин вспоминает: *„Это был первый отказ в наших испытаниях. Когда сообщили об этом Кириллу Ивановичу Щёлкину (он уже вернулся с учений) — его хватил инфаркт".*

В Военно-Морском Флоте тоже переживали неудачу с первым испытанием ядерного заряда для торпеды.

Совет Министров СССР постановлением от 13 апреля 1955 года принял предложение Министерства обороны и Министерства среднего машиностроения о проведении испытаний двух изделий Т–5 на Морском Научно-испытательном полигоне (Новая Земля) в сентябре-октябре 1955 года в стационарном положении на глубинах 10–15 и 30–40 метров. Общую программу испытаний предлагалось утвердить новому министру среднего машиностроения А. П. Завенягину и Главнокомандующему ВМФ Н. Г. Кузнецову. Ответственность за подготовку изделия Т–5 к испытаниям возлагалась на заместителя министра среднего машиностроения Б. Л. Ванникова и Министра судостроительной промышленности И. И. Носенко.

Сами испытания должны были проводиться под руководством Главкома ВМФ. У Н. Г. Кузнецова в мае случился инфаркт, и испытаниями руководил исполняющий его обязанности адмирал С. Г. Горшков. Комиссию возглавлял начальник 5-го Главного управления Минсредмаша Н. И. Павлов. Его первыми заместителями были П. Ф. Фомин и академик Н. Н. Семёнов. В постановлении правительства первым заместителем председателя также указан Н. Л. Духов, но он в испытаниях не участвовал.

Перед полигоном стояла задача по определению мощности подводного взрыва, когда огненный шар не виден, а на параметры ударной волны сильное влияние оказывают отражённые от свободной поверхности воды и дна волны. При подготовке к испытаниям полигон запросил ожидаемую мощность взрыва, и разработчики заряда сообщили:

от 1,3 до 11,0 килотонн. Такой разброс говорил о неустойчивой работе и модернизированного заряда РДС. Кроме того, полигон должен был определить и „коэффициент полезного действия".

Между флотом и промышленностью имелись расхождения по температурному режиму эксплуатации заряда РДС. Конструкторы требовали постоянно выдерживать положительную температуру заряда, опасаясь в противном случае его отказа. Но на Северном флоте температура воды, а тем более воздуха, очень часто бывает ниже нуля, поэтому моряки с требованиями промышленности не соглашались. Торпедные аппараты на подводных лодках не имели обогрева и обеспечить его было трудно, так как передняя часть аппарата, где находится заряд, выходит за пределы прочного корпуса.

Сборка заряда осуществлялась в специально построенном здании (ДАФ) на площадке № 2 на побережье залива Рогачёва. Руководил ею Е. А. Негин. За транспортировку заряда морем и охрану района испытаний отвечал командующий Беломорской флотилией Н. Д. Сергеев.

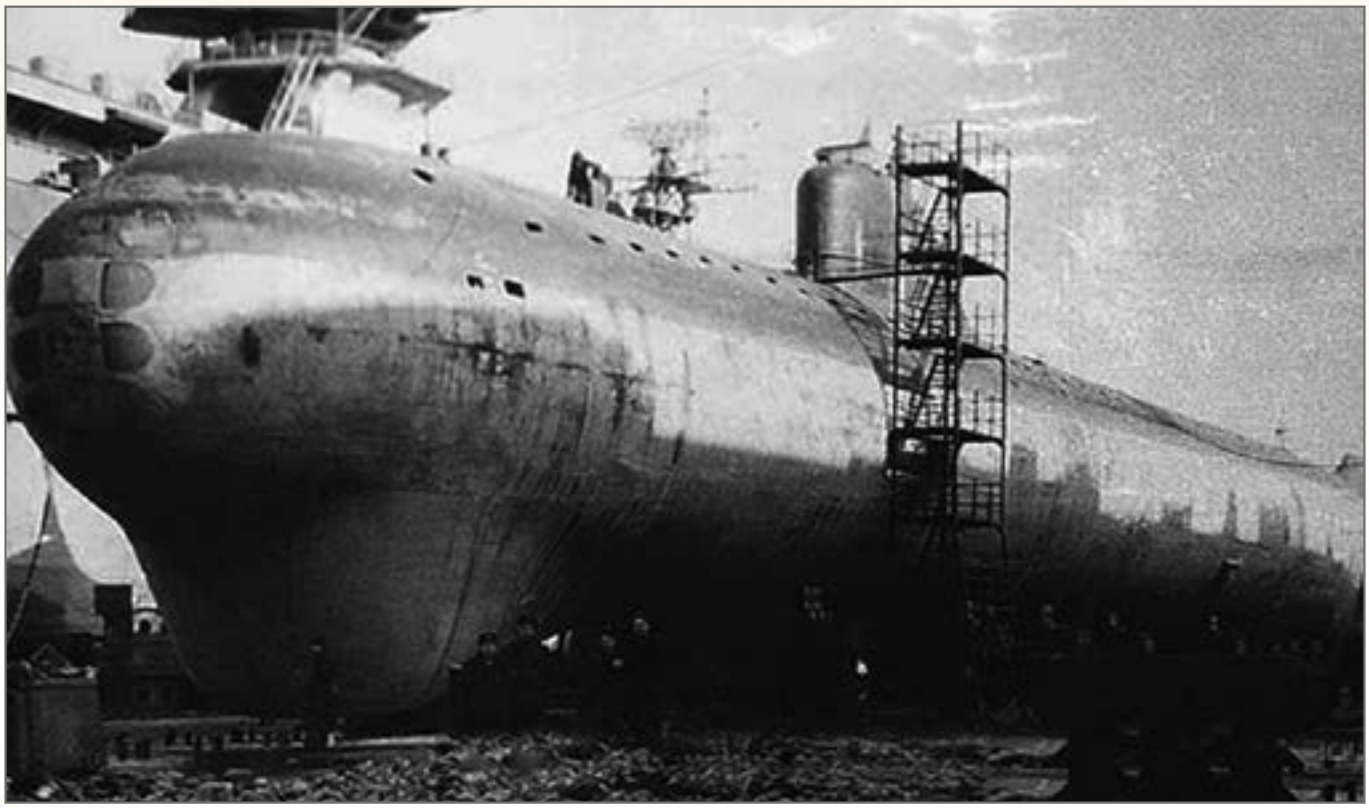
21 сентября 1955 года, наконец, осуществили подводный взрыв атомного БЗО торпеды Т–5, опущенной на тросе с малого тральщика на глубину 12 метров, что примерно соответствовало глубине хода торпеды. На акватории в губе Чёрной были расставлены корабли-мишени: эсминцы, подводные лодки, тральщики и транспорты. Провести второе испытание с подводным взрывом на глубине 30–40 метров, как было записано в постановлении правительства, в том году уже не успевали.

Раньше упоминалось, что методики измерения тротилового эквивалента по кинематическим характеристикам султана и по параметрам подводной ударной волны дали схожие результаты. Однако радиохимики получили завышенные величины мощности. В результате комплексного анализа мощность заряда была определена в несколько килотонн.

В состав атомного боеприпаса торпеды, кроме заряда, входят автоматика и корпус. Создание автоматики СБЗО торпеды Т–5 поручили вновь организованному Московскому филиалу № 1 КБ–11 (позже КБ–25, ныне ВНИИА). Морскую тематику в этом бюро тогда вели Виктор Андреевич Зуевский, Константин Ефимович Бовыкин, Евгений Васильевич Ефанов, Дмитрий Петрович Сухотин, Константин Антонович Бортновский, Евгений Алексеевич Сафронов, Василий Михайлович Курочкин. Эта научно-конструкторская организация отвечала и за всю боевую часть в целом. Автоматика боевой части была связана (электрически) с системой управления движением торпеды.

В Военно-Морском Флоте координацию всех работ по созданию ядерных боеприпасов к торпедному оружию осуществлял Б. А. Сергиенко.

После положительных испытаний заряда РДС в 1955 году сроки создания нового оружия определяла сама торпеда. Ходовые испытания торпеды Т–5 начались на Иссык-Куле. По программе заводского этапа испытаний произвели 15 выстрелов. Испытания шли трудно. В четырёх стрельбах торпедами зафиксировано преждевременное срабатывание гидростатического замыкателя, вызванное повышенным заглублением торпеды. Оно неожиданно наблюдалось после прохождения примерно 2/3 дистанции хода, то есть на уда-

лении, где ступени предохранения могли быть уже сняты. В этом случае включение гидрозамыкателя означало выдачу команды на подрыв ядерного заряда. Торпеду дорабатывали для устранения нестабильности хода по глубине.

Государственные испытания торпеды Т–5 проводились в два этапа: на Ладожском озере и на Новой Земле. В соответствии с ладожской программой произвели 7 выстрелов, из них 6 были положительными. Председателем комиссии являлся командир Ленинградской военно-морской базы адмирал И. И. Байков. На Ладоге велись и подготовительные работы к новоземельским испытаниям. Для запуска регистрирующей аппаратуры на корабле-цели (тральщик проекта 253л) установили гидроакустическую станцию, и он стал ещё и пунктом гидроакустического наблюдения (ПГН). У торпеды при перекладке рулей на погружение в районе цели выключался двигатель, что и фиксировал ПГН. При этом определяли время погружения торпеды на заданную глубину. После испытаний на Ладоге выдали техническое задание на оборудование Новоземельского полигона. Проверенная методика позволила предсказать момент взрыва и своевременно запустить регистрирующую аппаратуру при испытаниях на Новой Земле.

Программа испытаний на Новой Земле в 1957 году предусматривала три пристрелочных выстрела. Два из них без аппаратуры ЯБП и один с боевой частью в контрольной комплектации без делящихся материалов. При этом вес взрывчатого вещества обжимного заряда этого изделия уменьшили, чтобы не повредить ПГН. После пристрелочных и контрольного выстрелов разрешалась стрельба штатной торпедой Т–5 с атомным боевым зарядным отделением. Председателем этой комиссии являлся заместитель Главкома ВМФ адмирал Н. Е. Басистый. Стрельбы производила подводная лодка С–144 (проекта 613) 73-го отдельного дивизиона подводных лодок Северного флота. Командира лодки капитана

1 ранга Григория Васильевича Лазарева наградили за эти испытания орденом Ленина.

Из трёх пристрелочных выстрелов один оказался неудачным. Первый заместитель Главкома ВМФ адмирал А. Г. Головко склонялся к тому, чтобы отложить боевую стрельбу, пока не будет повышена надёжность торпеды. Важно было заключение Минно-торпедного управления ВМФ, которое возглавлял вице-адмирал Б. Д. Костыгов. Учитывая надёжность ступеней предохранения ядерной боевой части, где использовались многократно проверенные элементы, торпедисты рекомендовали не откладывать боевую стрельбу. В случае нештатной ситуации ядерный взрыв на опасном для лодки расстоянии исключался. Кроме того, после выстрела подлодка на полном ходу выходила из залива, „прячась" за мыс.

Комиссия приняла решение проводить боевую стрельбу. Она состоялась 10 октября 1957 года на ди-

станцию 10 км с атомным взрывом на глубине 35 метров. Отклонение от точки прицеливания, как уже отмечалось, составило 130 метров (точность оптических методов при глубоководном взрыве — до 20 метров). В результате потопили шесть кораблей-мишеней: два эсминца, две подводные лодки и два тральщика. Адмирал Н. Е. Басистый доложил Главкому, что личный состав ПЛ С–144 „безукоризненно выполнил поставленные задачи".

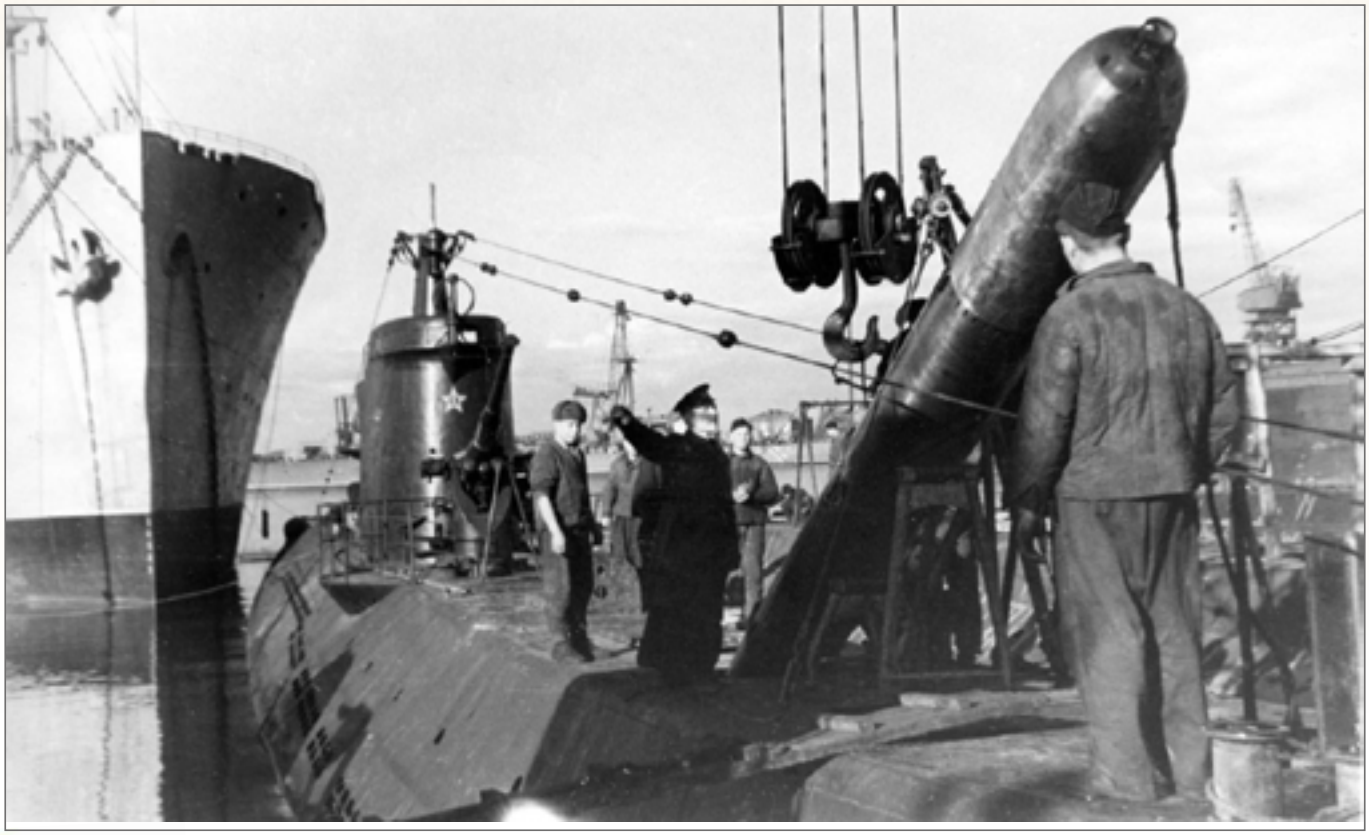
Конструкция малогабаритного атомного заряда непрерывно совершенствовалась. В этот раз его мощность оказалась выше, чем при испытании в 1955 году, в три раза. Таким образом, после одного неудачного (1954 г.) получили на Новоземельском и Семипалатинском полигонах ряд положительных испытаний заряда для торпеды (1955–1957 гг.) Появилась уверенность в надёжности заряда. Он стал использоваться и в боеприпасах других видов Вооружённых Сил.

Торпеду Т–5 приняли на вооружение подводных лодок, присвоив ей новый шифр. Однако в серийном производстве этих торпед изготовили небольшое количество. В июне 1960 года на Тихоокеанском флоте тоже провели практическую стрельбу торпедой с боевой частью в контрольной комплектации от партии серийного завода Минсредмаша. Результаты стрельбы положительные.

Штатные боевые зарядные отделения торпед заложили на хранение в войсковых частях флотов. На флоты заряды поступили „россыпью", и личный состав спецчастей собирал их, в том числе центральные части зарядов с делящимися материалами и нейтронным источником. Это было единственное корабельное изделие, которое поставлялось на флоты в полностью разобранном виде. СБЗО торпеды Т–5 имело ряд эксплуатационных недостатков. Например, аккумуляторы требовали через каждые 15 суток проведения циклов „разряд — заряд" для обеспечения их постоянной готовности к установке на изделие. Наличие электрических связей между СБЗО и основной частью торпеды усложняло проверку автоматики боевой части. Время комплексной проверки одного боеприпаса перед выдачей на подводную лодку составляло несколько часов.

Сами торпеды заложили на хранение, частично на торпедных арсеналах флотов и частично на базах ядерного оружия (в полностью приготовленном виде). Вместе с ядерным боеприпасом на подводные лодки они не выдавались, так как в этом не было оперативной необходимости и по соображениям безопасности, а также ввиду ограниченного гарантийного срока пребывания ядерной боевой части на подводной лодке. Небольшой срок нахождения ЯБП на лодке определялся сроком годности постоянного источника нейтронов и аккумуляторной батареи.

Вот как вспоминал о том времени В. В. Гольцев: „Я был начальником группы и работал по специальности № 1, то есть собирал заряды к торпеде Т–5. Надо было подвесить нейтронный источник и точно установить на спицах центральную часть. Всё делалось руками. Мы периодически проходили медицинский контроль и получали дополнительное питание, в том числе молоко.

Сейчас почему-то забыли об этих небезопасных в радиационном отношении работах".

К сожалению, новая торпеда разрабатывалась в сжатые сроки и была менее надёжна, чем другие торпеды, которые более интенсивно эксплуатировались на флотах.

Ещё до принятия этой торпеды на вооружение в Шестом и Минно-торпедном управлениях ВМФ родилась идея создания автономного специального боевого зарядного отделения (АСБЗО), не связанного электрически с торпедой и пригодного для стыковки с большинством торпед 533-мм калибра. Совет Министров СССР одобрил эти предложения и своим постановлением № 161–86 от 13 февраля 1957 года поручил Министерствам среднего машиностроения и судостроительной промышленности разработку АСБЗО.

В тактико-техническом задании на АСБЗО, которое готовило 6 Управление ВМФ, была указана мощность 10 килотонн. Уже 16 ноября 1957года Главком ВМФ адмирал С. Г. Горшков обратился к министру среднего машиностроения Е. П. Славскому по поводу мощности АСБЗО: „В связи с положительным результатом предварительных проработок в КБ прошу повысить мощность". Такой быстрый результат получили благодаря параллельной разработке нескольких модификаций заряда.

Среди разработчиков зарядов к этому времени произошли изменения — создали второй ядерный центр. Основателем и его научным руководителем был К. И. Щёлкин. Торпедная тематика, точнее ядерные заряды для торпед, перешли в новый институт. Наибольшее распространение в торпедном оружии получили заряды, разработанные главным конструктором членом-корреспондентом РАН Борисом Васильевичем Литвиновым (ныне академик РАН).

Заряд для АСБЗО продолжали совершенствовать. Новый заряд прошёл натурные испытания на полигоне до моратория на ядерные испытания 1959–1960 годов и поэтому не задерживал разработку АСБЗО.

Зачётные испытания АСБЗО в варианте ТБ (без ядерных взрывов) провели торпедными стрельбами в ноябре 1959 — январе 1960 года с положительными результатами. Автоматика АСБЗО, созданная в Минсредмаше и Минсудпроме, работала безотказно.

Универсальный ядерный боеприпас для торпедного оружия приняли на вооружение и сразу же запустили в серийное производство. В октябре 1960 года на заводе-изготовителе провели контрольную сборку первых пяти АСБЗО. Кроме того, в конце года организовали контрольные испытания АСБЗО от первой серии. Они проходили на Северном флоте со стрельбой с подводной лодки. Только после этого АСБЗО стали поступать на флоты, где хранились в частично собранном виде в подземных сооружениях. Создание АСБЗО было отмечено Ленинской премией. Её получили К. Е. Бовыкин, А. В. Косов и Э. В. Казлонский.

В 1961 году высшее руководство страны приняло решение провести боевые стрельбы некоторых образцов ядерного оружия армии и флота с целью проверки боеготовности его и демонстрации силы. В число проверяемых образцов вооружений включили торпеды с АСБЗО.

Для испытаний в боевых стрельбах готовились АСБЗО двух мощностей, носителем планировалась перекисно-водородная торпеда, которая имела большую дальность хода. Главный конструктор торпеды — Д. А. Кокряков.

Торпеды готовились личным составом 216-го арсенала, а боевые части к ним — одной из ядерных баз Северного флота. Начальником расчёта, снаряжавшего электродетонаторами ядерные заряды АСБЗО, был капитан-лейтенант В. Н. Шибанов.

Учение Военно-морского флота проводилось под кодовым наименованием „Коралл". Руководителем был назначен заместитель Главкома ВМФ по кораблестроению и вооружению адмирал Н. В. Исаченков. Участвовали в учениях и начальники Минно-торпедного управления — вице-адмирал Б. Д. Костыгов и 6-го Управления — вице-адмирал П. Ф. Фомин.

Непосредственно стрельба торпедой с боевым АСБЗО возлагалась на 4-ую эскадру СФ (командир эскадры контр-адмирал Н. И. Ямщиков). Научными руководителями исследований явлений ядерного взрыва в водной среде от ВМФ были доктора технических наук контр-адмирал Ю. С. Яковлев и капитан 3 ранга Б. В. Замышляев.

План учения предусматривал пристрелочную стрельбу двумя практическими БЗО, двумя контрольными выстрелами с АСБЗО в комплектации без делящихся материалов и два выстрела торпедами со штатными боевыми АСБЗО. Один из них с взрывом на глубине 25 метров, а второй — на поверхности воды. При этом в первом случае глубина хода торпеды на траектории была 4 метра, а во втором предельно малая — 0,75 метра, которая возможна только при небольшом волнении моря и надёжной работе системы управления торпедой по глубине. Дистанцию стрельбы приняли единую 12 500 метров, то есть на 2500 метров больше, чем в 1957 году. Мишенная обстановка в этот раз была представлена только плавучим средством — целью (без опытовых кораблей-мишеней). Кроме цели, на акватории находились приборные стенды. Использовались штатные боевые АСБЗО в диапазоне от малой до средней мощности.

Отработка боевых частей АСБЗО в контрольной комплектации продолжалась на Приозёрском полигоне.

Об испытании на Ладожском озере, где проводили стрельбы торпедами с боевыми частями различной контрольно-измерительной комплектации (без делящихся материалов). Пуски торпед выполняли с подлодки одного из старых проектов, на которой специально для этих испытаний установили новый торпедный аппарат вне прочного корпуса. Участник испытаний Ю. Ф. Тюрин рассказал:

„Загрузка торпеды в опытный аппарат не очень удобна и для личного состава лодки необычна. Шла подготовка к ответственному этапу — стрельбе на максимальную дальность. Перед загрузкой с носовой части торпеды нужно было снять предохранительный колпак весом более 10 кг. Матрос, снимавший колпак, поскользнулся, потерял равновесие и упал между корпусом лодки и причалом. Колпак догнал его в воздухе и ударил по голове. Расстояние между корпусом ПЛ и причалом около 1,5 метров. Матроса не видно. На какое-то время все растерялись. Первым

пришёл в себя и принял решение В. Воронин, участник испытаний от организации — разработчика торпеды. Не снимая сапог и тёплой куртки, он прыгнул с пирса, нашёл под водой матроса и вытолкнул его на поверхность. Обоих подняли из воды, обсушили. Дальше подготовка к стрельбе шла нормально. Заключительный пуск был удачным, торпеда прошла заданную дистанцию, все параметры торпеды и боевой части в контрольной комплектации были в норме".

Первая атомная подводная лодка начала эксплуатироваться на Северном флоте с 1958 года. Однако ядерные боевые части на неё, как и на дизельные лодки, до поры до времени не выдавались по условиям безопасности.

Министр обороны маршал Советского Союза Р.Я. Малиновский впервые дал разрешение на выдачу на корабли пяти торпед с АСБЗО только в конце 1962 года, после успешного проведения учений ВМФ под условными наименованиями „Радуга" и „Коралл". На Северном флоте по одной торпеде погрузили на дежурные подводные лодки: атомную проекта 627а и дизельную проекта 641. На Тихоокеанском флоте аналогичная выдача состоялась на две лодки проекта 613 и одну проекта 641. Торпеды с АСБЗО находились в носовых нижних торпедных аппаратах.

С флотов неоднократно поступали предложения хранить торпеды с ядерными БЗО не в аппаратах, а на стеллажах в первых отсеках подлодок, чтобы иметь полноценный залп торпед с обычными БЗО.

Действительно, в войну на Северном флоте все атаки с выпуском шести торпед были успешными, из 71 атаки подлодок с выстрелом четырёх торпед неуспешными были только две. И конечно, при использовании обычного оружия торпеды с АСБЗО в аппаратах становились помехой для полноценного залпа.

Шестое и Минно-торпедное управления ВМФ подробно изучали возможность хранения ядерного оружия на стеллажах. Часть проектов отпала сразу ввиду того, что первые отсеки были жилыми. В надводном кораблестроении накоплен большой опыт хранения боезапаса в погребах. Для ядерного оружия такой способ в мирное время наиболее приемлем, но реализовать его на подводных лодках достаточно сложно. Подобие погреба торпедного боезапаса создали на лодках проекта 705, но система автоматического управления перемещением торпед в первом отсеке оказалась довольно сложной, и при малочисленном экипаже побоялись хранить торпеды с АСБЗО на стеллажах на этом проекте лодок. На весах „боеготовность — безопасность" предпочтение, безусловно, отдали последней.

Основное преимущество хранения АСБЗО в торпедных аппаратах — безопасность при пожаре на лодке. А пожары, к сожалению, бывают. Достаточно вспомнить гибель новейшей подводной лодки „Комсомолец" в 1989 году.

В центральном аппарате ВМФ заняли твёрдую позицию: для безопасности ядерного оружия его

хранение на стеллажах в отсеках подводных лодок не разрешать. Более того, ядерщики строго следили за тем, чтобы торпеды с ЯБП никогда не вынимались из торпедных аппаратов при нахождении лодки в море.

В истории советского подводного кораблестроения был один проект, когда по условиям непотопляемости проектантам пришлось носовой отсек делить на два с неравноценным способом хранения торпед. В первом отсеке торпеды находились на стеллажах в сборе, а во втором без БЗО (не позволяла длина отсека). В этом случае БЗО хранились отдельно в погребе. Пристыковывали их в первом отсеке после расхода части торпед. Проект не был реализован, но он показывает, что сама идея отдельного хранения ядерных БЗО торпед не такая уж отвлечённая.

Нахождение торпед с АСБЗО в торпедных аппаратах гарантирует безопасность оружия при пожарах, но чревато последствиями при столкновениях кораблей, а также навигационных авариях. Столкновения случаются чаще всего с американскими подлодками, осуществляющими слежение за нашими ракетными лодками.

Ядерные боевые зарядные отделения торпед, как и заряды к ним, непрерывно совершенствовались. Связано это в основном с тем, что увеличивалась дальность стрельбы торпедами и требовалось повысить мощность зарядов для компенсации ошибок стрельбы прямоидущих торпед по движущейся цели. С повышением мощности зарядов увеличивалось и их заглубление, а это усложняло проведение испытаний БЗО торпед. Эти испытания (ЯБП без делящихся материалов) проходили на озере Иссык-Куль. Так, в новом изделии предусмотрели срабатывание на большой глубине. Характер заглубления торпед на большие глубины ранее не изучался, однако его знание было очень важным. Дело в том, что стрельба торпедой с ЯБП также производится в упреждённое место цели (расчётную точку прицеливания), при этом время движения торпеды на горизонтальном участке и на участке заглубления является важнейшим компонентом расчёта.

В целях определения параметров заглубления торпед с ЯБП была разработана всплывающая комплектация БЗО, в котором на заданной глубине выпускались надуваемые сжатым воздухом резиновые мешки, чем достигалась положительная плавучесть торпеды (обычные ПЗО для этих условий не годились). Конструктор такого уникального БЗО — Виктор Пирогов (брат капитана 1 ранга Владимира Пирогова).

Хотя этап испытаний был заводской, разработчики изделия и его корпуса в силу ряда причин обратились к начальнику 6-го Управ-

ления ВМФ с просьбой назначить председателем межведомственной комиссии по испытаниям представителя ВМФ. Просьба была удовлетворена, и председателем комиссии назначили Ю. Ф. Тюрина. Об этих испытаниях он рассказал:

„Программа предусматривала пуск торпеды с уникальным БЗО в глубоководном районе озера. Это потребовало организации целой экспедиции с плавучим стреляющим стендом, авиационным обеспечением, поисковыми катерами, торпедоловом. Ранним утром вышли с базы, пришли в район стрельбы, вызвали самолёт. Погода хорошая, видимость по докладу воздушного наблюдателя отличная. Состоялся пуск. Самолет повёл торпеду, поисковые катера пошли по торпедному следу. С самолёта сообщили, что торпеда прошла заданную дистанцию, заглубилась и пропала из вида. Летчик покружил — покружил, сколько мог по запасу топлива, и ушёл на аэродром. Ждём в районе заглубления 20 минут, 30 — торпеда не всплывает. Корабли обеспечения повернули в базу, остался катер с комиссией на борту. Ждем ещё 10 минут, надежда тает, настроение упало до нуля — торпеда потеряна (средств её поиска и подъёма с такой глубины нет), дорогостоящий пуск впустую. В. Ф. Пирогов, он же заместитель председателя комиссии, потерял всякую надежду на всплытие торпеды и предлагает прекратить поиск. Председатель принимает решение продолжать искать. Только на 47 минуте недалеко от катера с шумом всплывает торпеда. Однако первоначальный восторг сменяется беспокойством. Подойти вплотную к торпеде и провести её строповку долго не удаётся — мешают резиновые мешки и волна. Один из мешков повреждён, торпеда теряет плавучесть. Председатель комиссии с ключом в зубах прыгает в воду, заводит строп, уже у борта катера закрывает клапан стравливания воздуха из мешков. Торпеду надёжно стропят и вытаскивают из воды председателя комиссии. Благополучно пришли в базу. Расшифровали информацию. Для разработки правил стрельбы торпедами с ЯБП она очень ценна".

С принятием на вооружение дальноходных торпед с ядерными боеприпасами резко возросла эффективность торпедного оружия при нанесении удара по кораблям в ордере с сильным противолодочным охранением.

Первый ядерный боеприпас для торпедного оружия в СССР создали на два года раньше, чем в США. Выходы в море кораблей с ядерными торпедами разрешили в середине 62-го года. Таким образом, от первого подрыва ядерного заряда торпеды до первого выхода на боевую службу подводных лодок прошло десятилетие освоения промышленностью и флотом морского ядерного оружия. ■

А.И. ГРИБКОВ, генерал армии, начальник штаба ОВС стран участниц Варшавского Договора (1976-1988)

ОПЫТ И УРОКИ ПЛАНИРОВАНИЯ ОПЕРАЦИИ «АНАДЫРЬ»

▲ Корабли США в бухте Гуантанамо

Грибков Анатолий Иванович родился 23 марта 1919 года в селе Духовое ныне Лискинского района Воронежской области. В Советской Армии с 1938 года. Окончил Харьковское бронетанковое училище (1939 г.), ускоренный курс Военной академии имени М.В. Фрунзе (1942 г.), Военную академию Генерального штаба (1951 г.), Высшие академические курсы при ней (1968 и 1975 гг.). С 1939 г. командир танкового взвода, с июня 1940 г. помощник начальника штаба отдельного танкового батальона. Участвовал в советско-финляндской войне 1939-1940 гг. командиром взвода. С июля 1941 г. командир танковой роты на Западном фронте. С июня 1942 г. представитель Генерального штаба при штабах 1-го танкового корпуса на Брянском фронте, 1-го механизированного корпуса на Калининском фронте, 19-го танкового корпуса на Центральном фронте, 2-го танкового корпуса на Воронежском фронте. В августе 1943 г. — мае 1944 г.- при штабах Южного и 4-го Украинского фронтов. С ноября 1944 г. по ноябрь 1949 г.- в Генеральном штабе. С марта 1952 г. начальник отдела управления штаба Ленинградского военного округа. С января 1956 г. начальник оперативного управления — заместитель начальника штаба Ленинградского, а с декабря 1959 г. — Киевского военных округов.

С ноября 1960 г. в Генеральном штабе: заместитель начальника управления, с июня 1961 г. начальник управления, а с декабря 1963 г. заместитель начальника Главного оперативного управления. С июня 1965 г. командующий армией. С декабря 1968 г. первый заместитель командующего, с февраля 1973 г. командующий войсками Ленинградского военного округа. В 1976-1988 гг. начальник штаба Объединенных Вооруженных Сил стран-участниц Варшавского Договора. В 1989-1992 гг. в составе Группы генеральных инспекторов Министерства обороны СССР. Генерал армии. За проведение операции «Анадырь» награжден орденом Ленина. Умер 12 февраля 2008 г. Похоронен на Троекуровском кладбище Москвы.

В один из майских дней 1962 года в мой кабинет в Генеральном штабе буквально влетел генерал-полковник С.П. Иванов. Своего непосредственного начальника я знал давно, но таким взволнованным видел впервые. Понял, что-то случилось. И не ошибся. Начальник Главного оперативного управления приказал срочно подготовить один документ.

- Машинистку не задействовать, — подчеркнул Иванов, протягивая мне стопку листков. — Разрешаю к работе привлечь генерала Елисеева Г.Г. и полковника Котова В.Н. Запомните, кроме вас троих о документе никто не должен знать.

Знакомство с загадочными листками заняло несколько минут. Это были рабочие записи С.П. Иванова. Будучи секретарем Совета Обороны СССР, он сделал их на только что закончившемся очередном заседании в Кремле. Так я впервые узнал о решении руководства страны направить наши войска на далекую Кубу, о планировании операции, получившей впоследствии кодовое название «Анадырь».

Задача нашей «троицы» состояла в том, чтобы на основе записей генерала Иванова срочно подготовить для Председателя Совета Обороны Н.С. Хрущева предложения Генерального штаба о создании на острове Куба Группы советских войск. Что и говорить, поручение было ответственное, да и сроки поджимали. Забыв о времени, мы принялись за дело. Разумеется, мне не раз приходилось советоваться с генералом Ивановым, прежде чем окончательно сформулировать то или иное предложение: как-никак, а речь шла о документе особой государственной важности. И надо сказать, Семен Павлович показал себя не только крупным штабистом, но и умелым организатором: советы давал ценные. Во многом благодаря ему, мы закончили работу за двое суток. Разработанный нами документ выглядел внушительно. Его содержание изложу несколько позже, а пока вернусь к событиям, предшествовавшим этим памятным для меня дням.

Карибский кризис, как известно, явился следствием развития военно-политической обстановки в зоне Карибского бассейна после Кубинской революции, которая нанесла ощутимый удар по экономическим

▲ Фидель Кастро на огневой позиции

и торговым интересам североамериканских компаний, показала народам Латинской Америки пример борьбы за свободу и независимость.

В период описываемых событий нам еще не были полностью известны планы США по свержению революционного правительства Кубы. Почти через 30 лет на трехсторонней встрече делегаций СССР, США и Кубы в январе — феврале 1989 года американская сторона приоткрыла завесу над строго засекреченным ранее «Планом Мангусты», ставившем целью свержение правительства Ф. Кастро.

Первым шагом в осуществлении этого плана явилось вторжение наемников на Кубу 17 апреля 1961 года в районе Плайя-Хирон. После разгрома их в течение 72 часов Пентагону оставалось лишь одно: начать вторжение собственными вооруженными силами. Под видом маневров и учений («Лантифебекс 1-62», «Юпитер Спринт»), проводившихся в Карибском море, спецгруппы американских войск отрабатывали порядок десантирования на Кубу. Одновременно был усилен на острове гарнизон военно-морской базы США Гуантанамо, а президент США получил согласие Конгресса на призыв в армию 150 тысяч резервистов.

Все говорило о том, что руководящие круги США, не считаясь с мировым общественным мнением, сделали ставку на удушение Кубинской революции с помощью военной силы.

Советский Союз неоднократно предупреждал правительство США о недопустимости провокаций против революционной Кубы, об их возможных опасных последствиях, но все предостережения были проигнорированы. Пришлось принимать ответные меры.

Мысль установить на Кубе советские ракеты средней дальности впервые возникла у Н. С. Хрущева после беседы с А. И. Микояном, который в 1959 году побывал на острове и познакомился с Фиделем и Раулем Кастро, Эрнестом Че Геварой, другими руководителями Кубинской революции и проникся глубокой симпатией к их стремлению отстоять свободу своей страны.

Поражение наемников в районе Плайя-Хирон еще больше убедило Н. С. Хрущева в том, что Соединенные Штаты не откажутся от новой попытки вторжения более крупными силами. Участившиеся полеты американских разведывательных самолетов над Кубой, о которых сообщала печать едва ли не всего мира, наглядно свидетельствовали об этом.

По мнению Н. С. Хрущева, обеспечить оборону Кубы обычными вооружениями не представлялось возможным. Только ракеты с ядерными боеголовками могли стать надежным средством сдерживания возможной агрессии США. В конце апреля 1962 года он поделился этой мыслью с А. И. Микояном, подчеркивая, что только так, на его взгляд, можно гарантировать безопасность Кубы.

Свое мнение Н. С. Хрущев высказал и руководству Министерства обороны, как бы желая убедиться в своей правоте. Министр обороны Маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский пояснил, что американские ракеты «Юпитер», размещенные в Турции, могут достичь жизненно важных центров Советского Союза всего за 10 минут, в то время как нашим межконтинентальным ракетам нужно 25 минут, чтобы нанести удар по американской территории.

По-видимому, этот разговор еще более укрепил Н.С. Хрущева в мысли о том, что нужно немедленно действовать. Советский лидер был уже полностью захвачен кубинской проблемой.

На одном из совещаний Н.С. Хрущев отметил, что в случае нападения США на Кубу мы просто не успеем оказать ей помощь, если не решимся разместить на острове свои ракеты.

На очередном заседании Совета Обороны, где кроме членов Совета присутствовал весь Президиум ЦК КПСС, а также его секретари, руководство Министерства обороны, Н.С. Хрущев поставил вопрос, каким образом можно предотвратить вооруженную агрессию против дружественной нам Кубы, если политические и дипломатические меры не дадут желаемого эффекта. Предложив перебросить на Кубу для усиления ее обороны некоторое количество наших ракет с обслуживающим их военным персоналом, тут же признал, что это неизбежно вызовет острую реакцию со стороны Соединенных Штатов. Но главное, что его волновало, не начнут ли США ядерную войну.

Вероятность такого драматического исхода событий была весьма велика. А.И. Микоян первым возразил против переброски на Кубу наших ракет и войск (что не помешало ему позднее голосовать за проведение операции «Анадырь»).

Дебаты продолжались долго. И все же большинство участников заседания Совета Обороны поддержало Н.С. Хрущева: военную силу сдержать только военной силой. Постановили: Совету Министров, Министерству обороны и Министерству морского флота организовать скрытную доставку войск и боевой техники на Кубу.

Это решение было зафиксировано в протоколе заседания. Все члены Президиума ЦК документ подписали. Что касается его секретарей, то некоторые из них, ссылаясь на свою некомпетентность, протокол не подписали. И только после разговора с Н.С. Хрущевым все же поставили свои подписи.

Вот так было принято решение об отправке на Кубу советских войск и ракет.

После всего сказанного вернусь к содержанию того документа, который родился в Генштабе в мае 1962 года. Вот его начало:

«На о. Куба разместить Группу советских войск, состоящую из всех видов Вооруженных Сил, под единым руководством штаба Группы во главе с главнокомандующим советскими войсками на о. Куба...»

Скажу честно, и сегодня не могу понять, что побудило нас вместо должности командующего предложить должность главнокомандующего. Замечу лишь, что тем не менее во время пребывания наших войск на Кубе их возглавлял просто командующий. Далее в документе последовательно и лаконично, как принято у военных, перечислялось все, что считалось нужным сделать для реализации решения Совета Обороны.

Перед Группой советских войск на о. Куба была поставлена задача во взаимодействии с кубинскими Революционными Вооруженными Силами не допустить высадки противника на территорию острова ни с моря, ни с воздуха, словом, превратить остров в неприступную крепость.

Ракетным войскам Группы (ракетная дивизия) предписывалось быть в готовности в случае развязывания войны, только по сигналу из Москвы нанести удары по важнейшим объектам на территории США. Для выполнения указанной задачи было намечено разместить на Кубе три полка ракет средней дальности Р-12 (24 пусковые установки) и два полка ракет Р-14 (16 пусковых установок). Всего 40 ракетных установок с дальностью действия ракет от 2,5 до 4,5 тыс. км. Дальность полета ракет обеспечивала надежное поражение важнейших объектов на территории агрессора.

Сухопутные войска Группы (четыре отдельных мотострелковых полка) имели задачу прикрывать ракетные и другие технические части, управление Группы и быть готовыми оказать помощь кубинским РВС в уничтожении морских, воздушных десантов противника и контрреволюционных групп, если они высадятся на остров.

Для непосредственной обороны ракетных частей от нападения диверсионно-разведывательных и контрреволюционных групп, а также небольших воздушных десантов было предусмотрено выделение по одному мотострелковому батальону на каждый ракетный полк.

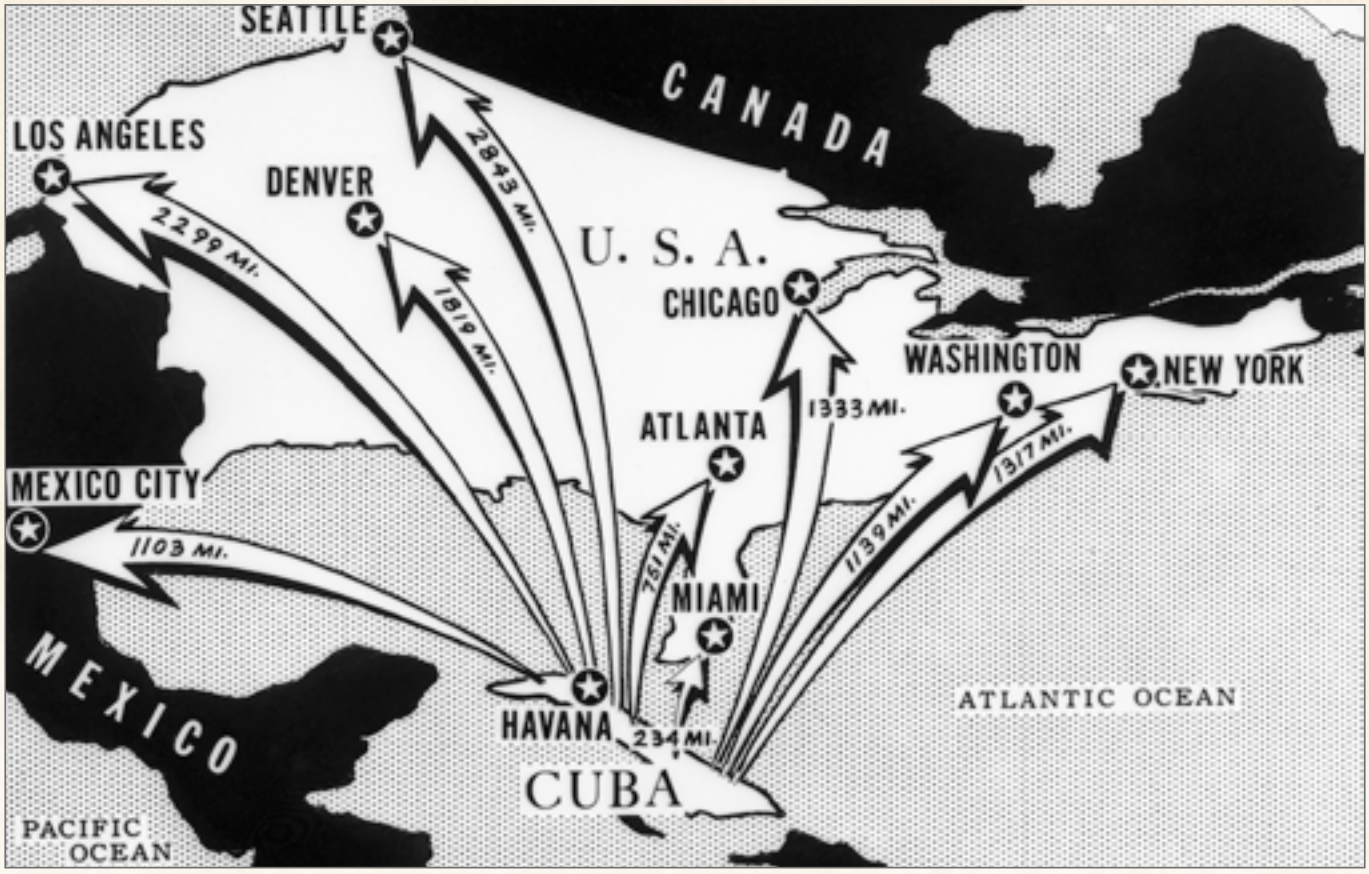
При выполнении второй задачи — оказании помощи кубинским РВС в уничтожении морских и воздушных десантов противника — намечалось использовать мотострелковые полки как высокоподвижную маневренную силу для нанесения контрударов по десантам противника в составе контрударных группировок кубинских войск, на которые возлагалась задача непосредственной обороны побережья.

Мотострелковые полки должны были располагаться отдельно и на большом расстоянии друг от друга (70, 350, 400 км), ведение ими совместных боевых действий не предусматривалось. Для каждого полка назначалась зона боевых действий шириной до 200 км по фронту и глубиной 30-150 км, т.е. от северного до южного побережья острова.

Отдельные дивизионы тактических ракет «Луна» планировалось применять совместно с мотострелковыми полками, в связи с чем их решено было оперативно подчинить командирам мотострелковых полков и расположить в районах дислокации последних.

Военно-воздушным силам Группы войск надлежало во взаимодействии с сухопутными войсками, силами ВМФ и с соединениями кубинских РВС уничтожать морские и воздушные десанты противника, а также нанести удары по военно-морской базе США Гуантанамо.

Частям Военно-Морского Флота ставилась задача совместно с ВВС и сухопутными войсками Группы, во взаимодействии с кубинскими РВС уничтожать боевые корабли и десантно-высадочные средства противника, не допускать высадки морских десантов. Кроме того,

▲ Досягаемость советских ракет

флот обязан был охранять наши транспортные суда на близлежащих к острову коммуникациях, блокировать минами военно-морскую базу Гуантанамо, а также вести разведку в западных и восточных районах Кубы с целью выявления боевых кораблей и десантно-высадочных средств противника.

Войска противовоздушной обороны (две дивизии ПВО) должны были не допустить вторжения в воздушное пространство Республики Куба иностранных самолетов-нарушителей и нанесения ими ударов по войскам Группы, кубинским РВС, важнейшим политическим, административным и промышленным центрам, военно-морским базам, портам и аэродромам Кубы. Более плотная группировка зенитно-ракетных войск планировалась в западной и центральной частях острова, где дислоцировались полки ракет средней дальности и основная масса других войск Группы.

Из-за большого расстояния между зенитно-ракетными дивизионами, не обеспечивавшими сплошной зоны поражения над всей территорией острова, задача уничтожения целей в воздушном пространстве между зонами поражения дивизионов возлагалась на истребительную авиацию наших войск и кубинских ВВС.

Радиолокационное обеспечение боевых действий истребительной авиации и зенитно-ракетных войск возлагалось на радиотехнические войска Группы и кубинских РВС. Создание единой радиолокационной системы могло обеспечить ведение радиолокационной разведки над всей территорией Кубы с высот от 50 м до практического потолка действий РЛС, а также позволяло обнаружить воздушные цели на средних высотах на удалении до 200 км.

Ставилась задача на наиболее вероятных направлениях высадки морских десантов противника заранее «привязать» в топографическом отношении позиции дивизионов тактических ракет «Луна» для нанесения ударов по десантирующимся при подходе их непосредственно к берегу, а также при сосредоточении на плацдармах. Право выбора объектов для удара предоставлялось командирам мотострелковых полков.

Примечателен такой факт. Когда Н. С. Хрущев инструктировал в присутствии Р. Я. Малиновского и С. П. Иванова будущего командующего войсками Группы генерала армии И. А. Плиева, встал вопрос о применении тактических ракет с ядерными боеголовками. После некоторого раздумья Н. С. Хрущев, как глава правительства и Верховный главнокомандующий, дал право командующему Группой использовать ракеты «Луна» по своему усмотрению при непосредственной обороне острова, подчеркнув, что в этом случае он обязан хорошо взвесить обстановку и только тогда принять

решение, что в столь серьезном вопросе не должно быть спешки. Это право дается ему на случай, если будет отсутствовать связь с Москвой.

Но вернемся к нашему документу. Согласно его положениям, тыловым частям ставилась задача обеспечивать боевую деятельность войск Группы всем необходимым, содержать трехмесячные запасы продовольствия и горючего, не считая подвижных. Солдаты, сержанты и офицеры (кроме моряков) должны были иметь два комплекта одежды: гражданский — для маскировки и военный, так называемый «южный», который предполагалось носить только после особого распоряжения.

Общая численность Группы войск должна была составить 44 тыс. человек. Для перевозки личного состава с вооружением и техникой требовалось 70-80 судов Морского флота СССР.

Таково самое краткое содержание записки в Совет Обороны страны, на составление которой наша «троица» потратила около двух суток. Подготовленный документ несколько раз перечитывался, уточнялся, отдельные листы переписывались по два-три раза. И это понятно: решалась задача со многими неизвестными.

Генерал-полковник С. П. Иванов, разумеется, не без волнения доложил план операции начальнику Генерального штаба и министру обороны СССР. 24 мая 1962 года план был представлен руководству страны. С целью дезинформации он получил название операция «Анадырь», не имеющее к северной реке никакого отношения.

Как происходило обсуждение плана операции «Анадырь» на заседании Президиума ЦК КПСС, свидетельствует следующая запись С. П. Иванова.

«24.5.62 г. Вопрос о помощи Кубе обсуждался на Президиуме ЦК КПСС. С чтением записки выступил т. Малиновский. С соображением выступил Н. С. Хрущев. Выступили: тт. Козлов Ф. Р., Брежнев Л. И., Косыгин А. Н., Микоян А. И., Воронов Г. И., Полянский В. С, Куусинен О. В. Все остальные члены Президиума и выступавшие согласились и одобрили решение.

Решение — мероприятие «Анадырь» одобрить целиком и единогласно. Документ хранить в МО. По получении согласия Ф. Кастро его утвердить. Направить делегацию к Ф. Кастро для переговоров в составе тт. Рашидова Ш. Р., Бирюзова С. С, Иванова С. П. и с ними группу товарищей.

Лететь в понедельник-вторник 28-29 мая».

Следует оговориться, что из-за большой занятости С. П. Иванов вылететь вместе с делегацией тогда не смог.

Только что назначенный послом в Республику Куба, а до этого бывший там советником посольства А. И. Алексеев вспоминал, что Н. С. Хрущев спросил его, как отнесется Фидель, если мы предложим ему решение о создании Группы советских войск на Кубе?

Алексеев ответил, что Ф. Кастро вряд ли одобрит инициативу СССР, поскольку строит свою внешнеполитическую стратегию и стратегию защиты революции на укреплении солидарности мирового общественного мнения, а установка советских ракет на Кубе может ослабить эту солидарность. Однако мнение нашего посла уже не играло никакой роли. Решение, по существу, было принято. Делегация во главе с Ш. Р. Рашидовым вылетела на Кубу для переговоров с Ф. Кастро и другими членами его правительства.

От Министерства обороны вместе с Маршалом Советского Союза С. С. Бирюзовым вылетели заместитель начальника Главного штаба ВВС генерал-лейтенант авиации С. В. Ушаков и генерал-майор П. В. Агеев, представлявший наше оперативное управление. Они должны были провести предварительную рекогносцировку портов выгрузки войск, аэродромов базирования нашей авиации и предполагаемых районов размещения боевых стартовых позиций ракетных частей.

Перед отлетом я обратил внимание генерала Агеева на то, чтобы он во время переговоров обязательно фиксировал их результаты. Его записи были нам важны в дальнейшей работе уже при реализации операции «Анадырь». Кроме того, мы снабдили Агеева необходимыми справочными материалами, относящимися к этому плану. Несколько позднее Агеев тоже был подключен к работе над планом операции «Анадырь».

По прибытии в Гавану советская делегация была незамедлительно принята Фиделем и Раулем Кастро, которым изложила содержание документа, принятого на заседании Президиума ЦК КПСС 24 мая.

Ф. Кастро одобрил принятое решение. Правда, сказал, что если это мероприятие послужит делу победы мирового социализма, борьбе народов против угнетения их американским империализмом, Куба согласна пойти на риск и взять на себя долю ответственности за установку советских ракет.

Не утверждаю, насколько точно С. С. Бирюзов передал содержание беседы с Ф. Кастро, но у него сложилось мнение, что кубинское руководство свое положительное отношение к размещению наших ракет расценивало как помощь Кубы Советскому Союзу в достижении его собственных целей, а не наоборот.

Вскоре после возвращения нашей делегации в Москву состоялось очередное заседание Президиума ЦК КПСС по этому вопросу. Его решения как раз и явились основой реализации плана операции «Анадырь». Приведу выдержку из записей С. П. Иванова с этого заседания.

«10 июня 1962 г. В 10:00 состоялось заседание Президиума ЦК КПСС. Присутствовали все члены Президиума ЦК КПСС, кандидаты в члены Президиума Громыко А. А., Малиновский Р. Я., Захаров М. В., Епишев А. А., Бирюзов С. С, Чуйков В. И. и секретари ЦК.

После заслушивания информации о результатах поездки на о. Куба тт. Рашидова Ш. Р. и Бирюзова С. С. состоялось обсуждение существа вопроса, после чего Малиновский Р. Я. зачитал подготовленную Министерством обороны записку, и все проголосовали «за».

▲ Команданте Фидель Кастро и Посол СССР на Кубе в 1962 г. А.И. Алексеев

Кстати сказать, на утвержденном документе расписались не все участники заседания, и С.П. Иванову как секретарю Совета пришлось ездить по квартирам, чтобы собрать подписи всех остальных членов Президиума. Характерно, что на первой странице «за» поставили лишь Хрущев и Косыгин, остальные просто расписались. Причем в следующей последовательности: Хрущев, Суслов, Кириленко, Куусинен, Брежнев, Кириченко, Микоян, Полянский, Косыгин, Гришин, Демичев, Громыко, Пономарев, Семичастный. С этого дня началось активное комплектование войск Группы, подготовка к отправке в порты погрузки и последующей переброске на Кубу личного состава и боевой техники. Одновременно по дипломатическим каналам велась интенсивная подготовка правовой основы операции «Анадырь».

Соединения и части, направляемые на Кубу, планировалось формировать из войск различных военных округов. Так, мотострелковые полки должен был выделить Ленинградский военный округ (одним из полков командовал полковник Д.Т. Язов), танковые подразделения — Киевский. То же самое относилось и к частям других видов Вооруженных Сил и родов войск.

В конце июня в Москву для переговоров с Н.С. Хрущевым и Р.Я. Малиновским прибыл Рауль Кастро — министр Революционных Вооруженных Сил Кубы, доверенное лицо и брат Фиделя Кастро. Наша первая встреча с Р. Кастро произошла в стенах Генерального штаба при обсуждении плана операции «Анадырь». Рауль Кастро произвел на меня сильное впечатление. Несмотря на свою молодость, этот красивый смуглый человек отличался зрелостью суждений в чисто военных вопросах. Все говорило о том, что школа революционной борьбы и партизанских боев для него не прошла зря. С ним было легко работать. А когда в октябре того же года судьба забросила меня на остров Свободы, мы встретились с Раулем как добрые знакомые. Впоследствии мы не раз виделись с Р. Кастро в Ленинграде, Москве, на совместных крупных учениях армий стран-участниц Варшавского Договора, на которых он, как правило, присутствовал, и всегда вспоминали тревожные дни 1962 года.

Рауль Кастро никогда ни при каких политических «ветрах» и «поветриях», даже «штормах» не изменял курсу на сотрудничество с СССР. Под руководством своего старшего брата он сумел в короткий срок на базе повстанческих отрядов с помощью нашей страны создать сильную современную армию. Переговоры с Раулем Кастро велись в строжайшей тайне. Круг участвовавших в них лиц был жестко ограничен. Для технической подготовки текста межправительственного договора в Генштабе была создана группа из четырех человек, в которую вошли генералы Г. Елисеев, П. Агеев, полковник В. Котов. Возглавить группу поручили мне. Наконец-то нам разрешили привлечь к работе машинистку. И то, очевидно, из-за того, что документы нужно было печатать на машинке с латинским шрифтом. Прежде чем взяться за составление проекта договора, мы вооружились различными справочниками и другими документами, регламентирующими международно-правовые нормы: проконсультироваться у юристов-международников было нельзя.

Начались ночные бдения. Было лето. Собираясь на рыбалку, друзья звали меня с собой. Что я мог им сказать? Ни один из них и не догадывался, что я осваиваю морское право, изучаю положения конвенций по судоходству, рыболовству, прослеживаю на картах границы территориальных вод, делаю многое другое, о чем еще вчера не мог и думать. Но-

чами пили чай или очень холодную воду из холодильника.

Но любым трудам приходит конец. В подготовленном нами проекте договора речь шла не только о защите территории Кубы, но и о военном сотрудничестве и взаимной обороне. Советскому воинскому контингенту надлежало вместе с кубинскими войсками защищать территорию Кубы от внешней агрессии, но при этом войска каждой страны должны были оставаться в подчинении своих правительств.

Согласно выработанным положениям, советские военнослужащие обязаны были выполнять кубинские законы. Территория для размещения советских войск и боевой техники предоставлялась только во временное пользование. Договор заключался сроком на 5 лет с правом его пролонгации. Предусматривалось обнародование официального документа в конце ноября 1962 года во время запланированного визита Н. С. Хрущева на Кубу.

Проект договора под названием «Договор между Правительством Республики Куба и Правительством Союза Советских Социалистических Республик о размещении Советских Вооруженных Сил на территории Республики Куба» тут же был парафирован Раулем Кастро и Р.Я. Малиновским. Однако ни Фиделем Кастро, ни Н. С. Хрущевым он не был подписан, так как кубинская сторона в начале августа, рассмотрев документ у себя на месте, внесла в него ряд существенных поправок. Дополненный и уточненный по отдельным статьям проект договора с тремя вариантами названий: «Договор между Правительством Республики Куба и Правительством Союза Советских Социалистических Республик о военном сотрудничестве для защиты национальной территории Кубы в случае агрессии», «Договор между Правительством Республики Куба и Правительством Союза Советских Социалистических Республик об участии Советских Вооруженных Сил в защите национальной территории Кубы в случае агрессии» и «Договор между Правительством Республики Куба и Правительством Союза Советских Социалистических Республик о военном сотрудничестве и взаимной обороне», кубинская сторона с личным письмом Фиделя Кастро на имя Н. С. Хрущева доставила в зашифрованном виде через Э. Че Гевару и Э. Арагонеса для согласования некоторых аспектов и деталей подготавливаемого документа. В письме указывалось, что предложения по некоторому изменению текста договора, не затронувшие юридической основы и смысла документа, будут способствовать усилению его политического воздействия. Далее выражалось согласие вносить любые изменения, которые советская сторона посчитала бы необходимыми. Что касается времени и формы опубликования Договора, то для кубинской стороны полностью была приемлема советская точка зрения.

Разумеется, ответ кубинцев стал известен и разработчикам операции «Анадырь». Вместе с представителем Министерства иностранных дел мы сравнили и тщательно проанализировали все три названия, а также преамбулы всех статей Договора. Выработанный обширный документ с предложениями Министерства обороны доложили Н. С. Хрущеву. В результате было признано возможным принять первый кубинский вариант названия.

Сегодня как за рубежом, так и в нашей стране имеются попытки иначе преподнести цели и задачи Советского Союза в отношении Кубы в те кризисные дни. В ход идут всевозможные измышления. Чтобы не оставалось никаких сомнений в истинном характере Договора, позволю себе дословно привести некоторые его положения.

Так, в преамбуле было записано, что «Правительство Республики Куба и Правительство Союза Советских Социалистических Республик согласились подписать настоящий Договор, исполненные решимости предпринять необходимые шаги для совместной защиты законных прав народов Кубы и Советского Союза, имея, кроме того, в виду настоятельную необходимость принятия мер для обеспечения взаимной безопасности перед лицом возможной агрессии против Республики Куба и СССР, желая договориться по всем вопросам, касающимся поддержки, которую Советские Вооруженные Силы окажут в деле защиты национальной территории Кубы в случае агрессии».

Далее раскрывались цель и задачи Договора. В частности, отмеча-

▲ Рауль Кастро и Че Гевара

▲ Гавана, 1962 г., Справа налево: Рауль Кастро Рус — министр РВС Кубы, генерал И.А. Плиев — командующий ГСВК, генерал П.М. Петренко — член ВС ГСВК.

лось, что Советский Союз направит в Республику Куба свои Вооруженные Силы для усиления ее обороноспособности перед лицом опасности агрессии извне, способствуя таким образом поддержанию мира во всем мире, что в случае агрессии против Республики Куба или против Советских Вооруженных Сил, размещенных на территории Республики Куба, Правительство Республики Куба и Правительство Союза Советских Социалистических Республик, используя право на индивидуальную или коллективную оборону, предусмотренное статьей 51 Устава Организации Объединенных Наций, предпримут все необходимые меры для отражения агрессии.

Итак, Договор с учетом пожеланий, предложений и дополнений кубинской стороны был подготовлен нами на русском и испанском языках. Оба текста, имеющие, как говорят дипломаты, одинаковую силу, вложены в красные папки, прошиты красной тесьмой и скреплены серой сургучной печатью Министерства иностранных дел. Дело осталось за подписью и объявлением.

Когда я докладывал С.П. Иванову о завершении работы над Договором, встал вопрос, кто должен его подписывать: главы государств или кто-то другой? Ответ дала сама жизнь. 27 августа 1962 года в Москве было получено письмо за подписями Фиделя Кастро Рус и Президента Республики Куба Освальдо Дортикоса Торрадо, в котором сообщалось, что, «питая особое доверие к личности, такту и умению Эрнесто Че Гевары, правительство Республики Куба облекло его полнотой власти и уполномочило для подписания договора военного характера».

Че Гевара поразил нас всех своим несгибаемым духом, поистине революционной одержимостью. Это был человек высокой культуры, врач по образованию, не только пламенный революционер и политический деятель, но и известный поэт, выражавший в своих стихах революционный настрой, верность делу Кубинской революции и ее вождю. После гибели Че Гевары правительство Кубы учредило в честь легендарного революционера орден, и я горжусь тем, что мой ратный труд отмечен этой высокой интернациональной наградой.

Подготовленный и согласованный Договор между Правительством Республики Куба и Правительством Союза Советских Социалистических Республик о военном сотрудничестве для защиты национальной территории Кубы в случае агрессии, а также Протокол к нему все же не были подписаны Эрнестом Че Геварой, а только парафированы им и Р.Я. Малиновским. Операция «Анадырь» вступила в новую фазу.

Работу по ее осуществлению начальник Генерального штаба целиком переложил на плечи генерал-полковника Иванова С.П. как своего заместителя и секретаря Совета Обороны. Семен Павлович лично докладывал Президиуму ЦК КПСС и правительству по всем вопросам реализации плана. Вся техническая сторона дела переброски войск на Кубу была поручена опять же генералам и офицерам нашего Главного управления.

Правда, в связи с резким увеличением объема работы летом 1962 года приказом министра обороны в управлении был создан специальный отдел по операции «Анадырь». В его состав вошли генералы и офицеры других управлений Генерального штаба, а также Главного управления кадров, центральных управлений — военных сообщений и финансового.

Так как основу Группы войск должны были составить ракетные части, управление ее первоначально было решено сформировать на базе штаба одной из ракетных армий. Командование Группой намечалось поручить командующему одной из ракетных армий генерал-лейтенанту П.Б. Данкевичу. Однако штаб ракетной армии по своему организационному составу не мог в полной

мере осуществлять управление группировкой войск разнородного состава, поэтому в штаб были включены отделы Сухопутных войск, ПВО, ВВС и морской отдел. Ошибка была исправлена, и непосредственно перед отправкой войск на Кубу командующим был назначен генерал армии Плиев И. А.

Перед вылетом на Кубу Иссе Александровичу выписали паспорт на имя Павлова Ивана Александровича, что привело его в недоумение. Резко возражал он и против того, чтобы оставить свое удостоверение личности в Генштабе. Стоило немалого труда убедить его отныне работать и жить под псевдонимом.

Скажу прямо, при всех заслугах И. А. Плиева его назначение командующим Группой войск на Кубе не было хорошо продуманным. И дело не в сетовании ракетчиков на то, что командующий якобы иногда называл «дивизион» «эскадроном», а в том, что Плиев не обладал качествами дипломата, так необходимыми в тех сложных условиях, в которых оказалась Группа войск, особенно при установлении тесного и постоянного контакта с Фиделем Кастро. Для взаимодействия с таким человеком, как Фидель Кастро, во главе Группы советских войск нужен был другой военачальник. Я полагаю, что, остановившись на кандидатуре И. А. Плиева, генерала-общевойсковика, Н. С. Хрущев хотел подчеркнуть, что Советский Союз не собирается применить ядерное оружие, а намерен использовать его только как средство сдерживания от нападения на Кубу.

Список руководящего состава Группы войск был утвержден 7 июля 1962 года лично Н. С. Хрущевым. Изменения вносились по ходу доклада. Генерал-лейтенант П. Б. Данкевич назначался первым заместителем командующего, за ним следовали генерал-майор П. М. Петренко — член Военнсовета, начальник политуправления, генерал-лейтенант П. В. Акиндинов — начальник штаба, генерал-лейтенант авиации С. Н. Гречко — заместитель командующего по противовоздушной обороне, вице-адмирал Г. С. Абашвили — заместитель по военно-морскому флоту, генерал-майор Н. Р. Пилипенко — заместитель по тылу, генерал-майор Л. С. Гарбуз — заместитель по боевой подготовке, генерал-майор танковых войск А. А. Дементьев — заместитель командующего и старший группы советских военных специалистов на Кубе.

Итоговый документ — «План подготовки и проведения мероприятия «Анадырь» — был подписан начальником Генерального штаба и начальником Главного оперативного управления Генерального штаба, а впоследствии утвержден министром обороны. Этим планом определялись цель мероприятия, состав войск, порядок их подготовки, организация погрузки и особенно обеспечение скрытности и сохранения в тайне самой переброски, а также план оперативной маскировки, разработанный совместно с представителями Комитета государственной безопасности и Министерством иностранных дел. Сама операция «Анадырь» была закодирована под стратегическое учение с перебазированием войск и военной техники морем в различные районы Советского Союза. Министр морского флота В. Г. Бакаев выделил для работы по обеспечению операции «Анадырь» заместителя начальника одного из главных управлений министерства Е. Карамзина, прекрасно разбиравшегося в интересующих нас вопросах.

Большую сложность для нас представляли расчеты по погрузке войск на суда Министерства морского флота. В начале был разработан график очередности отправки войск, по которому первой должна была прибыть на Кубу ракетная дивизия РВСН, на приведение в боевую готовность которой требовалось больше времени. Однако после некоторых размышлений пришли к выводу, что это делать нецелесообразно. В портах выгрузки и в районах размещения стартовых позиций ракетчики окажутся беззащитными перед авиацией и диверсионными группами возможного противника. По этой причине было решено сначала перебросить на остров зенитно-ракетные и мотострелковые части и только затем части, оснащенные ракетами Р-12 и Р-14. Р. Я. Малиновский доложил об этом Н. С. Хрущеву и получил одобрение.

С целью обеспечения скрытности планирование загрузки нескольких кораблей первого эшелона происходило в одном из кабинетов нашего управления. Когда мы остались с представителем морского флота Е. Карамзиным и генералом Г. Елисеевым, наш моряк сказал:

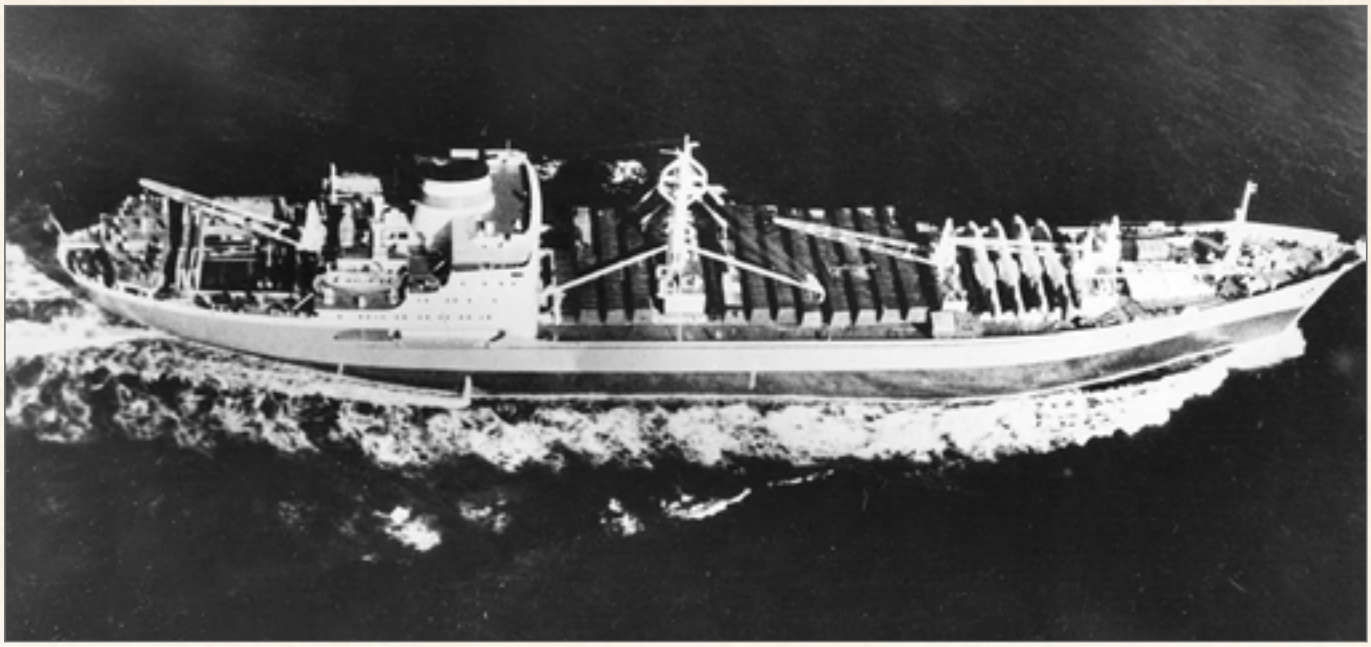
- Сделаем так. Здесь у меня планы всех судов тех классов, которые будут поданы вам под погрузку войск и техники. Вы будете называть количество людей и военной техники с указанием ее габаритов, а я буду их «размещать» на судах. Скажу, где и что ставить, сколько ставить, куда поместим ваших воинов со всем их добром и т. д.

- Согласен, — ответил я — Начнем с размещения зенитно-ракетных комплексов и радиолокационных станций...

Это была изнурительная работа. Все данные по каждому судну сразу же отправлялись в порты погрузки находившимся там начальникам оперативных групп Генерального штаба. Одновременно главнокомандующими видами Вооруженных Сил отдавались распоряжения, какие подчиненные им части и когда направлять в порты погрузки.

Непосредственно погрузкой руководили начальники оперативной группы Генерального штаба, капитаны судов и командиры частей. Кстати, начальниками опергрупп назначались весьма ответственные работники, такие, например, как маршал артиллерии П. К. Казаков и адмирал Н. М. Харламов, генерал-полковник Н. И. Четвериков.

Погрузка требовала исключительной точности и четкой согласованности по времени подачи кораблей и войск. Малейший сбой нарушал график. Телефонные разговоры с оперативными группами были строжайше запрещены. Для решения какого-либо вопроса из Москвы

▲ Советский сухогруз

выезжали генералы или офицеры соответствующего управления.

Согласно плану операции «Анадырь» передовая рекогносцировочная группа во главе с И. А. Плиевым отправлялась на Кубу первым техническим рейсом самолета Ту-114 10 июля 1962 года по маршруту Москва — Конакри — Гавана под флагом гражданского воздушного флота, якобы для открытия международной линии Москва — Гавана. Спустя несколько дней вылетела и основная группа. Она направлялась под видом специалистов сельского хозяйства СССР, инженеров и техников по ирригации и мелиорации (и это с их-то военной выправкой!) как бы для продолжения работы, начатой группой Ш. Рашидова. Подчеркну, что именно та группа «специалистов» сделала поразительный по своей военной безграмотности вывод о том, что на Кубе можно легко и скрытно разместить ракеты, так как там... много пальмовых рощ.

Между тем быстрая и организованная подготовка войск к отправке закончилась, и в один из июльских дней Н. С. Хрущеву было доложено о готовности Министерства обороны к реализации плана «Анадырь»: «Все войска, предусмотренные по перечню боевого состава, отобраны, укомплектованы и готовы к отправке. Произведено планирование всех мероприятий по доставке советских войск на остров Куба в течение четырех месяцев (июль, август, сентябрь, октябрь). Первым днем погрузки назначить 12 июля 1962 года».

Перевозка личного состава и техники морем производилась на пассажирских и сухогрузных судах торгового флота из портов Балтийского, Черного и Баренцева морей (Кронштадта, Лиепаи, Балтийска, Севастополя, Феодосии, Николаева, Поти, Мурманска). В портах погрузки личный состав готовил технику и имущество к перевозке по морю. Капитаны судов со всем личным составом морских эшелонов проводили занятия по технике безопасности при погрузке и разгрузке вооружения и имущества. Особое внимание обращалось на приобретение навыков в подъеме, размещении и креплении техники на судах. Проводился инструктаж о действиях личного состава в экстремальных ситуациях, велось обучение правилам пользования индивидуальными и групповыми средствами спасения на море.

Время на погрузку одного морского транспорта с использованием портальных и судовых кранов составляло 2-3 суток. При этом тяжелая техника (танки, САУ, спецмашины) грузилась в нижние трюмы, а более легкая и автомашины — в твиндеки и на палубы. Для перевозки дивизии ПВО требовалось 12 судов водоизмещением 15-17 тыс. тонн, а мотострелкового полка (три мотострелковых и танковый батальоны) — 3 грузовых и 2 пассажирских судна. Ракетные дивизионы «Луна» вошли в состав мотострелковых полков уже непосредственно на Кубе.

В начале августа 1962 года я выехал в командировку в Феодосию: генерал-полковник С. П. Иванов приказал лично убедиться, как идет погрузка на суда одной из дивизий ПВО. Там как раз начал грузиться зенитно-ракетный полк под командованием полковника Ю. Гусейнова, прибывший из Приволжского военного округа. Режим погрузки был жесткий. Личный состав части, оказавшись на площадке погрузки, уже не имел права выйти за ее пределы. Район порта охранялся специальным подразделением. Всякая связь с внешним миром пресекалась: ни писем, ни телеграмм, ни телефонных разговоров. Все это распространялось и на экипажи судов, включая капитанов.

Оперативную группу Генерального штаба возглавлял маршал артиллерии К. П. Казаков.

— Донимают меня вопросами, — посетовал он. — Куда едем, зачем едем? Объясняю: предстоят большие стратегические учения с переброской войск морем на огромное расстояние. Чувствую — не верят, спрашивают: «Зачем тогда отбирают партийные и комсомольские билеты, удостоверения личности?».

Такие же вопросы задавали и мне как представителю Генерального штаба. Я отвечал то же самое: идут учения...

Полк Гусейнова грузился на сухогруз «Ленинский комсомол» водоизмещением 25 тыс. тонн. Солдаты и экипаж строили в твиндеках многоярусные нары. Погруженные на палубы ракетные установки и станции наведения ракет обшивались для маскировки досками, получалось что-то в виде корабельных надстроек. Так же маскировались и полевые кухни, установленные на палубах. Для отражения возможного нападения самолетов или катеров было установлено несколько счетверенных крупнокалиберных зенитных пулеметов, накрытых специальными разборными деревянными колпаками, которые при необходимости могли быть быстро сняты. На всякий случай в полку была скомплектована специальная рота, снабженная автоматами и ручными пулеметами и готовая действовать в случае нападения на корабль,

— Товарищ генерал, — спросил меня спортивного вида капитан с эмблемами артиллериста, — а далеко нам плыть?

— Далеко, капитан, далеко...

— Ну, к примеру, сколько дней?

Я попробовал отшутиться, но шутка не удалась. Это я заметил по глазам офицера.

Я знал, что уже сегодня вечером этот капитан, как и все его товарищи, получит гражданский костюм, рубашку и даже шляпу. Все они, как солдаты-первогодки в только что надетом обмундировании, не сразу будут узнавать друг друга.

— Какие новости привезли из первопрестольной, товарищ генерал? — помнится, спросил меня капитан судна.

— Никаких особых.

— Так куда же все-таки идем?

— Все узнаете в море, капитан.

Да, они все должны были узнать только в море. Перед тем как отойти от причала, капитан судна и командир полка получат большой запечатанный и прошитый суровыми нитками пакет. Они вскроют его и увидят еще один, но поменьше. На нем будет надпись, указывающая, в какой точке Атлантического океана вскрыть второй пакет. Правда, вскрывать будут уже втроем. К ним присоединится работник особого отдела КГБ. Вот тогда-то и узнают, что их путь от Гибралтара лежит на далекую Кубу.

Мое впечатление от хода погрузки в порту Феодосия полка и других частей дивизии ПВО осталось хорошим. О результатах своей поездки я лично доложил С. П. Иванову.

После этого началась рутинная работа по контролю за ходом выполнения плана операции. Все нити в нашем управлении по сбору информации от главкоматов и управлений сходились в специально сформированный отдел, который возглавляли полковник И. Г. Николаев и его заместитель полковник В. Н. Котов. Они же составляли и ежедневные справки-доклады министру обороны. Как правило, с этими справками ходили на доклад генерал-полковник С. П. Иванов и я. Все шло хорошо до поры до времени. Но однажды Р. Я. Малиновский, прочитав очередную справку, снял очки и, отложив нашу бумагу в сторону, сказал:

- Вот вы все тут расписали как по маслу: столько-то убыло, столько-то прибыло. А как прибыло? Что происходило с кораблями, с людьми в пути? Все ли обходится хорошо? Я, например, не знаю. А хотел бы.

Мы молчали, понимая правоту министра. Но прямой связи ни с Кубой, ни с судами в море мы не имели. Зато ее имел Морфлот. Связавшись с ним, мы стали ежедневно к 7.00 получать сводки о прохождении судов, о положении дел на них, о непредвиденных случаях в море, а в 9.00 докладывали министру.

В первых числах сентября я выехал в новую командировку, связанную с операцией «Анадырь». На этот раз — в Севастополь, где шла погрузка на суда ракетной дивизии под командованием генерал-майора И. Д. Стаценко.

Ракеты грузили на суда типа «Полтава» с вместительными трюмами, куда можно было опускать краном длинные закрытые тентом ракеты на грунтовых тележках.

Обстановка здесь была такая же, как и в Феодосии. Возглавлял опергруппу Генерального штаба адмирал Николай Михайлович Харламов, моряк, хорошо знавший Севастополь. Эшелоны с материальной частью и личным составом подходили к пирсам, и ракеты подъемными кранами кораблей тут же с платформы перегружались в трюмы. Работа шла круглосуточно.

Остро стояла проблема размещения личного состава на корабле. Трюмы набивались людьми, как бочки селедкой. Мы попытались при поддержке адмирала Н. М. Харламова хоть как-то перегруппировать грузы, чтобы освободить больше места для личного состава.

Проблему так и не удалось решить, а я ведь знал, что почти месяц солдатам, сержантам, офицерам придется жить в раскаленной солнцем полузакупоренной стальной коробке, и только ночью им разрешат по 20-25 человек выходить на палубу, чтобы глотнуть живительного морского воздуха. Не каждому будет под силу этот долгий путь. К сожалению, так и было. В последующих справках-докладах министру обороны стали появляться сообщения о болезнях и даже смерти военнослужащих во время перехода морем. Хоронили их по морскому обычаю: зашивали в брезент и опускали в море.

Вот один лишь фрагмент из воспоминаний полковника А. Ф. Шорохова, который исполнял обязанность начальника эшелона на судне «Хабаровск»: «20 августа. Приближаемся к Азорским островам. Штормит. Качка сильная. Морская болезнь свалила всех наших солдат и офицеров. Ночью предприимчивые воины

вскрыли две бочки с солеными огурцами. Огурцы облегчили страдания людей от качки. Старшему врачу полка майору А. И. Жирнову вместе с судовым врачом пришлось оперировать сержанта — приступ острого аппендицита.

... Идем десятые сутки. Кругом океан. Жара. Раздеваемся до трусов. Ночью все ищут укромное местечко на палубах. Днем американские самолеты делают облет нашего сухогруза. Какой-то военный корабль увязался за нами и требует досмотра. Мы только слушаем, но в эфир не выходим. Утром мы просыпаемся от гула самолета. Американский истребитель пронесся над теплоходом, чуть ли не цепляясь за палубные надстройки и мачты. Виден берег Кубы».

Скажу прямо, плохо был продуман и вопрос обеспечения продовольствием. Двухмесячный запас продуктов получали еще в местах постоянной дислокации. В результате сливочное масло, например, в ящиках во время перехода по Карибскому морю растаяло, и пустые ящики из-под него плавали в масляных лужах. Однако, несмотря ни на что, повседневная жизнь на кораблях шла своим ходом: проводились занятия, беседы и учебные тревоги, демонстрировались кинофильмы и даже организовывались концерты художественной самодеятельности. Думаю, особо следует рассказать о некоторых мероприятиях по обеспечению скрытности. От этого во многом зависел успех операции. Так, боевая и специальная техника грузилась в трюмы и твиндеки, а автомобили, тракторы — на верхнюю палубу, чем создавалась видимость перевозки сельскохозяйственных машин. Ракетные катера, размещенные на палубе, обшивались досками, а чтобы их нельзя было сфотографировать инфракрасной аппаратурой, обивались еще и металлическими листами. Как уже отмечалось, выход личного состава на палубу был ограничен, а при подходе к Багамским островам, когда начались облеты морских транспортов самолетами американских ВВС и сопровождение кораблями США, вообще запрещался. Люки твиндеков, где размещался личный состав, покрывались брезентовыми чехлами. Воздух в таких случаях подавался только по вентиляционным устройствам. Условия пребывания в твиндеках в то время были, можно сказать, адскими, температура воздуха достигала 50°. Пища выдавалась два раза в сутки и то только в темное время. На некоторых кораблях даже устанавливалась очередность посещения уборных. Кстати, наши моряки, проходя через пролив Босфор, ни разу не пользовались услугами турецких лоцманов, ни на одно наше судно не ступала нога иностранца. Заранее были приготовлены подарки для лоцманов, которые спускались на веревках, и капитаны получали, как моряки говорят, «добро».

Подчеркну, американская разведка узнала о проводимой нами операции только тогда, когда большая часть войск и техники уже была сосредоточена на территории Кубы.

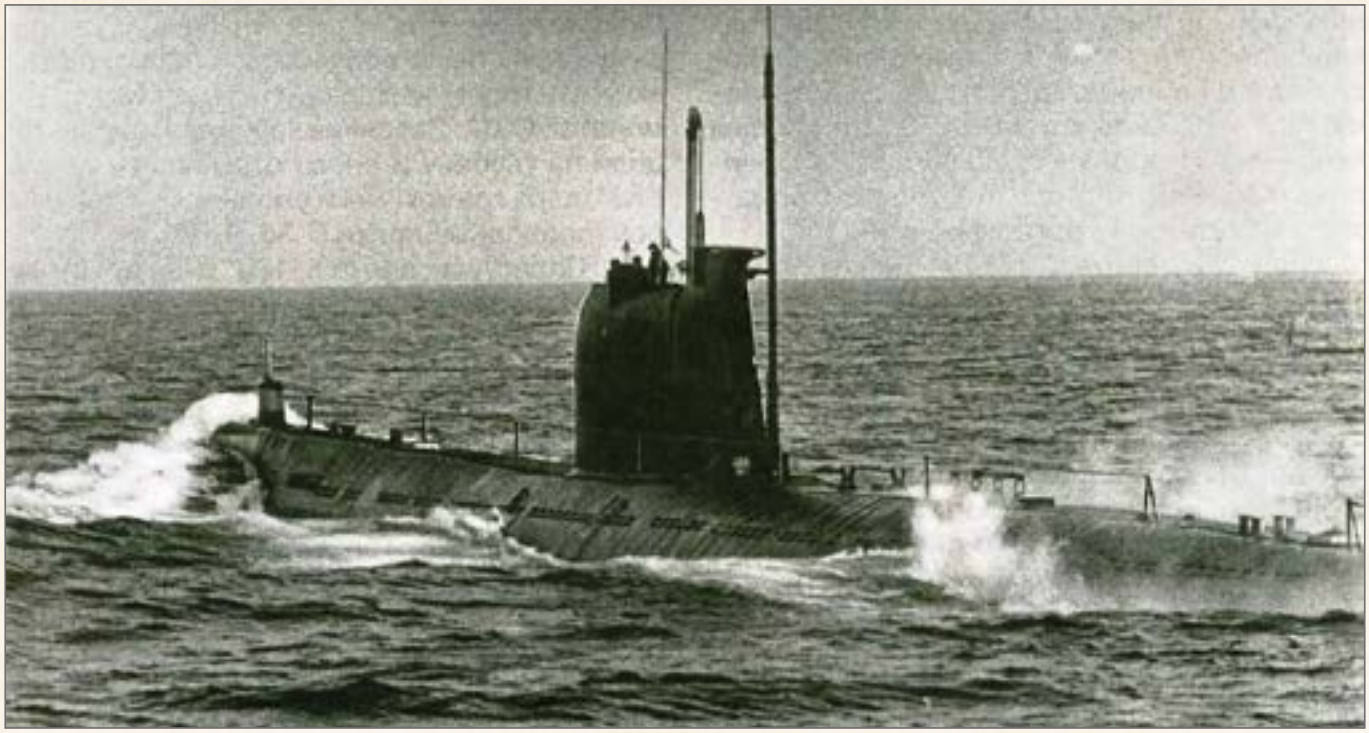
Трудности ждали личный состав не только в море, но и на суше, это прежде всего трудности с районами дислокации соединений и частей. Общее руководство и координацию деятельности всех рекогносцировочных групп осуществлял командующий войсками Группы, а непосредственную работу их на местах возглавляли его заместители по видам Вооруженных Сил.

Перед рекогносцировочными группами стояла задача уточнить районы дислокации соединений и частей, намеченные Генеральным штабом, и если они по каким-либо причинам не отвечают предъявляемым требованиям, выбрать новые. При установлении требований к районам дислокации войск командование Группы считало определяющим оперативно-тактические соображения по боевому применению соединений и частей.

Наряду с этим обращалось внимание на наличие в районах дислокации источников воды, обеспечивающих потребность войск, так как в условиях жаркого климата этот вопрос приобретал исключительную важность и от него в значительной степени зависела боеспособность частей и соединений. Расположение войск в лесах в условиях Кубы было связано с многочисленными осложнениями. Лесные массивы здесь небольшие, как правило, состоящие из редких пальмовых рощ или сплошных зарослей кустарника, в которых нет свободного движения воздуха, а в результате нестерпимая духота и зной. Повышенная влажность

▲ Курсом на Кубу

▲ Подводная лодка проекта 641 в походе. Бригада подводных лодок этого проекта учвствовала в операции «Анадырь» в период Карибского кризиса 1962 г. на Кубе, командиром которой был капитан I ранга В.Н. Агафонов

воздуха отрицательно сказывалась на содержании, сбережении техники и физическом состоянии личного состава. И, наконец, в лесах восточной части острова большое количество ядовитых деревьев гуао, от прикосновения к которым возникают язвы на теле людей. Все эти соображения вынудили отказаться от расположения войск в лесах. Да и многие другие районы дислокации, выбранные по карте, пришлось значительно изменить по различным причинам.

Одновременно с рекогносцировкой районов дислокации войск часть офицеров управления Группы приступила к изучению морских портов Кубы. При этом обращалось внимание на оборудование причалов, наличие подъемных кранов, их грузоподъемность, состояние подъездных путей к портам, условия обеспечения скрытности проводимых разгрузочных работ. В результате для приема прибывающих судов с войсками и техникой было выбрано одиннадцать портов (Гавана, Мариель, Кабаньяс, Баия-Онда, Матансас, Ла-Исабела, Нуэвитас, Никаро, Касильда, Сьенфуэгос, Сантьяго-де-Куба), которые наиболее полно отвечали предъявленным требованиям.

Прибытие транспортов с войсками и техникой началось 26 июля 1962 года. Первым в порт Гавана прибыл теплоход «Мария Ульянова». В последующем с 27 по 31 июля прибыли еще девять судов с личным составом и техникой. Встречу первых судов, организацию разгрузки и сосредоточения войск в местах дислокации проводили офицеры передовой оперативной группы. 29 июля на теплоходе «Латвия» прибыл основной состав управления Группы войск, и с этого времени вся работа по организации встречи и сосредоточению прибывающих войск осуществлялась штабом Группы.

Выгрузка техники и грузов в основном производилась судовыми механизмами, и только в некоторых портах (Гавана, Мариель, Касильда) применялись плавучие и береговые краны на автомобильном и гусеничном ходу. Техника и грузы, имевшие внешнее сходство с народнохозяйственными, разгружались круглосуточно, а танки, ракетная и специальная техника — только в ночное время. Среднее время разгрузки судов составляло 2-4 суток. Выгруженные техника и грузы сосредоточивались в отведенных районах на территории порта, где формировались походные колонны для совершения марша в районы дислокации.

С конца августа, когда прибыла основная масса автотранспорта частей, все перевозки грузов из портов в районы дислокации частей осуществлялись транспортом советских подразделений. Перевозка же крупногабаритных грузов и гусеничной техники из-за отсутствия в войсках Группы трейлеров осуществлялась транспортом кубинских РВС.

До разгрузки судов территория портов тщательно проверялась, а затем выставлялась охрана из состава кубинских РВС. Кроме охраны порта организовывалась непосредственная охрана судов личным составом прибывших частей. Со стороны моря порты охранялись отдельными огневыми точками кубинцев, расположенными на побережье у входа

▲ Выступление Фиделя Кастро в Мариеле

в бухту, а некоторые из бухт патрулировались сторожевыми катерами.

Для сопровождения колонн в пути кубинское командование по заявке комендантов портов выделяло охрану в составе одного-двух отделений. Личный состав Группы войск, сопровождавший колонны со специальной техникой и грузами, переодевался в форму кубинских военнослужащих. Все команды в пути следования подавались только на испанском языке. Наименование соединений и частей, воинские звания командиров, особенно в присутствии посторонних, не назывались. Переписка между штабом Группы войск и частями (соединениями) была запрещена. Приказы и распоряжения начальников передавались в устной форме лично или через офицеров соответствующих управлений, отделов и служб. Работа радиотехнических средств в период сосредоточения войск не проводилась. В целом прибытие советских войск и размещение их на территории Республики Куба проходили организованно и в установленные сроки.

Вместе с тем ряд недочетов организационного порядка нередко усложнял работу. Так, не были установлены пароли для капитанов судов и встречающих их представителей управления Группы войск на подходе к портам. В результате этого капитаны судов и начальники воинских эшелонов вынуждены были исполнять команды о переадресовке транспортов в другие порты, не имея полной уверенности в том, что встречающие являются представителями командования. Был даже случай, когда капитан судна «Химик Зелинский» при подходе кубинского катера, на котором шла группа встречи, не только не принял группу на борт, а развернул судно и увел его в открытое море.

Войска, прибывавшие на Кубу, развертывались во всех ее шести провинциях, географические условия которых в значительной степени отличались друг от друга. Это различие наложило свой отпечаток на характер и объем проводимых войсками инженерных работ. В большинстве районов сосредоточения не было жилья, отсутствовала или была крайне слабо развита дорожная сеть, а в ряде случаев даже не было источников водоснабжения.

Инженерное оборудование районов расположения прибывающих войск включало строительство полевых военных городков, а также строительство и оборудование стартовых и технических позиций для ракетной и другой боевой техники с элементами охраны и обороны (проволочные заборы, окопы и т. п.). Все это осуществлялось одновременно с подготовкой районов для их боевого применения.

В первую очередь строились стартовые и технические позиции для ракетных частей, частей ПВО, фронтовых крылатых ракет, береговых ракет «Сопка». В строительстве этих важнейших объектов была задействована большая часть инженерных сил и средств, которыми располагала Группа войск.

Работы по инженерному оборудованию полевых позиционных районов ракетных частей выполнялись силами стартовых дивизионов с использованием инженерной техники саперного батальона и прибывающей техники инженерно-технических взводов. Оборудование стартовых площадок занимало от 8 до 15 суток.

Большое внимание при инженерном оборудовании позиционных районов ракетных частей было уделено устройству заграждений, так как близость американского континента, открытая со всех сторон морская граница не исключали засылку диверсионно-разведывательных групп.

Инженерное оборудование районов дислокации мотострелковых полков также производилось с учетом организации защиты наших гарнизонов от возможного нападения контрреволюционных банд и диверсионных групп. Все военные городки полков были обнесены проволочным забором по всему периметру, а на опасных направлениях отрыты окопы полного профиля. В этот же период силами личного состава мотострелковых полков производилось строительство полевых военных городков.

Все работы по фортификационному оборудованию позиций части ПВО выполняли самостоятельно, используя табельные инженерные средства, а также местные и подручные материалы. Работы в условиях высокой температуры и влажности, ливневых дождей (они зачастую продолжались по 10-12 часов в сутки) велись с полным напряжением сил и в такой последовательности, которая обеспечивала постоянную боевую готовность.

Авиационные части войск Группы размещались на имевшихся аэродромах, и инженерное оборудование в этих случаях сводилось к сооружению дорожной сети и строительству привезенных из Союза сборно-щитовых казарм для личного состава и помещений для технических нужд.

Входящие в состав ВВС отдельные полки фронтовых крылатых ракет оборудование позиционных районов тоже производили сами. В районе стартовых позиций личный состав расчищал лес, оборудовал площадки для размещения стартовых комплексов ФКР-1, производил их маскировку, отрывал траншеи и окопы для самообороны. Такие же работы вел и личный состав берегового ракетного полка «Сопка» из состава ВМФ.

Над территорией острова стали систематически появляться самолеты ВВС США. Они совершали многократные облеты боевых порядков частей на малых высотах (порядка 100-300 м). Указаний же об их уничтожении войска Группы и кубинские РВС не получали.

Так советские войска осваивались на острове Свободы. Так начали осуществляться мероприятия, связанные с операцией «Анадырь».

НА ГРАНИ КАТАСТРОФЫ

Переброска войск на Кубу продолжалась. Доклады в Москву не вызывали особой тревоги. Генеральный штаб внимательно следил за событиями. В первых числах октября генерал-полковника С. П. Иванова и меня вдруг вызвал министр обороны. Р. Я. Малиновский сразу предложил нам сесть, что обычно случалось редко. Это указывало на то, что разговор будет долгим. Министр выглядел озабоченным. Тут же ввел нас в курс дела.

— Я только что был у Фрола Романовича (Козлов Ф. Р. — член Президиума ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС. — Авт.). Он сообщил, что принято решение послать на Кубу группу ответственных работников Министерства обороны для оказания помощи нашим войскам и контроля за выполнением принятых правительством решений. Кого, Семен Павлович, предложите назначить старшим этой группы? Кстати, он будет там и моим личным полномочным представителем.

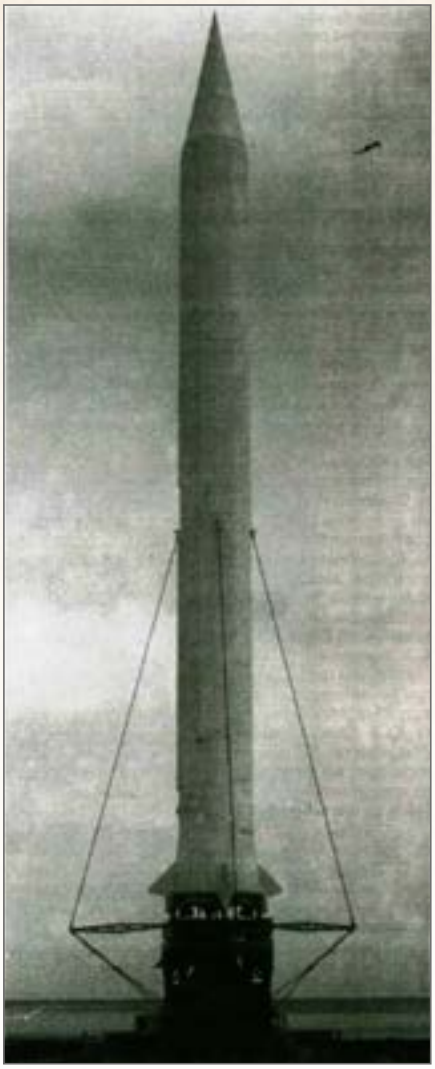
С. П. Иванов ответил сразу же:

— Думаю, следует доверить выполнение этой задачи генералу Грибкову. Он в курсе всех событий, знает все наши планы и задачи, стоящие перед войсками Плиева.

— Хорошо, — согласился министр. — Но задача у группы непростая, а у ее старшего тем более. В ней должны быть представители всех видов Вооруженных Сил. Тщательно проинструктируйте людей. Когда группа будет готова к вылету, пусть товарищ Грибков доложит мне лично. У меня с ним будет особый разговор.

Этот разговор состоялся через два дня. Я доложил министру, что группа из восьми человек готова к выполнению задания. Р. Я. Малиновский внимательно просмотрел список генералов и офицеров, вылетавших вместе со мной, одобрил его, потом сказал:

— Как только все ракетные части будут приведены в полную боевую готовность, доложите мне об этом лично. И только мне, никому больше. Ваша главная задача — контроль за готовностью ракет и войск к боевому применению. Запомните

▲ Ракета Р-12 на пусковом столе, Была установлена на Кубе в 1991 г. на берегу Атлантики. В настоящее время находится у музея РВС в Гаване как символ боевой братской дружбы воинов России и Кубы

и передайте товарищу Плиеву, что те указания, которые он получал лично от Никиты Сергеевича об использовании ракет Р-12, Р-14 и «Луна», должны строго и точно выполняться, а именно ракетную дивизию пускать в дело только, повторяю, и только с личного разрешения Верховного Главнокомандующего Никиты Сергеевича Хрущева. Вы хорошо понимаете, что ракеты мы завозим на Кубу лишь с целью сдержать возможную агрессию со стороны Соединенных Штатов Америки и их союзников. Мы не собираемся развязывать атомную войну, это не в наших интересах.

Тактические ракеты «Луна» применять исключительно в случае высадки десантов противника на остров Кубу. Плиеву разрешено лично принять решение на применение ядерных средств «Луна». Но прежде чем принять такое решение, он должен очень глубоко изучить обстановку и не допустить несанкционированных пусков. Особо обратите внимание на охрану позиционных районов ракетных частей, а также на их прикрытие с воздуха.

Министр встал из-за стола, походил по кабинету и, остановившись передо мной, добавил:

— О готовности Ракетных войск донесете мне условной фразой, смысл которой будем знать только я и Вы.

Немного подумал, посмотрел на меня и, четко выговаривая каждое слово, произнес:

— «Директору. Уборка сахарного тростника идет успешно». Впредь вся переписка между нами и Группой войск должна идти в адрес Директора, это тоже передайте Плиеву.

Условную фразу он заставил меня повторить дважды и пожелал счастливого пути.

В моей группе Ракетные войска стратегического назначения представлял генерал А. С. Буцкий, ПВО — генерал М. П. Науменко, ВВС — генерал Н. Г. Сытник, Сухопутные войска — полковник А. Л. Сапрыкин. Генерал Буцкий вылетел на Кубу раньше и присоединился к нашей группе уже на месте.

Вылет группы был назначен на утро 14 октября самолетом Ту-114, промежуточная посадка которого намечалась на аэродроме столицы Сенегала Дакара, так как к тому времени аэродром в Гвинее для посадки советских самолетов был закрыт. Замечу, однако, что и строился последний с нашей помощью.

Где-то над Средиземным морем отказал один двигатель из четырех. Командиру экипажа поступил приказ возвращаться. Были даны запасные аэродромы. На трех моторах мы благополучно дотянули до Внуково.

Нас встретил мой заместитель генерал-майор Елисеев. Он передал распоряжение Р. Я. Малиновского быть готовыми в 23 часа того же дня вылететь на Кубу, так как обстановка там обострилась. Для полета, конечно, выделялся другой самолет.

В назначенное время мы снова поднялись в воздух.

Город Дакар встретил нас зноем. Влажность воздуха была просто изнуряющей. Не выручала даже легкая одежда.

После продолжительных переговоров экипажа с местным начальством нам разрешили выйти из самолета. Местные власти, хорошо зная международную обстановку, в частности вокруг Кубы, на контакт с нами шли весьма неохотно.

Выручили французы. Ведь Сенегал — бывшая колония Франции. Местные европейцы, хотя и с большим трудом, помогли нам разместиться в отеле на берегу океана. Но неурядицы наши продолжались. Проблема заключалась в том, что отель советским генералам и офицерам был не по карману, финансисты Министерства обороны «отвалили» нам по десять долларов в сутки, которых едва хватало на то, чтобы пообедать в ресторане или заплатить за самый скромный номер. Предстояло решать — либо питаться, либо нет, но иметь крышу над головой. А сколько мы пробудем в Дакаре, никто из нас не знал. С распоряжением о заправке самолета горючим администрация аэродрома не спешила. Взвесив все «за» и «против», мы выбрали жилье.

На следующий день, опять же не без помощи французов, самолет был заправлен, и мы продолжили полет. На этот раз он закончился благополучно. Правда, при приближении к американскому континенту наш Ту-114 несколько раз облетали истребители ВВС США, а один раз даже была сымитирована атака.

Характерна и такая деталь. Сразу же после нашего отлета аэродром в Дакаре для посадки советских самолетов был закрыт. Как потом стало известно, закрытие аэродромов в Гвинее и Сенегале было делом рук американцев.

18 октября я представился командующему Группой советских войск, проинформировал его о цели прилета. Дословно передал указания Р.Я. Малиновского об использовании ракет и доложил об озабоченности государственного и военного руководства относительно неукоснительного и точного их выполнения. Я знал, что И. А. Плиев неохотно принимал представителей вышестоящего штаба. Выглядел он уставшим, болезненным. Мне еще в Москве говорили, что Плиева уже несколько лет донимает болезнь почек. Командующий сообщил, что развертывание прибывших частей идет с небольшим отставанием от плана, но с кубинской стороны оказывается необходимая помощь в их размещении, а штабом Группы войск вместе с кубинским Генеральным штабом отрабатывается план взаимодействия советских и кубинских войск.

Из состава ракетной дивизии тогда уже прибыли три полка Р-12, которые приступили к оборудованию позиционных районов. Трудности состояли в том, что из-за нехватки инженерной техники многие работы приходилось выполнять вручную.

Плиев был очень озабочен тем, что 14 октября пилот американского разведывательного самолета U-2 представил своему командованию несколько фотографий территории Кубы, и в частности района Сан-Кристобаля, где оборудовались наши позиции для ракет Р-12. Эти фотографии опубликовал журнал «Тайм». На снимках можно было определить наличие специальных машин и дру-

▲ Самолет-разведчик U-2 США

гой военной техники, связанной с ракетным вооружением. Мне стало ясно, что маскировочные мероприятия кое-где «не сработали». Были у командующего и претензии к своему штабу.

Я тут же попросил И. А. Плиева, чтобы на следующий день генерал-майор Л. С. Гарбуз (заместитель командующего по боевой подготовке) поехал со мной в ракетную дивизию генерала И. Д. Стаценко.

Хотелось лично проконтролировать график боевого развертывания полков Р-12. Генералы и офицеры, которые прибыли со мной, должны были работать в частях по видам Вооруженных Сил. И. А. Плиев выразил удовлетворение тем, что мы сразу включились в активную работу.

В тот же день я поехал вместе с генералом А. А. Дементьевым (старшим советником при кубинской армии) в Министерство Революционных Вооруженных Сил Кубы, где состоялась встреча с министром Раулем Кастро и начальником Генерального штаба майором Серхио дель Валье.

С Раулем Кастро мы встретились как старые знакомые. Я передал ему привет и наилучшие пожелания от Р.Я. Малиновского, проинформировал о цели своего прилета. На Кубе в большинстве случаев принято обращаться только по имени, и Рауль сразу же стал называть меня Анатолием.

После короткого обмена приветствиями он достал из папки какой-то документ и сообщил:

— Анатолий, мы получили очень важное донесение. 14 октября американский разведывательный самолет U-2 сфотографировал район Сан-Кристобаля, где оборудуются позиции для ваших ракет.

Я ответил, что меня уже проинформировали об этом, и попросил больше уделять внимания скрытности работ и маскировке в местах, где оборудуются позиционные районы для ракет да и не только ракет, но и другой крупногабаритной боевой техники, а также усилить внешнюю охрану этих районов кубинскими войсками.

— Со своей стороны мы тоже усилим бдительность и охрану, — подчеркнул я.

Рауль тут же велел Серхио дать распоряжение соответствующим командирам.

Я попросил разрешения у Рауля в ходе поездки побывать в кубинских частях, поближе познакомиться с товарищами по оружию. Он не только разрешил, но даже настаивал на том, чтобы я побывал у кубинских воинов, увидел, как они готовятся к отражению возможной агрессии со стороны США и их приспешников. От него я узнал, что кубинским генштабом разработан план, согласно которому территория Кубы на случай боевых действий разделяется на три зоны — Западную, Центральную и Восточную. У каждой из них имелось свое командование.

Фидель Кастро как Верховный Главнокомандующий взял на себя еще и руководство Западной зоной, включающей Гавану. Центральную зону должен был возглавлять товарищ Альмейда (центр Санта-Клара), Восточную — Рауль Кастро (центр Сантьяго).

Я спросил у генерала А. А. Дементьева, знают ли Плиев и его штаб о плане, о котором сообщил нам Рауль? Тот ответил утвердительно.

Прощаясь с руководителями РВС, мы пожелали друг другу успехов в превращении острова в неприступную крепость. Рауль поднял руку и традиционно провозгласил: «Па-

▲ Облет советского судна самолетом-разведчиком США

триа о муэртэ! Венсеремос!» («Родина или смерть! Мы победим!»). Этот пламенный призыв к патриотам звучит на Кубе до сих пор. Утром 20 октября я и генерал-майор Л. С. Гарбуз приехали в штаб ракетной дивизии. Нас встретил ее командир генерал-майор И. Д. Стаценко. Молодой, подтянутый, одетый, как и все солдаты и офицеры в штатское: темно-серые брюки, клетчатую рубашку с короткими рукавами. Восхищение вызывала его безукоризненная строевая выправка. Кстати, я видел его еще на Родине в составе группы офицеров-ракетчиков, вылетавших для рекогносцировки позиционных районов на Кубе.

Не могу не вспомнить случай, подтверждающий, в какой спешке мы отправляли эти рекогносцировочные группы. За два часа до отправки специального самолета одна из таких групп была собрана в большом зале заседаний Главного политического управления СА и ВМФ в переулке имени Маршала Шапошникова на инструктаж и для получения заграничных паспортов с визами посольства Гвинеи.

Когда всем паспорта были вручены, я спросил, есть ли у кого вопросы. Два офицера встали и сказали, что у них в паспортах перепутаны фамилии, имена и отчества: Иванов, к примеру, стал Петровым и наоборот. Ошибки исправлять времени не было, и я сказал, что с этого времени они должны жить и работать под теми фамилиями, которые записаны у них в паспортах. Едва уладили это недоразумение, как вдруг встает еще один офицер и заявляет, что в его документе указана специальность «механизатор-мелиоратор», но он впервые о ней слышит. Такие же вопросы возникли и у других «специалистов сельского хозяйства». Лекции читать по этим «наукам» было некогда. Мы посоветовали, чтобы те товарищи, которые имеют общее представление об указанных специальностях, проконсультировали остальных уже во время полета. Вот так и отправились наши офицеры выполнять свою интернациональную миссию...

Генерал Стаценко доложил о ходе сосредоточения и развертывания частей дивизии. Личный состав днем и ночью оборудовал позиционные районы. Часть солдат и сержантов занималась обустройством жилья и всего, что связано с расположением на новом месте. Что касается двух полков Р-14, то они еще находились в водах Атлантики.

Из штаба дивизии мы сразу же выехали в ракетный полк, которым командовал подполковник Ю. А. Соловьев. Он находился в 70 км от Гаваны. Там полным ходом шли работы по подготовке позиций для стартовых батарей. Укладывались железобетонные плиты, привезенные из Советского Союза, прокладывались линии связи, отрывались окопы и укрытия для личного состава. Из-за жары (температура поднималась до 35-40 градусов и выше) и сильной влажности воздуха командир полка принял решение работать, сменяя личный состав каждый час. Грунт был каменистый, инженерная техника в таких условиях была малопроизводительной, поэтому большинство работ выполнялось вручную. После детального осмотра строящихся позиций стартовых батарей я убедился, что скрыть от воздушной разведки

развертывание частей ракетной дивизии с ее громоздкой техникой очень трудно. И вспомнил доклад Ш. Р. Рашидова, в котором отмечалось, что из-за обилия на Кубе пальм наши ракеты останутся незамеченными. Такой вывод могли сделать только абсолютно некомпетентные люди.

Жилой городок ракетчиков представлял собой смешанный лагерь из палаток и машин с металлическими фургонами. Несмотря на то, что палатки по всему периметру были приподняты, духота в них стояла неимоверная. Еще хуже было в металлических фургонах, накалявшихся за день так, что даже ночью находиться в них было невозможно. С наступлением же темноты на людей набрасывалось комарье. Тем не менее наши солдаты и офицеры держались стойко.

Внутренняя охрана позиционных районов ракетных полков осуществлялась своими силами и мотострелковыми подразделениями, наружную охрану несли кубинские войска.

Мы остались довольны тем, как трудятся солдаты, сержанты, офицеры, однако сроки подготовки позиционных районов вызывали сомнение. Они явно не «стыковались» с нашими планами, разработанными в Москве. Ракеты Р-12 должны были встать на боевое дежурство к 25-27 октября.

Когда на следующий день я приехал в штаб Группы войск и проинформировал И. А. Плиева о том, что видел и сделал на месте, уже поступило срочное сообщение от кубинской разведки: в США было объявлено, что 22 октября в 19 часов по вашингтонскому времени по радио и телевидению выступит президент США Дж. Кеннеди с важным заявлением. Все разведданные говорили о том, что оно будет посвящено Кубе.

Позже стало известно, что правительство США приняло решение о морской блокаде Кубы еще 20 октября. Чтобы скрыть ее сущность и усыпить бдительность общественности, назвали эту акцию «карантином».

По мнению сторонников морской блокады, ее преимущество по сравнению с воздушным налетом заключалось в возможности гибко применять силу и дипломатию. Можно было осуществить воздушный удар, однако после него путей для отступления уже не оставалось, ибо следующим шагом должно было бы стать вторжение на остров. Тогда эскалация агрессии неминуемо становилась неизбежной.

К тому времени вооруженные силы США на континенте и в Европе, в том числе 6-й флот, базировавшийся в Средиземном море, и 7-й, находившийся в районе Тайваня, были приведены в полную боевую готовность. Подводные лодки с ракетами «Поларис» заняли позиции для нанесения ракетно-ядерного удара по Советскому Союзу и другим государствам — участникам ОВД. На случай эскалации кризиса для действий против Кубы было выделе-

но несколько парашютно-десантных, пехотных и бронетанковых дивизий.

Второй эшелон насчитывал резерв из 250 тыс. человек. К берегам Кубы подошло свыше 180 кораблей, на борту которых находились 85 тыс. моряков.

При необходимости высадку на Кубу должны были обеспечивать несколько сот боевых самолетов. В состояние боевой готовности было приведено до 460 военно-транспортных самолетов. США особенно активно использовали в своих целях Организацию американских государств. Некоторые из них также направили свои боевые корабли для участия в морской блокаде Кубы. Военные приготовления США и их союзников выходили за цели карантина. Они больше соответствовали потребностям проведения крупных боевых операций, рассчитанных на длительный срок. План был такой:

1. Если блокада не принесет успеха, американцы осуществляют вторжение на Кубу одновременным внезапным ударом крупных сил флота, авиации и сухопутных войск с основных десантно-доступных направлений с целью расчленения ее на отдельные изолированные группировки и овладения островом.

2. Для того, чтобы воспрепятствовать оказанию Кубинской Республике помощи извне, предусматривалась блокада острова на дальних и ближних подступах.

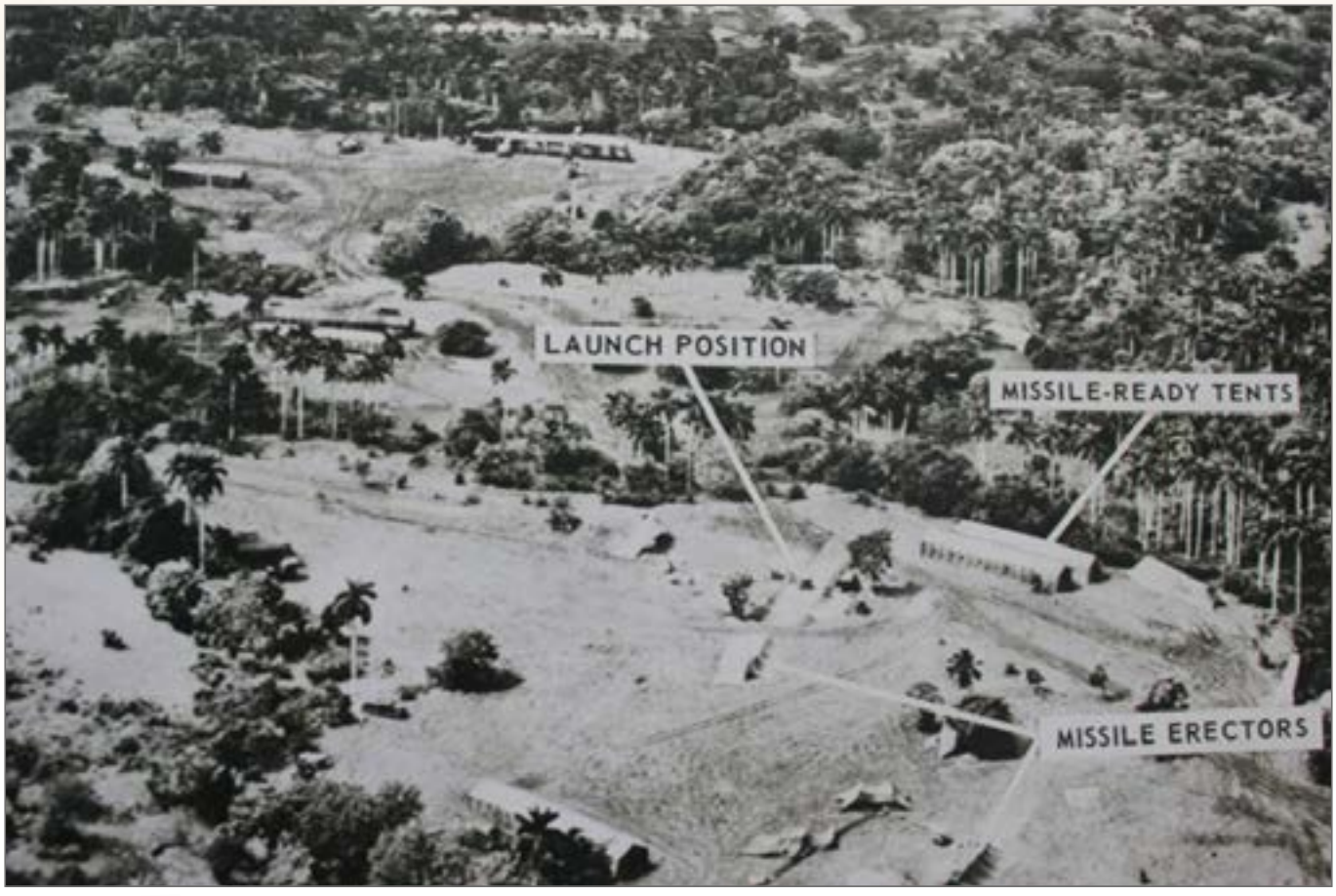
К силам вторжения относились три группировки: континентальная, гуантанамо-пуэрториканская и карибская. Наибольшими возможностями обладала континентальная группировка, насчитывавшая две воздушно-десантные, две пехотные и одну бронетанковую дивизии, 36 десантных судов и до 80 боевых кораблей. Причем одна из десантных дивизий находилась у самолетов в часовой готовности к вылету на Кубу.

Гуантанамо-пуэрториканскую группировку составляла усиленная дивизия морской пехоты, часть ее сил была сосредоточена на американской военно-морской базе в Гуантанамо. В группировку входило также свыше 30 боевых кораблей.

Карибская группировка состояла из десяти отрядов кубинской внешней контрреволюции, располагавшихся в Гондурасе и Венесуэле, а также бригады венесуэльской армии, хорошо подготовленной для действий в тропиках. В составе этой группировки было 23 транспортных судна.

Всего силы вторжения насчитывали до семи дивизий, до 600 танков, свыше 2000 орудий и минометов, до 12 НУРС «Онест Джон». К операции планировалось привлечь также до 140 кораблей и 430 истребителей-бомбардировщиков и палубных штурмовиков.

Кстати, спустя тридцать лет, на Гаванской трехсторонней встрече в январе 1992 года американская сторона уточнила состав войск в готовящейся операции «Мангуста», а именно: 82-я и 101-я воздушно-десантные дивизии, 1-я и 2-я пехотные дивизии,

1-я бронетанковая дивизия, 2-я дивизия морской пехоты, в резерве 4-я и 5-я пехотные и 2-я бронетанковая дивизии.

17 и 18 октября американская воздушная разведка получила новые снимки кубинской территории, по которым можно было судить о быстром продвижении работ и обустройстве стартовых позиций наших ракет. Это усилило беспокойство в высших эшелонах власти США. Э. Стивенсон, глава делегации Соединенных Штатов в ООН, вспоминал, что был просто напуган, когда президент Дж. Кеннеди высказался за нанесение массированного воздушного удара по Кубе.

Однако позднее, тщательно взвесив все «за» и «против», Дж. Кеннеди встал на сторону тех, кто проявлял осторожность при выборе форм противодействия советской угрозе, и прежде всего министра обороны Р. Макнамары, сторонника объявления морской блокады.

Окончательное решение президент принял не сразу, отложив его до встречи с министром иностранных дел СССР А. А. Громыко, прибывшим в Нью-Йорк на сессию Генеральной Ассамблеи ООН. Как уже упоминалось, это решение последовало лишь 20 октября.

22 октября в 19 часов по вашингтонскому времени президент Дж. Кеннеди выступил по радио и телевидению с Обращением к нации, в котором охарактеризовал обстановку в Карибском бассейне и на о. Куба, указал на опасность размещения советских ракет на Кубе. В заключение президент сказал, что будет рассматривать любой пуск ракеты с ядерной боеголовкой с территории Кубы в направлении территории какого-либо государства Западного полушария как удар Советского Союза по Соединенным Штатам, требующий возмездия со стороны США. Это выступление и предпринятые вслед за ним правительством США дипломатические и военные акции явились кульминационным моментом Карибского кризиса. Две великие державы находились в полушаге от ядерной катастрофы.

В 22 ч 30 мин 22 октября в шифртелеграмме Малиновского в адрес Плиева требовалось принять немедленные меры к повышению боевой готовности и отражению совместно с кубинской армией возможного нападения противника. Использование ядерного оружия категорически запрещалось. К этому времени два полка Р-14, находившиеся на судах в океане, были повернуты в СССР.

23 октября президент США подписал директиву № 3504, согласно которой устанавливался «карантин» Кубы. На следующий день начался досмотр всех судов, следовавших на Кубу, независимо от портов их приписки, в нарушение Женевской конвенции 1958 года, подписанной и Соединенными Штатами Америки.

Выход из создавшейся ситуации искало и правительство Кубы, положительно реагировавшее на миротворческие акции ООН и ее исполняющего обязанности Генерального секретаря У Тана. 26 октября У Тан направил Фиделю Кастро послание, в котором призывал Кубу внести вклад в сохранение мира. Ф. Кастро выразил готовность обстоятельно рассмотреть любое новое предложение ООН по разрешению кризиса мирным путем. Однако эти мирные устремления Кубы не получили поддержки у правящих кругов США. Поступили сведения о возможном вторжении американских войск на Кубу в ночь с 26 на 27 октября.

Командование Революционных Вооруженных Сил Кубы и Группы советских войск срочно предприняли ряд мер по повышению боевой готовности частей и соединений. 26 октября в 21:00 все части ПВО были приведены в готовность к ведению огня. Командирам частей и подразделений ПВО было предоставлено право открывать огонь по американским самолетам в случае их нападения на позиции и объекты войск.

27 октября Плиев получил от Малиновского шифртелеграмму, в которой министр обороны еще раз категорически запрещал применение ядерного оружия всеми видами ракет и авиацией. Вот так изменялись взгляды на использование ядерного оружия от начального этапа планирования до высшей точки кризиса.

27 октября в 10 ч 21 мин над Кубой был сбит разведывательный самолет U-2, летевший на высоте свыше 20 км. Из-под обломков самолета были извлечены труп майора ВВС США Р. Андерсена, две магнитофонные ленты и кассеты с фотопленками.

Уничтожение самолета и гибель летчика явились очередным серьезным препятствием к мирному разрешению кризисной ситуации. Многие годы считалось, что самолет сбили кубинцы. Поговаривали, будто сам Фидель Кастро нажал кнопку пуска. Но это не так. Действительно, кубинские силы ПВО имели приказ сбивать самолеты-нарушители воздушного пространства страны, но у них на вооружении не было ракет. Имелись только зенитные орудия.

До сих пор существуют различные мнения относительно того, верно или опрометчиво поступило командование Группы советских войск на Кубе, приказав своим средствам ПВО сбивать американский самолет-разведчик.

С одной стороны, утверждается, что надо было показать американцам, что кубинцы не намерены более терпеть полеты воздушных разведчиков над Кубой. А с другой, поскольку полет майора Р. Андерсена не был первым (только в октябре он летал над Кубой 14 раз), не стоило так реагировать на очередной полет U-2. Тем более, что это являлось нарушением отданного накануне приказа, разрешавшего зенитным частям и подразделениям открывать огонь по самолетам противника лишь в случае их непосредственного нападения на позиции и объекты войск.

Уместно, однако, сослаться на телеграмму министра обороны СССР Маршала Советского Союза Р. Я. Малиновского, направленную им в Группу советских войск на Кубе 28 октября 1962 года: «Мы считаем, что вы поторопились сбить разведывательный самолет США U-2, в то время как наметилось уже соглашение мирным путем отвратить нападение на Кубу».

▲ Обломки сбитого американского разведчика

Как стало известно из ныне рассекреченной переписки Н. С. Хрущева с Ф. Кастро, оценка этих событий советским руководителем была противоречивой.

В послании от 28 октября он пишет: «Сейчас, когда намечается соглашение, Пентагон ищет случая, чтобы сорвать это соглашение. Вот он и организует провокационные полеты самолетов. Вчера вы сбили один из них, в то время как вы их не сбивали раньше, когда они летали над вашей территорией. Такой шаг будет использован агрессорами в своих целях...». В документе от 30 октября дается противоположная оценка: «... То, что над Кубой был сбит американский самолет, оказалось полезной мерой, поскольку эта операция прошла благополучно. Это наука империалистам...»

Подчеркну, что Ф. Кастро к сбитию самолета-разведчика U-2 никакого отношения не имел, а значит, упреки Кремля в его адрес были необоснованными.

Тело майора Р. Андерсена было передано американской стороне. Его похороны в США вызвали очередной приступ истерии. Президент возвел Р. Андерсена в ранг национального героя, погибшего «за благородное дело защиты безопасности и суверенитета Соединенных Штатов Америки». Американские обыватели требовали немедленного возмездия за смерть «героя» Р. Андерсена.

27 октября, названный в США «черной субботой», на совещании у президента при выработке плана действий на ближайшие дни представители комитета начальников штабов посчитали возможным нанести 29 октября упреждающий удар с воздуха, а вслед за ним, через некоторый промежуток времени, начать вторжение. Однако президент приказал передать командованию ВВС, что он запрещает бомбардировку Кубы, ибо после такого шага очень скоро «никто из присутствующих не окажется в живых».

Вечером того же дня брат президента Роберт Кеннеди встретился с послом СССР в США А. Ф. Добрыниным и от имени президента в ультимативной форме заявил, что, если советские баллистические ракеты не будут немедленно убраны с Кубы, США вынуждены будут начать боевые действия против нее не позднее чем в первые дни следующей недели, т. е. 29 или 30 октября. Он добавил, что президент во что бы то ни стало хочет избежать войны, но с каждым часом риск военной катастрофы возрастает. Сторонам нужно договориться в ближайшие часы.

Как мне стало известно позднее, Москва также была охвачена тревогой. Президиум ЦК КПСС, и прежде всего Н. С. Хрущев, были готовы к тому, что роковые сообщения с Кубы могут поступить в любую минуту. Заседания Президиума ЦК КПСС проходили ежедневно, на них тщательно оценивалась обстановка, вырабатывались различные варианты решений.

Н. С. Хрущев, получив сообщение Дж. Кеннеди, отнесся к нему с пониманием. Решено было немедленно

дать позитивный ответ, тем более, что в обмен на вывод ракет президент США гарантировал ненападение на Кубу не только самих Соединенных Штатов, но и их союзников.

Дорога была каждая минута, и ответ Советского правительства решили передать по Московскому радио открытым текстом. Случай очень редкий в мировой дипломатии. Но, по мнению Хрущева, промедление было бы подобно смерти.

Привожу дословно небольшую выдержку из обращения Н.С. Хрущева к президенту США Дж. Кеннеди, переданному по радио и опубликованному в газете «Правда» 28 октября 1962 года.

«... Думаю, что можно было бы быстро завершить конфликт и нормализовать положение, и тогда люди вздохнули бы полной грудью, считая, что государственные деятели, которые облечены ответственностью, обладают трезвым умом и сознанием своей ответственности, умением решать сложные вопросы и не доводить дело до военной катастрофы.

Поэтому я вношу предложение: мы согласны вывезти те средства с Кубы, которые Вы считаете наступательными средствами. Согласны это осуществить и заявить в ООН об этом обязательстве. Ваши представители сделают заявление о том, что США со своей стороны, учитывая беспокойство и озабоченность со стороны Советского государства, вывезут свои аналогичные средства из Турции...».

Президент США не замедлил с ответом. «Уважаемый господин Председатель! — сообщалось в послании Дж. Кеннеди, опубликованном в Белом доме в тот же день. — Я сразу же отвечаю на Ваше послание от 28 октября, переданное по радио, хотя я еще не получил официального текста, так как придаю огромное значение тому, чтобы действовать быстро в целях разрешения кубинского кризиса.

Я думаю, что Вы и я при той огромной ответственности, которую мы несем за поддержание мира, сознавали, что события приближались к такому положению, когда они могли выйти из-под контроля.

Поэтому я приветствую Ваше послание и считаю его важным вкладом в дело обеспечения мира...».

Здесь я позволю себе вновь обратиться к переписке Н.С. Хрущева с Ф. Кастро. В ночь на 27 октября Ф. Кастро отправил Хрущеву очень важное послание, в котором, в частности, говорилось: «... Анализируя создавшуюся обстановку и имеющуюся в нашем распоряжении информацию, считаю, что почти неминуема агрессия в ближайшие 24-72 часа... Если произойдет агрессия... и империалисты нападут на Кубу с целью ее оккупации, то опасность, таящаяся в такой агрессивной политике, будет настолько велика для всего человечества, что Советский Союз после этого ни при каких обстоятельствах не должен будет допустить создания таких условий, чтобы империалисты первыми нанесли по СССР атомный удар. Я говорю это, так как думаю, что агрессивность империалистов приобретает крайнюю опасность». И далее он пишет: «Если они осуществят нападение на Кубу — этот варварский незаконный и аморальный акт, то в этих условиях момент был бы подходящим, чтобы, используя законное право на самооборону, подумать о ликвидации навсегда подобной опасности...».

28 октября Н.С. Хрущев направляет Фиделю Кастро ответ: «... Наше послание президенту Кеннеди от 27 октября дает возможность урегулировать вопрос в Вашу пользу — оградить Кубу от вторжения, от развязывания войны. Ответ Кеннеди, который Вы, видимо, тоже знаете, дает заверение в том, что США не будут вторгаться на Кубу не только своими силами, но будут удерживать своих союзников от вторжения: тем самым президент США отвечает согласием на мои послания от 26 и 27 октября 1962 года. Мы сейчас составили свой ответ на ответное послание президента. Я не буду Вам излагать его, так как Вы ознакомитесь с текстом, который передается сейчас по радио. Поэтому мы хотели бы по-дружески посоветовать Вам: проявите терпение, выдержку и еще раз выдержку. Конечно, если будет вторжение, то нужно будет отражать его всеми средствами. Но не надо давать себя спровоцировать... когда наметилась ликвидация конфликта, что идет в Вашу пользу, создавая гарантию от вторжения на Кубу...».

И далее в посланиях от 28, 30 и 31 октября Ф. Кастро высказывал свое неудовольствие советским решением о вывозе ракет с Кубы, принятым без согласования с ним. Это был пик Карибского кризиса и наивысшая точка «холодной войны».

Фиделя Кастро можно было понять. Советские ракеты оказались на Кубе в результате договоренности правительств двух государств. А значит, и вывоз их следовало согласовать с кубинским руководством. Но Москва поступила иначе. В Кремле понимали, что мир находится на грани ядерной катастрофы, что дорога каждая минута. Вот почему, не тратя времени на согласования с кубинской стороной, Советское правительство приняло решение открыто по радио заявить на весь взбудораженный мир о своем согласии вывезти ракеты с острова. В той обстановке, думается, это был самый верный шаг.

Раздражение вызвало у Кастро и согласие Советского правительства на инспектирование американцами вывоза наших ракет. Причем опять же без извещения об этом кубинской стороны. Можно представить, насколько глубоко было задето самолюбие кубинского лидера. Убежден, соглашаясь на инспектирование американцами наших транспортов, Н.С. Хрущев не все до конца продумал. Более того, прежде чем вести разговоры с Дж. Кеннеди на эту тему, советский руководитель должен был этот острый вопрос обсудить с Ф. Кастро. А тот вправе был не допустить инспекции не только на территории Кубы, в ее портах, но и в территориальных водах. Однако Хрущев проигнорировал Кастро. Он спешил. И в этой спешке на многое закрывал глаза. В результате таких односторонних торопливых действий советская сторона приняла, считаю, самые унизительные для нашей армии условия инспектирования в открытом море.

В те напряженнейшие дни мне впервые пришлось встретиться с вождем Кубинской революции Фиделем Кастро, и я сразу же проникся к нему глубоким уважением. Эта встреча произошла во время срочного совещания руководства Кубы с командованием нашей Группы войск. Речь на этом совещании, созванном по предложению Кастро, шла о готовности вооруженных сил Кубы и советских войск к отражению возможной агрессии, подготовку к которой США заканчивали.

Командование Группы доложило о том, что все советские части, за исключением ракетных, готовы к выполнению боевых задач.

Фидель Кастро внимательно слушал выступавших, уточнял через переводчика отдельные вопросы, делал пометки в своем блокноте. Держался он спокойно, словно речь шла о заурядном войсковом учении. Перед отъездом Ф. Кастро попросил, чтобы штаб Группы войск поддерживал более тесную связь с Генеральным штабом кубинских РВС и установил прямые контакты с Альмейдой в городе Санта-Клара и Раулем в Сантьяго-де-Куба. Его беспокоила противовоздушная оборона, поэтому он попросил организовать тесное взаимодействие наших зенитно-ракетных частей с кубинскими силами ПВО, особенно по радиотехнической разведке воздушного противника.

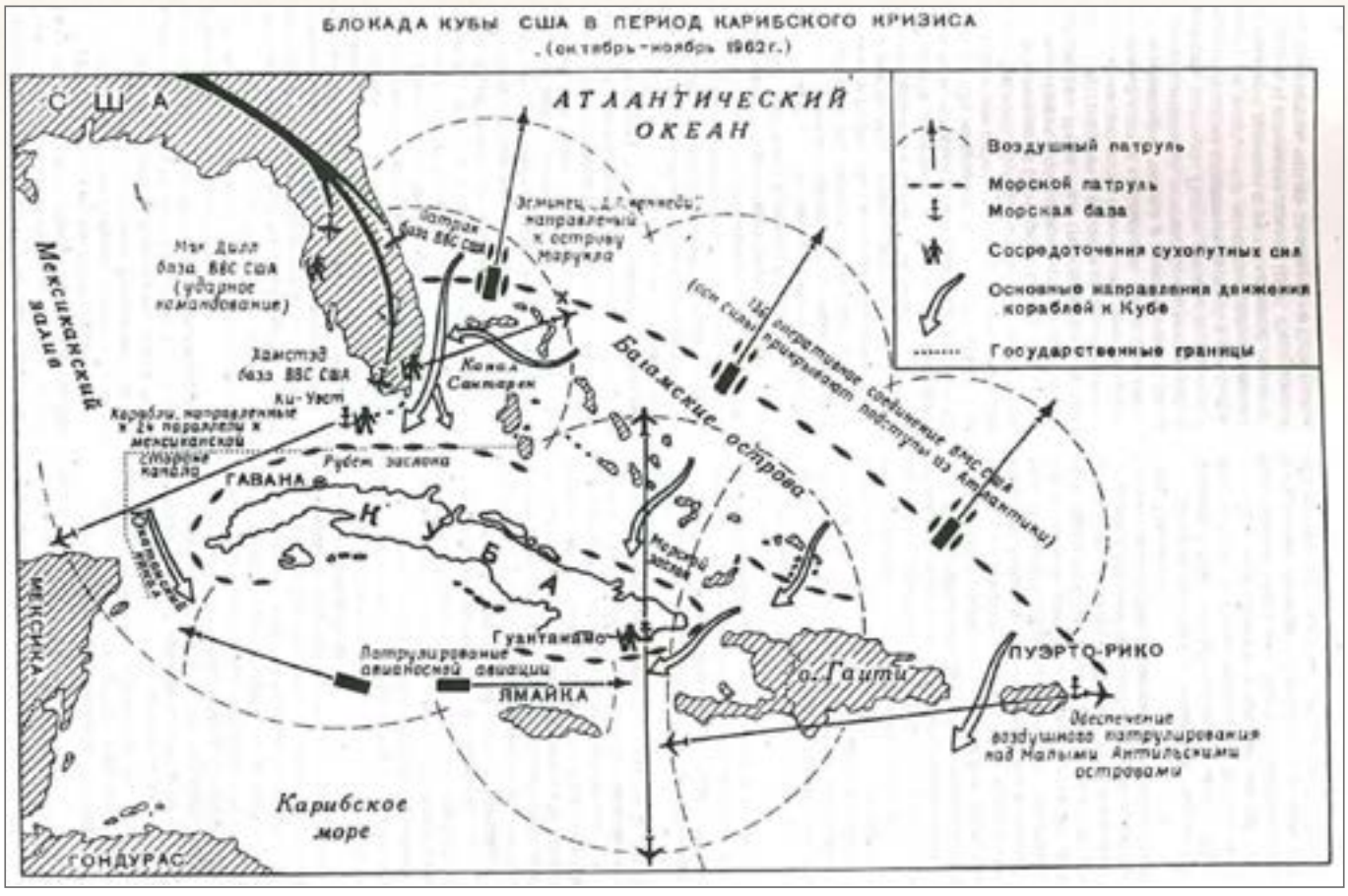
Но особенно Ф. Кастро волновали сроки приведения в боевую готовность наших баллистических ракет. Это же волновало и меня, так как главная задача нашей группы генералов и офицеров Генштаба заключалась в контроле за готовностью наших ракет к возможному удару по агрессору, если тот развяжет ядерную войну.

Вскоре у меня с И. А. Плиевым состоялся разговор о работе управленческого аппарата Группы войск. Я доложил ему о своих поездках по войскам, хорошем боевом настроении как советских, так и кубинских воинов, но и высказал замечание в адрес некоторых его заместителей и офицеров штаба, в столь обострившейся обстановке либо преспокойно сидящих в своих кабинетах, либо, хуже того, беззаботно играющих в теннис.

Исса Александрович полностью согласился со мной. Вечером он собрал военный совет и потребовал, чтобы все члены совета более активно работали в войсках. При этом он сослался на меня, что, дескать, Грибков выразил недовольство работой военного совета Группы.

— Исса Александрович, — возразил я, — не могу согласиться с Вашими последними словами. Почему только представитель Генштаба высказал критические замечания о работе некоторых членов военного совета? А разве Вы сами довольны тем, как относятся к службе, к делу, например, генералы Данкевич, Петренко, адмирал Абашвили?

Плиев ничего не смог возразить и тут же дал ряд конкретных и четких указаний, что и кому сделать

▲ Привет американцу

немедленно. После такого прямого и острого разговора на военном совете работа управленческого аппарата Группы значительно активизировалась.

С прибытием на Кубу я по мере необходимости отправлял информацию на имя «Директора» в Москву, сообщал сведения, которыми мы располагали, информировал о ходе подготовки к отражению агрессии. Штаб Группы докладывал в Москву в соответствии с табелем срочных донесений, утвержденным Генеральным штабом.

Обстановка вокруг Кубы не только с каждым днем, но и с каждым часом все более накалялась. Информация, получаемая кубинскими и советскими разведывательными органами, свидетельствовала о том, что американцы готовятся нанести удары по Кубе с воздуха и с моря.

Как-то генерал Дементьев сказал Плиеву, что Ф. Кастро в разговоре с ним высказал пожелание, чтобы советские военнослужащие надели свою военную форму. По его мнению, это имело бы большое моральное значение для всего народа, да и янки. В случае агрессии видели бы, с кем имеют дело, что Куба не одна.

Плиев на это не отреагировал.

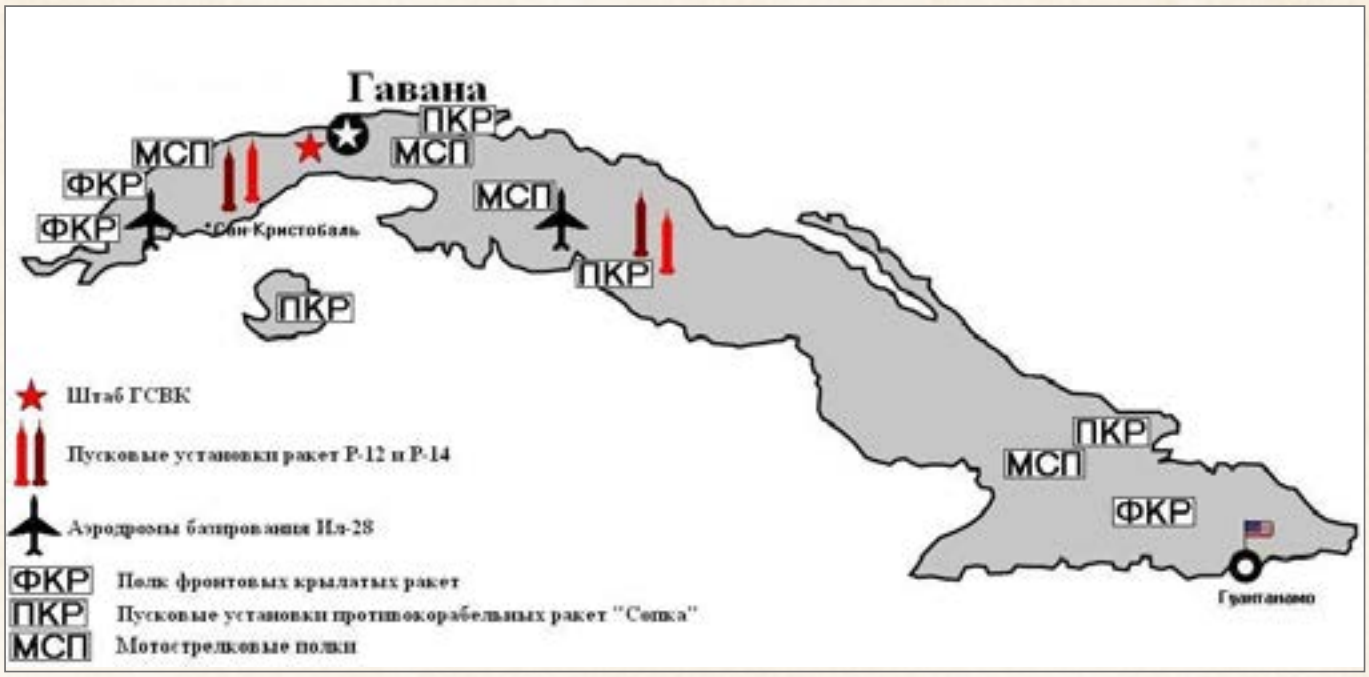
Спустя много лет я спросил Иссу Александровича, почему он не принял тогда решение о форме одежды. Плиев сказал мне, что если бы война началась, то американцы сосредоточивали бы больше огня на наших войсках: форма ведь являлась бы для них отличной целью. Кроме того, по его мнению, гражданская одежда в условиях кубинского климата более практична при обращении с техникой и оружием. Вот такой был ответ...

Мы с близкого расстояния наблюдали за американскими военными кораблями, курсировавшими вблизи побережья Кубы. Разведывательные самолеты США облетали на низких высотах территорию острова. Иногда было видно, как американские летчики показывали нам кулаки.

Кубинские и советские солдаты тоже в долгу не оставались. Правда, грозя кулаками, они оснащали свою речь крепкими кубинскими и русскими выражениями.

Однажды, во время посещения советских и кубинских войск, мы приехали с генерал-майором авиации Н.Г. Сытником в наш истребительный авиационный полк, на вооружении которого были новые в то время самолеты МиГ-21. Полк считался лучшим в советских ВВС. Постоянно базировался он в Кубинке, под Москвой. Все показательные занятия проводились на его базе. Полком командовал первоклассный летчик полковник Н.В. Шабанов (спустя двадцать лет служба свела нас в Ленинграде, я тогда командовал войсками округа, а Николай Васильевич — воздушной армией). Начальником политотдела полка был тоже первоклассный летчик подполковник Н.П. Щербина.

Наш приезд совпал с проведением в полку партийного собрания.

▲ Куба, 1962 год

Большинство его участников были в клетчатых рубашках. Вспомнил, только что видел такие и в других частях. Поинтересовался у заместителя командующего Группой войск по тылу генерал-майора Н. Р. Пилипенко, почему большинство солдат и офицеров выглядит столь однообразно — «клетчато»?

— Каждая воинская часть, — объяснил Николай Романович, — получала штатскую одежду на гражданских базах по разнарядке тыловых органов Министерства обороны. Подбирали не особенно маркую. Вот так мы иногда «продумывали» до мелочей вопросы скрытности. Советские военные даже своей одеждой сильно выделялись среди кубинского населения, а солдаты в шутку говорили, что участвуют в операции под кодовым названием «Клетчатые рубашки»...Возвращаясь к начатой теме, хочу отметить, что и летчики в том полку были первоклассные.

— Ну почему американцы так нагло и безнаказанно летают, словно у себя дома, а мы сидим, как мышь за веником? — возмущались они.

Я объяснил, что есть приказ по одиночным нарушителям огня не открывать, дабы не обострять обстановку. Однако, уступая настойчивым просьбам летчиков, посоветовавшись с командиром полка, на свой страх и риск разрешил при удобном случае выпустить пару истребителей на перехват. Условились так: как только радиотехническая разведка выдаст информацию о появлении одиночного американского самолета, наши летчики поднимутся в воздух, но огня не откроют, а постараются «прижать» нарушителя к земле, чтобы вынудить его совершить посадку. Заодно можно будет проверить в реальных условиях, на чьей стороне преимущество в тактике и технических возможностях самолетов.

Замысел, хотя и не полностью, был осуществлен. Как мне потом рассказал командир полка, пара наших МиГ-21 показала свое превосходство над самолетом F-104 и в маневренности, и в технических возможностях, хотя посадить его все же не удалось. Однако после этого ни один американский самолет не появлялся вблизи аэродрома, на котором базировались советские истребители. Проверяя с генералами С. И. Гречко и М. И. Науменко готовность зенитно-ракетных частей, убедились в том, что, если поступит приказ на открытие огня по воздушным целям, наши зенитчики с честью выполнят задачу. Вскоре это подтвердилось на практике. Как уже говорилось, 27 октября нашей зенитной ракетой С-75 был сбит над Кубой американский разведывательный самолет U-2. В тот день командир полка полковник Ю. С. Гусейнов находился на совещании в Сантьяго-де-Куба. Его замещал подполковник Е. М. Данилов. Вот что он рассказал:

«... Утром 27 октября дежурный по командному пункту объявил готовность № 1. Я прибежал на КП, когда на планшете четко отображалась цель № 33. И тут поступила команда с КП дивизии «уничтожить цель № 33». Помню, как начальник политотдела подполковник Морозов сказал мне: «Евгений Михайлович, кажется, начинается что-то серьезное». Все было для нас так неожиданно, что я решил уточнить задачу на уничтожение цели на КП дивизии. Оттуда приказ подтвердили, и я немедля дал команду 3-му и 4-му дивизионам уничтожить цель. Командир 4-го дивизиона подполковник Герченов И. М. доложил, что задачу понял, цель видит, ведет ее и буквально

тут же доложил, что она уничтожена, расход — три ракеты. Высота цели 21500 м. Я лично доложил на КП дивизии об уничтожении самолета». Вот так в 10 ч 21 мин 27 октября был сбит американский самолет-разведчик U-2.

Ввиду того, что силы и средства ПВО советских и кубинских войск находились в одной системе взаимодействия, кубинское военное руководство взяло сбитый самолет на себя.

Спустя двадцать шесть лет, 1 марта 1988 года, Фидель Кастро в интервью американской телекомпании Си-Би-Эс на вопрос о том, сколько и кем, советскими или кубинскими войсками, во время Октябрьского кризиса было сбито американских самолетов U-2, ответил: «Был сбит только один самолет. И сбили его не кубинцы. Мы добивались, чтобы самолеты не летали на бреющих полетах, и в один из дней Октябрьского кризиса предупредили советских солдат и всех остальных, что будем стрелять по самолетам на бреющих полетах.

Мы мобилизовали всю зенитную артиллерию, и на другой день утром наши батареи повсеместно открыли огонь по самолетам, летавшим на низких высотах. Но у нас не было ракет, в той ситуации советская батарея зенитных ракет открыла огонь по самолету.

Чем это было вызвано? Тем, что бой фактически уже начался, потому мы и открыли огонь.

Если нужно взять на себя ответственность за это, мы готовы взять ее на себя, потому что мы отдали противовоздушным батареям приказ стрелять по низколетящим самолетам. Однако у нас не было ракет класса «земля — воздух», они находились в руках советских войск, и непосредственный приказ о запуске ракеты был отдан советским офицером... Если бы эти ракеты находились под нашим контролем, то мы, возможно, приказали бы стрелять, так что мы не уходим от ответственности. Но не нам принадлежит заслуга в том, что этот самолет был сбит». Советское и кубинское командования располагали достоверными данными о принятом американским руководством решении начать 29 или 30 октября агрессию против Кубы с предварительным нанесением массированных авиационных ударов по позиционным районам советских ракетных частей, а также важнейшим военным объектам, чтобы снизить военный потенциал страны, а затем начать вторжение на остров с моря и воздуха.

К этому времени из 36 наших боевых ракет Р-12 примерно только половина была готова к заправке горючим, окислителем и стыковке с ядерными головными частями, которые находились на определенном удалении от позиционных районов, т. е. располагались отдельно, под усиленной охраной и команды на их доставку и стыковку из Москвы и от генерала И. А. Плиева не поступало. Более того, Плиев еще 22 октября получил из Москвы указания о приведении войск Группы в боевую готовность для отражения возможной агрессии со стороны США всеми силами (ракетные части использовать категорически запрещалось) совместно с кубинскими вооруженными силами. 27 октября Москва еще раз предупредила о неприменении ядерного оружия.

После уже известных читателю обменов посланиями между президентом США и главой Советского правительства командующий Группой войск получил приказ об отмене боевой готовности и свертывании ракетных частей. Сроки были сжатые, поэтому Плиев послал в ракетные полки для помощи и контроля исполнения своих заместителей — генералов П. Б. Данкевича и Л. С. Гарбуза. 29 октября я тоже выехал в ракетный полк Ю. А. Соловьева, где вместе с командиром дивизии генералом И. Д. Стаценко проследили, как идет демонтаж, а точнее, ломка позиционных сооружений, в которые было вложено так много солдатского труда. Генерал Стаценко с обидой в голосе говорил мне:

— То Вы торопили меня со строительством позиционных районов, а теперь упрекаете, что медленно их разрушаем... Что я мог ответить человеку, так много сделавшему для выполнения поставленной ранее задачи?

В это же время, если мне память не изменяет, 30 октября, Плиев получил указание Р. Я. Малиновского, чтобы командир дивизии генерал Стаценко доложил о положении дел прибывшему в Гавану У Тану. Предупредили, что доклад должен быть полным, включать данные о состоянии дивизии и ее организации, количестве завезенных ракетных установок и ракет, плане демонтажа и вывоза ракет в Советский Союз. Начали срочно готовить И. Д. Стаценко к столь необычным «дипломатическим» переговорам.

У Тан прибыл со свитой, в которой находились и военные представители Индии и Швеции. Беседа состоялась в резиденции У Тана. На ней присутствовал посол СССР на Кубе А. И. Алексеев. Стаценко рассказывал о встрече так:

- Приехали в резиденцию в назначенное время. К нам вышел У Тан, взаимно представились, затем прошли в небольшой зал для заседаний. Индийский и шведский генералы раскрыли свои увесистые портфели. По всему было видно, включили магнитофоны.

У Тан начал разговор с того, что одобрительно отозвался о решении Советского правительства вывезти с Кубы ракеты, заметив, что оно проявило большую заботу о сохранении мира. Коротко остановился на своей миссии в Гавану.

Посол А. И. Алексеев поблагодарил У Тана за теплые слова, отметил, что Советский Союз всегда стоял на твердых позициях сохранения мира, и сказал, что командир ракетной дивизии готов ответить на все интересующие его вопросы.

У Тан поинтересовался у Стаценко впечатлениями о пребывании на Кубе, затем спросил о боевом составе ракетных частей и об инструкциях по поводу вывоза ракет с острова.

Стаценко доложил о ходе выполнения приказа о демонтаже ракетных позиций и плана вывоза ракет

и оборудования в Советский Союз. Он сказал, что всего было завезено 24 установки и 42 ракеты, включая шесть учебных, со всем вспомогательным оборудованием (транспортировки, заправки, стартовым и т. д.). Планом предусматривается вывезти ракетные полки до 20 ноября, но все будет зависеть от времени сосредоточения в портах Кубы необходимого количества кораблей нужного класса. Когда Стаценко ответил на все поставленные вопросы, У Тан поблагодарил его за беседу и пожелал счастливого пути на Родину. Индийский и шведский генералы вопросов не задали, но усердно все записывали. Тон беседы был спокойный, уважительный.

Как нам стало известно, У Тан вел переговоры с кубинским руководством и нашим посольством об организации инспекции со стороны США за демонтажем и вывозом ракетного оружия. 1 ноября, после переговоров с У Таном, Фидель Кастро выступил по телевидению и заявил: — Мы не нарушали никакого права, не совершили никакой агрессии против кого бы то ни было. Поэтому инспекция является еще одной попыткой унизить нашу страну. Поэтому мы ее не принимаем. В том же выступлении он очень тепло отозвался о Советском Союзе и советских военных. В частности, сказал:

— Нужно особенно помнить о том, что во все трудные моменты, когда мы сталкивались с американской агрессией, мы всегда опирались на дружескую руку Советского Союза. За это мы благодарны ему, и об этом мы должны говорить во весь голос. Советские люди, которых мы видим здесь, сделали для нас очень много. Кроме того, советские военные специалисты, которые были готовы умереть вместе с нами, очень много сделали для обучения и подготовки наших вооруженных сил. Это была справедливая оценка роли Советского Союза и того вклада, который внесли советские люди в защиту Кубы. Конечно, сегодня можно по-разному оценивать события того времени, но от исторических фактов уйти нельзя.

Как было сказано выше, американцы вначале требовали права инспекции демонтажа наших ракет и их вывоза с Кубы непосредственно на острове. Но Ф. Кастро отверг эти притязания. Тогда предложили осуществлять инспекцию советских судов с ракетами в портах Кубы, на что руководители Кубы также ответили отрицательно. В сложившейся обстановке советское руководство дало согласие на инспектирование наших судов, но только в море.

Мы заранее сообщали американской стороне, на какой транспорт и сколько ракет погружено. В открытом море к нему подходили американские военные корабли и вертолеты, снимались брезентовые покрытия с ракет, находящихся на грунтовых тележках, последние были закреплены на палубах, вопреки всем правилам морских перевозок (они должны быть в трюмах). Американцы визуально подсчитывали количество ракет, после чего давали, как говорят моряки, «добро» на дальнейшее плавание.

▲ Полк ВВС СССР на Кубе

Я считал тогда и сейчас остаюсь при том же мнении, что подобное инспектирование для нас, военных, после исполненного нами воинского долга, сопряженного с неимоверным трудом, было не только унизительным актом, но и своего рода публичной пощечиной.

Особо хочется сказать о поведении в те напряженные дни наших солдат, сержантов и офицеров. Они готовились вместе с кубинцами сражаться, с честью выполнить свой интернациональный долг. В беседах с личным составом чувствовался боевой настрой. Несмотря на трудные климатические условия — тропические ливни и неимоверную жару — не слышно было роптаний. Все были готовы защищать Кубу так же, как свою Родину. В который раз приходилось убеждаться, что советский солдат, куда бы ни забросила его судьба, всегда оставался мужественным, терпеливым, находчивым, неунывающим бойцом. Я видел, как кубинские солдаты и все население острова готовились встретить противника с оружием в руках. Весь народ от мала до велика стремился стать в единый строй, чтобы отстоять завоеванную свободу.

2 ноября в Гавану прибыл член Президиума ЦК КПСС А. И. Микоян. Он прилетел из Нью-Йорка, где вел переговоры с представителями американского руководства. В аэропорту я вновь встретился с Фиделем Кастро, он тепло пожал руку Плиеву, послу Алексееву, Дементьеву и мне. Вид у него был озабоченный. К нему подходили кубинцы, каждый старался пожать ему руку или просто крикнуть: «Фидель!», чтобы обратить на себя внимание. Чувствовалось большое уважение простого народа к своему руководителю.

Делового разговора на аэродроме у нас с ним не получилось: времени не было и не позволяла обстановка. Фидель Кастро во время встречи с Микояном был весьма сдержан.

На второй день стало известно, что у А. И. Микояна умерла жена. Н. С. Хрущев в телеграмме выразил ему от имени руководства партии и правительства соболезнование, в ней же было указано и на его особую миссию в Гаване, на важность переговоров с кубинским руководством. Короче, давали понять, что в Москве сделают все необходимое, чтобы похороны состоялись надлежащим образом.

Микоян после короткого раздумья принял решение остаться на Кубе для выполнения своей нелегкой миссии. Ему предстояло вести трудные переговоры с кубинскими товарищами, встречаться с американцами. Итогом активной переписки руководителей двух стран и дипломатических шагов Микояна, а его миссия завершилась 20 ноября, явилось решение президента США о снятии морской и воздушной блокады.

К тому времени командование Группы войск закончило вывоз с острова ракет и самолетов Ил-28. В советских Вооруженных Силах и Объединенных Вооруженных Силах государств — участников Варшавского Договора была снята повышенная боевая готовность. Народы мира вздохнули с облегчением: угроза атомной войны миновала.

Советское руководство приняло решение передать обычное вооружение и боевую технику советских войск Кубе. Перед нами встала новая задача: научить солдат и офицеров Революционных Вооруженных Сил в совершенстве владеть этой техникой. Личный состав Группы войск, выступавший в роли коллективного инструктора, старался щедро передать весь свой опыт и знания товарищам по оружию. Это были особые ратные будни, наполненные взаимопониманием, душевной добротой, открытостью сердец, искренностью. Это была настоящая школа интернационализма.

В канун праздника Великого Октября Плиев устроил небольшой прием для руководящего состава советских и кубинских войск. Первый тост был за глав правительств: Никиту Сергеевича Хрущева и Фиделя Кастро Рус. Рядом со мной сидел кубинский капитан, занимавший большой военный пост. Обращаясь к товарищам, он заметил, что следует выпить не за Фиделя и Хрущева, а за Фиделя и Сталина. Мы не согласились, но капитан продолжал настаивать: «За Фиделя и Сталина!» Смысл его слов сводился к тому, что если бы был жив Сталин, то ракеты остались бы на Кубе.

В конце дня я послал Малиновскому очередное расширенное донесение, в котором упомянул и о случае на приеме. Этот доклад имел для меня неожиданные и неприятные последствия.

Поздно вечером 7 ноября мне сообщили, что завтра в 10 часов утра меня вызывает А. И. Микоян. Вызов меня насторожил. Почувствовал: что-то случилось. Поинтересовался, кто еще приглашен. Мне ответили, что еще несколько человек, в том числе и Плиев. Мысленно проанализировал всю свою работу на Кубе, возможные вопросы, которые могли интересовать Микояна, и только далеко за полночь уснул.

...Разговор Микоян начал с вопроса: «Кто из вас сообщил в Москву о том, как прошло здесь празднование Октябрьской революции?»

Я сразу понял: речь шла о моем донесении, о чем сразу же сказал ему. Пересказал и содержание доклада в адрес министра обороны.

К большому моему удивлению, приглашенные на встречу товарищи, зная о критических высказываниях некоторых кубинских офицеров по поводу вывоза ракет, молчали, с подобострастием поглядывая на Микояна.

▲ Москва. Посольство Кубы. Октябрь 1987 г. Генерал Серхио дель Валье вручает орден Че Гевары генералу армии А.И. Грибкову

А. И. Микоян помолчал, затем строго напомнил всем, и в первую очередь мне, что он здесь представитель Президиума ЦК КПСС и должен знать, кто и что докладывает в Москву.

— Закончим неприятный разговор, — сказал он в конце беседы. — Не будем больше возвращаться к этому вопросу. Пусть все останется между нами.

Не скрою, меня взволновала эта встреча. Понимал, что от одного только слова Микояна зависит вся моя дальнейшая служба и в конечном итоге судьба.

К вечеру 8 ноября связисты штаба Группы впервые установили закрытую радиотелеграфную связь с Москвой. В тот же день состоялся мой разговор с генерал-полковником С. П. Ивановым. Я доложил о встрече с Микояном. Семен Павлович сказал, чтобы я особенно не переживал: мои донесения идут на самый «верх» и оцениваются там высоко. Тем не менее скажу, что по возвращении в Москву во время доклада Р. Я. Малиновскому о выполнении задания я узнал, что А. И. Микоян все же рассказал министру о том, какое замечание он сделал мне в Гаване. Пришлось подробно доложить об инциденте. Министр меня успокоил и хорошо оценил работу нашей группы на Кубе. Будучи уже командармом в Закавказском военном округе, я встретился с Микояном в Ереване. Набрался смелости напомнить, что он не сдержал своего слова. Микоян, подумав, сказал:

— Знаете, товарищ Грибков, здесь ничего нет особенного, давайте забудем об этом.

В конце ноября я получил распоряжение из Москвы возвратиться со своей группой домой. Лететь можно было только самолетами иностранной авиакомпании или попросить Микояна, чтобы он взял нас на борт своего спецсамолета, который должен был лететь с посадкой в США. Но подвернулась еще одна «оказия». В Прагу летел самолет чехословацкой авиакомпании. С помощью чешских друзей мы оказались в Европе.

В Москве я сделал устный доклад Р. Я. Малиновскому в присутствии своего непосредственного

▲ Порт Мариель, август 1962 г. Встреча с прибывшими на Кубу советскими воинами. На заднем плане ангары, в которых размещали ракеты Р-12. Автограф на этом снимке был поставлен Раулем Кастро во время приема делегации ветеранов «кубинцев» в Гаване в декабре 1989 г.

начальника генерал-полковника С. П. Иванова. Министра интересовало все до мельчайших подробностей. В течение двухчасового доклада он ни разу меня не перебил, лишь иногда задавал уточняющие вопросы. Семен Павлович попытался дать знак, чтобы я заканчивал, но Родион Яковлевич, неодобрительно взглянув в его сторону, сказал: -Продолжайте, товарищ Грибков, продолжайте...

Я привез ему много фотографий, солдатских писем и даже... стихотворений. Одно письмо его так растрогало, что он долго и от души смеялся. Оно было написано в стиле чеховского Ваньки Жукова: «В Москву, дедушке Родиону Яковлевичу». Письмо хорошее, доброе, по-своему патриотическое. В нем были, между прочим, и такие слова: «Дорогой дедушка, Родион Яковлевич, и когда же ты заберешь нас домой, в нашу дорогую и далекую Россию?»

Как отметил министр обороны, работа нашей Группы была на самом «верху» оценена положительно.

Весной 1963 года мне вновь пришлось побывать на Кубе. Теперь наш беспосадочный полет на самолете Ту-114 пролегал через Мурманск вдоль побережья Канады и США. Этим маршрутом намечалось прибытие Фиделя Кастро в Москву.

Перед нами стояла задача проверить, как идет переучивание кубинских военнослужащих, решить некоторые организационные вопросы в наших войсках. Выполнив задание, в середине апреля мы тем же маршрутом возвратились домой, опробовав новую авиалинию для прилета Ф. Кастро в Москву. Министр поблагодарил за проделанную работу и сообщил, что мой труд во время Карибского кризиса отмечен орденом Ленина.

Заканчивая свои воспоминания, относящиеся ко времени Карибского кризиса, хочу выделить ряд существенных моментов.

Впервые в истории Советских Вооруженных Сил была оперативно осуществлена переброска через океан более чем 40-тысячной армии с большим количеством техники и вооружения. Причем задачи, поставленные руководством страны перед Министерством обороны и Министерством морского флота, были выполнены четко, в установленные сроки. А главное, столь колоссальный объем работ был проделан скрытно. Лишь 14 октября, т. е. почти через месяц после прибытия на остров трех ракетных полков, соединений и частей ПВО, ВВС, ВМФ и Сухопутных войск, воздушной разведке США удалось обнаружить признаки нахождения на Кубе советских войск. Именно с того дня проявилось сильное беспокойство Пентагона, а затем и самого президента Дж. Кеннеди. Важно подчеркнуть еще и то, что США открыто создавали военные базы вокруг Советского Союза, в том числе и ракетные. Более того, американцы действовали вызывающе. Они начисто игнорировали реакцию мировой общественности, заявления, протесты правительств ряда стран. Америка упорно и настойчиво решала нужные ей задачи. Разумеется, советскому руководству не нравилось, что СССР оказывался во все более тесном ракетно-ядерном кольце. Но ведь до политической истерии, тем более до мер военного характера дело не доходило.

Что же вынудило американскую администрацию так резко, с большой нервозностью отреагировать на присутствие наших ракет и войск на Кубе?

Как мне представляется, американцев напугало скрытное и внезапное появление советских ракет на острове. Дезинформация шла по вертикали вниз с самого «верха». Н.С. Хрущев вплоть до 25 октября уверял американского президента в отсутствии на Кубе ракетного оружия. Разработанный план маскировки и дезинформации в основном был выполнен. К тому же на все вопросы о наличии ракет на Кубе наши дипломаты в силу своей неосведомленности (в том числе и посол Советского Союза в США, и представитель в ООН) давали отрицательный ответ, что тревожило американцев и, видимо, давало им повод сделать вывод о готовящемся против них внезапном ракетном ударе.

Полагаю, если бы на основе заранее заключенных с кубинским правительством и обнародованных договоров и соглашений мы постепенно и открыто перебрасывали вооружение, боевую технику, воинские части, в том числе и ракетные, такой острой реакции со стороны США могло и не быть. Хотя вполне вероятно, что американцы приняли бы все меры к недопущению завоза ракет на Кубу.

Считаю, что серьезной политической ошибкой в период переговоров Н.С. Хрущева с Дж. Кеннеди было то, что в них по сути дела не участвовал Ф. Кастро как глава суверенного государства, чем во многом был подорван авторитет кубинского руководства. Если бы Фидель Кастро с самого начала участвовал в переговорах в качестве равноправной третьей стороны, мероприятия по урегулированию конфликта и по вывозу ракет прошли бы не в такой острой, а порой и унизительной для нас форме.

А была ли вообще необходимость завозить на Кубу ракеты? Этот вопрос ныне активно обсуждается многими западными, да и нашими публицистами. Исходной базой дискуссии служит соотношение сил США и СССР по ракетам, взаимно достигающим территорий двух государств.

Замечу, что в то время соотношение ракетно-ядерных потенциалов было далеко не в пользу Советского Союза. Но даже с завозом наших 36 ракет средней дальности на Кубу оно практически не изменилось, а угроза возникновения ядерной катастрофы возросла многократно, поэтому глубоко убежден в том, что не следовало бы завозить ракеты на остров. Руководителям США, СССР и Кубы с участием Генерального секретаря ООН необходимо было сесть за стол переговоров, договориться по всем вопросам и оставить Кубу в покое. Если допустить, что в разгар кризиса американцы решились бы нанести авиационные удары по Кубе, в том числе и по советским войскам, а затем высадить морские и воздушные десанты с целью ликвидации государственного строя, то, наверное, это также привело бы к непредсказуемым последствиям.

По данным на октябрь 1962 года, население Кубы составляло около 8 млн. человек. Отмобилизованная, хорошо обученная армия с современным оружием составляла примерно 200 тысяч человек. В случае агрессии США ряды защитников Республики могли бы стать в два-три раза больше. Их поддержала бы 40-тысячная группировка Советской Армии с самым современным вооружением, которая вместе с кубинцами защищала бы молодое независимое государство в соответствии с Договором. Поэтому решение президента Дж. Кеннеди отказаться от агрессии против Кубы расцениваю как верное.

К 28 октября, как я уже писал, состояние боевой готовности советских ракетных частей не обеспечивало быстрого нанесения ракетного удара по США. К этому времени из 36 ракет средней дальности только половина была подготовлена для заправки горючим, окислителем и стыковки с головными частями. Ни на одной ракете не вводилось полетное задание.

Хочу еще раз подчеркнуть, что, начиная с момента замысла создания Группы советских войск на Кубе и во время развернувшихся потом событий, ни политическое, ни военное руководство Советского Союза даже в мыслях не допускало нападать на США и тем самым развязывать мировую войну с применением ядерного оружия.

Американцы много шумели о завозе на Кубу самолетов Ил-28, которые якобы угрожали США. Хочется внести ясность и в этот вопрос. Да, действительно, на Кубу были «завезены» бомбардировочный полк и отдельная эскадрилья из шести самолетов-носителей ядерного оружия Ил-28. Самолеты были привезены в разобранном виде в контейнерах. К 28 октября ни один из них не был полностью боеготовым. Все они к концу ноября были погружены на морские суда и отправлены в Советский Союз. Кстати, Ил-28 — самолет оперативного предназначения. Он мог использоваться для борьбы с морскими десантами, а также для поддержки сухопутных войск и уничтожения высаживаемых морских и воздушно-десантных войск противника. Американцы знали его тактико-технические данные, понимали, что этот самолет не предназначался для ведения наступательных действий на территории США, но шумели...

Цель операции «Анадырь» заключалась в одном — помочь молодой Кубинской Республике защитить завоеванную свободу, предотвратить агрессию США. Ракетные войска в этой операции являлись важным сдерживающим фактором.

Заканчивая кубинскую тему, считаю необходимым высказать мнение и по вопросу о нашей мотострелковой бригаде, которая до 1994 года дислоцировалась на Кубе.

Я помню, как в результате длительных переговоров кубинского и советского руководства по настоятельной просьбе кубинской стороны 29 мая 1963 года было подписано соответствующее соглашение об оставлении на Кубе символического количества советских войск — мотострелковой бригады. Документ имел секретный характер. В печати о нем не сообщалось. Отмечу, что нахождение мотострелковой бригады на Кубе действительно носило больше символическое политическое значение, чем военное. Присутствие на острове Свободы советских солдат выражало дружбу и солидарность советского и кубинского народов перед лицом возмож-

▲ Фидель Кастро с участниками событий 1962 года

ной агрессии. В сентябре 1979 года после затяжного молчания, в ходе VI конференции глав правительств и государств Движения неприсоединения в Гаване, США негативно высказались в отношении советской мотострелковой бригады, находящейся на Кубе.

Тогда же советское руководство во главе с Л.И. Брежневым, не посоветовавшись с кубинским руководством, назвало эту боевую бригаду учебным центром по подготовке кубинских военных специалистов. Такое решение имело на Кубе серьезный политический резонанс.

А спустя некоторое время, опять же в одностороннем порядке, М.С. Горбачевым принимается решение о полном выводе мотострелковой бригады, вновь без консультации с руководством Кубы.

Разумеется, на принятие такого решения, оказавшегося для кубинского руководства неожиданным, повлияли многие факторы. Не берусь их перечислять. Скажу главное: заявляя о выводе советской мотострелковой бригады с территории дружественного нам государства, в самый раз бы предъявить администрации США требование о ликвидации находящейся на Кубе ее военно-морской базы Гуантанамо, на которой постоянно пребывают гарнизон в 8-10 тысяч человек и несколько американских кораблей. Это было бы справедливо. Более того, одновременный вывод с Кубы иностранных войск явился бы надежным стабилизирующим политическим и военным фактором в Карибском регионе. Но этого, к сожалению, не было сделано...

Какие главные выводы можно сделать из рассказанного?

- Карибский кризис явился естественным результатом «холодной войны», противостояния двух великих государств — США и СССР.

- Полные драматизма октябрьские события 1962 года поставили мир на грань ядерной катастрофы. Только перед лицом грозной опасности руководители США и СССР поняли, насколько далеко они зашли в своей политике, убедились, чем чревата демонстрация ядерных «мускулов».

— Карибский кризис вынудил Дж. Кеннеди и Н.С. Хрущева настойчиво искать возможности недопущения ядерной войны, нераспространения ядерного оружия, его сокращения, запрещения испытаний, т.е. стал поворотным пунктом на пути продвижения к миру. Важно и другое — политики и военные отчетливо осознали, что в ядерной войне победителей не будет.

Сегодня немало написано и сказано о тех уже далеких событиях. Можно по-разному относиться к оценкам Карибского кризиса. Они полярны. Подчеркну лишь, что советские войска достойно выполнили поставленную перед ними задачу. Более того, впервые в истории России была осуществлена уникальная операция по переброске через океан за десять тысяч километров столь внушительной группировки вместе с современнейшей техникой и вооружением. ■

К.К. ЗВОНАРЕВ, полковник, начальник 2-го агентурного отдела
Разведупра ГШ РККА в 30-е годы

РУССКАЯ АГЕНТУРНАЯ РАЗВЕДКА ВО ВРЕМЯ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ И ИСТОЧНИКИ СВЕДЕНИЙ

Когда началась война, Главный штаб был вынужден снабжать отправляющихся на театр военных действий офицеров и целые войсковые части данными о неприятеле.

О том, каковы были эти данные, рассказывает Е. И. Мартынов.

"Желая перед отправлением в Манчжурию получить некоторые сведения о противнике, я обратился в военно-ученый комитет Главного штаба, где мне дали соответствующую часть "Сборника новейших сведений о вооруженных силах иностранных государств".

Эта небольшая желтая книжка заканчивалась общими выводами относительно действий крупных отрядов, причем из приведенных в ней четырнадцати пунктов впоследствии подтвердился лишь один (относительно преследования.); все же остальные оказались ложными".

Далее Мартынов говорит, что "до войны в русской армии господствовало пренебрежительное отношение к японцам. Даже будущий наш полководец ген. Линевич, который во время похода на Пекин, казалось бы, имел возможность познакомиться с японскими войсками, называл их не иначе, как "япошками", и в продолжении указанной экспедиции при

каждом удобном случае третировал их начальника, выдающегося ген. Фукушиму. Правда, после Пекинского похода стали изредка проскальзывать в печати и благоприятные отзывы о японцах, принадлежавшие более дальновидным людям, но высшее начальство усмотрело в этом опасность для духа русской армии, и вскоре заскрипели послушные перья, выставлявшие японские войска в неблагоприятном и даже комическом виде".

В другой брошюре тот же автор пишет, что "слушателей Академии Генштаба спрашивали о том, сколько золотников соли на человека возится в различных повозках германского обоза, каким условиям должна удовлетворять ремонтная лошадь во Франции, но организация японской армии оставалась для нас тайной до такой степени, что перед моим отправлением на войну главный специалист по этому предмету категорически заявил мне, что Япония не может выставить в Манчжурии более 150.000 человек".

Тот же Мартынов рассказывает, как в обществе ревнителей военных знаний некий вице-консул, долго проживший в Японии, сделал сообщение, в котором доказывал, что "японцы, как истые представители желтой расы, храбры лишь при успешном ходе дела; наоборот, малейшая неудача возбуждает в них неудержимую, безграничную панику."

Одной из слабых сторон японской армии Куропаткин находил "отсутствие религиозного чувства: в военных школах никакого религиозного образования и воспитания не дают; храмов при школах не имеется; будущие офицеры всевышнему не молятся ни в горе, ни в радостях. То же явление наблюдается и в армии. В этом и заключается большая слабость японской армии. Без религии и без веры в промысел божий выдержать тяжелые испытания войны, вынести тяжелые потери и лишения могут лишь отдельные лица".

После назначения ген. Куропаткина главнокомандующим русскими войсками против Японии, он представил Николаю Романову доклад, в котором высказывал свою уверенность в быстрой и легкой победе и придавал весьма ничтожное значение японской армии. При составлении плана предстоящей компании исходили из полной уверенности в том, что никакого серьезного сопротивления русская армия не встретит. Заканчивался доклад, — по словам А. С. Лукомского, — указанием, что "после разгрома японской армии на материке должен быть произведен десант в Японии, должно быть подавлено народное восстание и война должна закончиться занятием Токио".

Одним словом, все сведения из всех русских источников о японской армии говорили о том, что японцы ничего серьезного из себя не представляют и война с ними при помощи икон и молебнов будет равной прогулке на параде.

Вера же в иконы и молебны была так сильна, что назначенный командующим Маньчжурской армией ген. Куропаткин, вместо ознакомления с вооруженными силами противника и изучения театра военных действий, читал "лекции" великому князю Михаилу Александровичу о "росте и аллюрах японской лошадки" и занимался сбором икон и молебнами.

Видя это, недаром говорил известный остряк ген. Драгомиров, что "столько набрал Куропаткин образов, что не знает, каким образом победить".

Спустя месяц после прибытия на театр войны, а именно 15 апреля 1904 года, Куропаткин объявил войскам армии свои первые указания, озаглавленные — "указания начальникам маньчжурской армии до ротного и сотенного командира включительно и всем начальникам штабов".

В этих "указаниях" он давал блестящую характеристику японской армии, заявляя, что сильные стороны этой армии преобладают и что "в японцах мы, во всяком случае, будем иметь очень серьезного противника, с которым надо считаться по европейскому масштабу... Но мы имеем над японцами огромное преимущество в нашей религиозности, в вере в промысел божий".

Кроме того, оказывается, что по сведениям Куропаткина — "японцы любят есть по утрам и, не поевши спокойно утром, чувствуют себя весь день слабыми", а поэтому Куропаткин приказывал: "этим пользоваться и мешать правильному питанию японцев по утрам".

Вот так в потемках, в слепую блуждал командующий русской армией, впадая из одной крайности в другую, из одного необоснованного преувеличения в другое...

***

С переходом на военное положение организация разведки, как таковой, представилась в следующем виде.

Согласно "Положения о полевом управлении войск в военное время", которое действовало во время русско-японской войны, в управлении генерал-квартирмейстера штаба главнокомандующего было сосредоточено "делопроизводство по всем распоряжениям, касающимся стратегических операций, по сбору и содержанию сведений о расположении и действии армии, о неприятеле и о местности, и вообще по службе Генерального штаба".

В ст. же 57 того же "положения" говорилось:

"Сосредотачивая в своем управлении сведения, получаемые от полевых управлений о неприятеле и о местности, он со своей стороны принимает меры к собиранию таковых и распоряжается их обработкою и приведением в удобный для пользования вид. Сообщение сих сведений полевым управлениям армий лежит на непосредственной его обязанности..."

Об управлении генерал-квартирмейстера штаба армии в том же "положении" говорилось следующее:

"Ст. 199. Управление состоит из четырех отделений: оперативного, отчетного, разведывательного и топографического".

"Ст. 202. К предметам занятий разведывательного отделения относятся: а) собирание сведений о силах, расположении, передвижениях и намерениях неприятеля; б) собирание статистических сведений о театре войны и содержание их в постоянной исправности; в) отыскание надежных лазутчиков (лазутчик — агент-ходок. — К. З.) и проводников из местных жителей, содержание тех и других и распределение их по назначению, согласно получаемым указаниям; г) опрос пленных и лазутчиков, проверка их указаний по собранным всеми путями сведениям о неприятеле, обработка всех этих сведений, составление общего свода и сообщение из них войскам того, что будет признано необходимым для облегчения частных соображений и д) заведывание военными корреспондентами, находящимися при армиях".

О начальниках штабов корпуса и дивизии в том же "положении" сказано следующее.

"С разрешения командира корпуса (дивизии), он осматривает лично и сколько возможно чаще расположение неприятеля; при этом он принимает на себя начальствование над войсками, для того назначенными".

"Он представляет командиру корпуса (дивизии) о мерах к сбору сведений о противнике и испрашивает его разрешения на производство расходов по содержанию шпионов, лазутчиков и пр.".

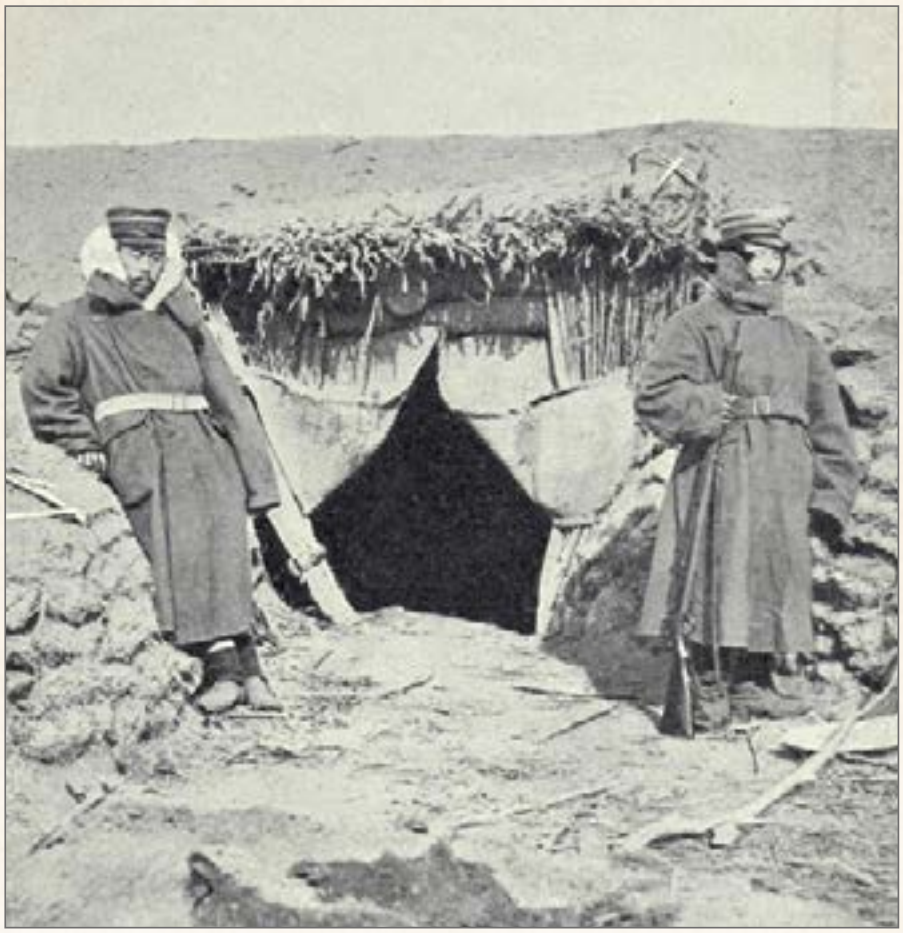
Из приведенных выписок из "Положения о полевом управлении войск в военное время" видно, что разведывательный аппарат, в виде отделения управления генерал-квартирмейстера, полагался лишь при штабе армии.

Характерно также, что, согласно "Положению", штаб главнокомандующего фронтом не должен был объединять и руководить разведывательной деятельностью штабов армий, а лишь получать от них материалы, обрабатывать их и сообщать штабам армий. Аппарата же для этого тоже не было предусмотрено.

Генерального штаба полковник Чернозубов утверждал, что "служба эта будет возложена на одного из офицеров Генерального штаба".

При составлении "Положения" 1890 года по словам Чернозубова, основной идеей было освободить главнокомандующего от мелочных забот и дать ему тем полную возможность вникнуть в главное. Вследствие такого характера деятельности штаба главнокомандующего, мелкие детали разведывательной службы стушевываются и подаются уже в готовом виде разведывательными отделениями подведомственных армий. "В виду этого, — по словам Чернозубова, — и не ощущается необходимости в особом отделении. Вполне достаточно, если делопроизводство по этой части будет возложено на одного из двух офицеров Генерального штаба".

Как известно, до октября 1904 года все русские войска, находившиеся на театре военных действий, составляли лишь одну Маньчжурскую армию. В октябре было произведено разделение их на три армии. До того момента каждый корпус и отдельный отряд (а таковых было несколько) был в полном смысле слова предоставлен сам себе в области добычи сведений о противнике. Штаб армии издавал свои разведывательные сводки, но до штабов корпусов они редко доходили. Для кого печатались эти сводки — неизвестно. Каждый штаб корпуса на свой страх и риск начал организовывать свою агентурную

▲ Японский сторожевой пост

сеть; каждый делал это по-своему. Результаты, конечно, были самыми плачевными. Обмена имевшимися сведениями о противнике между корпусами не было. В первое время пытались ограничиться исключительно войсковой разведкой. Но первые же попытки показали, что это — вещь трудная, чтобы не сказать — для русских невозможная, потому, что японцы очень хорошо охраняли свои позиции. Пройти через них можно было только с боем, на что, в то время, русская армия не была способна. Кинулись на фланги, но и здесь японцы были начеку. Верных карт не было. Местность — неровная, пересеченная, и незнакомая войскам. Налицо были: незнание языка противника и местного населения, двусмысленное отношение этого населения к русским, крайне скудные и подчас неверные сведения об организации, численности и свойствах армии противника и т. д. Приходилось действовать при помощи китайцев-проводников, но, пока их разыскивали, японцы уже знали, где именно предполагается набег и принимали контрмеры.

А. Свечин рассказывает, что разведка велась не кавалерией, а по преимуществу охотничьими командами (команды пеших и конных разведчиков при полках и даже батальонах), которые работали добросовестно. Но, в общем, разведка велась крайне неумело. Особенно неопытны и неумелы были не младшие начальники-исполнители, а высшие, руководившие разведкой. Крайне робкое в серьезных действиях, наше управление в организации разведки отличалось и большой смелостью, и непрактичностью. Разведочные команды получали странные задачи. Обследованием фронта противника не довольствовались; стремились войсковыми частями обследовать тыл противника, расположение его главных сил, открыть планы и намерения врага. Как сквозь сито, гнали через неприятельские аванпосты наши охотничьи команды. Из полков выбирались лучшие нижние чины, лучшие офицеры; им давались самые туманные инструкции; собранные команды угонялись за 100 верст на гибель, тем более верную, чем отважнее были офицеры. Сотни пропавших без вести оплачивали совершенно нестоящие сведения, принесенные одним удачником. В июне месяце 1904 года это преступное уничтожение лучших сил Восточного отряда достигло самого большого напряжения... Примерно около 8-го июня была выслана масса команд охотников — от всего Восточного отряда свыше 10 команд; никто не возвратился; В безрезультатных охотничьих предприятиях было загублено не менее 15 % офицеров отряда и 10 % солдат... В этих разведочных делах мы теряли не только лучших людей Восточного отряда, мы теряли веру в себя, мы постепенно приучали всех к неудачам, постепенно разучивались одерживать победы"...

На организацию агентурной разведки на театре военных действий в начале войны вообще смотрели сквозь пальцы. Главный штаб полагал, что многочисленная русская кавалерия великолепно справится с задачами разведки. Е. И. Мартынов подтверждает это мнение Главного штаба, говоря, что "перед войной все полагали, что благодаря огромному перевесу в числе и качестве кавалерии мы будем знать каждое движение противника, последний же будет бродить впотьмах".

На деле же произошло обратное: русская кавалерия не могла проникать вглубь расположения противника и потому не доставляла никаких ценных сведений. Между тем японцы, пользуясь своей малочисленной кавалерией лишь для ближней разведки, все важнейшие сведения о группировке и направлении русских сил получала от агентурной разведки.

Капитан французской службы Рауль-де-Рюдеваль, со слов ген. Шта-

кельберга, еще более определенно передает эти рухнувшие надежды на кавалерию:

"...У нас было много кавалерии и мало шпионов и мы были все время плохо осведомлены. Наш противник имел мало кавалерии и много секретных агентов и знал все своевременно"...

Вот несколько примеров. По словам комиссии по описанию русско-японской войны, "11 и 12 марта 1904 года ген. Мищенко получил, главным образом, от американского миссионера первые более или менее достоверные сведения о противнике. Выяснилось, что в первых числах марта между Анчжю и Пеньяном было собрано 17 000 японских войск, что ген. Мищенко считал вполне правдоподобным... Это сведение, ставшее известным через Сеульскую газету и американского миссионера, было первым за все время похода, вносившим некоторое понятие о составе сил противника. Высадка у Гензана японского десанта подтверждалась, но сила его оставалась неизвестной"...

16 марта ген. Мищенко отошел к Сенчену и, "в виду достоверных сведений о занятии Кусена японским отрядом до 400 человек конницы и пехоты с 5 орудиями, где на самом деле никого не было, решил отступить к. р. Ялу".

"Как видно было, этот конный отряд Мищенко, пользуясь исключительно сведениями, добывавшимися от лазутчиков и опросом местных жителей, — не мог дать сколько-нибудь ценных по достоверности сведений ни о силах, ни о группировке японских войск в Корее".

Надеялись в отношении добывания сведений и на пленных. Но и эти надежды не оправдались, ибо пленных брал тот, кто наступал.

В середине 1904 года, когда русские войска терпели поражение за поражением, приток пленных совершенно прекратился. Тогда Куропаткин приказал платить за каждого пленного японского солдата по 100 рублей, а за офицера — 300 руб., независимо от обычной награды за военное отличие.

Но такая своеобразная мера количества пленных увеличить не могла, а наоборот — вызвала недовольство в рядах русской армии, считавшей эту меру "глубоко противной с точки зрения общепринятой морали при открытой войне между двумя равноправными воюющими сторонами".

Через разведывательное отделение штаба 1-й армии за время с 26 октября 1904 г. по 1 сентября 1905 г. прошло всего лишь 366 пленных японцев, а через штабы шести корпусов той же армии за тоже время — 15 офицеров и 808 солдат. При этом необходимо отметить, что большинство офицеров попали в плен тяжело ранеными и вскоре умерли от ран. Значит, оставались пленные солдаты. Они, по мнению руководителей русской разведки, "в громадном большинстве обладали значительным умственным развитием, вполне сознательно и с большим интересом относились к вопросам своей службы, обстановки и действиям своих войск в широким смысле. Обладая большою способностью к пониманию чертежа вообще (в частности чтение карт) и к изложению своих показаний с помощью схематического чертежа, солдаты враждебной нам армии всегда были в состоянии дать показания несомненной ценности".

Необходимо отметить, что японцы, по-видимому, возвели в принцип возможно широкое и полное ориентирование войск до рядовых солдат включительно, а эта система в связи с интеллигентностью народа давала то, что каждый рядовой солдат был более или менее хорошо осведомлен относительно состава, группировки и действий не только своего полка, но и дивизии, и "очень часто, даже армии". В частности, японские кавалеристы были всегда лучше осведомлены и в общем интеллигентнее пехотинцев.

Но вся беда то заключалась в том, что этих интеллигентных пленных было до смешного мало и что "далеко не все пленные охотно давали показания, ясно отдавая себе отчет в важности соблюдения военной тайны. Прирожденная вежливость, доходящая до угодливости, свойственная японскому народу, заставляла большинство отвечать на вопросы, но почти на каждый вопрос ответом была ссылка на незнание или явно неправдоподобное показание".

В первое время на это не обратили особого внимания и принима-

ли обычные русские меры "развязывания языков" — удары по лицу, насмешки, издевательства и т. д. Но видя, что это не помогает, начали искать другие средства. Под конец войны додумались, наконец, до изолирования более интересных пленных от остальных (с целью изъять их из-под влияния унтер-офицеров и старших вообще) и стала пользоваться агентурным опросом, т. е. среди пленных сажали переодетого под японца китайца, подслушивавшего разговоры пленных.

До чего взятие японца в плен было редким явлением в жизни русской армии, показывает также рассказанный Е. И. Мартыновым факт, когда начальник дивизии ген. Добржинский незадолго до конца войны так обрадовался пойманному войсками его дивизии пленному японцу, что "воссев на коня, водил его в штаб 3-й дивизий, в штаб корпуса и по соседним бивакам".

В общем и целом, войсковая разведка, благодаря вышеуказанным причинам, а также благодаря полному отсутствию какой либо организации и систематичности этого дела, — ничего существенного не давала.

Была надежда еще на один источник сведений — на захват разного письменного материала, т. е. разных официальных документов, частных писем, газет и т. п. Однако, во время русско-японской войны русские и здесь не имели успеха. В официальном отчете штаба 1-й армии по этому поводу говорятся следующее:

"...Случаи захвата официальных документов были очень редки и захваченные документы имели только исторический интерес"...

В 1-й армии за все время войны было лишь два случая захвата официальных документов. Первый — это документы канцелярии 2-го резервного японского полка, захваченные в январе 1905 года и второй, — диспозиция, захваченная на офицере 42-го резервного пех. полка.

Эти документы дали интересный материал для ознакомления с бытом и деятельностью противника (журнал военных действий 9-го резервного полка), но сведений о современной группировке противника в нем почти не оказалось.

Тот же отчет признает, что "официальная переписка является наиболее ценным документальным материалом, но благодаря, обстоятельствам кампании, он захвачен и использован быть не мог".

Частные письма японцев доставлялись как войсковой, так и агентурной разведкой в довольно большом количестве, но в большинстве случаев их содержание никакой ценности не представляло. Более или менее ценные данные давали лишь адреса и почтовые штемпеля на конвертах этих писем.

Хотя единичный факт находки в данной деревне конверта с адресом данной войсковой части не давал возможности установить, что эта именно часть и расположена в деревне, — говорит автор отчета штаба 1-й армии, — но ряд таких адресов, совпадающих с другими признаками, уже достаточно обеспечивал правильность предположения, что войсковая часть, указанная на нескольких конвертах, действительно расположена в полном составе в данном пункте. Значительно содействовало этому способу определения то обстоятельство, что противник усиленно избегал дробления своих нормальных единиц и части его армий, дивизий и бригад в громадном большинстве случаев располагались совокупно".

Важные данные давали также почтовые штемпеля частей (преимущественно армий) на конвертах. По ним можно было с полной уверенностью заключать о принадлежности данной дивизии или бригады к той или другой армии, а также и устанавливать переход части из состава одной армии в другую.

Однако, русской разведкой были обнаружены случаи, когда японцы с целью введения русских в заблуждение разбрасывали подложные конверты и письма.

Получение русскими японских газет организовано не было. Лишь изредка в руки русской разведки попадали отдельные разрозненные номера.

Вот почти и все те источники сведений и приемы русской разведки, коими пользовались войсковые части до штабов армий включительно.

Комиссия по описанию русско-японской войны также подтверждает, что в мирное время агентурной разведки в Японии и Корее организовано не было. Попытка создать агентурную сеть была сделана в 1902 году штабом Приамурского военного округа, но встретила отрицательное отношение Главного штаба к этому вопросу. Организовать агентурную разведку сразу по объявлении войны, конечно, можно было, но результатов от нее, по крайней мере в ближайшее время, ожидать было нечего. Все остальные способы разведки, применявшиеся русскими, не могли дать сведений о сосредоточении и плане действия японцев. Наспех созданная некоторыми кор-

▲ Японский солдат, снятый с поста охотниками 287-го Тарусского полка

пусами агентурная разведка давала сбивчивые и противоречивые сведения. Количество японских войск исчисляли по количеству занятых японцами в селениях под постой войск помещений, не зная даже приблизительно, сколько человек помещалось в каждом дворе.

15 апреля, 1904 года Куропаткин телеграфировал военному министру, что он "все еще в неизвестности, где 2-я японская армия". Он указывал, что "по некоторым сведениям, можно предполагать, что часть 2-й армии высадилась в Корее. Крайне желательно выяснить это достоверно. Не представляется ли возможность, жертвуя большими суммами денег, выполнить это через наших военных агентов более положительным образом, чем ныне", — спрашивал Куропаткин. Нечего, конечно, говорить, что и военный министр не смог помочь Куропаткину в этом вопросе...

Тогда Куропаткин поручил начальнику транспортного отдела своего штаба ген. Ухач-Огоровичу создать агентурную разведку. Ген. Л.Н. Соболев признает, что "разведывательная служба в штабе Куропаткина была деятельна, но не была поставлена на должную высоту и наши сведения о численном составе армии противника были недостаточно точны"...

Тем временем успешное наступление японских войск продолжалось, куропаткинская армия терпела поражение за поражением и штаб Куропаткина от недооценки японской армии ударился в сторону ее переоценки, или, как говорит А. Свечин — "штаб Куропаткина обнаружил тяготение к преувеличенной оценке японских сил. Раздутое нами представление о японском перевесе в силах тягостным бременем ложилось на управление войсками".

АГЕНТУРНАЯ РАЗВЕДКА ШТАБОВ АРМИЙ

В октябре 1904 года, когда все русские войска были разделены на три армии, штабы этих армий приступили к организации агентурной разведки. Как она была организована, как работала и какие давала результаты, — мы постараемся иллюстрировать выдержками из довольно сумбурных отчетов двух армий — III и I.

Авторы отчета III-й армии утверждают, что ни инструкций по организации разведки, ни руководителей и агентов, ни сведений о том, как поставлено дело сбора сведений о противнике и указаний, в каком направлении должен был работать вновь сформированный штаб армии — штабом главнокомандующего дано не было.

А между тем эти указания были особенно необходимы, ввиду того, что III-я армия занимала центральное положение. От передовых ее укреплений противник находился в расстоянии от нескольких десятков сажен до двух верст. Высылка агентов-ходоков прямо на фронте представлялась невозможной и не могла принести желанных результатов.

В состав вновь формируемого штаба не поступило ни одного лица, уже поработавшего в разведывательных органах на театре военных действий и сколько-нибудь знакомого с характером китайцев и выработавшего приемы обращения с ними.

▲ Корейцы-шпионы, пойманные вблизи Новокиевска и доставленные военному губернатору в г. Никольск

▲ Китайцы-сигнальщики, пойманные во время боя в дер. Хуаньшань

Наиболее близкое соприкосновение с населением имел военный комиссар Мукденской провинции. По своему служебному положению он мог иметь среди китайцев известное значение и влияние. К его помощи вынужден был обратиться штаб армии и от него получил первых шесть китайцев, которые не имели никакой подготовки и могли быть использованы лишь как агенты-ходоки. Ожидать от таких агентов особо ценных сведений было трудно.

В силу этого вскоре же, по рекомендации Мукденского отделения русско-китайского банка, было заключено условие с одним мелким чиновником-китайцем, который служил в этом банке. Этот чиновник обязался подыскивать, нанимать и несколько подготовлять агентов, задачи которым ставил штаб армии.

Агенты этого чиновника селились под видом торговцев в указанных им наиболее важных пунктах ближайшего тыла расположения противника для наблюдения на месте за этими пунктами. От себя они должны были высылать помощников, которые, проходя по дорогам в различные, заранее намеченные пункты, должны были собирать сведения о числе и роде расположенных там войск, орудий, обозов, о местах расположения складов, магазинов и пр.

Эти агенты-резиденты, собирая сведения, пересылали их через агентов связи своему патрону-чиновнику, который должен был доставлять эта сведения не менее одного раза в неделю в штаб армии.

В первое время доставлявшиеся сведения можно было считать мало надежными. Они были отрывочны. Тем не менее, при сопоставлении получаемых этим путем сведений с другими источниками, они все-таки помогали воспроизвести общую картину, как расположения противника, так и тех перемещений, которые совершались в указанном районе.

Кроме разведки этого "подрядчика шпионажа", в тылу противника была создана еще одна крупная агентурная организация во главе с русским офицером. Он разместил своих агентов по четырем постоялым дворам, дав им задачу производить опрос проезжающих (незаметный, конечно).

Для создания возможности перекрестной разведки двое из хозяев этих постоялых дворов также были завербованы без ведома поселенных у них русских агентов.

Этим же офицером периодически высылались агенты-ходоки для сбора сведений о передвижениях войск противника, о подходе к нему укомплектований, а после падения Порт-Артура — о движении армии Ноги.

В самом Мукдене для "опросной" разведки в городе были наняты китайцы, на обязанности которых лежало посещение курилен опиума, постоялых дворов и гостиниц. Таким путем предполагалось, с одной стороны, вести опрос приезжих с юга, а с другой — следить за шпионами противника.

Вопрос о вознаграждении за разведку был поставлен следующим образом.

Китайцу-чиновнику был выдан заимообразно аванс в 5.000 руб. и 500 руб. безвозвратно для устройства мелких торговых предприятий в тех пунктах, в которых были поселены постоянные агенты-резиденты. Затем он должен был получать еже-

месячно от штаба армии 1.800 руб. и уже сам расплачивался с агентами по своему усмотрению.

Упомянутый выше офицер для своей агентурной организации получал ежемесячно от штаба армии 1.000 руб., что, при наличии у него 10–15 агентов-ходоков, составляло плату каждому от 40 до 100 руб. в месяц.

В отношении отдельных агентов, посылавшихся для доставления или проверки тех или иных сведений, вознаграждение соразмерялось со степенью опасности предприятия и с ценностью добытых сведений. Обычно уплачивалось от 15 до 50 рублей.

В общем, на агентурную разведку во время нахождения III армии на реке Шахе было израсходовано около 12.000 руб.

Отсутствие централизации в организации разведки, конечно, являлось отрицательной стороной этого дела. В последнее время нахождения армии на позициях у Шахе, в штабе III армии были получены негласные сведения о том, что практичные китайцы создали в Мукдене собственное центральное бюро сведений о японцах, из которого получали сведения и агенты штаба III армии. Этим устранялась возможность взаимной проверки агентов и одно и то же сведение продавалось в различные русские разведывательные организации. Надо полагать, что в таком бюро некоторые сведения фабриковались при участии японцев.

Определить общее число работавших для III армии агентов всех видов и наименований, а также количество ценных донесений за этот период, не представляется возможным, так как соответствующие дела штаба армии при отступлении от Мукдена были утеряны.

Вследствие неожиданности и спешности этого отступления, вся организация агентурной разведки разрушилась, так как агенты принадлежали к местному населению. Только с остановкою армии на Сыпингайских позициях и с прибытием штаба армии в дер. Чанцзвацзы, т. е. около 16 марта 1905 года, началось вновь налаживание агентурной разведки.

Расположение штаба армии в уединенной деревне, удаленной от крупных центров, делало выбор и отыскание агентов крайне трудным.

К этому нужно еще прибавить, что и желающих заняться этим делом после мукденской катастрофы было очень мало.

Престиж японцев поднялся, а русских пал. Все население ждало, что с минуты на минуту русские отойдут далее к северу, и поэтому предполагалось, что за каждую услугу, оказанную русским, японцы, по принятому ими правилу, жестоко отомстят.

Переводчики штаба армии из студентов Восточного института имели недостаточный навык в разговорном языке, не знали многих терминов и являлись малоопытными в отношении с китайцами.

На случай дальнейшего отхода III армии к северу, в наиболее важных населенных пунктах необходимо было подготовить агентурную сеть заранее, дабы не повторилось положение, какое было после Мукдена, когда во вновь занятом противником районе не осталось ни одного агента русской разведки.

И здесь вербовка агентов для высылки их в район расположения противника была поручена уже упомянутому выше чиновнику-китайцу. Вербовку он производил среди местных сельских грамотных жителей, а частью отыскивал агентов в ближайших к расположению штаба армии городах. Подавляющее большинство завербованных агентов работало из-за денег и лишь несколько человек, которыми руководило чувство мести за насилия, причиненные японцами их родным, была добровольцами.

По явке в штаб каждый агент ознакамливался старшим адъютантом, через переводчика, с приемами тай-

ной разведки и с различными военными приметами, касавшимися способа узнать ту или другую часть. Все это производилось наскоро и в общих чертах.

Как только агент хоть немного усваивал нужные сведения, ему ставилась известная задача, и он высылался в район расположения пр-ка.

Каждому высылаемому давалось удостоверение за подписью старшего адъютанта, с приложением гербовой печати. Удостоверение выдавалось на строго определенный срок, соответственно расстоянию, которое агент должен был пройти. В удостоверении указывалось, что агент имеет право пройти в сторону противника и обратно только по одному разу, а сам он предупреждался, что может идти только по указанному ему маршруту, так как на других пунктах удостоверение было недействительным.

Этой оговоркой надеялись избежать передачи удостоверения японской контрразведке, которая могла бы их использовать в своих целях.

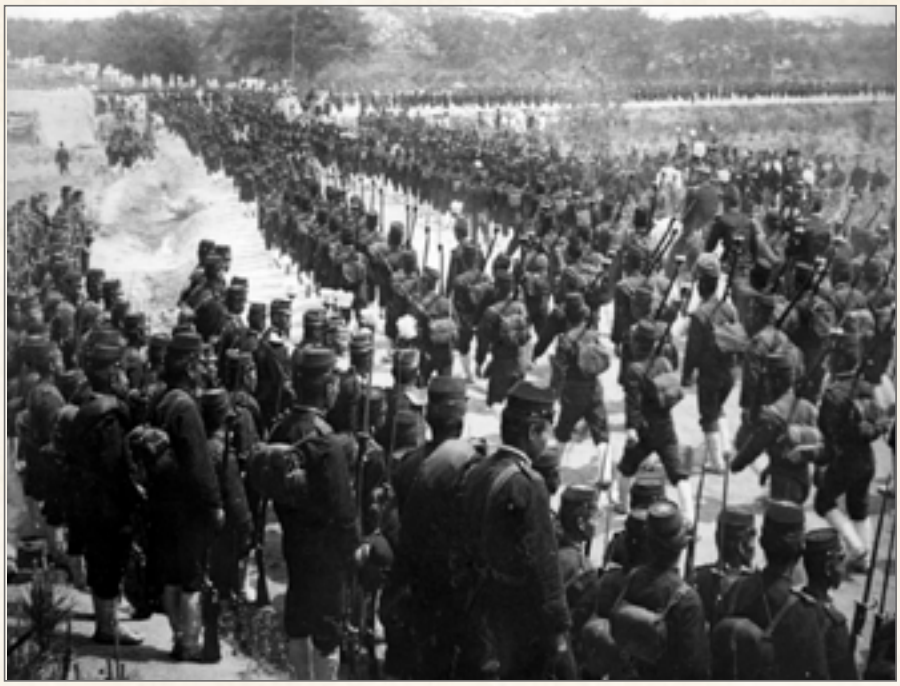
Фамилия агента записывалась при отправлении в особую книгу; в ней же отмечалась поставленная ему задача, время высылки, а также приблизительный срок его возвращения.

На путевые расходы каждому агенту выдавалось по 50 коп. в сутки.

Строго определенного жалованья агентам не назначалось, так как опыт показал, что при таком способе оплаты ни один агент более или менее добросовестно не служил. Хотя бы условной добросовестности можно было достигнуть только системой выдачи наградных, увеличивая постепенно размер их, в зависимости от ценности доставленных сведений.

Агенты-ходоки высылались обыкновенно сериями по известным маршрутам серия за серией с промежутком в 2–3 дня. Делалось это, с одной стороны, для того, чтобы "вести разведку непрерывно", а с другой, чтобы иметь "возможность проверять работу одних агентов работой других".

Каждый агент обязывался принести из какого-либо пункта своего маршрута (обыкновенно — конечного и наиболее интересного) какое-либо вещественное доказательство своего пребывания в этом пункте. Такой мерой русская разведка надеялась хоть отчасти гарантировать себя в том, что агент был именно там, куда его посылала.

▲ Японцы

Из числа завербованных агентов некоторые стали после месячной работы более осмысленно относиться к выполнению поставленных им задач. Они приносили все, что могло дать хоть какую-нибудь возможность напасть на след группировки сил противника. Часто приносились письма, конверты, бандероли газет, бирки с ружей, части одежды с штемпелем части и пр.

Штаб III армии в то время верил в возможность нападения японцев со стороны Монголии и очень сильно этого опасался.

Поэтому для наблюдения за Монголией была создана специальная агентурная организация, во главе с офицером пограничной стражи, знавшим китайский язык. По словам авторов "отчета", этот офицер давал довольно сносные сведения о передвижениях японских разъездов поблизости от монгольской границы.

Подготовка контрразведки в районе III армии выразилась в следующем.

В пяти пунктах в тылу армии были посажены агенты-резиденты. На большой маньчжурской дороге был открыт маленький постоялый двор; на этой же дороге имелись два агента, которые периодически обходили все постоялые дворы этого важного участка и следили за проходящими китайцами.

Таким путем, с одной стороны, подготовлялись агенты-резиденты разведки на случай отхода армии к северу, а с другой, — устанавливался надзор за населением и появлением подозрительных личностей, служивших шпионами противника.

Одному из помощников старшего адъютанта была поручена организация второй линии наблюдения за тылом армии и в Монголии.

Отсутствие верных карт не позволяло контролировать движения агентов-ходоков, на которых, помимо их прямой задачи — сбор сведений о японцах, — возлагалось также составление маршрутов пройденных путей. Как люди совершенно неподготовленные для этой цели, они не могли дать правильного отчета о пройденных ими путях, почему совершенно не представлялось возможным составить более или менее

▲ Русская мортира на позициях. 1904.

правильную схему дорог, по которым проходили агенты. Все, что делали агенты, приходилось принимать на веру. Несколько лучше обстояло дело с назначением агентов-резидентов, ибо пункты, выбранные для их постоянного местопребывания, имелись на русских картах и районы, которые обслуживались ими, были известны.

По смете на 1905 год на ведение агентурной разведки и контрразведки в течении первого полугодия было отпущено для III армии: 100.000 руб. и на наем переводчиков — 80.000 руб. Из этих сумм за все время существования армии было израсходовано на наем переводчиков — 12.000 руб. и на агентурную разведку и контрразведку — 18.000 руб., причем из них 12.000 руб. были израсходованы за время стояния армии на позициях по р. Шахе

Что же касается ценных донесений, то их в общем было немного. Объясняется это отчасти тем, что японцы, после ряда неудач русских, стали пользоваться среди китайцев большим престижем, отчасти скрытностью и умением японцев охранять свои секреты, а также и неподготовленностью русских агентов.

К этому следует добавить, что, по мере постепенного расширения своего территориального влияния, японцы немедленно брали в свои руки — и, при том, весьма энергично — гражданское управление в районе своего тыла. Они без всякого стеснения сменяли китайскую администрацию и водворяли на места смененных своих сторонников. Все это помогало им бороться с русской агентурной разведкой.

Имея в своих руках администрацию и принимая на службу китайских солдат занятого им района, они могли без особых затруднений вести самый точный учет и надзор за населением, доходивший до того, что ими была устроена перепись всех деревень, занятых их войсками. Хозяин каждой фанзы имел особое удостоверение, в котором было указано число обитателей фанзы.

Наблюдение японцев за русскими шпионами дошло до того, что каждый китаец, не имевший удостоверения от местного старшины, не имел права появиться в поле. Малейшее подозрение влекло за собой арест. Если же китаец не мог вывернуться и доказать легальность своего появления в известном районе, его без всякого суда казнили, до зарывания в землю живым включительно.

Понятно, что при таких условиях число агентов-ходоков, желавших служить русским, с каждым днем уменьшалось. Некоторые из них, сходив один-два раза, отказывались от дальнейшей службы; другие же, довольствуясь получкой путевых денег, — исчезали.

Некоторые агенты, в большинстве случаев терроризированные японцами, не ходили вовсе в тыл противника, а предпочитали собирать сведения от прибывших с юга китайцев или от получивших оттуда письма.

Один из приемов, гарантировавших, по мнению руководителей агентуры штаба III армии, деятельность разведки, а впоследствии рекомендованный и штабом главнокомандующего, заключался в требовании счета из какой-либо лавки промежуточного или конечного пункта маршрута агента-ходока. Однако, после нескольких случаев приноса действительных счетов, агенты начали печатать поддельные счета. Обнаружена эта фабрикация была в Чженьяньтуне.

Подобный факт указывает, что, по крайней мере, 50 %, если не больше, агентов были вредны для дела. Остальная же половина служила более или менее добросовестно. К ним в большинстве случаев принадлежали те, за которых ручались богатые китайцы землевладельцы, рисковавшие своим имуществом и подбиравшие действительно надежных людей.

Для получения сведений о противнике требовалось 14–20 суток.

* * *

Постановка разведки в I и II армиях в общих чертах была такой же, как и в III армии. Так, например, штаб I армии получил при сформировании лишь 3-х агентов, из коих один находился в Японии, один в Китае и один — в Корее. Агенты эти давали сведения лишь о том, что делалось в тылу противника, а так как эти сведения шли окружным путем, через Китай, то всегда запаздывали

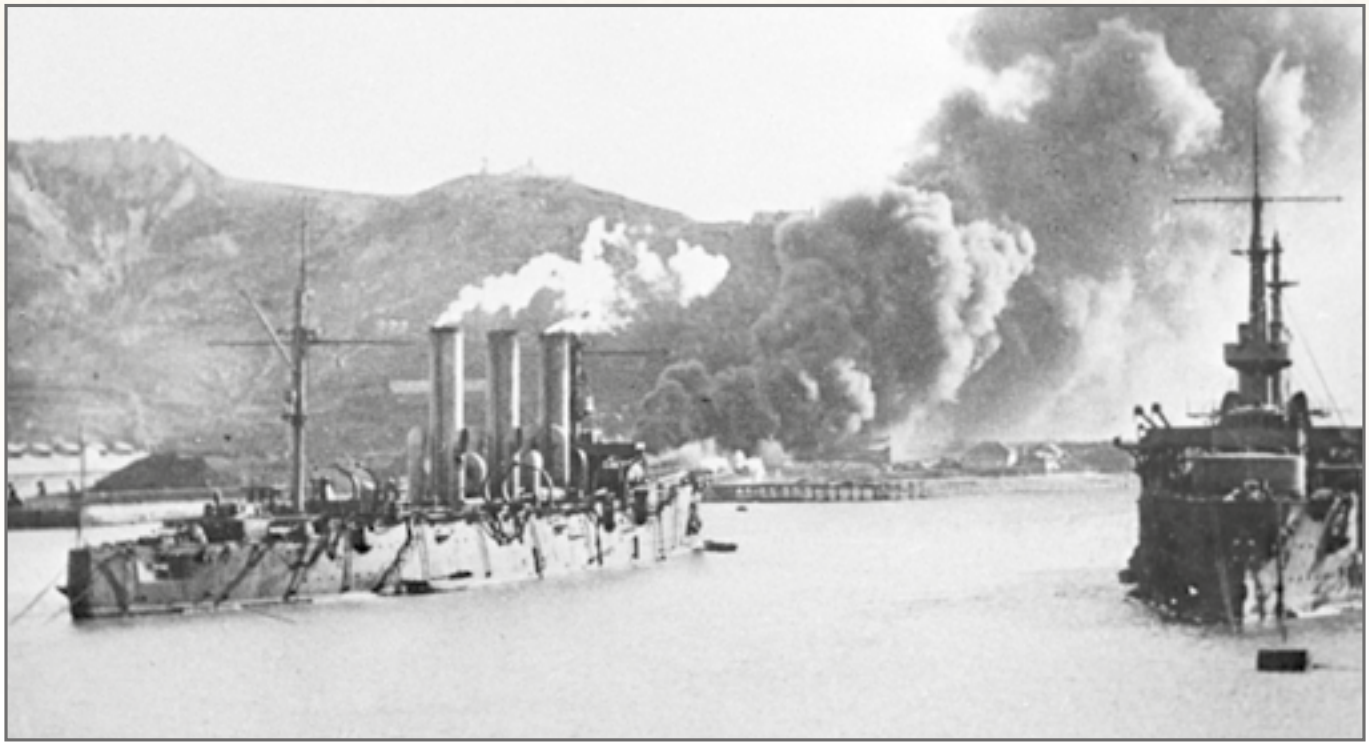
и никакой ценности не представляли.

Штаб I армии в своем отчете указывал, что недостатка в агентах он не ощущал. Их можно было не только найти, но они сами предлагали свои услуги по разведке. Среди влиятельных китайцев (крупных коммерсантов, высокопоставленных чиновников и пр.) было, во-первых, много лиц, относившихся к японцам враждебно. Тут были представители семей, члены которых погибли в японо-китайскую войну 1894-95 гг. и которые предлагали русским свои услуги из чувства кровной мести; были представители крупных китайских торговых фирм, интересы которых настолько тесно были связаны с русскими интересами на Дальнем Востоке, что они готовы были содействовать, конечно, за хорошую плату, русским военным успехам. Так, например, весьма крупный китайский коммерсант Тифонтай предлагал организовать агентурную разведку, но требовал за это несколько миллионов рублей, не давая при этом никаких гарантий в успешности этого дела. Такие лица, по словам отчета штаба I армии, были хорошо известны русской местной военной администрации. Обширные связи их с населением всех провинций и всего Китая делали их участие в агентурной разведке особенно желательным и полезным. Но штабу I армии в первое время отпускали на ведение агентурной разведки ограниченную сумму денег, и он не мог даже пытаться поставить работу при помощи этих лиц, ибо для этого требовалось сразу с самого начала затратить громадную сумму.

Разведывательное отделение штаба I армии, в отличие от штаба III армии не сочло нужным непосредственно заниматься агентурной разведкой, имея для этого, во-первых, что-то вроде посредников или вернее — подрядчиков, а во-вторых, взвалив всю тяжесть этого дела на штабы корпусов. Известно, что такими посредниками или подрядчиками, или как их официально называли — заведывающими тайной разведкой, — при штабе I армии состояли три офицера-восточника. Они работали по непосредственным указаниям разведывательного отделения штаба армии и посылали ему свои донесения. Однако, ничего существенного агентурная деятельность этих офицеров не дала.

После отступления русских от линии р. Шахэ к Сыпингаю, агентурная разведка штаба I армии совершенно развалилась и ее начали создавать опять заново. Развал этот штабные разведчики объясняли тем, что неожиданность отступления, якобы, помешала оставить в тылу противника агентов-резидентов, в то время, как разведывательные органы I армии и раньше таковых имели лишь в двух или трех пунктах. Кроме того, это внезапное отступление, якобы, так отразилось на симпатиях местного населения, что оно от готовности, служить русским перешло к готовности служить против русских — японцам.

Но и вновь организованная агентура I армии, с совершенно новым составом агентов (старые агенты во время отступления исчезли), давала крайне неудовлетворительные результаты. Донесения, отрывочные и противоречивые, не давали почти никакого материала для каких-либо выводов и могли служить лишь слабым подтверждением данных, до-

▲ Бухта Порт-Артура

▲ Пекарня

бывавшихся войсковой разведкой и установленных документами. Так, например, одно время агентура армии довольно долго утверждала, что за армией Куроки стоит армия Нодзу. Этому в штабе армии поверили и приняли было соответствующие меры. Потом все это оказалось ложью.

Хотя разведывательные органы русской разведки и давали своим агентам задания доставлять японские газеты, выполнить это последним удавалось крайне редко. Следовательно, почерпнуть какие либо ценные сведения из японской прессы разведка не могла. Правда, здесь играло роль также и то обстоятельство, что японские газеты были крайне сдержанны и русская разведка, даже достав их, едва ли смогла бы почерпнуть из них что-либо ценное.

Разведывательное отделение штаба I армии и входящие в ее состав корпуса за время с 26 октября 1904 года по 1-е сентября 1905 года израсходовали на агентурную разведку 49.768 рублей.

АГЕНТУРНАЯ РАЗВЕДКА ШТАБОВ КОРПУСОВ

В начале войны, когда выяснилось что штабы армий и главнокомандующего не в состоянии обеспечить войска необходимыми сведениями о противнике, корпусам было предложено организовать свою собственную агентурную разведку. При этом никаких указаний, инструкций, разграничений районов и пр. корпусам дано не было. Каждый должен был действовать по своему усмотрению.

Мы попытаемся здесь дать краткое описание приемов и результатов агентурной работы, более деятельных в этом отношении корпусов.

В 5-м корпусе (III армия) заведование агентурной разведкой было возложено на подполковника Генштаба, прикомандированного для этой цели к штабу корпуса. Этот подполковник предпочел не заниматься сам организацией и непосредственным руководством агентурной сети, а, хотя с и большим трудом, подыскал для этой цели специального переводчика. Дело в том, что имевшиеся при штабе корпуса переводчики предпочитали быть посредниками между войсками и местным населением при разного рода хозяйственных заготовках, что было для них гораздо более прибыльным. С переводчиком подполковник заключил условие, по которому тот обязывался поставлять агентов-ходоков и руководить их деятельностью под свою личную ответственность, выражавшуюся в том, что, если агент принесет заведомо ложные сведения или будет задержан в притоне русских агентов, то в первый раз переводчик лишается половины своего месячного жалованья, а во второй раз — всего и передается русским властям для суда по обвинению в мошенничестве. Для обеспечения добросовестного выполнения взятых переводчикам на себя обязательств, удерживалось его жалованье за один месяц.

Для проверки добросовестности службы агентов-ходоков подполковник принимал со своей стороны, помимо уже известных, еще следующие меры.

1. На выдаваемых агентам от имени штаба корпуса удостоверениях должны были иметься расписки офицеров с указанием времени, когда агент прошел линию сторожевого охранения и вернулся обратно.

2. Сведения, не подтвержденные приносом вещественных доказательств, оплачивались ничтожными суммами (10–15 руб.).

3. Агенты высылались с таким расчетом, чтобы они никогда не встречались в штабе корпуса и не знали бы друг друга в лицо.

Каждому агенту-ходоку ставилась особая задача. От посылавшихся в глубокий тыл требовались обычно сведения о деятельности железной дороги, о расположении складов, о настроении населения и о передвижении крупных войсковых частей.

Посылавшимся в ближайшие районы давался определенный маршрут, следуя которому агент должен был записать каждую деревню по пути своего движения, запомнить все, что он по пути видел, и принести вещи японских солдат (куртки, гетры, нагрудные знаки, фуражки, — одним словом все, на что кладутся клейма). На практике это требование почти никогда не выполнялось, вследствие изолированности японских войск от китайского населения. Более добросовестные агенты и не принимали на себя такого поручения.

Необходимо отметить, что в доставке японских вещей было обнаружено следующее ловкое мошенничество. Агентом 5-го корпуса была принесена гетра с клеймом 27-го пех. полка, поднятая, по его словам, в Каньпинсяне. Спустя три дня после этого агент штаба III армии принес поднятую им якобы в Цзиньцзянь-туне гетру с клеймом того же 27-го пех. полка. Оказалось, что обе эти гетры принадлежали одному и тому же солдату 6-й роты 27-го пех. полка и были приобретены обоими агентами в упомянутом выше центральном бюро русских агентов.

Таким образом, к доставке японских вещей нужно было относиться с такой же осторожностью, как и к доставке счетов от торговых фирм. Изобретательные китайцы быстро применились к русским требованиям и стали торговать вещами японцев, как торговали счетами торговых фирм. Вещи эти покупались у японцев, или же случайно находились и затем доставлялись в центральное бюро русских агентов. Одно такое бюро было обнаружено в Дава.

5-й корпус имел всего 28 агентов-ходоков, из коих 5 чел. пропали без вести. Израсходовал штаб этого корпуса за время с 1-го июля по 1-е октября 1905 года всего 1.095 руб., из коих лишь 885 руб. пошли на оплату агентов, а остальные — на содержание переводчиков.

В 6-м корпусе (III армия) агентурой с ноября 1904 г. ведал личный адъютант командира корпуса. Он привлек в качестве агентов-ходоков известных ему китайцев, а также имел доверенного, который вербовал и посылал агентов в тыл противника. Всего агентов-ходоков у него было 27 чел., из коих некоторые состояли на месячном жаловании, остальным же оплачивались доставленные сведения. В общем, каждый агент в месяц обходился в среднем около 70–80 рублей. Всего корпус получил на агентурные расходы 10.000 руб., а израсходовал лишь 2.082 руб.

Штаб 17-го корпуса (III армия) приступил к созданию агентурной сети в начале сентября 1904 года. Это дело было поручено капитану Генерального штаба, создавшему при штабе корпуса целое разведывательное отделение в составе: начальника (сам капитан), одного вольноопределяющегося, двух студентов института восточных языков и нескольких китайцев — в качестве переводчиков.

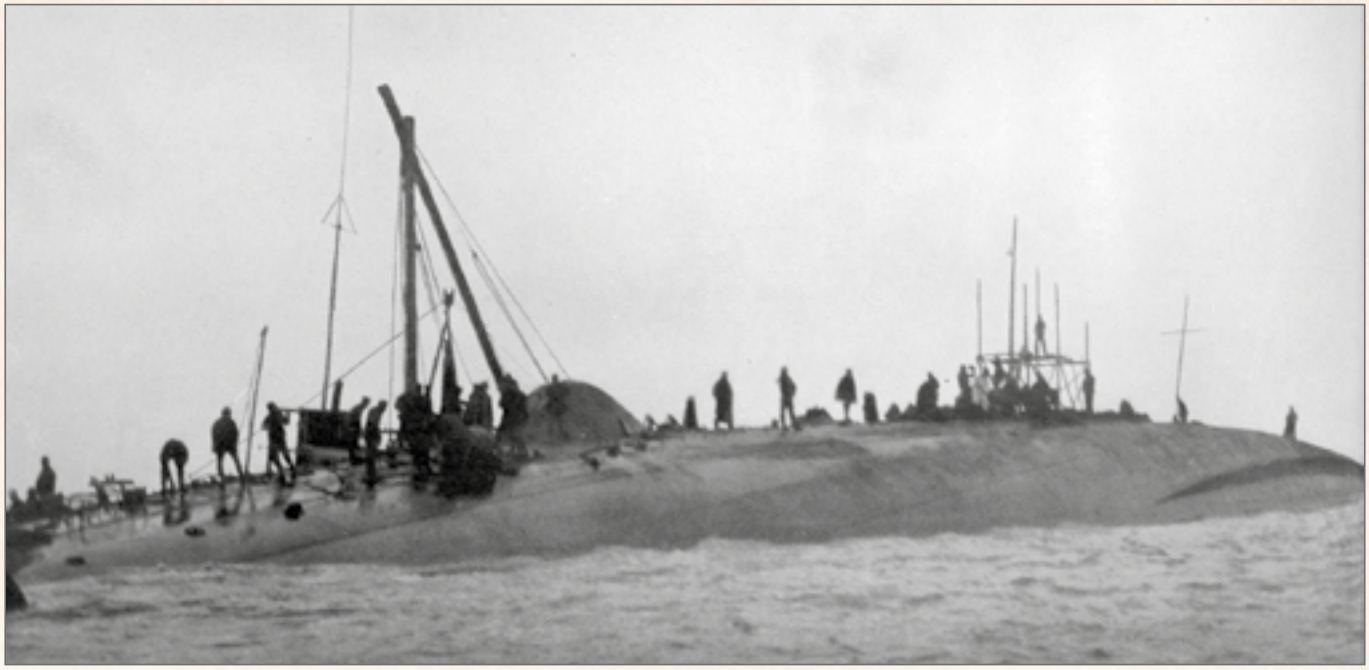
Кроме того, в кавалерийских частях, приданных корпусу, находились специальные офицеры, уполномоченные разведывательным отделением, которые также вербовали

▲ Адмирал Макаров

▲ Русская артиллерия

▲ Затопленный крейсер Варяг

и высылали агентов в тыл противника.

Возложенная на китайцев-переводчиков вербовка агентов производилась, главным образом, среди жителей окрестных селений (но не городов), обязательно из числа владельцев земли или фанз, имевших родственников и умевших читать и писать по-китайски.

Переправка агентов в тыл противника производилась следующим образом. Агенту выдавалось официальное удостоверение для свободного пропуска через линию фронта русских войск. После этого он сдавался конным охотникам, конвоировавшим его 15–20 верст в указанном ему направлении, причем по пути следования агенту запрещалось с кем бы то ни было разговаривать.

Несмотря на простые задачи, ставившиеся агентам, исполнялись они крайне поверхностно и недостаточно. Объяснялось это тем, что агенты были напуганы японцами, а также отсутствием контроля над агентами, неподготовленностью их и вообще трудностью сбора сведений. Практика корпуса показала, что только одна треть агентов возвращалась со сведениями. Из остальной же части только незначительный процент попадал в руки японцев (3 из 30), а остальные, получивши задаток, скрывались.

Всего штаб корпуса за всю кампанию имел 78 агентов и израсходовал 7.600 руб., из коих на оплату агентов пошло всего лишь 3.062 руб.

Заведывающим агентурной разведкой штаба 1-го корпуса (I армия) состоял строевой ротмистр.

Для вербовки агентов при штабе корпуса находились два китайца, родители коих имели в Мукдене значительные торговые предприятия. За все время ведения агентурной разведки штаб корпуса имел всего 13 агентов-ходоков. Они не были постоянными. Лучшие из них удерживались более продолжительное время; те же, которые оказывались малоспособными, отпускались нередко после первого же исполнения поручения. Высылались агенты в тыл противника в большинстве случаев с флангов расположения корпуса. Продолжительность пребывания агентов в тылу противника колебалась от 6 до 45 дней, в зависимости от данной задачи.

Агенты получали 60-120 руб. в месяц на всем готовом; кроме того, при каждой посылке в тыл противника выдавалось до 30 руб. на разные расходы и за хорошо выполненное поручение — наградные в размере до 25 руб. Расходы агентов оплачивались в том случае, если они превышали выданный при отправке аванс.

Неиспытанным агентам вместо месячного жалованья выдавалась сдельная плата в размере 30–50 руб. за выполненное поручение; помимо этого оплачивались также дорожные расходы и еда, но не свыше 15 руб. и выдавались наградные в размере 10–25 руб.

Агенты-резиденты за каждое присланное ими письмо получали по 10–15 руб. Связь с ними поддерживалась обыкновенно через их родственников, которым они пересылали письма в Мукден, а оттуда уже в штаб корпуса. Агентов-резидентов было крайне мало, да и пользоваться ими начали лишь в последний период войны.

Никаких документов, кроме конвертов от японских писем, агентами доставлено не было.

В Таулуском отряде (I армия) ведение агентурной разведки было возложено на офицера Генерального штаба, который к этому делу привлек лектора и студента института восточных языков, одного казачьего вахмистра, знавшего китайский язык, и китайца-переводчика.

В первое время вербовкой агентов занимался переводчик или лектор, а затем сами агенты вербовали других.

Оплата агентов производилась следующим образом: поденно по 50-100 коп. и сверх того за каждое донесение, в зависимости от его ценности. В среднем каждый агент, таким образом, за один рейс получал от 5 до 30 рублей.

Агентов одновременно имелось от 5 до 10 чел. Донесений было получено всего 75, документов — ни одного.

Провалов было довольно много, но известна участь только двух агентов: один из них был японцами закопан живым в землю, другой — повешен.

Штаб 2-го Сибирского корпуса (I армия) с октября 1904 года по апрель 1905 г. не имел ни определенного района разведки, ни специального руководителя агентурной разведкой. Между делом разведкой занимался начальник штаба корпуса. Агенты набирались случайно. Постоянных агентов был только 1 чел. Агентами доставлено было всего 5 донесений и ни одного документа. За каждое донесение платили агентам 5-100 рублей.

После 20-го апреля 1905 года заведывающим разведкой был назначен офицер Ген. штаба. Этот офицер определил сам себе район разведки перед фронтом корпуса и разделил его на ближний и дальний. За первым было установлено беспрерывное наблюдение и, по словам этого офицера, ему ежедневно было известно количество японских войск в более крупных пунктах этого района.

Во второй район высылались особо надежные агенты, якобы, доставлявшие весьма ценные сведения. Иметь постоянное наблюдение за этим районом не представлялось возможным из-за недостатка агентов.

Этот офицер делил своих агентов на три категории.

1. Агенты-резиденты.

2. Агенты-ходоки и 3. Агенты связи.

Агентов-резидентов он имел 6 чел., расположенных в шести разных пунктах. При каждом из них находилось по три агента связи и столько же при заведывающем разведкой корпуса. Назначение их было следующее. Как только от резидента приходил агент связи, к нему же немедленно высылался другой агент связи из штаба корпуса. Благодаря такому порядку, якобы, удавалось достичь того, что донесения не задерживались, поступали регулярно, и резидент также регулярно получал руководящие указания. Резидент имел несколько осведомителей, которые шныряли по всему району и собирали нужные сведения.

В общем, по словам этого офицера, такая система давала, хорошие результаты и от резидентов получались даже документы.

Агентов-ходоков, высылавшихся из штаба корпуса, этот офицер делил на два разряда: на получавших постоянное жалованье, суточные и наградные и на нанимавшихся для исполнения какой-либо определенной задачи со сдельной оплатой.

Практика показала, что агент-китаец, получавший определенное, хотя и небольшое, месячное жалованье, чувствовал известную зависимость от нанимателя и относился к своему делу с большей добросовестностью. Поэтому, более или менее подходящих и способных агентов старались переводить на постоянное месячное жалованье.

Кроме того, высылались агенты для следования вместе с крупными неприятельскими войсковыми частями. Наиболее подходящими для этого оказались мастеровые. Так, например, при одной из дивизий армии Куроки имелись в качестве агентов данного корпуса — кузнец и плотник.

Наиболее трудную задачу для агентуры этого корпуса представляла вербовка агентов. Нужно было вербовать таких лиц, которые имели бы родственников в тылу противника. Им легче удавалась проникнуть в тыл противника и проживать там более продолжительное время, ибо родственники ручались за их благонадежность. Необходимо отметить, что к агентам-резидентам ходили только их родственники, или же выдававшие себя за таковых.

▲ Медицинский пункт

Агентов держали много, так как китайцы обычно довольствовались небольшим заработком, почему, накопив некоторую сумму денег, в большинстве случаев, временно отказывались работать.

В самом начале агентуре удалось завербовать ученого китайского врача и его родственника. Благодаря тому, что они оба пользовались большим почетом среди местного населения, с их помощью удалось завербовать достаточное количество агентов в тылу противника. Завербовать агента без посредства влиятельного китайца — было вообще задачей трудно выполнимой.

Хорошие результаты получались, если опрос агентов производил кто-либо из офицеров, знавших китайский язык, так как агенты никакого доверия к переводчикам-китайцам не питали. Кроме того, последние требовали от агентов вознаграждения, вернее — взяток.

Хотя, в общем, агенты давали правдивые сведения и сознавались, когда им не удавалось проникнуть до указанного пункта, но все же на их честность положиться было нельзя и приходилось посылать специальных агентов для проверки их донесений.

Посылать агента так, чтобы другие этого не знали, не представляло особых затруднений потому, что сами агенты тщательно друг от друга скрывали свою работу по шпионажу.

При опросе, когда сведения агентов сильно расходились, устраивались очные ставки. Обычно в таких случаях один из агентов сознавался, что он, почему-либо не дошел до указанного пункта и дал неверные сведения. В таких случаях виновный подвергался наказанию, но не за неисполнение задачи, а за неправдивость.

Под конец войны некоторые агенты сильно усовершенствовались. Так, например, при наступлении японцев они во время боя прибегали и точно сообщали о силах наступающих и о направлении их движения.

Постоянное жалованье агентов, не считая наградных, доходило до 60 руб. в месяц; простые агенты получали от 15 до 30 руб. в месяц. За документы платилось особо, например, за конверт — 5 руб., за конверт с письмом — 10 руб. и т. д. За все время такого рода документов было доставлено около 200 и около 100 донесений.

В штабе 3-го Сибирского корпуса (I армия) агентурной разведкой ведал офицер Генерального штаба с несколькими помощниками из студентов института восточных языков.

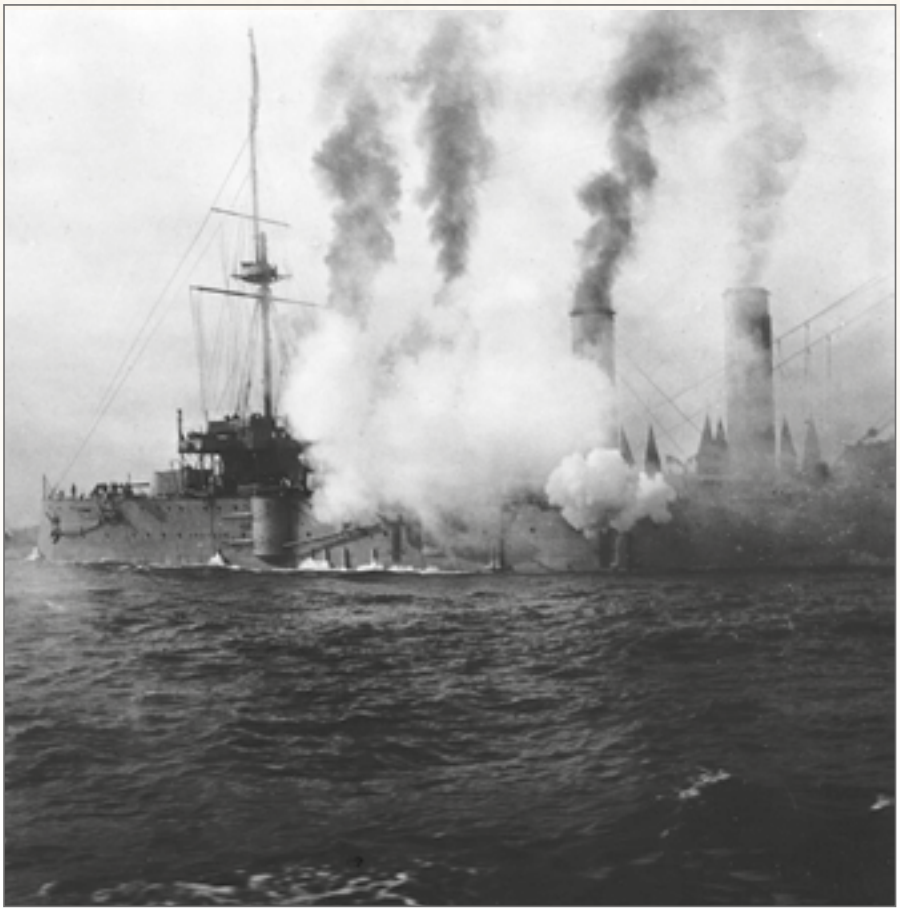
Агенты вербовались, что называется, прямо с улицы. Проверяли их благонадежность и способности тем, что в первое время им давали простые задания. В зависимости от их исполнения, выносилось решение о пригодности или непригодности каждого данного лица для разведки. Процент непригодных был весьма велик. В общем, количество агентов колебалось от 10 до 25 человек одновременно.

Найти подходящих людей было крайне трудно. Охотников, отправиться в тыл противника было мало. Приемом же — брать заложниками отца или брата агента и казнить их в случае невозвращения последнего или доставки неверных сведений, как это, якобы, практиковали японцы, — агентура корпуса не пользовалась. Количество совершенно бесценных донесений было громадно.

Оплачивались агенты в зависимости от ценности донесения, его достоверности и своевременности. Если к донесению были приложены вещественные доказательства (письма, ярлыки и пр.), то платилось по 25–30 руб., за маловажные 3–5 руб.

В штабе 4-го Сибирского корпуса (I армия) агентурой ведал офицер-восточник, под непосредственным руководством начальника штаба корпуса.

В этом корпусе, благодаря отсутствию разграничения района разведки, агенты высылались с таким расчетом, чтобы определить распо-

▲ Цусима

ложение противника впереди фронта корпуса и двух с ним соседних корпусов (вправо и влево). Агентов было 1–5, ибо после каждого поражения русских они разбегались и новые весьма неохотно шли на службу. В большинстве случаев проход через линии фронта был невозможен; можно было пробираться лишь на флангах.

Оплата агентов производилась в зависимости от ценности принесенных сведений и документов. Надежные агенты получали жалованье помесячно — от 25 до 75 руб., сдельно — от 5 до 25 руб. за донесение.

В штабе 7-го Сибирского корпуса (был сформирован из отряда Ренненкампфа и вошел в состав I армии) агентурой ведал армейский офицер. Он редко находился при штабе корпуса, а почти всегда ютился где-либо вблизи передовых позиций, сам ходил на разведку и т. д., объясняя это желанием быть в курсе дела и иметь возможность лично проверять сведения агентов. По крайней мере, так он писал в своем отчете.

▲ Похоронная команда

Агентов он также вербовал, якобы лично во время поездок по окружным деревням, главным образом из местных жителей-китайцев, которым ему удалось оказать те или иные услуги и, следовательно, на благодарность которых можно было рассчитывать. Вербовал также и переводчик-китаец, вербовали испытанные агенты, главным образом своих родных и знакомых, за которых давали ручательства.

В первый период, т. е. ноябрь 1904 г. — февраль 1905 г., корпус имел, кроме случайных, 40 агентов. В марте-мае 1905 г. их было 36 чел., в июле-сентябре — 38 чел.; всего через корпус прошло 139 агентов. Этими агентами было доставлено 152 донесения и 75 документов.

Плата агентам колебалась в месяц от 5 до 45 руб., в среднем каждый агент получал около 20 руб. Кормовые деньги, выдававшиеся в первое время в размере 2–5 руб., под конец по разным причинам дошли до 20 руб. в сутки.

При посылке агентов им внушалось не ходить с русской стороны в компании с кем бы то ни было, не надевать хорошей одежды, не выдавать своей грамотности, говорить, что идет с юга, живет неподалеку, иметь всегда наготове правдоподобный предлог, объяснявший его присутствие в данном районе, в противном же случае — прикинуться кретином. Если у агента не было в тылу противника родных или близких знакомых, ему предлагалось таковых приобрести и совершить с ними обряд "Кэтоу", т. е. побратимства, который свято чтился между китайцами. Агент должен был просить этих новых знакомых сообщить ему в следующий его приход все интересовавшие русскую разведку сведения о противнике. Агенту внушалась необходимость не только не избегать японцев, но, наоборот, стараться встречаться с ними возможно чаще и, если возможно, наняться к ним на работу, если не слугой к офицеру, то хотя бы на земляные работы, перевозку тяжестей, в интендантский обоз и т. д.; обязательно посещать курильни опиума, игорные дома и т. п. притоны и с содержателями их установить хорошие отношения, часто ходить под видом торговца-разносчика с мелочными товарами; стараться заводить знакомство с китайцами — японскими переводчиками, с прислугой японцев и т. д. Агентам также предлагалось не брать с собой русского удостоверения-пропуска, а прятать его, куда-либо под камнем между позициями русских и японцев.

По возвращении из тыла противника агенты на день — на два размещались все вместе в особой фанзе. Отлучаться далеко им было воспрещено и никто из посторонних китайцев к ним не допускался. Все эти мероприятия объяснялись заботой об их безопасности. Опрос агента никогда не производился в присутствии постороннего китайца или другого агента. Разговор между агентами о делах, касавшихся их шпионской деятельности, категорически запрещался; за соблюдением этого запрещения следил живший вместе с агентами китаец-переводчик.

Агентов-резидентов в этом корпусе не было. Были попытки пользоваться ими, но они не дали хороших результатов.

* * *

На этом мы и ограничимся в описании агентурной деятельности отдельных корпусов. Приведенными примерами исчерпываются почти все "новые", "оригинальные" и "своеобразные" приемы агентурной разведки, практиковавшиеся штабами армий и корпусов.

Необходимо лишь еще раз подчеркнуть ту зависимость от переводчиков, в какой находились не только войсковые части, но и высшие штабы русской армии во время русско-японской войны. Своих надежных переводчиков не было. Приходилось прибегать к услугам китайцев, иногда очень плохо говоривших по-русски. Наличность таких переводчиков в армии составляла хотя и неизбежное, но большое зло. Большинство из этих переводчиков являлись людьми мало интеллигентными и мало надежными. Они могли служить лишь проводниками, или же посредниками между населением и войсками по покупке жизненных припасов. В последней роли переводчик-китаец, пользуясь, так сказать, привилегированным положением, обращался в китайского чиновника, обострявшего отношения русских с населением принудительными покупками и %% сборами. Еще во время стояния на р. Шахэ и затем после отхода из-под Мукдена штаб главнокомандующего сообщал войскам, что из ряда следственных дел о шпионаже обнаружилось, что среди переводчиков были подкупленные японцами.

Как посредник в деле разведки и опроса пленных, а также при изложении заданий агентам-китайцам, китаец-переводчик оказался малопригодным: он не имел никакого понятия об организации сил противника, не был совершенно знаком с военными терминами.

Русских, знавших китайский язык, было мало: несколько офицеров, прослуживших много лет на Дальнем Востоке, и солдаты, преимущественно приамурских казачьих войск. В числе последних большие услуги оказывали казаки-буряты своим знанием монгольского языка. Но все эти лица знали только простонародный разговорный язык, письменности же и официального литературного языка они не знали.

Еще в 1899 году во Владивостоке был открыт восточный институт, куда командировались и офицеры, но военному ведомству он принес мало пользы. Лица, окончившие этот институт, знали язык теоретически и без практики в качестве переводчиков были крайне слабы.

АГЕНТУРНАЯ РАЗВЕДКА ВОЕННОГО КОМИССАРА, ЕГО ПОМОЩНИКОВ, НАЧАЛЬНИКА ТРАНСПОРТОВ ШТАБА ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО, ПОДРЯДЧИКА ГРОМОВА И ШТАБА НАЧАЛЬНИКА ТЫЛА

Помимо штабов армий и корпусов, агентурной разведкой на театре военных действий занимались: так называемый военный комиссар и его помощники, начальник транспортов при штабе главнокомандующего ген. Ухач-Огорович, подрядчик Громов и штаб начальника тыла.

Сейчас посмотрим, как вели агентурную разведку указанные лица, по всем признакам никакого отношения к разведке не имевшие.

Задача военного комиссара и его помощников в мирное время заключалась в том, чтобы "следить за развитием и организацией различных китайских войск в трех маньчжурских провинциях, а также в наблюдении за китайскими властями в смысле строгого исполнения ими договора 1902 года".

Были ли даны военному комиссару какие-либо задания для подготовки к войне в смысле изучения страны (ее средств, склонения на свою сторону влиятельной китайской ад-

▲ Артиллерия Порт-Артура

министрации, выбора и подготовки преданных и надежных агентов) — нам неизвестно. Однако, судя по некоторым данным, задачи эти не входили в круг деятельности военного комиссара. Так, например, ни к началу войны, ни в начале ее не было составлено карты административного устройства Мукденской провинции. Общепринятая населением и нанесенная на китайских картах граница ее с Монголией не была известна русскому военному ведомству. Не было известно также то обстоятельство, что к Мукденской провинции принадлежат округа: Ляоянчжоу с областным городом Чженьцзяньтунем и Дурухуан.

События показали, насколько китайская администрация оказывалась всегда осведомленной обо всем и даже о предстоящих действиях японцев. При том влиянии, которым пользовался по своему служебному положению комиссар, он мог бы, конечно, заблаговременно подготовить вопрос о негласном содействии русским со стороны некоторых китайских чиновников.

В еще более широких размерах могла проявиться деятельность комиссара в мирное время по выбору и подготовке сети агентов в различных пунктах провинции, особенно в таких торговых центрах, как г. г. Инкоу, Ляоян, Мукден и пр.

Но подготовки такой не было. Китайская администрация, сочувствуя японцам, умела ревниво оберегать тайну тех сведений, которые до нее доходили, и, быть может, принимала участие в заблаговременных заготовках припасов для потребностей японцев.

Разведывательная деятельность военного комиссара и его помощников началась только с открытием военных действий и, по-видимому, с такими же случайными и совершенно неподготовленными средствами с какими пришлось иметь дело всей русской армии. Правда, количество людей, имевшихся в распоряжении военного комиссара, было довольно большое, но степень их надежности и полезности для разведывательной работы оставляла желать лучшего.

▲ На артиллерийских позициях

Серии ходоков высылались в район расположения противника; сведения, ими доставлявшиеся, взаимно проверялись при большом числе высылаемых агентов. Но сами-то высылаемые агенты-ходоки не были совершенно подготовлены к той работе, которую они на себя принимали.

Поэтому сведения, собиравшиеся комиссаром, сводились к чрезвычайно гадательному определению числа японцев, занимавших тот или другой пункт, без указания, к какому времена эти данные относились и к составу какого войскового соединения принадлежали обнаруженные японские войска. Агенты комиссара не сумели или не смогли, например, дать сведений о готовившемся, а затем и начавшемся обходном движении армии Ноги в феврале 1905 года, о сборе запасов в Синмингине и т. д.

Все такие сведения, которые получались от военного комиссара, конечно, не могли дать ни картины группировки сил противника, ни их общей численности.

Были у военного комиссара и агенты-резиденты, но сведения, доставлявшиеся ими, ничем не отличались от сведений агентов-ходоков.

Разведывательная деятельность военного комиссара совершенно не связывалась с разведывательной деятельностью штабов армий. Комиссар не знал районов и целей разведки армий, а штабы армий не были посвящены в деятельность комиссара.

Общей руководящей идеи и разграничения обязанностей и работы между органами, ведавшими агентурной разведкой, установлено свыше не было; следовательно, нельзя было вести перекрестной разведки, которая давала бы возможность проверить правильность приносимых агентами сведений.

После отступления русских от Мукдена разведка комиссара прекратилась, так как и он, по-видимому, лишился своих агентов. Только в конце апреля 1905 года опять стали войска получать от него отрывочные сведения.

В это время военным комиссаром была открыта школа для подготовки агентов-ходоков. В этой школе преподавались приемы разведки, и изучалась организация японских войск. Во главе школы был поставлен студент владивостокского восточного института, состоявший редактором издававшейся военным комиссаром газеты "Шин-цин-бао", — человек, не знавший организации японской армии, и вообще едва ли знакомый с приемами агентурной разведки. В результате школа не оправдала возлагавшихся на нее надежд и в конце июля была ликвидирована.

▲ Забайкальский полк

При разведывательном отделении военного комиссара существовала еще и другая школа, более упрощенного типа, деятельность которой оказалась более удачной. Подготовленные в ней агенты-ходоки стали давать более ценные сведения.

Кроме комиссара агентурной разведкой занимались также и его окружные помощники, работа коих, однако, не дала никаких существенных результатов.

Как мы выше уже указывали, агентурной разведкой занимался также начальник транспортов при штабе главнокомандующего ген. Ухач-Огорович и подрядчик Громов. Оба они были подчинены штабу главнокомандующего и как бы заменяли разведывательное отделение управления генерал-квартирмейстера, которого в штабе главнокомандующего не было почти до самого конца войны. Когда же незадолго до конца войны это разведывательное отделение было создано, во главе его был поставлен тот же Ухач-Огорович. Почему дело агентурной разведки было поручено начальнику транспортов и подрядчику, — лицам, не имевшим к нему никакого отношения, — остается секретом главнокомандующего.

Понятно, что ничего ценного и толкового эти лица по разведке дать не могли и не дали.

Согласно того же "Положения о полевом управлении войск и т. д.", в Харбине был создан "штаб тыла" с отделом генерал-квартирмейстера, состоявший из строевого, отчетного, разведывательного и топографического отделений. Нам неизвестны подробности разведывательной деятельности этого штаба. Известно лишь то, что когда русские войска стояли под Мукденом, он, наравне с агентурой военного комиссара и начальника транспортов, давал сведения, заставившие главнокомандующего ожидать опасности совсем не с той стороны, откуда она грозила в действительности.

* * *

В июле 1905 года, когда уже для всех стало очевидным, что ведение агентурной разведки совершенно посторонними учреждениями и людьми ничего хорошего не дает и не обещает дать в будущем, было приказано упомянутые разведывательные учреждения ликвидировать. Начальник транспортов предложил своих агентов штабу III армии. Последний согласился их принять, но, когда дело дошло до передачи, то оказалось, что все агенты состояли на определенном месячном жалованье и отказались работать при сдельной оплате. Штаб III армии отказался принять эти условия агентов. Соглашение не состоялось, и агенты начальника транспортов были уволены.

После этого начальник транспортов ген. Ухач-Огорович получил новое назначение — начальника вновь формирующегося разведывательного отделения штаба главнокомандующего. Пока новое отделение вошло в курс дела, война кончилась, и оно фактически проявить себя не успело.

Понятно, что при такой постановке дела не могло быть и речи о правильном руководстве и объединении разведывательной деятельности в войсковых частях фронта. Каждый работал по-своему, сам собирал сведения и сам пользовался ими. Бывали случаи, когда агенты одного разведывательного органа одновременно служили у других, или, прогнанные одним органом, поступали на службу к другим и т. д. Штаб III армии пробовал бороться с этим злом следующим образом. Он фотографировал своих агентов, и фотографии

их рассылал по подчиненным ему корпусам. Но этот прием из пределов одной армии не выходил и, понятно, никаких реальных результатов дать не мог.

АГЕНТУРА ГЛАВНОГО ШТАБА

Накануне и в самом начале войны Главный штаб как будто бы забыл о существовании военных агентов, которым можно было бы поручить наблюдение за деятельностью японцев, за покупкой вооружения, и пр. в нейтральных странах. О военных агентах в европейских странах, правда, вспомнили несколько раньше, о военном же агенте в Китае вспомнили лишь после разгрома под Мукденом. Как только грянула Мукденская катастрофа, военный агент в Китае получил категорическое предписание организовать агентурную сеть. Но уже было поздно и предписание в жизнь проведено не было.

Военным агентам в европейских странах впоследствии на разведку против Японии было отпущено 65.000 руб., израсходовано же всего лишь 32.000 руб. Из этого можно заключить, что средств у военных агентов было вполне достаточно, но они не нашли им применения. И это понятно, ибо агентурную сеть нельзя создавать в один день, это делается месяцами и годами.

Кроме того, Главный штаб имел самостоятельных и непосредственно ему подчиненных агентов — двух в Японии и одного в Китае, которым в начале войны было отпущено в их безотчетное распоряжение 52.000 руб. на организацию и ведение агентурной разведки против Японии.

О том, какие результаты дали все эти мероприятия, подробных данных нет. Имеющиеся же косвенные отрывочные данные показывают, что в общем, ничего ценного разведка Главного штаба не дала и, по существу, как созданная наспех и совершенно оторванная от театра военных действий, — дать не могла.

Весьма красноречивую иллюстрацию того, что Главный штаб не сумел использовать даже те данные, которые он имел, дает факт, рассказанный Мих. Лемке.

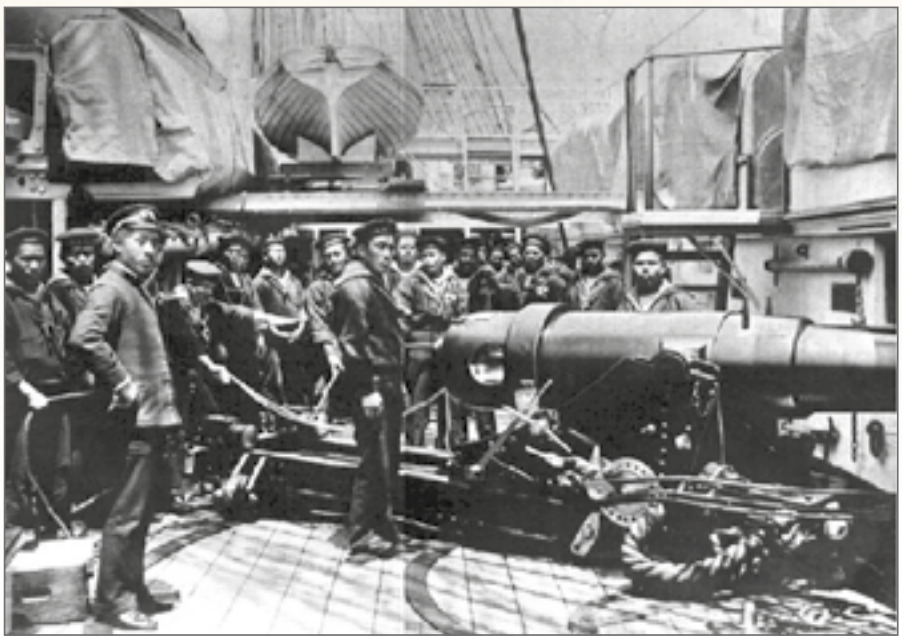
"... Во время японской войны у нас был шпион из старших служащих завода Круппа, сообщавший нашему военному агенту в Берлине о дне и часе каждой отправки орудий японцам, месте погрузки и перегрузки, сроков проходов портов и пр. За это он получал по 1.000 руб. в месяц. Эти сведения наш военный агент своевременно сообщал Генеральному штабу — и хоть бы один транспорт был бы уничтожен..."

На основании сведений этого агента, русское министерство иностранных дел выразило свое недовольство Германии. В дело вмешался сам Вильгельм, стараясь доказать Николаю Романову, что Германия помогает только России. В письме от 6-го февраля 1905 г. он писал ему:

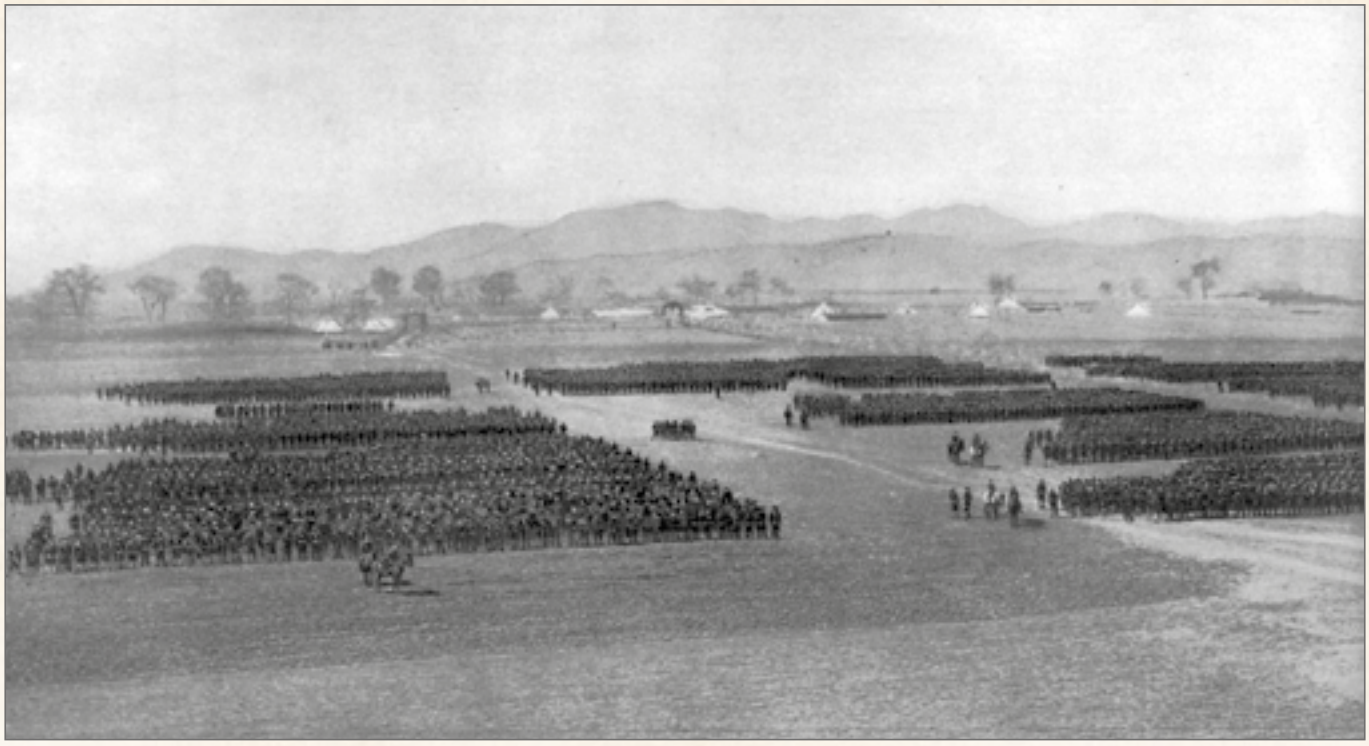
"... Расследование, произведенное в конторах гамбургско-американской пароходной кампании, показывает, равным образом, что слухи о том, будто бы она на своих пароходах перевозила пушки и снаряды для Японии, совершенно неосновательны; ни оружия, никаких других военных материалов она в Японию не перевозила и для Японии не брала. Видимо, тучи французских и английских агентов, осаждающих адмиралтейство и военное министерство, рассеренные на наши фирмы, которые снабжают твое правительство хорошо и лучше, чем это делают французские и английские фирмы, распускают бесчисленное количество разных уток. Я посоветовал бы поменьше верить им и сверх того дать им пинка, чтобы они слетели в Неву..."

Кому поверило русское военное ведомство, — своему агенту, или же Вильгельму, неизвестно. Известно только, что протест больше не возобновлялся.

При правильной и своевременной постановке дела разведки и при соответствующем подборе весьма ценные услуги мог бы оказать военный агент в Лондоне. Но работа этого военного агента была поставлена до такой степени слабо, что, например, командовавший эскадрой адмирал Рожественский вынужден был пользоваться провокационными сведениями небезызвестного агента-провокатора департамента полиции Гартинга-Ландезена. Морское министерство вынуждено было ассигновать на это дело 300.000 рублей и просить департамент полиции дать кого-либо из своих агентов для агентурного охранения эскадры Ро-

▲ Матросы в японском военном корабле

▲ Смотр войск перед Мукденским сражением

жественского. Департамент полиции выделил для этой цели И. Ф. Манасевича-Мануйлова, получившего за это дело даже Владимира IV степени. Как известно, в результате сведений этих двух "знаменитостей" департамента полиции, Рожественский в ночь на 21-ое октября 1904 г. у Доггер-Банк открыл огонь по английским рыбачьим судам, приняв их за японских истребителей. Этот инцидент тогда вызвал громадное негодование в Англии и едва не повел за собою разрыва с Россией. Кое-как его удалось затушевать, заплатив Англии 60.000 фунт ст.

Если вспомнить стремление Германии во что бы то ни стало поссорить Англию с Россией и, таким образом, расстроить "Entente Cordiale" ("сердечное согласие"), то станет совершенно ясным, откуда, из каких источников шла информация Гартинга и Манасевича о присутствии японских истребителей в Северном море. Прямым подтверждением, на наш взгляд, этого мнения является телеграмма Вильгельма Николаю Романову от 17 (30) октября 1904 года, в которой он пишет:

"... Слышал частным образом, что тульские рыбаки уже заявили, что среди своих судов они видели чужой пароход, не принадлежащий к их рыбацкой флотилии и им неизвестный. Значит тут была измена. Думаю, что английское посольство в Петербурге должно знать эту новость, которую доселе скрывают от английской публики из боязни "blamage" ("шума").

ВОЕННАЯ АГЕНТУРА ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ

Нам остается сказать еще несколько слов о той помощи, которую старался оказать военному ведомству департамент полиции.

Из книжки Бецкого и Павлова мы узнаем, что с начала военных действий Манасевичем-Мануйловым была создана, по поручению департамента полиции, непосредственная внутренняя агентура при японских миссиях в Гааге, Лондоне и Париже. Мануйлову, якобы, удалось установить наблюдение за корреспонденцией этих миссий, осветить настроение и намерения японцев "причинить повреждения судам второй эскадры на пути следования на восток". Кроме того, Мануйлов, якобы, достал также дипломатические шифры Америки, Китая, Болгарии и Румынии. Тот же Мануйлов, якобы, перехватывал письма японского военного агента в Стокгольме — Акаши.

От морского министерства Мануйлов имел поручение охранять Балтийский флот, получив на это дело 300.000 руб. Для артиллерийского управления военного министерства он покупал какие-то чертежи новых орудий и т. д.

В общем, вся эта агентурная деятельность Мануйлова, кроме "охраны Балтийского флота", обошлась за время с 19 октября 1904 года по 14 июля 1905 года, т. е. за 9 месяцев — 52.628 руб.

Все эти, добытые Мануйловым, материалы, однако, были раскритикованы самим департаментом полиции и признаны никуда не годными. Вот что писал департамент полиции:

1. Мануйлов берет слишком дорого за свои сообщения.

2. Мануйлов совершенно не церемонится с фактами. Они (факты) показали, что выписки и фотографии, которые Мануйлов выдавал

за копии и фотографии японских шифров, просто-напросто взяты из китайского словаря, что военные чертежи и планы, которые заинтересованные агенты иностранных держав всучили Мануйлову, работая не в пользу, а против России".

После такой оценки работы Мануйлова со стороны департамента полиции, конечно, не приходится говорить о ценности ее для русского военного ведомства.

***

Итак, можно сказать, что русская армия начала и кончила войну с Японией без разведки, без знания своего противника.

До какой степени плохо было поставлено дело разведки во время русско-японской войны, показывает хотя бы тот факт, что русское командование, неуверенное в достоверности имеющихся и доставлявшихся разведкой сведений о численности японской армии, прибавляло к имевшимся данным о численности еще по 25 % надбавки. Даже сам Куропаткин после заключения мира притворился весьма неприятно пораженным этой своеобразной надбавкой. Он писал о прибавке в 25 %, которая, "как только заключили перемирие, вдруг исчезла и японцев оказалось менее, чем мы считали по данным разведки, ожидая боя..."

Когда война кончилась, Куропаткин в том же "отчете" вышучивал одного из русских "экспертов" по японским делам, который "утверждал во Владивостоке до начала войны с Японией, что мы можем считать одного русского солдата равным трем японским". После первого поражения он умерил свой тон и допустил, что, пожалуй, можно противопоставить каждому японцу одного русского. К концу следующего месяца он объявил, что "если желаем одержать победу, мы должны выставить на каждого японца по три русских..." Вышучивая задним числом легкомысленные суждения сомнительного "эксперта" в японских делах, сам Куропаткин, также болевший этим общим недугом по оценке сил японцев, — принял эти суждения все-таки за чистую монету. На этом основании при выработке плана кампании войны бывший военный министр и впоследствии главнокомандующий принял в основание возможность "сбросить японцев в море", даже при численном превосходстве с их стороны...

В своих "записках" Куропаткин признает, что "мы не оценили материальных и особенно духовных сил Японии и отнеслись к борьбе с нею недостаточно серьезно". Куропаткин обвинял в этом "проглядении" ему неподчиненный долгое время Главный штаб...

В апреле 1905 года опомнился также и генерал-квартирмейстер штаба главнокомандующего. Он написал длинный доклад главнокомандующему о необходимости разведки. В этом докладе он, между прочим, говорил, что "одной из важных причин наших неудач в столкновении с японцами является неуверенность в своих силах, даже в своем численном превосходстве. Неуверенность эта происходит, отчасти, от малой осведомленности войск о данных, добытых уже разведкой..."

Это показывает, что даже те жиденькие сведения, которые имелись в русских штабах, не были известны соответствующим войсковым начальникам. ■

▲ Японская артиллерия

ДЕЙСТВИЯ АВИАЦИИ В МАНЬЧЖУРСКОЙ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ ОПЕРАЦИИ

После капитуляции фашистской Германии наступил мир в Европе. Между тем в Азии, на Дальнем Востоке вторая мировая война была еще в полном разгаре. Союзник гитлеровской Германии милитаристская Япония, несмотря на военные поражения в бассейне Тихого океана и полную политическую изоляцию, отклонила ультиматум США, Англии и Китая о капитуляции, предъявленный 26 июля 1945 г., и продолжала вести боевые действия.

Советский Союз не мог безразлично относиться к военным событиям, происходившим вблизи его дальневосточных границ. Тем более что японский империализм на протяжении многих десятилетий был постоянным источником агрессии в Азии и являлся злейшим врагом нашей Родины.

Чтобы быстрее ликвидировать оставшийся очаг второй мировой войны, обеспечить безопасность своих дальневосточных границ и помочь народам Азии в их освободительной борьбе, Советский Союз 8 августа 1945 г. объявил войну Японии. Наша страна пунктуально выполнила принятые на Ялтинской конференции обязательства: по истечении двух-трех месяцев после победы над гитлеровской Германией оказать помощь союзникам в разгроме милитаристской Японии.

На Дальнем Востоке нашим сухопутным войскам и авиации предстояло действовать в необычных условиях. Обширные пространства сухопутной части театра находятся в различных климатических поясах. На пути советских войск лежали массивные горные хребты, пустыни, широкие реки, дикая тайга. Дорож-

ная сеть развита слабо. Во многих районах почти совсем отсутствуют хорошо наблюдаемые с воздуха естественные ориентиры.

К началу военных действий на территории Маньчжурии, Кореи и Внутренней Монголии располагалась Квантунская армия, которая являлась лучшим оперативно-стратегическим объединением японских сухопутных войск. Кроме того, здесь были сосредоточены войска марионеточного правительства Маньчжоу-Го и монгольского князя Де Вана. Всего на этом театре военных действий войска противника имели 1,2 млн. человек, 1155 танков, 5360 орудий. У советской границы японские войска создали развитую систему укрепленных районов.

Авиационная группировка противника состояла из семи авиационных бригад и девяти отдельных авиационных отрядов, входивших во 2-ю и 5-ю воздушные армии, которые базировались в Маньчжурии и Корее и насчитывали около 2 тыс. самолетов, в том числе 600 бомбардировщиков, 1200 истребителей, более 100 разведчиков и до 100 машин вспомогательной авиации.

Ставка ВГК, планируя военные действия на Дальнем Востоке, преследовала цель разгромить Квантунскую армию, принудить японское правительство к капитуляции и вернуть нашей Родине Южный Сахалин и Курильские острова. Для решения этих задач были привлечены Забайкальский, 1-й и 2-й Дальневосточные фронты, Тихоокеанский военно-морской флот, а также Краснознаменная Амурская военная речная флотилия. Наши войска превосходили противника по живой силе в 1,2 раза, по орудиям — в 4 и танкам — в 6 раз.

Группировка советских ВВС, выделенная для участия в боевых действиях, включала 12-ю воздушную армию Забайкальского фронта, 9-ю воздушную армию 1-го Дальневосточного фронта и 10-ю воздушную армию 2-го Дальневосточного фронта (командующие маршал авиации С. А. Худяков и генералы И. М. Соколов и П. Ф. Жигарев). В общей сложности советские ВВС имели 2945 боеготовых самолетов (1573 истребителя, 740 бомбардировщиков, 479 штурмовиков и 153 разведчика) и по численности превосходили противника в 1,5 раза. Если же учесть 1131 боеготовый самолет морской авиации, то наше преимущество в воздухе было еще более ощутимым.

На стороне советской авиации было также качественное превосходство. Японские истребители И-97 и И-00 заметно уступали нашим однотипным самолетам Як-9 и Ла-7 в горизонтальной скорости, скороподъемности и вооружении.

Советские фронтовые бомбардировщики Пе-2 и Ту-2 на 150 — 180 км имели большую скорость, чем самолеты противника СБ-96 и СБ-97. В составе нашей авиационной группировки было три бомбардировочных корпуса, три отдельные авиационные дивизии и два полка, переброшенных с запада, которые обладали опытом боевых действий против фашистской Германии. Учитывая особенности района предстоящих действий, советское командование усилило воздушные армии транспортными авиационными полками и дивизиями. Усилия авиационных объединений координировал командующий ВВС Красной Армии Главный маршал авиации А. А. Новиков.

Замысел советского командования заключался в том. чтобы силами трех фронтов прорвать систему укрепленных районов противника на нескольких участках, а затем, развивая успех по сходящимся направлениям на Харбин, Чанчунь и Мукден, окружить главные силы врага, расчленить их и уничтожить по частям. Тихоокеанский флот должен был нарушить морские коммуникации противника, высадить десанты и во взаимодействии с войсками 1-го Дальневосточного фронта овладеть портами Северной Кореи (Расин, Юки, Сейсин), а также обеспечить свои морские сообщения в Японском море и Татарском проливе.

Перед ВВС были поставлены следующие боевые задачи: завоевать господство в воздухе и надежно прикрыть главные группировки войск фронтов; ударами по железнодорожным объектам, эшелонам и автоколоннам сорвать маневр резервами противника; поддержать сухопутные войска при прорыве системы укрепленных районов и развитии успеха; действиями по штабам и узлам связи нарушить управление войсками; систематически вести воздушную разведку.

Боевые действия воздушных армий были спланированы с учетом специфических особенностей, в которых предстояло решать боевые за-

дачи сухопутным войскам и ВВС. Так, главные усилия бомбардировочной и штурмовой авиации 9-й воздушной армии намечалось сосредоточить на поддержку войск на поле боя, так как 1-му Дальневосточному фронту необходимо было прорывать полосу мощных укреп-районов на приморско-маньчжурском направлении. В 12-й воздушной армии соединения бомбардировочной авиации получили задачу парализовать работу важнейших железнодорожных и автомобильных коммуникаций и изолировать район сражения от притока резервов, а дивизии штурмовиков — поддерживать войска на поле боя.

10-я воздушная армия основными силами должна была поддержать сухопутные войска при форсировании Амура и наступлении на сунгарийском направлении.

Господство в воздухе намечалось завоевать путем уничтожения японской авиации на аэродромах и в воздухе. В первый день операции для действий по аэродромам противника в 12-й воздушной армии выделялись две бомбардировочные, две штурмовые и одна истребительная авиационные дивизии.

Особое внимание уделялось воздушной разведке, так как до объявления войны наши ВВС не могли вести разведывательные полеты над территорией Маньчжурии и советское командование не имело точных данных о характере вражеской обороны, группировке войск, коммуникациях и базировании японской авиации.

До начала наступательной операции интенсивно велась всесторонняя подготовка. Летом 1945 г. воздушные армии пополнились новыми самолетами и летно-техническими кадрами, получившими опыт боев против немецко-фашистской авиации. Прибывшие с запада авиационные соединения знакомились с особенностями выполнения полетов на Дальнем Востоке.

Штабы воздушных армий совместно со штабами общевойсковых (танковой) армий детально разработали планы взаимодействия, подготовили единые кодированные карты, радиосигнальные и переговорные таблицы, сигналы взаимоопознавания войск и авиации. В 6-ю гвардейскую танковую армию Забайкальского фронта и общевойсковые армии, которые должны были наступать на главных направлениях, были выделены оперативные группы офицеров воздушных армий, предназначенные для вызова авиации с аэродромов и управления ею на поле боя, а также согласования с общевойсковым командованием вопросов взаимодействия в ходе операции, информации командующего и штаба воздушной армии о складывающейся обстановке. Накануне боевых действий в танковые

и механизированные корпуса выехали командиры взаимодействующих штурмовых и истребительных дивизий, которые организовали свои командные пункты в боевых порядках войск. В стрелковые и танковые дивизии направлялись авианаводчики со своими радиосредствами.

Чтобы лучше согласовать усилия авиации и сухопутных войск при прорыве полосы укрепленных районов, штабы взаимодействовавших воздушных и общевойсковых армий отработали методом военных игр и групповых упражнений вопросы совместных боевых действий в наступательных операциях. Части бомбардировочной и штурмовой авиации на специально оборудованных полигонах днем и ночью осваивали способы поражения малоразмерных целей (дотов).

В целях облегчения самолетовождения в полосе фронтов была создана сеть контрольно-опознавательных знаков, расположенных вдоль государственной границы и на больших дорогах, а также привлечены многочисленные средства ЗОС (радиопеленгаторы, светомаяки и др.), которые накануне боевых действий были перебазированы на передовые аэродромы.

Одной из сложных проблем была организация аэродромного и материально-технического обеспечения боевых действий ВВС. В горных районах трудно было подбирать площадки для строительства аэродромов, не говоря уже о том, что на значительной высоте над уровнем моря необходимо было создавать взлетно-посадочные полосы увеличенных размеров. В пустынной и полупустынной местности восточной части Монголии почти не было водных источников и топлива, поэтому батальоны аэродромного обслуживания должны были возить с собой не только горючее, боеприпасы и продовольствие, но запасы воды и дров.

Учитывая большой объем и трудности работы авиационного тыла, командующий ВВС Красной Армии усилил воздушные армии авиационно-техническими соединениями и частями. Кроме того, командующие фронтами планировали использовать сухопутные войска и их инженерную технику для строительства аэродромов.

В целях изыскания аэродромов на освобождаемой от противника территории были созданы поисковые рекогносцировочные группы, в распоряжение которых выделялись транспортные самолеты и самолеты связи. Для обеспечения аэродромного маневра вслед за наступавшими войсками командующие воздушными армиями выделяли в резерв по два-три района авиационного базирования, которые в начале августа сосредоточились у государственной границы. В результате напряженной работы части авиационного тыла хорошо подготовились к операции. Они создали на 15 — 20 дней операции запасы материальных средств и подготовили необходимую аэродромную сеть.

Накануне операции воздушные армии произвели перегруппировку сил. Их соединения перебазировались на передовые аэродромы, откуда начали боевые действия. В целях скрытности перелеты осуществлялись небольшими группами и на малых высотах, при этом строго ограни-

чивалась радиосвязь. На аэродромах все самолеты были рассредоточены и замаскированы. Кроме действующих была создана широкая сеть ложных аэродромов, на которых устанавливались макеты авиационной техники и имитировалась боевая подготовка авиационных полков.

В подготовительный период активно велась партийно-политическая работа. Командование, политорганы, партийные и комсомольские организации воспитывали у авиаторов ненависть к японским захватчикам, изучали опыт боевых действий Красной Армии у озера Хасан и на реке Халхин-Гол, мобилизовывали личный состав авиационных частей на лучшую подготовку к боевым действиям по ликвидации очага агрессии на Дальнем Востоке, прививали любовь к Родине и Коммунистической партии. В результате целеустремленной политической работы и всех подготовительных мероприятий повысилась боевая готовность ВВС. Личный состав авиационных частей горел желанием быстрее разгромить войска японских агрессоров и обеспечить безопасность восточных рубежей нашей страны.

Советские войска перешли в наступление в ночь на 9 августа. С целью достижения внезапности артиллерийская и авиационная подготовка атаки не проводилась. Передовые отряды скрытно проникли на вражескую территорию, обошли и блокировали оборонительные укрепления и начали уничтожать их гарнизоны. В течение ночи подразделения советских войск овладели многими приграничными опорными пунктами, чем обеспечили успешные действия главных сил.

В эту же ночь начала боевые действия и наша авиация. 76 экипажей 19-го бомбардировочного авиационного корпуса 9-й воздушной армии (командир генерал Н. А. Волков) на самолетах Ил-4 атаковали военные объекты в Чанчуне и Харбине. А на рассвете 9 августа, чтобы парализовать работу коммуникаций, нарушить управление войсками, посеять панику в тылу противника и подавить его авиацию на аэродромах, бомбардировочные корпуса и дивизии 9-й и 12-й воздушных армий и ВВС флота нанесли удары по железнодорожным станциям и эшелонам, промышленным объектам в Харбине и Чанчуне, аэродромам Паянса, Хайлар, Ганьчжурмяо и другим, а также по морским портам Расин, Юки и Сейсин. Одновременно с этим авиация приступила к поддержке и прикрытию ударных группировок фронтов и ведению воздушной разведки.

Несмотря на сложные метеоусловия, советские ВВС в первый день операции совершили до 2 тыс. самолето-вылетов и причинили врагу большие потери. Только летчики 12-й воздушной армии на станциях Солунь и Хайлар создали более 20 очагов пожара, вызвали 10 взрывов огромной силы, разрушили 9 станционных зданий, уничтожили несколько эшелонов с боевой техникой.

▲ Военные действия советских вооруженных сил на Дальнем Востоке. 9 августа — 2 сентября 1945 года.

▲ Десант

Непрерывные удары советской авиации по железнодорожным объектам оказались весьма эффективными. Они вывели из строя коммуникации врага, сковали маневр резервами, изолировали районы сражения от подхода свежих сил. Японское командование не смогло вовремя подтянуть дивизии с Центральной Маньчжурской равнины и занять тыловые оборонительные рубежи, а также вывести свои войска из-под удара танковых соединений Красной Армии и организовать эвакуацию материальных средств из приграничной зоны.

Вражеская авиация не оказала почти никакого противодействия. Японское командование, ошеломленное мощными внезапными ударами советских войск и авиации, стало поспешно отводить свои войска в глубь Маньчжурии, оказывая сопротивление главным образом в укрепленных районах. Стремясь сохранить военно-воздушные силы для обороны собственно Японии, оно перебазировало лучшие авиационные соединения на аэродромы метрополии. Советская авиация безраздельно господствовала в воздушном пространстве.

С началом наступления усиленно велась воздушная разведка, для чего привлекались не только разведывательные полки и эскадрильи, но и значительные силы бомбардировочной, штурмовой и истребительной авиации. В среднем на разведку ежедневно расходовалось до 30% всех самолето-вылетов воздушных армий. Разведывательные данные немедленно передавались по радио, что давало возможность советскому командованию своевременно реагировать на все изменения обстановки. Так, в первые дни операции воздушные разведчики установили, что в тылу наступавших войск Забайкальского фронта находится крупная группировка японских войск, и советское командование сразу же приняло энергичные меры по их разоружению и пленению.

Разведка осуществлялась на широком фронте и на большую глубину. Так, самолеты-разведчики 12-й воздушной армии действовали в полосе шириною более 1500 км и на глубину до 600 — 700 км. В первые дни, когда не было известно, какое противодействие окажут средства ПВО противника, полеты разведчиков выполнялись на высотах до 5 — 6 тыс. м, в последующие дни разведка велась со средних высот (1000 — 1500 м).

В течение первых пяти суток операции советские войска в тесном взаимодействии с военно-воздушными силами разгромили приграничные части врага. При этом соединения 1-го Дальневосточного фронта вклинились на его территорию на 40 — 100 км, освободив города Хутоу, Дунин, Мишань. Ударную группировку фронта успешно поддерживали бомбардировщики и штурмовики 9-й воздушной армии, которые эффективно действовали по скоплениям войск и огневым средствам японцев на поле боя.

По укрепленным районам наши летчики действовали, как правило, группами по 90 — 100 самолетов. Особенно высокая эффективность достигалась при нанесении сосредоточенных ударов. Так, на второй день операции войска 35-й армии подошли к Хутоускому укрепленному району и, встретив яростное противодействие японцев, приостановили свое наступление. Сухопутные войска обратились за помощью к авиации. Вскоре в воздухе появился 81 самолет Пе-2 34-й бомбардировочной авиационной дивизии (командир полковник К. А. Михайлов). Нанеся сильный удар по объектам укрепленного района, бомбардировщики разрушили ряд дотов и подавили артиллерийский и пулеметный огонь японцев. Воспользовавшись замешательством противника, советские войска ворвались в укрепленный район и через два часа овладели им.

В районе Муданьцзяна японское командование сосредоточило резервы и готовило контрудар по войскам 5-й армии. Вечером 10 августа воздушная разведка донесла о прибытии эшелонов и выгрузке войск с артиллерией и танками на железнодорожной станции и о большом скоплении войск и техники противника. Чтобы сорвать замысел врага, командующий 9-й воздушной армией немедленно организовал удар по железнодорожной станции Муданьцзян силами 34-й бомбардировочной авиационной дивизии.

Бои за Муданьцзян продолжались пять дней. 16 августа был самым тяжелым днем для войск 1-й Краснознаменной и 5-й армий. Противник, сосредоточив значительные силы пехоты и танков, организовал мощные контратаки. На их отражение были привлечены основные силы

▲ Камикадзе

штурмовиков 252-й штурмовой авиационной дивизии (командир подполковник В. Х. Макаров), которые непрерывными эшелонированными действиями по артиллерии, танкам и пехоте врага оказали эффективную помощь своим войскам в отражении контратак. Совместными усилиями сухопутных войск и авиации был окончательно разгромлен противник в районе Муданьцзяна.

Для уничтожения узлов сопротивления Дуннинского укрепленного района, оставшихся в тылу войск 25-й армии, 108 самолетов 19-го бомбардировочного авиационного корпуса нанесли сосредоточенный удар. Эффект действий был очень высоким. Осмотром местности после ее занятия было установлено, что прямым попаданием бомб крупных калибров уничтожено 4 дота, 2 дзота, 1 склад боеприпасов, убито 130 человек и ранено большое количество солдат и офицеров противника. После этого удара укрепленный район был захвачен нашими войсками.

Ввиду отсутствия серьезного противодействия японских истребителей и зенитной артиллерии наши бомбардировщики и штурмовики наносили удары со средних и малых высот и находились над целью продолжительное время, что повышало эффективность их действий. При выполнении заданий летный состав проявлял инициативу, находчивость, мужество и героизм. Командир 75-го штурмового авиационного полка майор Черных в паре с командиром звена лейтенантом Юрченко вылетели на «свободную охоту». Вскоре они обнаружили бронепоезд врага и атаковали его. На третьем заходе на цель самолет майора Черных был подбит огнем зенитного орудия и совершил вынужденную посадку на склоне сопки. Юрченко для спасения командира посадил рядом свой самолет, забрал майора Черных в кабину и благополучно возвратился на аэродром.

Еще более успешно действовали войска Забайкальского фронта. Наступавшая в первом эшелоне 6-я гвардейская танковая армия, обходя узлы сопротивления японцев, на четвертый день операции при содействии 12-й воздушной армии преодолела хребет Большой Хинган и вышла на Центрально-Маньчжурскую равнину, пройдя с боями до 450 км.

Авиационная поддержка танковых войск осуществлялась в основном бомбардировочными соединениями, так как радиус действия самолетов — штурмовиков и истребителей — был сравнительно небольшой, а базирование их из-за недостатка аэродромов отставало от стремительно наступавших танковых частей. В интересах подвижных войск бомбардировщики наносили удары по укрепленным районам, узлам сопротивления, подходящим резервам, отходящим колоннам, железнодорожным станциям и интенсивно вели разведку.

Для подвоза горючего и боеприпасов танковым соединениям, кото-

▲ Свободная охота

▲ Бомбардировщики

рые оторвались от своих баз снабжения, были привлечены транспортные авиадивизии и полки. Транспортные самолеты совершили 1755 самолето-вылетов и перевезли более 2 тыс. тонн горючего и 186 тонн боеприпасов. Условия для полета были очень тяжелыми. Маршруты проходили через всю ширину (200 — 300 км) хребта Большой Хинган. Возможностей для подбора площадок на случай вынужденных посадок не было. Метеорологическая обстановка была также неблагоприятной. Но советские летчики успешно справились с задачей подвоза материальных средств 6-й гвардейской танковой армии и обеспечили успех ее действий.

В среднем ежедневно выделялось для этой цели 90 — 100 транспортных самолетов.

Одновременно с 1-м Дальневосточным и Забайкальским фронтами перешли в наступление войска 2-го Дальневосточного фронта, которые, форсировав многоводные реки Амур и Уссури, успешно продвигались на сунгарийском и жаохейском направлениях. В связи с сильными ливневыми дождями, которые затопили долины рек и сделали местность непроходимой, наступавшие войска вынуждены были продвигаться по железнодорожным путям.

Несмотря на сложные метеоусловия, соединения 10-й воздушной армии активно содействовали сухопутным войскам. Вылетая небольшими группами, бомбардировщики и штурмовики уничтожали технику и войска противника на поле боя, подавляли узлы сопротивления, действовали по кораблям и плавсредствам сунгарийской флотилии, железнодорожным эшелонам на станциях Бэйань, Кэшань и Цицикар, вели воздушную разведку.

В первый день операции особенно успешно действовали летчики 253-й штурмовой авиационной дивизии (командир подполковник К. Т. Цедрик), которые атаковали и потопили пароход, баржу, три парусных судна и три бронекатера. Истребители «охотники» 254-й истребительной авиационной дивизии (командир подполковник Н. А. Силаев) подожгли корабль в районе Синчунчжиня и уничтожили парусную лодку с 20 солдатами на реке Сунгари.

11 августа шесть самолетов Ил-2 253-й штурмовой авиационной дивизии (ведущий группы командир эскадрильи майор Блинов) с пункта наведения были нацелены на артиллерийскую батарею японцев, мешавшую продвижению 203-й танковой бригады. Произведя несколько атак, наши летчики подавили огонь врага и тем самым обеспечили танкистам беспрепятственное наступление.

12 августа наши войска, наступавшие на цицикарском направлении, были остановлены сильным артиллерийским огнем и контратаками

▲ Японцы

▲ В Харбине

противника у пункта Сунь-У. На помощь пехотинцам и танкистам были вызваны группы штурмовиков 96-й штурмовой авиационной дивизии, которой командовал подполковник И. А. Кочергин. Для подавления артиллерийских батарей летчики совершили по пять заходов на цель и заставили противника прекратить огонь. Японские солдаты, понеся большие потери, подняли белые флаги и сдались в плен. Наши войска продолжали наступление.

В первые дни военных действий соединения Тихоокеанского флота нарушили морские коммуникации противника, высадили десантные отряды и овладели портами Северной [433] Кореи Юки, Расин и Сейсин, несмотря на то что они хорошо оборонялись противником с суши, моря и воздуха. Авиация флота в интересах десантов проводила авиационную подготовку, поддерживала их при высадке на берег и овладении портами, прикрывала с воздуха при переходе морем и в районе боев, вела воздушную разведку.

Советские войска наступали безостановочно. К середине августа они продвинулись в глубь Маньчжурии до 500 км. В период преследования противника, чтобы ускорить окончательный разгром Квантунской армии, советское командование с 19 по 22 августа высадило в крупных городах Маньчжурии (Чанчунь, Мукден, Гирин, Харбин и др.) воздушные десанты составом от 50 до 500 человек, которые захватили аэродромы, железнодорожные узлы, склады оружия и быстро разоружили местные гарнизоны. На десантирование войск и доставку им грузов авиацией трех воздушных армий было совершено более 5 тыс. самолето-вылетов.

В ходе стремительного преследования врага соединения штурмовой и истребительной авиации отстали от наступавших войск и не могли вести боевые действия. В отдельных случаях для переброски комендатур батальонов аэродромного обслуживания и материально-технических средств на передовые аэродромы использовались транспортные самолеты. Однако обеспечить полностью аэродромный маневр ВВС силами транспортной авиации не имелось возможностей, поскольку в условиях бездорожья транспортные самолеты использовались главным образом для снабжения передовых частей наступавших сухопутных войск.

Захват важных административно-политических и промышленных центров Маньчжурии передовыми отрядами сухопутных войск и воздушными десантами окончательно дезорганизовал управление войсками и резервами противника. Убедившись в бесполезности дальнейшего сопротивления, японцы почти повсеместно прекратили боевые действия и 19 августа начали складывать оружие.

В результате разгрома Квантунской армии империалистическая Япония лишилась реальных сил

▲ Самураи

и возможностей для продолжения войны, и 2 сентября ее правительство подписало акт о безоговорочной капитуляции.

Следовательно, вступление СССР в войну против империалистической Японии и решительные действия наших Вооруженных Сил обеспечили ликвидацию дальневосточного очага агрессии и быстрое окончание второй мировой войны. Американский генерал К. Ченполт, командовавший тогда ВВС США в Китае, заявил корреспонденту «Нью-Йорк таймс»:

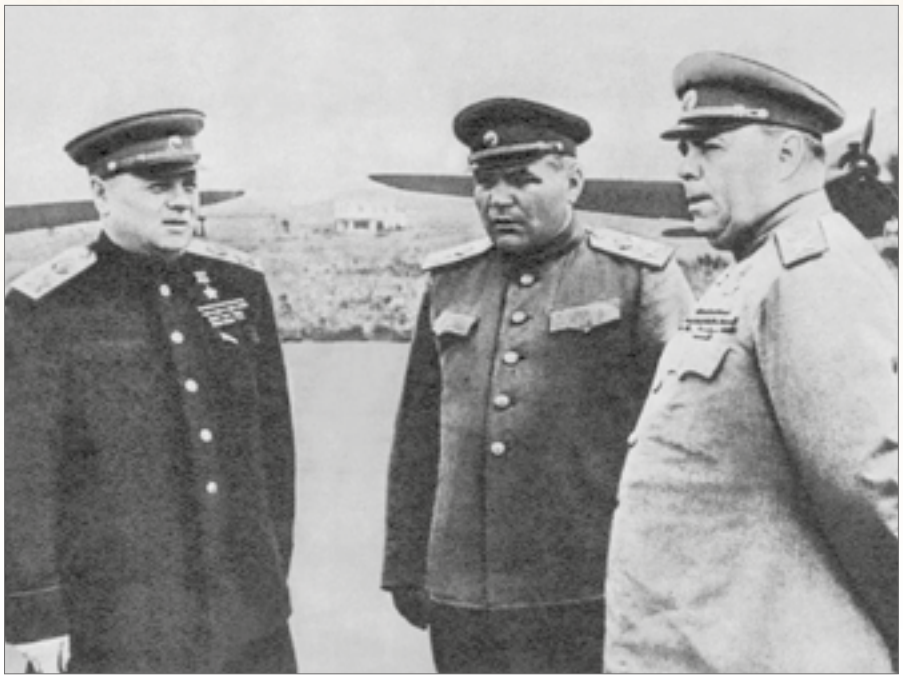
«Вступление Советского Союза в войну против Японии явилось решающим фактором, ускорившим окончание [434] войны на Тихом океане, что произошло бы даже в том случае, если бы не были применены атомные бомбы. Быстрый удар, нанесенный Красной Армией по Японии, завершился окружением, приведшим к тому, что Япония оказалась поставленной на колени».

Благодаря победе наша Родина вернула себе исконно русские земли — Южный Сахалин и Курильские острова. Советский Военно-Морской Флот получил надежно обеспеченные выходы в Тихий океан. Были созданы благоприятные условия для организации прочной обороны наших дальневосточных границ.

Разгром империалистической Японии способствовал подъему национально-освободительного и демократического движения в странах Азии, создал благоприятные условия для образования Китайской Народной Республики, Корейской Народно-Демократической Республики и Демократической Республики Вьетнам.

Коммунистическая партия и Советское правительство высоко оценили победу наших Вооруженных Сил над империалистической Японией. Вечером 23 августа 1945 г. столица нашей Родины Москва салютовала доблестным советским воинам, разгромившим Квантунскую армию. В честь победы над империалистической Японией была учреждена медаль, которой награждены все участники боев. Многие части и соединения, в том числе и авиационные, были удостоены почетных наименований Мукденских, Хинганских, Амурских, Сахалинских, Курильских и др. Сотни тысяч солдат, сержантов, офицеров и генералов были награждены боевыми орденами и медалями СССР. Летчики-дальневосточники своим высоким мастерством, смелостью и мужеством приумножили боевую славу советских авиаторов.

Большой вклад в победу над Квантунской армией внесли Военно-воздушные силы, которые совершили более 22 тыс. самолето-вылетов и сбросили на врага около 3 тыс. тонн бомб. В руках советского командования авиация являлась мощным

▲ Маршалы Мерецков, Малиновский, Василевский

и наиболее маневренным средством вооруженной борьбы, оказавшим существенное влияние на ход и исход военных действий против миллионной армии противника. Своими мощными ударами по дотам и скоплению техники и войск врага наши летчики помогли сухопутным войскам быстро прорвать полосу укрепленных районов, нарушили работу коммуникаций и парализовали маневр резервами, сыграли большую роль в отражении контрударов противника, а также в окружении и окончательном разгроме Квантунской армии. Наши Военно-воздушные силы являлись главным средством ведения разведки и важным средством десантирования и транспорта.

За время операции было перевезено по воздуху 16500 солдат и офицеров, до 2780 тонн горючего, 563 тонны боеприпасов и 1496 тонн различных грузов. Обеспечив высадку многочисленных воздушных десантов в тылу противника, а также бесперебойно снабжая горючим и боеприпасами стремительно наступавшие танковые и моторизованные дивизии, авиация содействовала быстрому рассечению группировки противника на части и ее пленению.

В кампании по разгрому Квантунской армии советские ВВС получили ценный опыт организации и ведения боевых действий в трудных условиях Дальневосточного театра войны. Резко неустойчивая погода (ливневые дожди, дымки, туманы), однообразие местности (огромные массивы горной тайги, пустыни и полупустыни), отсутствие характерных ориентиров весьма усложняли самолетовождение, отыскание целей и выполнение боевых задач. Однако эти трудности были успешно преодолены, в чем немаловажную роль сыграли такие мероприятия, как создание искусственных ориентиров у государственной границы и специальных знаков на больших дорогах; выделение в прибывшие с европейской части авиационные полки летчиков-лидеров из частей, постоянно дислоцировавшихся на Дальнем Востоке; широкое применение различных средств ЗОС; тщательное изучение районов базирования и боевых действий по картам различных масштабов с практическим облетом приграничной полосы.

В действиях ВВС по разгрому Квантунской армии можно отметить целый ряд специфических особенностей.

Во-первых, значительные силы советской авиации (13% всех самолето-вылетов) направлялись на дезорганизацию железнодорожных перевозок и борьбу с резервами. А в полосе наступления Забайкальского фронта на выполнение этой задачи затрачивалось до 85% всех самолето-вылетов бомбардировочной авиации. И это было не случайно, так как 75% дивизий Квантунской армии находилось в центральной части Маньчжурии. Для маневра войск японское командование намечало использовать главным образом железнодорожные коммуникации. Од-

▲ Получение боевой задачи

▲ Истребители

нако в результате активных действий советской авиации планы противника были сорваны. Наша авиация изолировала районы сражения от притока свежих сил противника. Японское командование не смогло эвакуировать материальные ценности из приграничной полосы и вывести свои войска из-под ударов наступавших соединений Красной Армии.

Во-вторых, переход советских войск в наступление сразу же после объявления войны и отсутствие точных данных о противнике потребовали привлечь для ведения воздушной разведки крупные силы авиации, в два-три раза большие, чем в операциях против фашистской Германии. Воздушная разведка велась по направлениям и районам (полосам) с применением визуального наблюдения и фотографирования. Благодаря интенсивной и хорошо организованной разведке советское командование своевременно получало достоверные данные о противнике, что имело исключительно важное значение в ходе боевых действий.

При подготовке к кампании по разгрому Квантунской армии советские ВВС получили практику скрытного сосредоточения и перегруппировки авиационных соединений. Особого внимания заслуживают мероприятия по оперативной маскировке базирования ВВС (создание сети ложных аэродромов, тщательная маскировка стоянок самолетов, расположение летных частей в подготовительный период на удаленных от границы аэродромах и др.), организация перелета авиационных полков на передовые аэродромные узлы на малых высотах и мелкими группами.

Представляет большой интерес опыт организации взаимодействия ВВС с сухопутными войсками в горно-лесистой местности, в особенности с танковыми соединениями: разработка детальных планов взаимодействия, выделение оперативных групп воздушных армий в общевойсковые и танковую армии и авиационных представителей в общевойсковые соединения, организация КП командиров штурмовых авиадивизий вблизи линии фронта, разработка специальных документов, облегчавших взаимодействие (единые кодированные карты, радиосигнальные таблицы, сигналы взаимообозначения и др.), широкое применение транспортной авиации для десантирования войск и подвоза боевых и материальных средств танковым соединениям.

Опыт организации и ведения боевых действий ВВС, полученный в дальневосточной кампании, имел важное значение для развития оперативного искусства ВВС и тактики родов авиации. ■

Г.П. СЕЧКИН

ОХРАНА ТЫЛА ДЕЙСТВУЮЩЕЙ КРАСНОЙ АРМИИ

«Государственная граница – это кровь и пот лучших русских людей».

Своими корнями история пограничной службы России уходит в седую старину Средневековья. Ожесточенная борьба с коварными степными кочевниками заставила великих князей древнеславянского государства — Киевскую Русь — создавать на подступах к границам государства богатырские заставы, а затем возводить пограничные крепости.

В России зарождение Пограничных войск относится к XIV-XV вв., когда происходило становление и укрепление Московского государства.

В 1571 г. был учрежден «Приговор (уложение) о станичной и сторожевой службе», разработанный под руководством князя воеводы М. И. Воротынского и, по существу, явившийся первым уставом пограничной стражи. В 1574 г. был назначен единый начальник сторожевой и станичной служб. В начале 80-х гг. XVI в. несение пограничной службы было возложено на стрелецкое войско и она окончательно приобрела вид государственной службы.

Сторожевая служба на Руси зародилась задолго до князя М. И. Воротынского. Нашим пращурам от раз-

Г. П. СЕЧКИН

Генерал-майор Сечкин Георгий Петрович более пятидесяти лет находился в рядах Пограничных войск. Великую Отечественную войну встретил на заставе, охранявшей участок северо-западной границы. Затем в составе 1-й стрелковой дивизии пограничных и внутренних войск участвовал в обороне Ленинграда. Все 900 дней блокады провел в осажденном городе. Был среди первых разведчиков автомобильной трассы по льду Ладожского озера, связавшей блокадный Ленинград с Большой землей. Был дважды ранен.

После войны окончил Военный институт. В его стенах вел преподавательскую и научно-исследовательскую работу. Кандидат военных наук. С 1967 по 1974 гг. заместитель начальника войск Забайкальского, затем Тихоокеанского пограничных округов. С 1974 г. начальник кафедры Военной академии им. М. В. Фрунзе. Вел научную и преподавательскую работу также в Академии Пограничных войск. Профессор, доктор военных наук, Заслуженный деятель науки РФ, автор более ста научных работ, связанных с проблемами служебно-боевой деятельности Пограничных войск в годы войны и послевоенное время. Награжден орденами Красного Знамени, Отечественной войны 1 и 2-й степени, двумя орденами Красной Звезды, боевыми медалями.

бойных нападений коварных и диких кочевников Великой степи приходилось постоянно защищаться, создавая посты и заставы для своевременного оповещения о набеге врага. О существовании сторожевой службы мы находим сведения в летописях времен Дмитрия Ивановича Донского, казачьи сторожи городовых казаков, стерегущих украйны Московского княжества, а еще раньше, порубежные заставы Владимира Мономаха и богатырские заставы Мстислава Владимировича Удалого и Владимира Святославовича (крестителя Руси). Но именно князь-пограничник М. И. Воротынский дал сторожевой службе дальнейшее развитие и точную регламентацию.

Советские Пограничные войска создавались и развивались вместе с Советскими Вооруженными Силами. 28 мая 1918 г. В. И. Ленин подписал декрет Совнаркома об учреждении пограничной охраны РСФСР, на которую возлагалась «защита пограничных интересов Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, а в пределах приграничной полосы — защита личности и имущества граждан...»

В период между Гражданской и Великой Отечественной войнами Пограничные войска вели борьбу с происками разведок империалистических государств, с экспортной и импортной контрабандой, поощряемой империалистами для подрыва экономики Советского государства, с различными бандами, вторгавшимися в пределы СССР. Участвовали совместно с частями Красной Армии в отражении нападения на Советский Союз китайских и японских милитаристов. На западной границе в 1939-40 гг., приняв под охрану новые участки государственной границы, Пограничные войска вели борьбу по срыву шпионско-диверсионных действий и вооруженных провокаций фашистской Германии, ликвидации антисоветских буржуазно-националистических банд — прямой агентуры фашистской разведки.

В начале Великой Отечественной войны Пограничные войска с частями прикрытия Красной Армии первыми приняли на себя удар немецко-

фашистских войск. Наиболее тяжелая участь досталась тем частям и подразделениям Пограничных войск, которые оказались на направлениях главных ударов врага; на Киев и Донбасс, на Минск и Москву, на Ленинград. Эти удары приняли на себя пограничные отряды Украинского, Западного и Прибалтийского округов. Пограничники знали, что для задержания многочисленного врага сил у них нет. Однако, следуя воинскому долгу и Присяге, они отстаивали рубежи Отечества до последней возможности, до последнего человека.

В соответствии с постановлением СНК СССР от 25 июня 1941 г. на Пограничные войска и части внутренних войск НКВД была возложена задача по охране тыла действующей Красной Армии, которую они выполняли до конца войны.

***

Что такое охрана тыла? В чем предназначение войск, охранявших оперативный тыл? Какие уроки преподнесла нам минувшая война в этой области? Прежде чем дать ответы на эти вопросы, хочется обратиться к одной мысли Наполеона. Анализируя исход военных баталий, он невольно пришел к выводу, что не столько храбрость пехоты или отвага кавалерии и артиллерии решали судьбу многих сражений, сколько «это проклятое и неведомое оружие, называемое шпионажем».

Однако невидимое оружие эпохи Наполеона не идет ни в какое сравнение с тем тотальным шпионажем, который осуществляла гитлеровская Германия, ее спецслужбы.

Подрывной деятельности фашистской разведки в достижении «молниеносной» победы над СССР в плане «Барбаросса» отводилась особой важности роль. На советско-германском фронте действовали основные силы и средства мощного аппарата разведки, диверсий и контрразведки фашистской Германии. Это такие органы, как военная разведка и контрразведка — абвер, полиция безопасности и СД, органы имперской безопасности — РСХА, гестапо, разведка министерства иностранных дел, иностранного отдела пропаганды.

Руководящий центр абвера на фронте — штаб «Валли» — состоял из трех отделов: «Валли-1», «Валли-2» и «Валли-3». Каждый из них руководил разведывательной, диверсионной и контрразведывательной деятельностью абверкоманд, созданных еще весной 1941 г. при каждой группе армий, а через них — абвергруппами, приданными каждой армии.

Как известно, в начальный период войны на советско-германском фронте действовали три армейские группировки — «Норд» (Север), «Митте» (Центр) и «Зюд» (Юг). Летом 1942 г. были сформированы дополнительно «Зюд А», «Зюд Б» и «Дон», им приданы соответствующие абверкоманды. Несколько ранее абвер сформировал абверкоманды и абвергруппы экономической разведки, которые также придавались армейским группировкам и армиям.

Разведывательные команды и группы получили нумерацию от 101-й и выше, диверсионные — от 201-й и выше, контрразведывательные — от 301-й и выше, группы экономической разведки — от 150-й и выше. Каждой разведывательной абверкоманде подчинялись тришесть абвергрупп.

Например, абверкоманда-103 с подчиненными ей абвергруппами

вела активную разведку против Западного, Калининского, Брянского, Центрального, Прибалтийских и Белорусских фронтов, засылала свою агентуру в глубокий тыл Советского Союза, в крупные советские города. Для переброски агентуры в наш тыл эта абверкоманда в своем составе имела авиагруппу Хайдриха — 7-8 трофейных самолетов У-2. Абверкоманде подчинялась разведывательная школа в Борисове, созданная в августе 1941 г. В ней одновременно готовилось 150 агентов-разведчиков и радистов со сроком обучения: разведчиков — 1-2 месяца, радистов — 2-4.

Абверкоманда-203, действовавшая в интересах армейской группировки «Митте», имела в своем подчинении пять армейских абвергрупп (207, 208, 209, 210 и 215). В последующем ей были подчинены школа диверсантов в Смоленске, разведывательно-диверсионная школа в Минске и школа в местечке Гемфурб, готовившая диверсантов из числа подростков. Абверкоманда-203 и ее абвергруппы действовали в полосе Западного и Белорусского фронтов.

Абвергруппы всех направлений имели разведывательную сеть, переправочные пункты (мельдекопфы), каждый из которых состоял из 5 штатных сотрудников и имел 2-3 передовых пункта, через которые перебрасывалась за линию фронта агентура, прибывавшая из абверкоманд и абвергрупп. Кроме того, мельдекопфы самостоятельно вербовали агентов, их забрасывали в ближайший тыл войск Красной Армии. Заброска подготовленной агентуры в тыл советских войск осуществлялась обычно в составе групп по 3-5, 20-25 и более человек.

Всего в период войны на советско-германском фронте действовало 17 разведывательных, диверсионных, контрразведывательных команд и 68 групп, соединение особого назначения «Бранденбург-800», полк «Курфюрст» и батальон «Бергман».

В подчинении абвера, его штаба «Валли», абверкоманд и абвергрупп находилось множество различного назначения специальных школ, которые в большом количестве готовили агентуру для действий в тылу Красной Армии. В 39 разведывательных, диверсионных и других школах одновременно обучалось от 4 до 5,5 тыс. агентов-разведчиков и диверсантов. Если учесть, что эти школы делали в течение года два-три выпуска, то общее количество агентов, предназначенных для заброски в тыл действующей Красной Армии, ежегодно составляло 10-15 тыс. человек. Одновременно с этим в восьми школах и лагерях абвера готовилось 4,2-4,7 тыс. агентов-пропагандистов, многие из которых также предназначались для решения шпионских и диверсионных задач. В 1942 г. специальные школы и курсы немецко-фашистской разведки выпустили свыше 7 тыс. шпионов и около 2,5 тыс. диверсантов и радистов.

Контингент обучавшихся в этих школах состоял в основном из антисоветского и уголовного элемента, перешедшего на сторону врага, завербованных военнопленных. Орга-

ны абвера рассчитывали, что из этого состава легче и быстрее готовить агентуру для разведывательной работы, а затем внедрять ее в части Красной Армии.

Завербованных, прежде чем определять в школы, предварительно проверяли на лояльность, поручая им выполнение обязанностей агентов-осведомителей контрразведывательных органов, карателей и полицейских. После этого они направлялись в проверочно-подготовительные лагеря на две-четыре недели. Прошедшие проверку становились курсантами. Одновременно обучались: в разведывательной школе — 50-300, в диверсионно-террористической — 30-100 агентов. Срок обучения агентов (учебные группы по 5-20 человек) в зависимости от их предназначения был различен: для разведчиков ближнего тыла Красной Армии — от двух недель до месяца; разведчиков глубокого тыла — от одного до шести месяцев; диверсантов — от двух недель до двух месяцев; радистов — от двух до четырех месяцев и больше.

В распоряжение штабов немецкой армии для ведения разведки и осуществления диверсионных актов в тылу советских войск направлялись многочисленные группы агентов, преимущественно из коренного населения — русские, поляки, украинцы, грузины, финны, эстонцы и т. п. Каждая группа возглавлялась немецким офицером и насчитывала 25 и более человек. Переодев их в наше обмундирование, чаще всего на трофейных самолетах, автомобилях и мотоциклах, абвер забрасывал группы в тыл советских войск на глубину 50-300 км перед фронтом наступающих немецких армий. По радио агентура сообщала в свои центры разведывательные сведения о выдвигающихся резервах, состоянии дорог, о всех выявленных мероприятиях, проводимых советским командованием.

Перебрасываемая в первые дни войны вражеская агентура в большинстве случаев была одета в форму милиции, пограничников, военнослужащих Красной Армии. Агенты выдавали себя за бойцов, бежавших из гитлеровского плена, эвакуированных, в расчете на то, что это поможет беспрепятственно проникнуть в тылом объектам, передвигаться в нужных им направлениях.

Гитлеровская разведка в этот период через своих агентов широко практиковала провокации. Агенты, передвигаясь из одного населенного пункта в другой, распространяли ложные слухи о занятии немецкими войсками тех или иных городов, населенных пунктов, узлов дорог (вовсе не занятых ими), о якобы высадившихся авиадесантах на путях отхода наших частей, взрыве мостов и т. д., пытаясь посеять панику среди военнослужащих и гражданского населения.

С началом войны в наш тыл были заброшены агенты-сигнальщики. Они подавали ракетами сигналы, наводя авиацию на важные объекты для бомбометания.

Агенты-диверсанты в тылу советских войск захватывали или взрывали мосты, железнодорожные линии, выводили из строя линии связи, нападали на штабы и узлы связи воинских частей, важные промышленные объекты, переставляли указатели на шоссейных дорогах.

В своих воспоминаниях маршал Г. К. Жуков свидетельствует: «... Перед рассветом 22 июня во всех западных приграничных округах была нарушена проводная связь с войсками, и штабы округов и армий не имели возможности быстро передавать свои распоряжения. Заброшенные ранее немцами на нашу территорию диверсионные группы разрушали проводную связь. Они убивали делегатов связи и нападали на командиров. Радиосредствами... значительная часть войск приграничных округов не была обеспечена... В штабы округов из различных источников начали поступать самые противоречивые сведения, зачастую провокационного характера.

Генеральный штаб, в свою очередь, не мог добиться от штабов округов и войск точных сведений и, естественно, это не могло не поставить на какой-то момент Главное Командование и Генеральный штаб в затруднительное положение».

Командующий ВВС Западного фронта генерал-майор авиации И. И. Копец, характеризуя боевые

действия в первые дни войны, отмечал, что в результате действий диверсантов с 23.00 21.6.41 г. вся проводная связь штаба Западного Особого военного округа с полками была прервана и каждый аэродром был предоставлен сам себе.

При отходе наших войск в лесах и населенных пунктах оседали отдельные военнослужащие и даже группы, отставшие от своих частей или пробивавшихся из окружения. Гитлеровская разведка через свою маршрутную агентуру провоцировала таких лиц, рекомендуя им следовать в плен, внушая, что немцы якобы военнопленных отпускают домой, что для них война окончена.

Переброшенные в начале войны на нашу территорию гитлеровские эмиссары имели задание оживить, активизировать подпольные антисоветские организации и группы, поднять их на выступления и диверсионные действия против Красной Армии. В ряде случаев гитлеровской разведке это удавалось; например, на территории прибалтийских республик вышли из подполья повстанческие группы, профашистские организации «Айсзарги», «Кайтселит» и др. Так, в Риге они 23-24 июня 1941 г. заняли ряд башен, чердаков, мезонинов и начали обстреливать из пулеметов и винтовок правительственные учреждения, здание штаба Прибалтийского военного округа, военные казармы и проходящие части Красной Армии.

В ночь на 24 июня бандгруппа ворвалась в дом работников ЦК Компартии Латвии в целях их ликвидации, что должно было послужить сигналом к широкому выступлению контрреволюционных организаций, которых в прибалтийских республиках, западных областях Украины и Белоруссии насчитывалось более 30. Силами 5-го мотострелкового полка НКВД, ОКПП «Рига» и резерва коменданта города выступление банды было подавлено. В ходе завязавшегося боя 120 бандитов было убито и 457 захвачено в плен.

Такое же положение создалось в Эстонии. За период 24-27 июня Таллинский пограничный отряд в боевых схватках уничтожил 29 и захватил 49 боевиков из организации «Кайтселит». Пограничники вместе с органами госбезопасности Эстонии обезвредили десантировавшийся в первые дни войны с территории Финляндии специальный разведывательно-диверсионный батальон «ЭрнаII».

В первые дни войны имели место выступления антисоветских сил в поддержку наступавших немецких войск в западных областях Украины и Белоруссии, где 22-28 июня погранвойсками и органами безопасности было ликвидировано 11 диверсионно-террористических и шпионско-бандитских групп, выполнявших задание немецко-фашистской разведки: грабить советские учреждения, колхозы и госбанки, убивать командиров, советских и партийных работников, обстреливать автоколонны Красной Армии, выдвигавшиеся из тыла к линии фронта.

Оборонительные операции в крайне невыгодных условиях, отсутствие сплошного фронта, отход войск под ударами превосходящих сил противника, бои в окружении и выход из него крупными и мелкими группами осложнили обстановку в тылу действующей Красной Армии. Дороги оказались забиты войсками — или отходившими на тыловые оборонительные рубежи, или выдвигавшимися из тыла к фронту. Отход войск, в отдельных случаях неорганизованный, осложнялся потоками беженцев, эвакуировавшихся в глубь страны. Заторы на фронтовых дорогах создавали и передвижения рабочих батальонов из состава почти 200-тысячной армии, строившей укрепленные районы на новой западной границе.

На дорогах и особенно на переправах образовывались большие скопления людей и техники, на которые немецко-фашистская авиация то и дело обрушивала бомбовые удары и пулеметный огонь. Срывались подвоз к линии фронта боеприпасов, горючего, продовольствия, эвакуация в тыл раненых и государственного имущества. Неудивительно, что в такой обстановке появились дезертиры, мародеры и трусы, сеявшие панику среди войск и местного населения.

Тяжелая обстановка требовала от командования принятия самых неотложных и решительных мер по наведению твердого порядка в тылу, созданию надежной системы его охраны. К сожалению, заблаговременно такие меры в мобилизационных планах не предусматривались. Оперативно исправлять этот недостаток пришлось сразу же с началом военных действий — создавалась охрана тыла фронтов и армий.

Что в то время вкладывалось в понятие «охрана оперативного тыла»? В инструкции по службе пограничных войск по охране тыла действующей армии охрана тыла рассматривалась как совокупность войсковых, оперативно-разведывательных и режимных мероприятий, осуществляемых разведывательными и контрразведывательными органами, специально выделенными частями пограничных войск, войсковыми частями и учреждениями. Основу охраны тыла составляли части пограничных войск.

Это понятие в последующее время Советская военная энциклопедия трактовала так:

«Охрана и оборона тыла — мероприятия, проводимые в целях воспрещения внезапного нападения наземного и воздушного противника на тыловые объекты, а также действия по отражению его ударов; составная часть комплекса мер по достижению живучести тыла.

Охрана и оборона тыла осуществляется силами и средствами тыловых подразделений, частей и учреждений, а оперативного тыла, кроме того, — специальными войсками охраны тыла».

ЗАДАЧИ СПЕЦИАЛЬНЫХ ВОЙСК ПО ОХРАНЕ ТЫЛА ДЕЙСТВУЮЩЕЙ АРМИИ

25 июня 1941 г. Совет Народных Комиссаров СССР принимает постановление о возложении задач по охране тыла действующей Красной Армии на НКВД.

В свете этого постановления заместитель наркома внутренних дел 26.6.41 г. отдал приказание, согласно которому войска НКВД (пограничные, внутренние по охране особо важных предприятий промышленности, по охране железнодорожных сооружений, конвойные), оказавшиеся в зоне боевых действий, привлекались к охране тыла действующей армии (общая численность составила более 163 тыс. человек).

Для непосредственной охраны тыла действующей Красной Армии были частично привлечены пограничные отряды, дислоцировавшиеся к началу войны на западной границе, оперативные полки и некоторые конвойные части. Что же касается мотострелковых дивизий внутренних войск, дивизий и бригад по охране особо важных объектов промышленности, дивизий и полков по охране железнодорожных сооружений, конвойных бригад, то они лишь входили в оперативное подчинение начальника войск по охране тыла фронта. Это положение нашло отражение в инструкции начальнику гарнизона внутренних войск, утвержденной заместителем наркома генералом Аполлоновым в начале 1942 г. В ней говорилось: «Внутренние войска, выполняя возложенные на них задачи в пределах полосы фронта, свою работу проводят в контакте с начальником управления войск по охране тыла, который является старшим оперативным начальником над всеми войсками НКВД, дислоцированными в полосе охраны тыла фронта. Он имеет право использовать части внутренних войск в интересах охраны тыла действующей армии, но не имеет права без ведома начальника Главного управления внутренних войск НКВД СССР снять или передислоцировать гарнизон».

Основу войск по охране тыла составляли пограничные войска (около 70 процентов). И это вполне закономерно. По своей подготовке

и главным образом по характеру деятельности в мирное время они лучше, чем другие войска НКВД, были приспособлены к выполнению такой задачи.

Для руководства деятельностью войск по охране тыла создавались соответствующие управления на пяти действующих фронтах и в одной Особой группе войск. Они формировались на базе управлений войск западных пограничных округов. Начальниками войск по охране тыла были назначены начальники войск пограничных округов.

В последующем с образованием новых фронтов создавались и управления войск по охране их тыла. В первые месяцы войны кроме фронтовых были сформированы управления войск по охране тыла армий. Их образование можно объяснить лишь исключительно сложной обстановкой в 1941 г.

Руководство войсками по охране тыла действующей армии в начале войны осуществляло Главное управление пограничных войск, которое одновременно руководило и охраной государственной границы. Такая раздвоенность, безусловно, мешала сосредоточиться на решении главной задачи. 28 апреля 1942 г. в составе Главного управления внутренних войск было сформировано специальное управление войск по охране тыла действующей армии (вначале его возглавил генерал-лейтенант А.М. Леонтьев, а затем генерал-лейтенант И.М. Горбатюк), которое в апреле 1943 г. преобразуется в Главное управление.

Общие задачи пограничных войск, как и органов безопасности, в охране тыла действующей армии были определены правительством в директиве от 29 июня 1941 г. Отмечая ее мобилизующее воздействие, Г.К. Жуков писал, что она звучала как тревожный набат. Директива обязывала сосредоточить силы на оказании всемерной помощи Красной Армии в разгроме гитлеровской Германии. СНК СССР потребовал усилить охрану тыла от подрывных действий противника, повысить бдительность, решительно уничтожать

шпионов, диверсантов и парашютистов, вести беспощадную борьбу с дезертирами, паникерами, распространителями провокационных слухов.

Конкретные задачи по охране тыла были определены в приказах наркома внутренних дел, а также в решениях командования и военных советов фронтов, в оперативном подчинении которых находились части и соединения войск НКВД. Эти задачи формулировались на каждом фронте в зависимости от складывающейся обстановки, но в целом в этот период они сводились к борьбе со шпионажем, диверсиями и бандитизмом, дезертирством и мародерством; уничтожению мелких групп противника, просочившихся в тыл действующей армии; наведению порядка в войсковом тылу, обеспечению подвоза и эвакуации, бесперебойной работы проводной связи; сбору трофейного и оставленного в тылу войск военного имущества.

Однако к выполнению этих задач пограничные войска приступили не сразу. Ввиду сложности обстановки на фронте они совместно с Красной Армией вели боевые действия, и только отдельные пограничные части эпизодически выводились для охраны тыла, но спустя некоторое время вновь втягивались в бои. Так, пограничные части по охране тыла Ленинградского фронта вели боевые действия на фронте в течение всего периода обороны Ленинграда. Войска по охране тыла Калининского фронта принимали участие в боях за Калинин. Пограничные части по охране тыла Западного фронта совместно с Красной Армией вели боевые действия по обороне дальних и ближних подступов к Москве. Пограничные части по охране тыла Юго-Западного фронта в период окружения наших войск под Киевом были использованы для ведения боевых действий на переднем крае. Войска по охране тыла Южного фронта совместно с частями и соединениями Красной Армии участвовали в боях за города Запорожье, Мариуполь, Мелитополь, Одессу, Севастополь и другие.

Может возникнуть вопрос: всегда ли было целесообразно снимать пограничные части с выполнения задач по охране тыла войск для ведения боевых действий на фронте (если

даже не принимать во внимание несовершенство их организации для боев с регулярными частями противника)?

В ряде случаев принятие такого решения действительно вызывалось критическими условиями обстановки на фронте. Но так было далеко не везде и не всегда. Иногда пограничные части снимались с охраны тыла и бросались в бой командованием армий, корпусов и дивизий, хотя имевшиеся в их распоряжении силы и средства не были исчерпаны до конца. Сказывалась, очевидно, недооценка со стороны отдельных военачальников важности борьбы с подрывной деятельностью гитлеровской разведки в тылу войск и значения такого фактора, как влияние стабильного состояния тыла на результаты боевых действий на фронте.

На Южном фронте, как уже отмечалось, в связи с осложнением обстановки во второй половине июля 1941 г. постепенно все части по охране тыла были введены в бой с противником. В это время в тылу появилось значительное количество групп и даже подразделений, оторвавшихся по различным причинам от своих частей и оказавшихся вне поля зрения командования, участились случаи дезертирства, резко возросло количество диверсий, в тылу появились немецкие агенты-сигнальщики, неуправляемые колонны автомашин дезорганизовывали дорожное движение. На перекрестках дорог, мостах и переправах создавались пробки с большим скоплением автомашин и боевой техники, служа объектами для бомбежек вражеской авиации; большие беспорядки возникали при эвакуации имущества и скота из прифронтовых районов.

Командование фронта и армий для наведения порядка на коммуникациях и поддержания порядка в тылу было вынуждено использовать боевые части и подразделения из резерва, а иногда и снимать их с фронта.

Проанализировав сложившееся положение, командующий Южным фронтом к 28 августа вывел из боя все пограничные и другие части войск по охране тыла; они вышли к указанным пунктам дислокации и приступили к организации службы по наведению твердого порядка в полосе фронта. К сожалению, части войск по охране тыла к этому времени оказались сильно ослабленными.

Понимая необходимость в обеспечении охраны тыла Южного фронта и принимая во внимание недостаток специальных сил и средств, командование пограничных частей привлекло милицейские подразделения, отходившие на восток. Военный совет фронта одобрил эту инициативу и своим решением сформировал бригаду милиции в составе двух полков, на которую возложил выполнение таких задач, как ведение борьбы с дезертирством; охрана коммуникаций и военных объектов: наведение порядка и регулирование движения колонн по дорогам. В последующем сформировали третий полк милиции, а бригада была переформирована в милицейскую дивизию, которая входила в состав войск по охране тыла Южного фронта.

К концу августа охрана тыла Южного фронта была наконец налажена, хотя и в последующие месяцы 1941 г. Пограничные и другие части внутренних войск неоднократно вводились в бой.

Четкая организация охраны тыла сразу же дала положительные результаты в борьбе с подрывной деятельностью гитлеровской разведки, в установлении и поддержании порядка на дорогах и в тылу фронта. Так, если в июле-августе войсками охраны тыла этого фронта не было задержано ни одного немецкого шпиона, то в сентябре их уже было задержано 70, а к концу сорок первого года — 326 и ликвидировано 32 диверсионно-разведывательные и бандитские группы.

Исключительно сложная обстановка, возникшая в июле 1941 г. В тылу войск Юго-Западного фронта, также потребовала от Военного совета фронта принятия решения о выводе пограничных частей из боев. 90, 94 и 98-й пограничные отряды получили приказ приступить к охране тыла фронта. За короткое время они создали четкую систему службы на двух рубежах: первый — на правом берегу Днепра по линии Рудня, Овруч, Володарка, Большие Липняги; второй — по линии Чернигов, Нежин, Пирятин, Лубны.

Действия погранорядов нацеливались на выявление и захват агентов противника, ликвидацию его диверсионно-разведывательных групп, борьбу с паникерами. С начала войны и до конца 1941 г. Войсками по охране тыла Юго-Западного фронта из числа многих тысяч задержанных подозрительных лиц было разоблачено 243 немецких шпиона и диверсанта, большое количество оуновцев, антисоветских элементов, дезертиров и мародеров.

Противник рассчитывал изощренными и активными шпионско-диверсионными, дезинформационными действиями подорвать тыл наших войск, чем максимально способствовать продвижению соединений вермахта. Характер заданий, с которыми засылались гитлеровские агенты, был самый различный.

Например, задержанный пограничниками диверсант-террорист Руденко на допросе показал, что после окончания диверсионной школы его, как и других, забросили в тыл советских войск с заданием: убивать военнослужащих Красной Армии, партийных и советских работников; отравлять водоемы в пунктах расположения частей Красной Армии; организовывать крушения воинских эшелонов путем подрыва железнодорожного полотна; подавать ракетами сигналы немецким самолетам для нанесения бомбовых ударов по воинским эшелонам и скоплениям советских войск.

Согласно показаниям Руденко до задержания пограничниками подорвал железнодорожное полотно между станциями Гуково — Красная Могила и Гуково — Заповедная, а в районе Гуково убил двух красноармейцев, подавал сигналы немецким самолетам о скоплении войск в районе Чуев, Платов и Ковалевка, которые затем подвергались бомбежке; пытался в Чуеве отравить колодец, где и был задержан.

Разоблаченный шпион, назвавшийся Волковым, имел задание проникнуть в части Красной Армии и установить наличие и систему использования «адских пушек» (имелись в виду «катюши»). Задержанный шпион Наспоров получил задание — по поддельным документам внедриться в одну из частей Красной Армии, направляющуюся на фронт, разведать важные объекты и оповещать об этом немецкие войска соответствующими сигналами ракет. Оуновец, агент немецкой разведки по кличке «Белая кобыла» пробирался в Сталинград с целью устроиться на завод им. Октябрьской революции, создать там из числа неустойчивых антисоветских элементов диверсионную группу и взорвать завод.

На Северо-Западном фронте, где обстановка стабилизировалась раньше, чем на других фронтах, в организации охраны тыла было сравнительно меньше недостатков. Здесь командование своевременно позаботилось о создании устойчивой системы охраны тыла. В июне 1941 г. Военным советом фронта были определены задачи войск по охране тыла фронта, в июле — августе изданы несколько приказов, направленных на поддержание твердого порядка в тылу армий и фронта, в октябре вынесено постановление «О режиме в прифронтовой полосе». В ноябре командующий фронтом генерал-лейтенант П. А. Курочкин приказом объявил для руководства разработанную

управлением войск по охране тыла фронта инструкцию, поручив своему заместителю по тылу генерал-майору Кузнецову и начальнику охраны тыла фронта подполковнику Головко организовать охрану тыла в полном соответствии с этой инструкцией, а командующим армиями, командирам дивизий и отдельных частей предписал обеспечить четкое взаимодействие с частями войск по охране тыла фронта.

Командование Северо-Западного фронта ввело в действие инструкцию начальникам гарнизонов Красной Армии по наведению твердого порядка в населенных пунктах.

В декабре в части фронта поступил приказ о наведении порядка в местах расположения войск и поддержании порядка на путях их движения. Командование тыловых частей и учреждений обязывалось сформировать истребительные группы и выделять их по требованию командиров частей и войск НКВД по охране тыла для ликвидации высадившихся в тылу армии и фронта авиадесантов или обнаруженных групп противника.

Первый период войны воочию показал, что эффективность охраны тыла действующей армии находится в прямой зависимости от степени взаимодействия пограничных войск и органов контрразведки. Пограничные подразделения, рассредоточенные по коммуникациям, не имели своего следственного аппарата, а недостаточный профессионализм командиров часто не позволял им до конца разобраться с маскировкой фашистских агентов, и волей-неволей приходилось подозрительных задержанных направлять в органы контрразведки. Существовала и обратная связь — органы контрразведки нуждались в помощи пограничных подразделений при розыске заброшенной в тыл вражеской агентуры.

Летом 1941 г. На шоссе Луга — Ленинград пограничный патруль во главе с Н. Козелковым обратил внимание на красноармейца, шагавшего в тыл. За его спиной — туго набитый вещевой мешок. Козелков, как водится в таких случаях, решил проверить документы у красноармейца, рассудив, что в такое время, когда на фронте идут тяжелые бои, в тыл отправляются только те, кто уже не может держать в руках оружие.

Красноармеец, вытаскивая из кармана документы, нечаянно выронил пачку денег. Документы у Козелкова поначалу не вызвали подозрения, хотя впоследствии выяснилось, что они поддельные, а вот пачка денег его насторожила.

- Откуда такая сумма?

- В Красных Стругах разбомбило банк, — невозмутимо стал отвечать красноармеец. — Кругом валяется столько денег — бери, сколько душа пожелает. Могу поделиться...

Разделить «добычу» пограничник не пожелал и доставил красноармейца в особый отдел военной контрразведки. Раскрыли вещмешок — там рация и шифры. На допросе выяснилось, что линию фронта «красноармеец» перешел не один, а в составе группы. Задание одно — собрать сведения о советских войсках и передать их в штаб 4-й танковой группы.

Разыскать и задержать остальных шпионов контрразведчики поручили группе пограничников старшего лейтенанта Б. Н, Петрова. Пять суток потребовалось, чтобы напасть на след шпионской группы и задержать ее у деревни Александровка.

Выяснив, кого забрасывает абвер в наш тыл, с какими заданиями, в какой экипировке, какими легендами снабжает свою агентуру, особый отдел и пограничники сделали важные выводы, позволившие усилить охрану тыла действующей армии.

Активно вели боевую и служебно-оперативную работу в первые месяцы войны войска по охране тыла Ленинградского, Карельского фронтов и 7-й отдельной армии. На этих направлениях линия фронта стабилизировалась значительно раньше, чем на остальных фронтах, — уже в первой половине сентября 1941 г. Здесь сравнительно быстро была создана стройная система охраны тыла. Следует лишь подчеркнуть одну особенность этой системы, связанной с блокадой Ленинграда.

18 сентября 1941 г. По инициативе командующего фронтом генерала армии Г. К. Жукова было принято постановление Военного совета фронта об усилении борьбы с дезертирством и проникновением вражеских

▲ Истребительный батальон

элементов на территорию Ленинграда, согласно которому в южной части города, где наносила главный удар немецко-фашистская группировка «Север», создавались три заградительные линии.

Охрана первой линии, непосредственно примыкавшей к боевым порядкам войск 42-й армии, строилась по принципу пограничной службы и возлагалась на начальника охраны войскового тыла Ленинградского фронта; после стабилизации фронта первая заградительная линия стала основным рубежом охраны. Охрана второй заградительной линии, проходившей по пригородным улицам Ленинграда, возлагалась на органы государственной безопасности. Третья заградительная линия проходила по обводному каналу. На ней несли охрану подразделения, подчиненные начальнику тыла Ленинградского фронта.

Возглавлял войска по охране тыла Ленинградского фронта генерал-лейтенант Г. А. Степанов, начальник войск Ленинградского пограничного округа.

В обязанности пограничников кроме охранных функций входило поддержание порядка в Ленинграде и несение патрульной службы на основных магистралях города и вокруг оборонительных объектов. Если требовала обстановка, пограничные части вели бои на фронте, готовили снайперские команды и направляли в действующую армию, прокладывали Дорогу жизни и потом ее охраняли, ежесуточно пропуская через КПП 3-3,5 тыс. автомашин.

Для прикрытия важных направлений к городу и проверки подозрительных лиц были сформированы четыре заградительных отряда (фильтрация входила в обязанности особых отделов военной контрразведки). В октябре решением Военного совета фронта образуется зона заграждения на северных подступах к Ленинграду. Генерал-лейтенант Г. А. Степанов считал эту меру необходимой, так как немецко-финская агентура не оставляла попыток просочиться в Ленинград и тылы фронта через Карельский перешеек и Финский залив, Ладожское озеро. Исходя из опыта войны с белофиннами в 1939-1940 гг. учитывалось, что с образованием льда немецко-финские разведывательные органы, несомненно, усилят заброску в наш тыл диверсионно-разведывательных отрядов.

Охрану установленной зоны заграждения на северных подступах к Ленинграду несли 103, 104, 105-й пограничные полки и 99-й пограничный отряд, а в блокированном городе вели борьбу с вражеской агентурой и преступным элементом, обеспечивая твердый фронтовой режим, 13, 286, 288-й полки внутренних войск и другие части. Их общими усилиями в тесном взаимодействии с органами госбезопасности в 1941 г. Было задержано и разоблачено свыше 200 шпионов, диверсантов и террористов.

В числе задержанных оказывались и не совсем обычные агенты. Таким «необычным» для органов военной контрразведки стал М. Д. Каращенко. Перейдя линию фронта как агент фашистской разведки, он сразу же поспешил в отдел контрразведки. Следователю заявил: «Я бывший старший лейтенант-пограничник. Служил в Либавском погранотряде. В самом начале войны тяжелораненым попал в плен. Пришел к вам добровольно, хочу снова служить Родине».

Гитлеровцы на оккупированной территории создали сеть разведшкол. Каращенко было сделано предложение сотрудничать с немцами. Давая согласие, он видел в этом один из способов вернуться к своим и снова встать в боевой строй.

Караценко предложил отделу военной контрразведки начать дезинформационную игру с абвером. В этой игре Караценко действовал весьма успешно. Передаваемым им «сведениям» верили и давали ему новые задания. Конечно же, Караценко их «выполнял». Органы госбезопасности были, таким образом, в курсе многих затевавшихся немцами акций.

Когда настала пора окончательного прорыва блокады Ленинграда, Караценко передал самую важную дезинформацию, заставившую немецкое командование оголить один из участков обороны и перебросить войска на участок, который был указан в радиограмме. Это способствовало успеху войск армии, в полосе которой работал радист. За успешное выполнение специального задания командования Мокей Демьянович Караценко был награжден орденом Отечественной войны.

Надо сказать, что подобно Караценко многие из попавших в плен оставались патриотами, искали любую возможность, чтобы вырваться из фашистского плена и вновь взяться за оружие.

Свою служебно-боевую деятельность войска по охране тыла действующей армии с самого начала их создания осуществляли в тесном взаимодействии с органами военной контрразведки.

Каковы же итоги их совместных усилий? «Всего на Западном фронте в 1941 г., — отмечается в труде «Военные контрразведчики», — армейские чекисты и войска НКВД по охране тыла задержали и разоблачили свыше 1 000 фашистских агентов, на Ленинградском и Южном фронтах — около 650 и на Северо-Западном фронтах — свыше 300 шпионов и диверсантов». Только в период исторической битвы под Москвой в тылу войск Западного фронта было обезврежено свыше 200 агентов и более 50 диверсионно-разведывательных групп противника.

Войска охраны тыла осуществляли и военно-административную работу. Речь идет о комендатурах. Они создавались в городах, находившихся на осадном положении или в прифронтовой полосе, для поддержания порядка, обеспечения строгого соблюдения правил, продиктованных военным временем, как со стороны военнослужащих, так и гражданского населения. Военные коменданты наделялись особыми правами, нередко выполняли административные функции в освобожденных от врага населенных пунктах, где только-только начинали формироваться советские органы. Военными комендантами городов назначались, как правило, начальники войск охраны тыла. Так, например, было в Москве, когда осенью 1941 г. Город находился на осадном положении.

В период обороны Москвы нужны были опытные командиры, способные на решительные действия. Военным комендантом Москвы был назначен начальник войск Мурманского пограничного округа генерал-майор К. Р. Синилов. Он в годы Гражданской войны в составе чекистского батальона воевал с белополяками, затем служба на Дальнем Востоке, участие в боях с белокитайцами во время вооруженного конфликта на КВЖД, учеба в Военной академии им. М. В. Фрунзе.

Синилову было поручено срочно сформировать 2-.ю дивизию особого назначения, в которую вошли Высшая пограничная школа, Военно-техническое училище им. В. Р. Менжинского. В момент, когда враг подошел к Москве и столица остро нуждалась в твердом порядке, дивизия взяла на себя функции охраны военных объектов, предотвращения паники среди населения.

20 октября Государственный Комитет Обороны ввел осадное положение в Москве и прилегающих к ней районах. В постановлении ГКО говорилось, что охрана строжайшего порядка в городе и пригородных районах возлагается на коменданта города Москвы генерал-майора Синилова, для чего в распоряжение коменданта выделить войска внутренней охраны НКВД, милицию и добровольческие рабочие отряды.

Трудная миссия была выполнена. В городе и пригородах под контролем находились вокзалы, станции метро, важные объекты. Благодаря четкой службе на установленных контрольно-пропускных пунктах в самые критические дни обороны Москвы было разоблачено и задержано множество вражеских лазутчиков, паникеров и провокаторов. На военного коменданта Москвы была возложена и подготовка военного парада 7 ноября 1941 г. На Красной площади.

Достижению определенных успехов в оперативно-служебной деятельности войск по охране тыла фронтов способствовала активно и целеустремленно проводимая работа с личным составом, воспитание у бдительности, умения распозна-

вать врага, к каким бы ухищрениям он не прибегал, как бы он ни маскировался.

На КПП 88-го пограничного полка войск по охране тыла Калининского фронта, выставленного на дороге вблизи деревни Иваньково Кимрского района, обратили внимание на подозрительного военнослужащего со знаками различия старшего лейтенанта. Документы, удостоверяющие личность, «старший лейтенант» предъявить отказался, заявив, что на северной окраине деревни их уже у него проверяли. Старший наряда красноармеец Щука задержал «старшего лейтенанта», о чем доложил командиру взвода лейтенанту Филиппову, который потребовал у задержанного документы. Тот показал командировочное удостоверение. В ответ на вопрос: «Есть ли еще документы, удостоверяющие личность?» — задержанный предъявил другое командировочное удостоверение, выданное тем же лицом, но удостоверяющее принадлежность его к совершенно другой части; при этом в удостоверении был указан ряд военнослужащих, следующих вместе с ним. На вопрос: «Где эти военнослужащие?» — ответил: «Там идут». При дальнейшей фильтрационной работе неизвестный признался, что он вовсе не старший лейтенант, а немецкий агент, что документы ему выправила немецкая разведка на имя Николаенко, а настоящая его фамилия Москаленко, в деревне Тросянка осталась его диверсионно-разведывательная группа в количестве 21 человека.

Командир взвода с группой пограничников выехал в эту деревню, где и задержал диверсантов, расположившихся на отдых. Все 21 человек были одеты в форму военнослужащих Красной Армии, имели трофейное оружие, взрывчатку, портативную радиостанцию, шесть лошадей, запряженных в сани, крупную сумму денег. Группа вела разведку в тылу Калининского фронта, добытые данные о передвижении войск передавала по радио, в районе Кимры готовила взрыв моста через Волгу.

В ноябре и начале декабря 1941 г. Наркоматом внутренних дел изучалось состояние охраны тыла действующей армии на ряде фронтов(Северо-Западном, Калининском, Брянском, Юго-Западном и Южном). В результате были вскрыты серьезные недостатки как в вопросах службы и оперативно-следственной работы, так и в вопросах взаимодействия с войсками фронтов и армий.

Несмотря на перемены на фронте, его стабилизацию, служба по охране тыла во многих случаях организовывалась лишь по направлениям, главным образом вдоль основных коммуникаций. Если в первые месяцы войны, в период вынужденного отхода войск Красной Армии такая система охраны тыла отвечала основному требованию того периода –наведению твердого порядка в войсковом и оперативном тылу, то в изменившейся обстановке, когда на первый план выдвинулась задача задержания агентуры противника, ликвидации его диверсионно-разведывательных групп, выявления изменников Родины и другого враждебного элемента, она уже была недостаточной.

Служба на широком фронте, по рубежам предполагала привлечение значительного количества сил и средств, которых в этот период, к сожалению, в руках начальников войск охраны тыла фронтов не оказалось. Гитлеровская разведка, стремясь помочь своим войскам в продолжении наступления, резко увеличила количество забрасываемой в наш тыл агентуры и ДРГ (к этому времени организованные гитлеровцами на оккупированной территории разведывательные

и диверсионные школы произвели первые выпуски). Казалось, войска охраны тыла должны были получить усиление, с тем чтобы парализовать происки фашистской разведки. Но этого не произошло. Более того, многие пограничные части оказались втянутыми в боевые действия на фронте, что во многих случаях уже не вызывалось обстановкой. В таких условиях остро чувствовалась необходимость иметь положение или какой-либо другой правовой документ, регламентирующий использование специальных войск по охране тыла действующей армии.

Серьезные недостатки выявились и в организационно-штатной структуре пограничных полков, сформированных в октябре 1941 г. На базе пограничных отрядов. В основу их организации была положена штатно-организационная структура стрелкового полка Красной Армии сокращенной численности. В тот период такая организация была вынужденной и в основном соответствовала сложившейся обстановке. В условиях стабилизации фронта пограничным полкам помимо боевых предстояло решать специфические задачи охраны тыла, в частности и такую, как ведение разведки противника, а разведорган, к сожалению, штатом полка не предусматривался.

На недооценку роли разведки в системе охраны тыла указывалось во многих документах того времени. В отчете о служебно-боевой деятельности войск по охране тыла Южного фронта за 1941 г. отмечалось, что разведка, как острое оружие в борьбе со шпионажем, диверсиями и другими подрывными действиями врага в условиях охраны войскового тыла, в первые месяцы войны не нашла своего применения или была донельзя сужена. Руководители разведаппарата округов и погранотрядов во многих случаях оказались назначенными на другие должности или откомандированы в распоряжение ГУПВ для формирования боевых частей.

В батальоне как основном звене, несущем охрану тыла, не предусматривался штатный орган по планированию и организации службы и, как следствие, контроль за ней был пущен на самотек.

Для устранения выявленных недостатков и в целях дальнейшего усиления охраны тыла действующей армии в изменившихся условиях были приняты радикальные меры. 15 декабря 1941 г. состоялось решение Ставки Верховного Главнокомандования о выводе из боя всех пограничных частей и переключении их на выполнение прямых задач — охрану тыла фронтов.

Во исполнение данного решения всем командующим армиями были отданы распоряжения о передаче в ведение Наркомата внутренних дел всех его частей, действующих в составе армии.

В начале 1942 г. Главным управлением пограничных войск совместно с Генеральным штабом Красной Армии было разработано Поло-

▲ 37-й погранполк НКВД

жение о войсках, охраняющих тыл действующей Красной Армии. Одновременно ГУПВ разработало Инструкцию по службе войск по охране тыла фронтов действующей Красной Армии. В марте 1942 г. Положение было утверждено Генеральным штабом и оба документа разосланы в войска.

Положением определялись общие принципы организации охраны тыла, задачи войск, порядок подчинения и руководства войсками, их права ти обязанности. В частности, было предусмотрено, что охрана тыла фронтов организуется военными советами фронтов и выполняется войсковыми частями, тыловыми учреждениями Красной Армии и специально выделенными для этой цели частями пограничных и внутренних войск.

Состав войск охраны тыла по каждому фронту определялся Генеральным штабом Красной Армии и НКВД СССР. Руководство оперативно-служебной и боевой деятельностью этих войск в пределах фронта осуществлялось начальником войск охраны тыла фронта.

В оперативном отношении начальник войск охраны тыла фронта подчинялся Военному совету фронта и выполнял все его указания по организации охраны тыла фронта в соответствии с задачами, предусмотренными Положением, а именно:

- выявление и задержание агентуры противника, забрасываемой в тыл фронта, предателей и немецких ставленников в освобожденных от немецких оккупантов районах;
- ликвидация мелких групп и отрядов противника, прорвавшихся или переброшенных в тыл действующей Красной Армии (автоматчики, парашютисты, диверсанты и пр.) в целях срыва нормальной работы тыла;
- пресечение всякого рода антисоветских выступлений, проявлений антисоветизма в тылу действующей Красной Армии и задержание организаторов и участников этих выступлений;
- борьба с дезертирством и мародерством;
- проведение совместно с военными советами фронтов и местными органами власти мероприятий по организации прифронтового режима (отселение, очистка и т. д.);
- охрана коммуникаций на отдельных участках в полосе тыла фронта согласно решениям военных советов фронтов;
- охрана армейских приемных пунктов военнопленных.

Все это целиком отвечало требованиям новой обстановки на фронтах, которая коренным образом отличалась от обстановки первых месяцев войны.

Издание Положения и Инструкции, этих основных документов по службе войск охраны тыла, помогло упорядочить и регламентировать их служебно-боевую деятельность.

Существенные изменения претерпела и организационно-штатная структура войск по охране тыла. Уже в январе 1942 г. были восстановлены разведорганы в пограничных полках — созданы разведывательные отделения, введены должности заместителей командира полка и командира батальона по разведке, в батальонах — группы разведчиков. Разведка из состава штабов выводилась и замыкалась непосредственно на командиров частей. Общее количество разведчиков в пограничном полку доводилось до 25 человек. Несколько позже в батальонах были созданы штабы, а стрелковые роты и взводы переформированы в пять линейных и одну резервную заставы. В штабах полков создавались отделения службы и боевой подготовки.

Для усиления противотанковой обороны пограничных полков предусматривалось оснащение их противотанковыми ружьями.

Таким образом, организация и система охраны тыла действующей Красной Армии приводились в соответствие с характером сложившейся обстановки на фронте, что не замедлило сказаться на результатах оперативно-служебной деятельности войск. Возросло количество задержанных подозрительных лиц и выявленных среди них немецких агентов и других вражеских элементов. Если в 1941 г. процент разоблачения таких лиц составлял 4,6, то в первом квартале 1942 г. этот процент возрос до 22 (увеличение больше чем в пять раз).

Дальнейшему совершенствованию системы охраны тыла способствовало создание в апреле 1942 г. специального управления по охране тыла при Главном управлении внутренних войск. Войска по охране тыла фронтов передавались в состав внутренних войск. Всего было передано: управлений войск по охране тыла — десяти фронтов и двух армий; пограничных полков — 37, пограничных отрядов — 6, отдельных стрелковых батальонов — 3, отдельных комендатур — 5. При этом надо отметить, что организация и тактика действий этих пограничных частей и подразделений, выработанные в ходе предыдущей служебно-боевой деятельности, оставались всвоей основе неизменными.

Командование и штабы войск по охране тыла в течение 1942 г. провели большую организаторскую и аналитическую работу, обобщили опыт службы и боевой подготовки личного состава, своевременно внесли коррективы в формы и способы действий полков и подразделений в зависимости от изменения обстановки на фронте. В результате значительно улучшилась оперативно-служебная деятельность войск. В течение года среди задержанных подозрительных лиц было разоблачено и арестовано: шпионов, диверсантов и террористов, засланных в наш тыл немецкой разведкой, — 1 496, ставленников и пособников немецко-фашистских оккупантов — 3 157.

Общее количество задержанных и разоблаченных вражеских элементов (агентов, диверсантов, дезертиров, мародеров, бандитов и т. д.) в 1942 г. по сравнению с 1941 г. увеличилось более чем в два раза. Обезврежено несколько десятков ДРГ, специально подготовленных для совершения диверсий на железнодорожных коммуникациях. В тылу фронтов было ликвидировано 136 банд и диверсионных групп численностью свыше 1 500 человек.

Это был заметный вклад войск по охране тыла действующей армии во всенародную борьбу с немецко-фашистскими захватчиками.

БОРЬБА С ПРОТИВНИКОМ В ТЫЛУ НАСТУПАЮЩИХ ВОЙСК

В отличие от первого периода Великой Отечественной войны, когда войска были вынуждены преимущественно отступать и вести тяжелые оборонительные бои, во втором и третьем периодах Красная Армия вела главным образом наступательные операции, что существенно сказывалось и на обстановке в ее оперативном тылу. Отличие выражалось прежде всего в резком возрастании шпионской, диверсионной и другой подрывной деятельности немецко-фашистской разведки. В 1943 г. она забросила в наш тыл почти в полтора раза больше агентов, чем в 1942 г. Их готовили не только прежние, но и вновь созданные разведывательные школы. В 1943 г. на советско-германском фронте действовало более 130 различных разведыва-

тельных, диверсионных и контрразведывательных органов противника, функционировало 60 специальных школ. Каждые два-три месяца эти школы выпускали до полутора тысяч шпионов и диверсантов. Немецкая разведка пыталась взять реванш за прошлые неудачи.

К специально подготовленным шпионам, диверсантам, террористам, последовательно забрасывавшимся в тыл наступающих войск Красной Армии, надо добавить большое количество агентуры, завербованной немецкой разведкой на оккупированной территории и оставленной для выполнения шпионско-разведывательных и террористических задач в тылу советских войск. Вкупе с ними действовали разного рода пособники и ставленники гитлеровцев.

Всеми формами тотальной подрывной деятельности в тылу Красной Армии гитлеровская разведка стремилась помочь вермахту остановить победоносное наступление советских войск, переломить ход войны в свою пользу. Анализ архивных материалов позволяет установить определенную закономерность: чем неблагоприятнее для немецкой армии складывалась обстановка на фронте, тем неистовее была в своих устремлениях и происках гитлеровская разведка в тылу наших войск.

Особой активности ее деятельность достигла во второй половине 1944 г. и в 1945 г., когда Красная Армия вела успешные наступательные операции в Прибалтике, западных областях Украины и Белоруссии, а затем на территории Польши и Германии. Данный вывод можно подтвердить на опыте охраны тыла любого из белорусскеих или украинских фронтов. В январе — феврале 1944 г., когда эти фронты проводили наступательные операции на территории Винницкой и Житомирской областей, было задержано или уничтожено около 400 гитлеровских агентов. Когда же боевые действия перенеслись на территорию западных областей УССР (с марта 1944 г.), а затем (в августе) на территорию Польши, картина резко изменилась. В течение марта было ликвидировано 1 255, в мае — 1 549, в августе — 4 157. Как видно, активность подрывной деятельности противника в тылу фронта в течение 8 месяцев возросла в 15 раз.

В этот же период резко активизировались все абверкоманды и абвергруппы. На проведение подрывной деятельности в тылу наступающих войск Красной Армии переключились значительные силы органов полиции, безопасности и СД — и не только действовавшие на советско-германском фронте (оперативные группы и команды), но и расположенные на территории фашистской Германии.

В интересах большей централизации руководства всей подрывной деятельностью в тылу Красной Армии в июле 1944 г. по приказу Гитлера было осуществлено объединение абвера с органами главного управления имперской безопасности (РСХА). Управление абвер-заграница было включено в состав VI Управления РСХА. Отделы абвера «Валли-1», «Валли-2» и «Валли-3» вместе с подчиненными абверкомандами и абвергруппами вошли в состав военного управления иVIуправления РСХА.

Все это преследовало главную цель — более массированно использовать для подрывной деятельности в тылу наступающих войск Красной Армии мощный аппарат военной разведки и контрразведки, полицейских и карательных органов.

Для активизации зафронтовой разведки «Зондерштаб Р» осенью 1943 г. выдвинул начальников резидентских областей с рабочим аппаратом ближе к фронту, обязав их

постоянно находиться при штабах тылов немецких армейских групп (в свою очередь, их помощники прикомандировывались к разведывательным абверкомандам, дислоцированным на территории резидентской области). К штабам армии было прикомандировано по три офицера разведки и связи из разведывательно-резидентских областей, которые осуществляли заброску агентуры в тыл советских войск.

«Зондерштаб Р» (особый штаб «Россия») был создан абвером в 1942 г., находился в непосредственном подчинении начальника «Валли-1». Практическую подрывную деятельность проводил через межобластные резидентуры, с этой целью вся оккупированная советская территория делилась на четыре разведывательно-резидентские области, имевшие каждая от 2 до 20 районных резидентур.

Особое внимание «Зондерштаб Р» уделял созданию шпионских резидентур на освобожденной советскими войсками территории. Осенью 1943 г. главным и районным резидентурам было направлено несколько директив по этому вопросу, в одной из них предписывалось в случае оставления пункта по причине отхода германских войск оставлять на месте прежней дислокации своих агентов для разведывательной работы.

Агенты, предназначенные для оседания, подбирались из пожилых лиц и инвалидов, не подлежащих мобилизации в армию или на трудовые работы. Обращает на себя внимание тот факт, что и разведывательные школы, перешедшие на ускоренную подготовку агентуры, в этот период вербовали ее в основном из той же категории местных жителей Восточной Пруссии. Агентура состояла либо из 15-17-летних подростков, не подлежащих мобилизации, либо из лиц 50-65 лет, в основном лесников, лесных объездчиков и зажиточных крестья.

В то же время активизировал свою подрывную деятельность в тылу наступающих войск Красной Армии разведорган «Цеппелин».

В мае — июне 1944 г. в составе «Цеппелина» был создан специальный орган для подготовки и выполнения особо важных заданий по террору, шпионажу и диверсиям в расположении советских войск. Этот орган (так называемое истребительное соединение СС) подчинялся непосредственно Гиммлеру, включая в себя главный штаб, два специальных батальона, четыре филиала и разведывательно-диверсионную школу. Его комплектовал и осуществлял оперативное руководство организатор похищения Муссолини приснопамятный оберштурмбанфюрер СС Скорцени Отто. Под его руководством осенью 1944 г. в Венгрии было захвачено и изолировано фашистское правительство Хорти, которое, чувствуя близкое поражение Гитлера, пыталось порвать с Германией (вместо него было образовано правительство другого гитлеровского ставленника — Салаши).

Для подрывной работы в тылу советских войск на территории прибалтийских республик и в северной части Польши в октябре 1944 г. было создано истребительное соединение «Восток».

Указанные и другие диверсионно-разведывательные органы со второй половины 1944 г. на территории Германии с исключительной активностью создавали материальную базу для ведения тотальной подрывной деятельности в тылу советских войск, неумолимо приближавшихся к ее границам. В Восточной Пруссии и восточных областях остальной территории Германии подготавливалось значительное количество диверсионно-террористических групп и отрядов, закладывались тайники со взрывчатыми веществами, оружием, боеприпасами и продовольствием, а также оборудовались посадочные площадки для самолетов, с помощью которых фашистская разведка рассчитывала организовать постоянное снабжение диверсионно-террористических формирований, действовавших в тылу Красной Армии.

В этот же период была широко развернута подготовка немецких диверсантов в специальных школах дислоцировавшихся в городах Кенигсберг, Алейштейн, Ландсберг, Бартенштейн, Гудштадт и др. В диверсионные отряды и группы наряду с эсэсовцами и штурмовиками отбирались солдаты из полевых частей, владевшие русским или польским языком.

Был издан приказ, призывавший немецких солдат вступать в «партизанские отряды» для действий в тылу Красной Армии на занятой ею территории Германии. Диверсионно-террористические группы также создавались в массовом количестве из участников «фольксштурма», молодежных фашистских организаций «гитлерюгенд», «юнгфольк» и женской организации «бунд-дойче-Медхен». Существовала сеть краткосрочных курсов для подготовки диверсантов из числа фашистской молодежи.

Помимо перечисленных сил и средств для решения разведывательных задач в тылу Красной Армии в более значительных масштабах, чем прежде, привлекались подразделения разбитых войск немецко-фашистской армии, оставшиеся на занятой нами немецкой территории.

14 ноября 1944 г. пограничный наряд, высланный от подразделения 86-го полка по охране тыла 3-го Белорусского фронта, в лесу Раминтен (Восточная Пруссия) в бою с группой гитлеровцев захватил пленного. Он показал, что комендант охраны дачи Геринга оставил их для разведки и создания отряда для действий в тылу советских войск. Эта группа имела три базы, две рации и регулярно передавала данные в разведывательный орган.

Силами пограничников полка и подразделений 16-го гвардейского стрелкового корпуса был организован поиск. В зарослях леса они обнаружили немецких разведчиков, возглавляемых неким Биоскодорфом. Было ясно, что не одна подобная группа действует на территории Восточной Пруссии.

То, что в тылу наших войск существует широко разветвленная и хорошо подготовленная разведывательная сеть противника, подтвердила проведенная подразделениями 157-го погранполка, охранявшего тыл 1-го Белорусского фронта, специальная операция. Были вскрыты и ликвидированы три группы разведчиков. Выяснилось, что абвер заблаговременно подготовил агентуру для оседания в тылу наших войск. Помимо разведки она должна была совершать террористические акты, взрывать мосты, выводить из строя линии связи в районе Ландсбергского узла дорог. Для связи с этими группами было подготовлено два тайных аэродрома, где могли садиться самолеты, доставлявшие боеприпасы, взрывчатку, необходимые припасы для ведения шпионажа и диверсий.

Абвер направлял в тыл наших войск не только группы, но и диверсантов-одиночек. Как показали задержанные нарядами 127-го пограничного полка диверсанты, им предписывалось связаться с разгромленными группами немецких войск и указывать им безопасный путь выхода к своим, добывать разведывательную информацию, совершать террористические акты.

Напряженная обстановка в тылу Красной Армии потребовала принятия решительных мер по усилению борьбы с диверсионно-разведывательной, террористической и другой подрывной деятельностью противника. В основном они сводились к установлению более строгого прифронтового режима: отселению из прифронтовой зоны немецкого населения; созданию системы военных комендатур; усилению комендантской службы; проведению специальных фронтовых и армейских операций по очистке тыловых районов от подозрительных лиц; усилению охраны штабов и командных пунктов, тыловых учреждений и аэродромов; повышению эффективности разведывательной деятельности; увеличению численности войск по охране тыла и уточнению их задач; выделению специальных дивизий НКВД для действий в тылу фронтов.

Для усиления непосредственной охраны и обороны всех объектов тыла 11 марта 1944 г. фронтам направляется директива начальника тыла Красной Армии о всесторонней подготовке командиров тыловых частей и органов к борьбе с дивер-

сионно-разведывательными группами противника и усилению охраны тыловых объектов.

9 мая 1944 г. Ставкой Верховного Главнокомандования командующим фронтами была направлена директива по вопросу установления режима в прифронтовой полосе. А 29 июля Государственный Комитет Обороны принял решение с выходом советских войск на территорию Польши, Румынии, Венгрии, Германии в каждом уездном, волостном центре и наиболее крупных населенных пунктах, а также на железнодорожных станциях создать военные комендатуры как органы военной и хозяйственной администрации.

27 января 1945 г. Ставкой ВГК были даны специальные указания командующим Белорусским и Украинским фронтами по вопросу борьбы с диверсионными действиями разбитых войск противника, оставшихся в нашем тылу. Решением Ставки и Генерального штаба увеличено количество пограничных полков и других частей, действовавших в армейском и фронтовом тылу, а также были привлечены для борьбы с диверсионно-разведывательной деятельностью противника части и соединения из состава войск фронтов.

Основная цель оперативно-служебной и боевой деятельности войск по охране тыла при развертывании наступательных операций заключалась в обеспечении скрытности их подготовки, наведении твердого порядка на освобожденной от гитлеровских войск территории, на фронтовых и армейских коммуникациях.

В этот период войска охраны тыла решали следующие основные задачи: обезвреживали вражескую агентуру, диверсионно-разведывательные группы и отряды, ликвидировали разрозненные группы солдат и офицеров противника, оставшихся в нашем тылу; выявляли и задерживали предателей, изменников Родины, пособников и ставленников немецких оккупантов; вели борьбу с буржуазно-националистическими бандами в западных областях Украины и Белоруссии, прибалтийских республиках и на территории освобожденных стран.

Кроме выполнения этих задач они изымали оружие, боеприпасы, военное имущество у местного населения, осуществляли контроль за поддержанием прифронтового режима на освобожденной территории и в необходимых случаях организовывали в населенных пунктах временные органы управления.

Служба войск по охране тыла фронта в наступательных операциях строилась таким образом, чтобы прикрыть, прежде всего, те районы, где готовились или велись наиболее активные боевые действия, а также направления вдоль основных фронтовых и армейских коммуникаций. Поэтому с началом наступления войск Красной Армии охрана тыла осуществлялась не по рубежам, а главным образом по важнейшим направлениям. Обычно в первом эшелоне действовали пограничные полки, батальоны которых передвигались вслед за наступающими соединениями первого эшелона.

Силы войск охраны тыла фронта, располагавшиеся во втором эшелоне и резерве, использовались для уси-

ления пограничных полков первого эшелона, проведения специальных операций по ликвидации диверсионно-разведывательных групп, отрядов и банд, а также для уничтожения групп, подразделений, а иногда и частей регулярных войск гитлеровской армии, оставшихся в тылу наступающих войск Красной Армии.

По мере приближения фронта к западной граница СССР количество войск, выделяемых во второй эшелон и резерв, возрастало. А когда наши войска в 1944 г. вступили в прибалтийские республики, западные области Белоруссии и Украины, затем перенесли боевые действия за границу, решением Ставки Верховного Главнокомандования для усиления охраны тыла фронтов были выделены части и соединения внутренних войск. Их количество определялось особенностями конкретно складывающейся обстановки и составляло от одной до трех и более дивизий в полосе одного фронта.

В общей системе служебной деятельности войск НКВД по охране тыла действующей армии значительно большее место, чем прежде, занимала такая форма действий, как специальные операции по очистке тыла. Это совокупность войсковых, оперативных, режимных мер и действий, проводимых по единому замыслу и плану в целях обнаружения и ликвидации агентуры противника, его диверсионно-разведывательных групп, отрядов, остатков разбитых войск, а также бандформирований и задержания преступных элементов.

Специальные операции проводились по решению командующего фронтом (армией) для очистки от вражеских элементов важнейших районов в полосе фронта (армии) и его тыловом районе. В отдельных случаях общие операции проводились по решению Ставки Верховного Главнокомандования.

Такие операции характеризовались многообразием решаемых задач, большим пространственным размахом, привлечением значительного количества сил и средств. Они обычно проводились в подготовительный период стратегической наступательной операции (до перегруппировки войск) и чаще всего в интересах обеспечения скрытности подготовки и внезапности ее начала.

Данные положения можно проследить на опыте специальной операции по очистке тыла 1-го Белорусского фронта.

В апреле — мае 1944 г. в тылу левого крыла войск 1-го Белорусского фронта накануне Белорусской операции, несмотря на целый ряд удачно проведенных частных операций, до конца так и не удалось парализовать активную деятельность националистических формирований, которые совершали диверсии, нападали на тыловые объекты, мелкие гарнизоны, убивали военнослужащих и работников местных партийных и советских органов.

Одновременно с этим гитлеровская разведка активно забрасывала своих парашютистов в тыл фронта с разведывательными и диверсионными целями. Если учесть, что противник после отступления оставил на нашей территории большое количество своей агентуры, то станет совершенно ясной вся напряженность обстановки, сложившейся в тылу войск фронта накануне предстоящего большого наступления.

В связи с такой обстановкой командующим фронтом на основе указаний Ставки была проведена специальная операция по очистке тыла фронта. Продолжительность операции составила 17 суток. Началась она 25 мая, за 5 суток до получения директивы Ставки о подготовке Белорусской операции, и продолжалась до 10 июня, то есть до начала перегруппировки войск фронта. Операцией охватывались войсковые, армейские и часть фронтового тыловых районов, где действовали банды буржуазных националистов. Глубина территории, на которой развернулась операция, достигла 300 км, ширина — до 100 км.

Согласно плану к проведению операции были привлечены 5 пограничных полков по охране тыла фронта, 7 полков внутренних войск, 4 кавалерийских полка и 2 отдельных стрелковых батальона полевых войск фронта. Общая численность войск, участвовавших в операции составляла более 50 тыс. человек. В распоряжение руководителя опера-

ции — начальника войск по охране тыла фронта генерал-майора Серебрякова — решением командующего фронтом выделялись разведывательная авиация и автотранспорт. Весь район операции делился на восемь секторов, в каждом из которых назначался ответственный за выполнение поставленной задачи.

В результате проведенной операции среди задержанных был выявлен 41 вражеский агент, уничтожено 536 и захвачено 2 158 бандитов, изъято у местного населения большое количество оружия и военного имущества. Как показали дальнейшие события, проведение специальной операции по очистке тыла фронта во многом способствовало обеспечению скрытности подготовки наступательной операции и успешному ее проведению.

Подтверждением этому служит признание гитлеровских генералов, захваченных в плен во время Белорусской операции. Так, командир 53-го армейского корпуса генерал-полковник Гольвитцер, его начальник штаба полковник Шмидт, командир 206-й пехотной дивизии генерал-лейтенант Хиттер на допросе заявили представителю Ставки ВГК Маршалу Советского Союза А. М. Василевскому, что все происшедшее в первые дни наступления явилось для них полной неожиданностью и представилось совершенно невероятным. Они были изумлены огромным количеством разнообразной и первоклассной техники, примененной советской стороной...

Значительное место в общей системе служебной и боевой деятельности пограничных войск по охране тыла занимала борьба с диверсионно-разведывательными группами и отрядами противника. Группы, забрасываемые по воздуху, обычно имели состав от 2 до 10 человек, другими способами — 10-30 человек; отряды насчитывали 50-100 человек, а иногда и более. Так, из 35 диверсионно-разведывательных групп и отрядов, переброшенных противником в тыл Карельского фронта, 5 имели состав от 2 до 10 человек, 29 групп и отрядов — от 15 до 100 человек, а один отряд — 600 человек. Такие группы и отряды перебрасывались пешим порядком, как правило, через промежутки в боевых порядках наших войск.

Войска охраны тыла умело вели борьбу с противником, обезвредив сотни его диверсионно-разведывательных групп и отрядов. Тактика пограничных войск по поиску и ликвидации ДРГ, отмеченная смелостью командирских решений, слагалась из комплекса оперативных мероприятий и действий пограничных нарядов, подразделений и частей: поиск, блокирование, бой. Успех такой тактики зависел от своевременного получения достоверных данных о противнике, быстрого сосредоточения необходимых сил и средств в район действий, активности и решительности при ведении поиска и боя.

Однако следует заметить, что полки, осуществлявшие охрану фронтового тыла, действовали бы гораздо успешнее, если бы имели достаточную техническую оснащенность. Заставам и батальонам, как правило, не выделялся автотранспорт. Это лишало их возможности быстро сосредоточивать силы в районах появления диверсионно-разведывательных групп, отрядов и банд, вести преследование противника в быстром темпе, своевременно выходить на пути его движения в целях окружения и уничтожения.

В период наступательных операций Красной Армии пограничникам нередко приходилось вести боевые действия по ликвидации остатков разбитых подразделений и частей противника, находившихся на освобожденной советской территории, в тылу наступающих войск. Начиная с контрнаступления под Сталинградом степень активности этих действий неизменно возрастала. Например, зимой 1942/43 г. группы вражеских солдат, оказавшихся в нашем тылу, были малочисленны, их количество исчислялось единицами или несколькими десятками. После же летних наступательных операций 1944 г. по освобождению Белоруссии и прибалтийских республик подобные группы, оставшиеся в тылу фронтов и армий, уже исчислялись многими десятками, а их численность колебалась от 100 до несколько тысяч человек.

В донесениях начальников войск по охране тыла 1-го Прибалтийского, 1-го и 3-го Белорусских фронтов в июле 1944 г. указывалось, что в результате стремительного наступле-

▲ Кенигсберг 1945

ния и глубоких обходных маневров в тылу фронтов остались многочисленные разрозненные группы противника. По данным командира партизанской бригады подполковника Леонтьева, только в лесных массивах юго-западнее Витебска скрывалось от 4 до 10 тыс. вражеских солдат и офицеров. Разрозненные группы немцев стремились пробиться за линию фронта.

Надо сказать, что с этими многочисленными группами нередко сливались крупные бандформирования, что создавало весьма сложную обстановку в прифронтовой полосе; они сжигали населенные пункты, совершали террористические акты, нападали на склады и другие тыловые объекты, взрывали мосты, вели разведку.

К борьбе с такими вражескими группами кроме войск по охране тыла военное командование привлекало дорожные, комендантские и другие тыловые части, а в ряде случаев задействовались и боевые части резерва.

Для проведения специальных операций по уничтожению многочисленных разрозненных войсковых групп противника на освобожденной Красной Армией территории Польши, ликвидации бандитских формирований, разоружения частей и подразделений Армии Крайовой и пресечения их подрывной деятельности Военным советом 1-го Белорусского фронта привлекались резервные части, несколько дивизий внутренних войск и пограничные полки по охране тыла фронта, временно сведенные в дивизии. В одну из таких дивизий, сформированных в октябре 1944 г. на базе частей по охране тыла 1-го Белорусского фронта, вошли 2, 11, 18, 98, 104-й пограничные полки и 145-й стрелковый полк НКВД. Командовал дивизией начальник войск охраны тыла 1-го Белорусского фронта генерал-майор Серебряков. Выполняя поставленную задачу, эта дивизия совместно с другими войсками принимала активное участие в операциях по очистке тыла фронта, в результате которых остатки немецко-фашистских войск были уничтожены, а подполье и вооруженные формирования Армии Крайовой — обезврежены.

Действия войск по охране тыла в составе сводной дивизии не были характерны для тактики пограничных войск. Пограничные полки редко в полном составе вступали в бой с группами разбитых вражеских войск, чаще всего такие бои велись батальонами и заставами. При ликвидации разрозненных групп немецких регулярных войск в период Белорусской наступательной операции из 114 боев, в ходе которых было уничтожено 2 036 и захвачено в плен 4 -35 немецких солдат и офицеров, только 4 боя проведены в составе основных сил полка, 29 — в составе батальона, а все остальные = заставами и укрупненными пограничными нарядами (главным образом, истребительными группами).

И надо сказать, небольшие пограничные подразделения вполне успешно вели борьбу с численно превосходящим врагом, показывая зрелое боевое мастерство.

Так, истребительная группа 7-й и 10-й застав 86-го погранполка в составе 25 человек, возглавляемая младшим лейтенантом Мартыновым и лейтенантом Богдановым, 5 июля 1944 г. провела бой по ликвидации численно превосходящей группы немцев, стремившихся прорваться к линии фронта. В бою было убито 19 гитлеровцев, среди которых оказался командир 267-й немецкой пе-

хотной дивизии генерал-лейтенант Отто Шредер...

9 июля 1944 г. 8-я застава 13-го Виленского погранполка под командованием лейтенанта Кирдищева получила данные о том, что в ближайшей роще скрывается группа гитлеровцев численностью до роты. Кирдищев решил уничтожить ее своими силами, не дожидаясь подхода поддержки. Скрытно выдвинувшись к роще, застава внезапно открыла по немцам пулеметно-автоматный огонь, после чего атаковала противника и вытеснила его на открытую местность. В ходе умело организованного преследования (с устройством засад на пути отхода немцев) пограничники полностью ликвидировали вражескую группу, уничтожив 60 и захватив в плен 29 немецких солдат и офицеров.

Вскоре 8-я застава вторично вступила в бой с превосходящими силами противника (до 300 человек). В тяжелом бою пограничники вновь вышли победителями. Офицер Кирдищев, будучи тяжело ранен, не покинул поля боя и до последнего дыхания продолжал руководить действиями заставы. Мужественный пример командира воодушевил бойцов, которые в решительной схватке уничтожили 103 и пленили свыше 50 гитлеровских солдат и офицеров.

Военный совет армии наградил личный состав 8-й заставы орденами и медалями, а начальник заставы лейтенант Кирдищев был представлен к присвоению звания Героя Советского Союза посмертно.

При освобождении Красной Армией Румынии войска по охране тыла 2-го Украинского фронта в августе-сентябре 1944 г. провели 142 боя с группами солдат и офицеров противника, оставшимися в тылу фронта после разгрома ясско-кишиневской группировки и пытавшимися прорваться через боевые порядки частей фронта для соединения со своими войсками. В результате этих боев было уничтожено и пленено более 4 тыс. вражеских солдат и офицеров. В период боевых действий в Венгрии в ходе многочисленных боев только в ноябре-декабре было уничтожено более 2 тыс., захвачено и передано на пункты военнопленных 16 840 солдат и офицеров противника.

Пограничные части по охране тыла 3-го Украинского фронта принимали активное участие в боях за Будапешт в декабре 1944 г. — феврале 1945 г., оказывая помощь фронту в ликвидации окруженной группировки в несколько тысяч человек, которая предпринимала попытки прорваться в северо-западном направлении и соединиться с основными силами немецких войск. В этих целях гитлеровцы, используя сеть канализационных трубопроводов, вышли в тыл частям Красной Армии, но были своевременно перехвачены пограничниками.

Наиболее длительные и напряженные бои в Будапеште вела 109-я отдельная маневренная группа. Получив самостоятельный участок, маневренная группа очищала от противника кварталы Буды. Личный состав вел бои за каждый отдельный дом, часто переходившие в рукопашные схватки. В итоге маневренная группа своими силами очистила от противника четыре городских квартала, приняла участие в боях по захвату многих военных предприятий. За время боев личным составом маневренной группы было уничтожено 749 и пленено свыше 4 тыс. солдат и офицеров противника, подавлены 29 огневых точек, минометная батарея, подорвано 10 машин с боеприпасами.

Успешные боевые действия отдельной маневренной группы не были случайными. Сформированные на завершающем этапе войны эти группы были укомплектованы подготовленным личным составом, имели автотранспорт и хорошее вооружение.

Примеры боевых действий пограничных полков в 1944 г. показывают, что в комплексе их задач по охране тыла уничтожение остатков разгромленных подразделений и частей противника в тылу ведущих наступление соединений и оперативных объединений Красной Армии составляло основное направление боевой деятельности. Так было в Ясско-Кишиневской операции, где боевые действия войск по охране тыла 2-го и 3-го Украинских фронтов, направленные на уничтожение и пленение остатков разгромленных подразделений и частей противника, являлись главной задачей. За период операции войсками по охране тыла этих фронтов на внешнем фронте и внутреннем кольце окружения было проведено 76 боев, в результате которых уничтожено 2 248, пленено и задержано 41 785 солдат и офицеров противника. ■

КОРЕЙСКАЯ ВОЙНА

▲ Ветераны корейской войны

Современное поколение людей о Корейской войне 1950–1953 гг. знает понаслышке и едва ли многим известно, что эта война едва не привела к мировой катастрофе. Кроме того, история зарождения конфликта на Корейском полуострове, сама Корейская война и ее последствия самым непосредственным образом связаны с современностью, с дальнейшим развитием военного искусства, особенно взглядов на ведение боевых действий в локальных войнах

Корея, оккупированная Японией в результате русско-японской войны 1904–1905 гг., должна была согласно решениям Каирской конференции союзных держав (1 декабря 1943 г.) обрести независимость. Решение это было подтверждено Потсдамской декларацией (26 июля 1945 г.). На заключительном этапе II мировой войны командования СССР и США пришли к соглашению считать 38-ю параллель разграничительной линией военных действий американских и советских войск на Корейском полуострове. В соответствии с этим решением советские войска должны были принять капитуляцию японских войск в Корее к северу, а американские войска — к югу от 38-й параллели. Таким образом, единственной целью временного раздела Кореи на две зоны было принятие капитуляции японских войск. Однако в условиях «холодной войны», которая разразилась между СССР и США практически сразу после окончания II мировой, 38-я параллель превратилась по существу в границу между Севером и Югом Кореи. Корейский вопрос обсуждался на Московском совещании министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (декабрь 1945 г.), на котором было принято советское предложение, предусматривавшее воссоединение Кореи как единого, независимого государства, формирование общекорейского правительства и создание условий для развития страны на демократических началах. Но реализация этого плана с самого начала натолкнулась на серьезные трудности.

В северной части Кореи сразу же после освобождения были ликвидированы японские органы колониального аппарата, проведена земельная реформа, национализированы промышленность, транспорт, средства связи, банки и т. д. При этом советская военная администрация способствовала созданию структуры партийной и государственной влас-

ти по образу и подобию модели, существовавшей в те годы в СССР. С другой стороны, на юге Корейского полуострова США, декларировав приверженность принципам парламентаризма и демократии, на деле способствовала установлению авторитарного режима, во всем зависимого от Вашингтона.

Поэтому при столь глубоких различиях в подходах к государственному устройству Кореи совместная советско-американская комиссия по Корее, созданная в соответствии с решением Московского совещания для практической реализации принятых решений, так и не смогла выработать приемлемую формулу образования корейского государства.

Через два года безуспешных попыток прийти к соглашению Вашингтон избрал другой путь. Рассчитывая использовать в Организации Объединенных Наций (ООН) механическое большинство голосов, находившееся в то время под американским контролем, США передали рассмотрение корейского вопроса в ООН с тем, чтобы решить его на своих условиях. В результате такой политики Соединенные Штаты сумели провести в Южной Корее выборы в национальное собрание и сформировать южнокорейское правительство во главе с Ли Сын Маном. 15 августа 1948 г. было провозглашено образование Республики Корея со столицей в Сеуле.

Объявив этот акт незаконным, власти Северной Кореи при поддержке советской военной администрации провели аналогичную работу на Севере, и 9 сентября 1948 г. была образована Корейская Народно-Демократическая Республика со столицей в Пхеньяне. Вслед за образованием КНДР Пхеньян добился объединения партийных организаций Севера и Юга в Трудовую партию Кореи (ГПК) и создал Единый демократический отечественный фронт (ЕДОФ) Кореи, основными задачами которого провозглашалась борьба за независимость и объединение страны, за немедленный вывод из Южной Кореи американских войск. Советские воинские части были выведены из Северной Кореи в конце 1947 г.

После создания ЕДОФ партизанское движение в Южной Корее, руководимое коммунистами, активизировалось. Оно сопровождалось крестьянскими восстаниями и забастовками рабочих, массовыми митингами и демонстрациями. В начале июня 1950 г. Единый демократический отечественный фронт вновь поставил вопрос об объединении страны и объявил о своем отказе рассматривать 38-ю параллель государственной границей.

По-видимому, в Пхеньяне считали: ситуация на Корейском полуострове созрела для перехода к решительным действиям в деле объединения Кореи в единое государство. При этом принималось во внимание наличие благоприятной обстановки международной обстановки. В соседнем Китае победила народная революция. 1 октября 1949 г. было провозглашено образование Китайской Народной Республики. В феврале 1950 г. Советский Союз и КНР заключили Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи. Успешное развитие экономического и военного потенциала КНДР, решающую роль в котором играла помощь со стороны Советского Союза, создавало в представлении северокорейского руководства материальную основу для объединения корейской нации.

Как реагировал на такой ход событий Вашингтон? Международная военно-политическая обстановка на Дальнем Востоке в первые послевоенные годы для США складывалась неудовлетворительно. Хотя «главный враг» — милитаристская Япония — был повергнут и США прочно утвердились в этой стране, осуществляя там фактически единоличный контроль, но пришли в движение на волне одержанной победы практически все страны и народы Восточной Азии, начался всеобщий подъем национально-освободительной борьбы. Народы стремились сбросить оковы колониализма, обрести национальную и социальную свободу. Во Вьетнаме развернулось мощное наступление против французских колонизаторов; непрекращающиеся забастовки рабочих, партизанские бои прокатились по всему югу Корейского полуострова; вели упорную борьбу за свои права японские трудящиеся.

Особенно болезненно переживали в США крах своей политики в Китае. Истратив миллиарды долларов на экономическую и военную помощь Гоминьдану, Соединенные Штаты пытались спасти коррумпированный, полностью обанкротившийся режим Чан Кайши. Однако

▲ Ли Сын Ман и Макартур

под напором китайской революции все эти усилия завершились полной неудачей. В этих условиях главная задача администрации США заключалась в том, чтобы стабилизировать положение на Дальнем Востоке, передислоцировать американские вооруженные силы таким образом, чтобы не допустить дальнейшего ухудшения своих позиций.

В руководящих кругах Вашингтона формировалось убеждение в необходимости отказа от вовлеченности в дела на материковой части Восточной Азии и закрепления на цепи островов, расположенных вдоль азиатско-тихоокеанского побережья. Объединенный комитет начальников штабов (ОКНШ) предложил, чтобы США установили «оборонный периметр» на Тихом океане вне азиатского континента, то есть определили некий рубеж для целей стратегического планирования. Это позволило бы Пентагону, исходя из имевшихся у него сил и возможностей, наметить те страны в регионе, которые он должен был защищать в случае, если они будут атакованы. В этой связи в Соединенных Штатах пришли к заключению, что Южная Корея для них стала помехой. По оценке ОКНШ, американские вооруженные силы, распыленные по всему миру, не располагали ресурсами для защиты южнокорейского режима. ОКНШ рекомендовал вывести американские войска из Кореи. Г. Трумэн одобрил эти рекомендации.

Вашингтон, сделав упор на оснащение лисынмановской армии необходимыми вооружениями и пообещав Сеулу дополнительную военную и экономическую помощь, в июне 1949 г. вывел свои боевые части из Южной Кореи. Там осталось только 500 советников.

Ли Сын Ман понимал, что без американской поддержки и военной помощи его режим неминуемо рухнет. Поэтому он яростно выступал против вывода американских войск из Южной Кореи. Когда в июне 1949 г. они все же были выведены, южнокорейский лидер всячески стремился привлечь внимание Соединенных Штатов к положению в Корее и с этой целью санкционировал сотни вооруженных провокаций в районе 38-й параллели, что потенциально могло втянуть США помимо их желания в войну. Поэтому Вашингтон стремился сдерживать агрессивные устремления Ли Сын Мана, используя в качестве рычага давления обещания дополнительной экономической и военной помощи. Именно с этой целью в Сеуле побывал Дж. Даллес, который в самый канун Корейской войны — 18 июня 1950 г. — посетил район 38-й параллели.

25 июня 1950 г. рано утром по всей протяженности 38-й параллели начались военные действия между частями КНА и лисынмановскими войсками. В этой связи возникает вопрос, который непременно фигурирует при любом рассмотрении корейской проблемы: кто первым начал военные действия, Юг или Север?

На этот счет существуют две совершенно противоположные точки зрения. Одна — северокорейская, которую официально поддержали Советский Союз, Китай и другие социалистические страны. В дальнейшем именно на этой версии базировались все действия советской дипломатии. На ней основывались публикации советской прессы, а также все работы советских обществоведов, посвященных Корейской войне, суть которых сохраняется и поныне. Другой точки зрения придерживаются США, их союзники, а также большинство афроазиатских и латиноамериканских стран.

Итак, как сообщила «Правда», 25 июня 1950 г. радио Пхеньяна передало два заявления правительства КНДР. В первом из них сообщалось, что рано утром этого дня «южнокорейская армия численностью до 10 дивизий совершила внезапное нападение на территорию Северной Кореи по всей линии 38-й параллели». Ей удалось вторгнуться на северокорейскую территорию на глубину от 2 до 3 км. Во втором сообщении говорилось: «Действуя совместно с частями Народной армии, охранные отряды республики полностью отбили атаки врагов, проникших на север от 38-й параллели, и перешли в контрнаступление». Под ударами частей Корейской народной армии лисынмановские войска оказались деморализованными

и начали отступать. Развивая наступление в глубь территории Южной Кореи, КНА через три дня заняла Сеул. К концу сентября 1950 г. части Народной армии вели боевые действия уже на самом юге Корейского полуострова у города Пусан, 95% всей территории Кореи оказались под контролем Пхеньяна.

Прямо противоположного мнения о начале военных действий в Корее придерживались США, Англия, Франция, другие западные государства. Они получили информацию о «неспровоцированном нападении» КНДР на Республику Корея от комиссии ООН в Корее, а также от посла США в Сеуле Дж. Муччо, который телеграфировал в Вашингтон, что «северокорейские войска вторглись в нескольких пунктах на территорию Южной Кореи».

Вот как излагается ход развития событий того злополучного дня в американской историографии. Рано утром 25 июня 1950 г. Северная Корея предприняла «неожиданное вторжение» в Южную Корею. 75-тысячная армия Севера устремилась через 38-ю параллель, атаковав шесть главных пунктов вдоль нее и высадив морской десант в двух пунктах на восточном побережье Южной Кореи. Северокорейское радио начало немедленно заявлять, что атака была «оборонительной» и что Южная Корея предприняла наступление, танковая колонна частей КНА продвигалась в направлении Сеула, который уже 28 июня был занят северокорейскими войсками.

Свою оценку началу Корейской войны дал и командующий американскими войсками на Дальнем Востоке генерал Д. Макартур. В телеграмме, которую он направил президенту Г. Трумэну, говорилось: нет никаких надежд, что южнокорейская армия сможет устоять перед натиском частей КНА. В телеграмме подчеркивалось: «Потери Южной Кореи, как это показали боевые действия, не свидетельствуют о соответствующих способностях к сопротивлению либо воле сражаться, и, по нашей оценке, нависла угроза полного краха».

25 июня по требованию США состоялось заседание Совета Безопасности, на котором была предпринята предложенная американской стороной резолюция, обвинившая КНДР в агрессии, т. е. нападении на Республику Корея, и представлявшая последнюю в качестве жертвы агрессии. В ней содержалось также требование о немедленном прекращении огня в Корее и выводе северокорейских войск за 38-ю параллель. 27 июня была принята еще одна резолюция, в которой содержались рекомендации членам ООН предоставить «Республике Корея такую помощь, которая может быть необходима для того, чтобы отразить вооруженное нападение и восстановить международный мир и безопасность в этом районе».

Последняя часть принятой резолюции стала основанием для расширения масштабов американской поддержки южнокорейских войск, которая накануне уже была предпринята по распоряжению администрации США. 27 июня Г. Трумэн объявил, что он отдал приказ военно-воздушным и военно-морским силам США на Дальнем Востоке

прийти на помощь Южной Корее. Он распорядился также, чтобы 7-й тихоокеанский флот, уже крейсировавший в направлении Тайваньского пролива, предотвратил любую атаку со стороны Китая на Тайвань. Одновременно Г. Трумэн приказал расширить предоставление военной помощи французским силам в Индокитае и укрепить американские войска на Филиппинах. 30 июня президент США обязал генерала Д. Макартура двинуть сухопутные войска из Японии в Корею. Он также приказал американским ВМС блокировать все корейское побережье и дал распоряжение бомбардировать территорию Северной Кореи. Вмешательство Соединенных Штатов в военные действия на Корейском полуострове приняло всеобъемлющий, полномасштабный характер. 7 июня американская администрация провела в Совете Безопасности новую резолюцию, в которой содержались положения о представлении членами ООН вооруженных сил и иных средств в распоряжение объединенного командования под руководством США, о просьбе к Соединенным Штатам назначить командующего такими силами и об использовании флага ООН в ходе боевых действий в Корее. Это решение Совета Безопасности поддержали 53 государства. Однако только 15 из них, связанные союзническими соглашениями с Вашингтоном или находившиеся в сильной зависимости от США, послали свои вооруженные силы в Корею. Более того, две трети «войск ООН» составляли американские военнослужащие (ВВС — 93,4%, ВМС — 85,9%, сухопутные силы — 50,3%). 8 июля Г. Трумэн назначил генерала Д. Маркартура командующим войсками ООН в Корее.

Советский Союз в это время не принимал участия в работе Организации Объединенных Наций. Дело в том, что после образования Китайской Народной Республики СССР энергично поддерживал требование китайского правительства об изгнании из Совета Безопасности представителя Чан Кайши и его замене представителем Народного Китая. Однако США и их сторонники отказались допустить в ООН представителя КНР. В знак протеста против этой незаконной акции советский представитель в ООН Я. Малик 13 января 1950 г. заявил, что Советский Союз не будет участвовать в работе Совета Безопасности и других органов ООН и признавать их решения до тех пор, пока чанкайшист не будет изгнан из Организации Объединенных Наций. Этот демарш (в последующем названный «кардинальной русской ошибкой») открыл пять месяцев спустя путь к объединению ООН против Северной Кореи. После начала Корейской войны и вмешательства в нее США правительство СССР

▲ Янки в Корее

сочло необходимым возобновить свое участие в Совете Безопасности, и 1 августа 1950 г. советский представитель занял в нем свое место.

Таким образом, с точки зрения международного права столкновение Севера и Юга в начальный период носило характер внутреннего конфликта между противостоящими друг другу различными частями одной нации, т. е. это была гражданская война. Однако Соединенные Штаты вмешались во внутрикорейские дела, что стало актом открытой агрессии, в корне меняло характер разразившейся на Корейском полуострове гражданской войны.

К военным действиям готовились и Юг, и Север. США создали и вооружили южнокорейскую армию. В Северной Корее с помощью Советского Союза была создана Корейская народная армия. Вооруженные стычки вдоль 38-й параллели происходили с разной степенью интенсивности и до 25 июня 1950 г. Особенно часто они случались в 1949 — первой половине 1950 г., исчисляясь сотнями. Иногда в этих стычках участвовало более чем по тысяче человек с каждой стороны.

Политические деятели Севера и Юга, пользуясь терминологией «холодной войны», предавались недипломатической риторике, обвиняя друг друга в предательстве интересов корейского народа. При этом в Сеуле звучали провокационные призывы «объединить нацию» силой оружия, имевшие своей целью поддержание напряженности на Корейском полуострове с тем, чтобы вначале (до июня 1949 г.) не допустить или замедлить вывод американских войск из Южной Кореи, а позже — добиваться от США получения максимально возможной военной и экономической помощи.

В настоящий момент на основе имеющихся у исследователей данных невозможно абсолютно точно установить, было ли осуществлено нападение южнокорейских войск с углублением на территорию КНДР до 2–3 км, как утверждал Пхеньян, или имела место неспровоцированная агрессия Севера, как заявляли Сеул и Вашингтон. Анализируя происшедшее, важно иметь в виду следующее. До 25 июня 1950 г. вооруженные столкновения разной степени ожесточенности исчислялись сотнями, однако никогда не вызывали столь масштабной реакции КНДР. Можно утверждать, что даже в том случае, если имела место провокация со стороны Сеула, реакция Пхеньяна была неадекватной, она далеко выходила за рамки «отпора» или «наказания». Следовательно, на этот раз было принято политическое решение начать вооруженные действия по всей 38-й параллели. Ведь такая акция требует тщательной подготовки: накопления достаточных сил,

КНДР, будучи зависимой в экономическом и военном отношении от Советского Союза, конечно же, не могла не согласовать свою политику с Москвой. Какие-либо серьезные политические решения, которые принимались бы корейскими руководителями в те годы сепаратно, думается, исключались. Это в полной мере относится и к военным действиям против Южной Кореи.

Можно предположить, что Сталин, оценивая военно-политическую обстановку на Дальнем Востоке, полагал возможным достичь быстрой победы и добиться объединения Севера и Юга военным путем. На фоне убедительной победы китайской революции 1949 г., когда Народно-Освободительная Армия Китая разгромила чанкайшистские войска, пользовавшиеся огромной военной помощью со стороны Соединенных Штатов, Сталин, видимо, считал, что того же можно достичь и в Корее. При этом предполагалось, что США не решаться прямо вмешиваться в вооруженный конфликт, слишком сокрушительным выглядело их поражение в Китае, да и в американском обществе существовал своего рода «китайский синдром».

Бывший советский руководитель Хрущев в своих воспоминаниях утверждал, что Ким Ир Сен сумел убедить Сталина в том, что революционная ситуация на Юге Кореи созрела. Там, мол, только ждут сигнала с Севера, чтобы свергнуть Ли Сын Мана. Но верить этому политическому проходимцу и авантюристу, скрытому троцкисту нельзя.

Анализ опубликованных в то время документов позволяет достаточно ясно представить себе советские подходы к корейской проблеме. Так, в заявлении заместителя министра иностранных дел А. А. Громыко

▲ Мао Цзедун и И.В. Сталин, 1949 г.

об американской вооруженной интервенции в Корее от 4 июля 1950 г. говорилось, что «корейцы имеют такое же право устроить по своему усмотрению свои внутренние национальные дела в области объединения Юга и Севера в единое национальное государство, какое имели и осуществили североамериканцы в 60-х годах прошлого века, когда они объединили Север и Юг в единое государство».

Однако Соединенные Штаты все же вмешались в корейские дела, кардинально отойдя от выработанной ранее стратегии «сдерживания коммунизма» в Азии.

Какими же обстоятельствами определялись действия Вашингтона в отношении событий в Корее? Отбросим как пропагандистские и риторические заявления американских деятелей о «защите свободы и демократии» в Корее от происков коммунистов, что лежало в основе обоснования вмешательства США в корейский конфликт. С точки зрения реальной политики Белый дом, видимо, пришел к заключению, что после «потери» Китая возможность образования единого корейского государства, дружественного Советскому Союзу, неминуемо создаст серьезную угрозу американским интересам в Японии, крайне затруднит положение Соединенных Штатов в азиатско-тихоокеанском регионе. Нависла угроза краха всей азиатской политики США.

Пытаясь предотвратить полное поражение лисынмановских войск, США 15 сентября высадили десант в тылу КНА в районе Инчхона (16 миль от Сеула) — 50 тыс. пехоты с танками и артиллерией. Высадку десанта прикрывали 800 самолетов и 300 военных кораблей. Одновременно американское командование подготовило контрудар на Пусанско-Тэгуском плацдарме, где против 70-тысячной северокорейской армии были сосредоточены вдвое большие силы войск ООН (читай США). В результате этих действий части КНА попали в трудное положение, многие из них были окружены и вынуждены с тяжелыми боями прорываться на Север, неся большие потери.

Тем временем США, предвкушая скорую победу, добивались на 5-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН согласия последней на переход «войсками ООН» 38-й параллели. Это в действительности давало им карт-бланш на захват всей территории КНДР. Развивая наступление, американские войска в октябре 1950 г. вышли в отдельных местах к пограничным с Китаем рекам Яла и Тумынь, что создавало непосредственную угрозу безопасности Китайской Народной Республики.

КНР не могла смириться с перспективой установления на Корейском полуострове американского

▲ Янки в Корее

▲ Пэн Дехуай

▲ Китайские добровольцы

контроля, т.е. с возможностью появления враждебных сил на китайско-корейской границе протяженностью 700 км. Поэтому 25 октября 1950 г. китайские добровольцы были направлены в Корею и присоединились к частям КНА. После упорных оборонительных боев, Корейская Народная Армия и китайские добровольцы (Китайские народные добровольческие войска) под командованием маршала Пэн Дэхуая отбросили противника, и перешли в контрнаступление. Американо-южнокорейские войска, понеся большие потери, начали отступать. К середине декабря 1950 г. территория КНДР была освобождена.

В дальнейшем военные действия развивались с разной степенью интенсивности, а с середины 1951 г. стабилизировались на 38-й параллели, т.е. примерно там, где они и начались 25 июня 1950 г.

Ноябрьско-декабрьское (1950 г.) поражение американских войск в Корее вызвало взрыв истерии среди военных, импульсивные и мало продуманные рекомендации «сумасбродного генерала», командующего силами ООН Д. Макартура. Он разработал программу «решительных действий», которая, по словам генерала, должна была быстро привести к победоносному завершению войны. Для этого он предложил перенести военные действия на китайскую территорию, используя стратегическую авиацию для бомбардировки военных и промышленных объектов в Маньчжурии, а также перекрытия путей снабжения китайской армии со стороны СССР. Макартур настаивал на необходимости полностью заблокировать китайское побережье. Он считал возможным использовать чанкайшистские войска для ведения военных действий на юге Китая, а также на корейском фронте.

Однако президент Г. Трумэн, госсекретарь Д. Ачесон, министр обороны Д. Маршалл (сменивший Л. Джонсона в октябре 1950 г.) не решились приступить к осуществлению этих опасных планов. В правящих кругах США развернулась длительная и острая дискуссия, так называемый большой спор. Как бы подытоживая его, председатель ОКНШ О. Брэдли заявил, что если бы было осуществлено предлагавшееся Макартуром распространение войны на Китай, то это вовлекло бы США «не в ту войну, не в том месте, не в тот момент и не с тем противником».

Американская администрация, оценивая возможные последствия нападения на КНР, принимала в расчет наличие Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи, подписанного СССР и Китаем 14 февраля 1950 г. Сколь серьезное значение придавалось в США наличию этого договора, свидетельствуют многочисленные высказывания высших руководителей этой страны, а также ведущих американских исследователей. Вот что писал по этому поводу Г. Трумэн: «Без сомнения, мы достигли момента, когда надо было принимать серьезное решение. Если бы мы избрали путь разжигания войны в отношении Китая, нам следовало бы ожидать возмездия. Пекин и Москва были союзниками как идеологически, так и по договору. Если бы мы напали на коммунистический Китай, то должны были ожидать русского вмешательства».

Рассуждения американских стратегов в общем виде сводились к следующему: США пока не готовы к «большой» войне с Советским Союзом. По их оценкам, у Соединенных Штатов не было для этого достаточного количества войск и ресурсов. Положение в Европе характеризовалось как нестабильное, западноевропейские союзники США испытывали большие экономические трудности и без американской поддержки были уязвимы, НАТО нахо-

дилась только в зародыше. Поэтому главная опасность для США заключалась в возможности потерять Западную Европу, которая якобы легко могла попасть в руки Советов. Кроме того после переброски американских сухопутных частей с Японских островов на корейский театр военных действий уязвимой оставалась Япония, которая входила в «периметр безопасности» США и потеря которой для них также считалась неприемлемой.

В этой связи Белый дом не решился расширить масштабы войны в Корее и отверг рекомендации Макартура по перенесению военных действий на территорию Китая, что неминуемо вызвало бы полномасштабную войну с КНР и вынудило Советский Союз в силу союзнических обязательств с этой страной встать на сторону Китая. «Генерал Макартур был готов пойти на риск всеобщей войны, — свидетельствует Трумэн. — Я не был готов к этому».

Отстаивая свою позицию, Д. Макартур активно выступал в прессе, от имени США делал заявления для печати, обращался с разного рода предложениями и даже ультиматумами к корейско-китайскому командованию, иногда в противовес официальной точке зрения Вашингтона, что вызвало крайне негативную реакцию Белого дома, поэтому 11 апреля 1951 г. генерал Д. Макартур был смещен со всех командных постов на Дальнем Востоке.

Следует отметить, что американсканские правящие круги допустили огромный дипломатический просчет в отношении оценки возможности включения в Корейскую войну воинских частей Китайской Народной Республики. 2 мая 1951 г. на слушаниях в американском конгрессе впервые было оглашено содержание беседы Г. Трумэна и Д. Макартура, которая состоялась в середине октября 1950 г. на острове Уэйк. Из нее следовало, что президент США был введен в заблуждение утверждениями командующего силам ООН по вопросу о возможности вмешательства КНР в Корейскую войну.

В сообщении отмечалось, что Китай вряд ли сможет переправить через пограничную р. Яла из Маньчжурии войска численностью более 50–60 тыс. человек. При этом он утверждал, что американская авиация сможет «искромсать» их до того, как они достигнут Пхеньяна.

Однако в действительности события развивались по-иному. По американским оценкам, численность отрядов китайских добровольцев составила 200 тыс. человек и вооружены они были первоклассными советскими танками, реактивным оружием, в небе Кореи появились лучшие по тем временам истребители МиГ-15, что позволило дать противнику сокрушительный отпор, а затем прочно удерживать позиции вдоль 38-й параллели вплоть до подписания Соглашения о перемирии.

Вопрос о прекращении огня в Корее встал на повестку дня международной жизни практически с первых дней Корейской войны. Вначале этого потребовали США и их сторонники в Совете Безопасности, а затем и Советский Союз, когда вмешательство Соединенных Штатов и войск ООН в гражданскую войну в Корее стало свершившимся фактом.

После ноябрьско-декабрьского поражения американских войск (войск ООН) и стабилизации военных действий вдоль 38-й параллели в Соединенных Штатах стали раздаваться голоса о необходимости поисков путей к установлению мира в Корее. В этих условиях Я. Малик, выступая 23 июня 1951 г. в Нью-Йорке с речью по радио, предложил в качестве первого шага мирного урегулирования корейского конфликта приступить к переговорам о прекращении огня и перемирии. На этот раз США, убедившись в невозможности одержать победу военным путем, согласились на переговоры, которые продолжались почти два года. 27 июня 1953 г. Соглашение о перемирии в Корее было подписано.

Каковы основные итоги и уроки Корейской войны? Что удалось достигнуть вовлеченным в нее противоборствующим сторонам?

Прежде всего, нужно подчеркнуть, что война закончилась практически на тех же позициях вдоль 38-й параллели, где она разразилась. Ни Северу, ни Югу не удалось с помощью кровопролитных сражений военным путем завершить «объединение родины» на своих условиях, добиться реализации своих классовых интересов. Вспомним, что за каждой из воюющих сторон стояли великие державы, принадлежащие к различным социальным системам. Это означало, что первая послевоенная «проба сил» в локальном военном конфликте между ними никому не принесла политических дивидендов. Соотношение сил на мировой арене сложилось таким образом, что ни одна из великих держав не располагала больше возможностями безнаказанно проводить в жизнь свои великодержавные замыслы. К сожалению, этот исторический урок вскоре был забыт, и Соединенные Штаты ввязались в гражданскую войну во Вьетнаме.

«Ограниченная война» в Корее привела к огромным человеческим потерям всех вовлеченных в нее государств. По официальным американским данным, в Корейской войне США потеряли 54 246 человек убитыми и 103 284 человека ранеными. Потери китайских частей, включая раненых, составили около 1 млн человек.

Но самые страшные потери понес корейский народ: погибло 9 млн человек, их них 84% — мирные жители.

▲ Ким Ир Сен

Что касается советских людей, то известно, что потери 4-го истребительного авиационного корпуса участвовавшего в боевых действиях на Корейском полуострове, составили 120 летчиков. Но из литературных источников, в том числе мемуарных, известно, что во время Корейской войны гибли наши советники, связисты, медработники, дипломаты, другие специалисты, оказывавшие помощь народной Корее.

Следующий итог Корейской войны — резкое усиление милитаристских тенденций во всем мире, скачкообразный рост военных расходов, возрастание до критических масштабов международной напряженности не только на Дальнем Востоке, но прежде всего в Европе, на Ближнем и Среднем Востоке.

По официальным данным американской статистики, с 1949 по 1953 г. военные ассигнования США выросли с 12,9 млрд долл. (32,7% бюджета) до 50,4 млрд (67,8% бюджета). Всего же за 1950–1953 гг. на военные цели было истрачено 130 млрд долл., т. е. почти на 50 млрд больше, чем в предшествующем четырехлетии. Численность вооруженных сил США за три года войны увеличилась на 2 млн человек. К ее концу в американской армии находилось 3,6 млн человек.

Таким образом, война в Корее детонировала переход Соединенных Штатов на военное положение, перевод ее экономики на военные рельсы. Это привело к существенному росту военного потенциала США. Резко возросла агрессивность Вашингтона, который все в большей мере стал опираться на военно-силовые методы разрешения международных проблем.

Конфликт на Корейском полуострове оказал самое непосредственное воздействие на всю глобальную систему международных отношений, способствовал активизации деятельности НАТО, что привело к усилению напряженности в Европе. «Холодная война» между Западом и Востоком, а точнее — между США и СССР достигла своего апогея.

▲ Пленные американцы

Вполне естественно, что в этих условиях Советскому Союзу для сохранения военного паритета также пришлось резко увеличить расходы на оборону. И это в то время, когда мы только-только стали выбираться из руин Великой Отечественной войны.

Войну в Корее, в целях лучшего понимания развивавшихся событий, по характеру боевых действий сторон и военно-политических результатов можно подразделить на четыре этапа.

Первый этап — начало войны, наступление Корейской Народной Армии (КНА) до р. Нактонган (25 июня — 14 сентября 1950 г.)

Второй этап — контрнаступление американских и южнокорейских войск и выход их в северные районы КНДР (15 сентября — 24 октября 1950 г.)

Третий этап — вступление в войну китайских народных добровольцев (КНД). Отступление американских и южнокорейских войск из Корейской Народно-Демократической Республики. Боевые действия войск сторон в районах, прилегающих к 38-й параллели (25 октября — 9 июля 1951 г.)

Четвертый этап — боевые действия сторон в ходе переговоров о перемирии (10 июля 1951 г. — 27 июля 1953 г.)

КРАТКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАЙОНА БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ

Боевые действия в Корее велись на территории полуострова Корея и прилегающих к нему островов. Корея омывается тремя морями: Желтым, Японским и Восточно-Китайским. На севере она граничила с Советским Союзом по р. Тумыньцзян (15 км) и с Китайской Народной Республикой по р. Ялуцзян (885 км). От японских островов Хонсю и Кюсю Корея отделена Корейским и Цусимским проливами, ширина которых в самой узкой части достигает 210 км.

Протяженность территории Кореи с севера на юг — 800 км, ширина полуострова — 200–300 км. Общая площадь полуострова достигает 221 тыс. кв. км, в том числе многочисленные острова (около 3,5 тыс.) занимают более 5 тыс. кв. км. На Корейскую Народно-Демократическую Республику приходится около 47% общей площади страны.

Численность населения Кореи к 1950 г. достигала 30 млн человек, из которых 98% составляли корейцы. До 85% населения занималось сельским хозяйством, остальные проживали в городах. Из общего числа населения более 10 млн человек проживало в КНДР.

Большую часть поверхности Кореи занимают горы — Северо-Корейские, Хокудайхо и Восточно-Корейские. Горы невысокие, но с каменистыми крутыми скатами, с узкими долинами. К морским побережьям горы понижаются и более доступны для боевых действий войск.

Северо-Корейские горы высотой в 1500–2000 м являются самой мощной естественной преградой в северных районах Кореи. Основными проходами для войск в горах служили долины рек Чандзинган, Токноган и Чёнчёнган.

Горы Хокудайхо высотой 400–1200 м скалисты и труднопроходимы. Они представляют собой крупную естественную преграду, прикрывающую Пхеньянскую равнину со сто-

роны морского побережья на участке Вонсан, Хамхын.

Восточно-Корейские горы расположены в основном в Южной Корее. Главные хребты этих гор вытянуты вдоль восточного побережья на 500 км.

Наиболее доступным для боевых действий войск являлось западное побережье. Здесь находятся самые обширные в Корее равнины — Пхеньянская, Сеульская, Кунсанская. Поверхность равнин холмистая, с многочисленными низкогорными (300–700 м) кряжами, командующими над окружающей местностью. Низкие и ровные участки заняты рисовыми полями. Побережье сильно изрезано глубоко вдающимися в сушу заливами. Прибрежная полоса моря мелководна, с многочисленными островами. Высота приливов — 3–6 м, а местами — 9–10 м. Приливы и отливы, чередующиеся через каждые 6 ч 25 мин, то затопляют, то обнажают широкую (до 10 км) прибрежную полосу. Это сильно затрудняло как оборону побережья, так и высадку морских десантов. Важными портами, в районе которых осуществлялась высадка крупных морских десантов, являлись Нампхо, Инчхон, Кунсан.

Южное побережье также сильно изрезано заливами, но в отличие от западного более гористо; прибрежная полоса моря глубже, приливная волна меньше, отливные течения слабее. Здесь находится самый крупный порт Кореи — Пусан, связанный с японскими портами железнодорожным паромом.

Восточное побережье — самое гористое, слабо изрезанное заливами; море у берегов глубокое, приливная волна небольшая (1–2 м). К берегу могли подходить корабли всех классов, как для высадки морских десантов, так и для поддержки сухопутных войск огнем корабельной артиллерии. Однако гористый характер побережья затруднял непосредственную высадку десантов на берег и развитие ими успеха. Наиболее удобным для высадки морских десантов являлся участок побережья от Вонсана до Хамхына длиной 120 км, где местность на глубину до 40 км от берега преимущественно равнинная и холмистая.

Реки Кореи с быстрым течением и каменистым дном. Режим рек весьма неустойчивый. С сентября по май многие реки пересыхают или мелеют, а в период сильных дождей — с июля по август — становятся многоводными, бурными, иногда затопляют долины. Реки замерзают на севере с ноября по март, на юге — с декабря по январь. Весенние паводки небольшие. Только в период сильных дождей реки представляют серьезное препятствие для войск. Долины рек в большинстве узкие, лишь на отдельных участках они расширяются до 3–5 км и более и становятся доступными для широкого использования боевой техники на механической тяге.

Большие реки Кореи — Чёнчёнган, Тэдонган, Ханган, Кымган и Нактонган — в своем среднем и нижнем течении являются крупными естественными преградами для войск. В устьях они образуют широкие ли-

маны, которые на несколько километров в глубь территории подвержены морским приливам, дважды в сутки повышающим уровень воды, а при отливах увеличивающим скорость течения до 3–5 м/с. Эти особенности в режиме рек сильно влияли на организацию и устройство переправ, усложняли эксплуатацию наплавных мостов и паромов. Кроме того, на подходах к рекам образовывалось много залитых водой пространств, которые затрудняли выход войск к берегам рек.

Вода в реках и озерах Кореи, за исключением дождливых дней, чистая, годная для питья.

В Корее преобладают скальные грунты, затрудняющие подготовку местности в инженерном отношении. Грунты из песка, гравия и гальки залегают в долинах и на равнинах. Глинистые грунты находятся на плоских участках равнин; илистые, топкие почти весь год грунты — на рисовых полях и болотах. Инженерные работы на равнинах были затруднены высоким уровнем грунтовых вод, повышающимся после сильных дождей.

На равнинах, в горных долинах и в котловинах преобладает безлесная местность. Здесь много рисовых заливных полей, на холмах местами растет кустарник, имеются небольшие рощи. Горы Северо-Корейские и Хокудайхо покрыты густым лесом. Южнее 38-й параллели лесов мало, поэтому здесь войска испытывали нужду в топливе и древесном строительном материале.

Климат Кореи в значительной степени зависит от муссонов — ветров, дующих зимой с материка в океан, а летом — с океана на материк. Поэтому зима в Корее относительно сухая, с большим количеством ясных дней, чем лето; лето — влажное, дождливое, пасмурное и теплое, а на юге — жаркое. Летом выпадает до 80% годовых осадков. Средняя температура января на севере составляет — 12°, на юге — около 0° и выше.

Климат оказывал существенное влияние на боевые действия войск. Обилие осадков, выпадающих большей частью летом, затрудняло использование боевой техники: глинистые грунты и насыпные дороги на рисовых полях находились в непроезжем состоянии; увеличивалась сложность форсирования рек, которые становились многоводными и с быстрым течением; на аэродромах без искусственных взлетно-посадочных полос исключались взлет и посадка самолетов; повышался уровень грунтовых вод, что угрожало затоплением инженерных сооружений. Высокая влажность воздуха и частые дожди способствовали возникновению в войсках заболеваний, а высокая температура на юге Кореи вызывала тепловые удары.

В Корее имеется сравнительно густая для горной местности сеть дорог — железных и автомобильных — и, кроме того, много вьючных троп. Важнейшими узлами дорог являются Сеул и Пхеньян. Дороги проходят главным образом по долинам рек. На дорогах много мостов, туннелей, крутых поворотов и больших уклонов.

Железные дороги Кореи преимущественно однопутные; ширина колеи — 1435 мм (уже российской

колеи на 89 мм), пропускная способность — 8–18 пар поездов в сутки, состав поезда — 8–15 четырехосных вагонов, вес поезда — 240–450 т (нетто). Двухпутная дорога имеется всего одна: Синыйчжу, Пхеньян, Сеул, Тайгу, Пусан (950 км); ее пропускная способность — около 40 пар поездов в сутки, состав поезда — 26–36 четырехосных вагонов, вес поезда — 800–1100 т (нетто), средняя техническая скорость движения поездов 40 км/ч.

Из северных районов КНДР к 38-й параллели и далее на юг проходят две железные дороги (из них одна двухпутная) общей пропускной способностью 56 пар поездов в сутки. Эти дороги связаны между собой несколькими рокадами и ветками с морскими портами. К Советскому Союзу из Кореи подходила одна железная дорога, пропускная способность которой равнялась 16 пар поездов в сутки. С Китайской Народной Республикой Корея связана тремя железными дорогами общей пропускной способностью 63 пары поездов в сутки. Для связи с японскими железными дорогами от порта Пусан имелись железнодорожные паромы. Железная дорога, проходящая по восточному побережью, на многих участках была подвержена обстрелу корабельной артиллерии.

Автомобильные дороги Кореи имеют прочное основание, но ширина полотна даже на небольших участках различна: на равнинах — 5–8 м, в горах — 4–4,5 м, на перевалах — 2,5–3 м. Крутые и узкие повороты на дорогах, а также большие уклоны ограничивали скорость движения автомашин до 10 и даже 5 км/ч. Мосты на дорогах прочные, преимущественно железобетонные, грузоподъемностью 30–60 т, деревянные мосты имели грузоподъемность 10–30 т. Через рисовые поля дороги проложены по насыпям.

Из северных районов КНДР через 38-ю параллель до южного побережья страны проходили три автомобильные дороги. Рокадные дороги, связывавшие морские порты западного и восточного побережий, имелись через 60–80 км. С Советским Союзом Корея была связана одной, с Китайской Народной Республикой — девятью автомобильными и улучшенными грунтовыми дорогами.

Средства связи в Корее в основном были развиты хорошо. Вдоль основных коммуникаций от северной государственной границы до южных портов страны проходили две главные линии проводной связи емкостью на разных участках 10–48 проводов. Кроме того, вдоль железных дорог были проведены линии связи емкостью 8–13 проводов. Более 10 проводных линий пересекало полуостров с запада на восток, связывая морские порты; емкость этих линий составляла 2–12 проводов. Города Синыйчжу и Пусан, Сеул и Вонсан связаны подземными кабелями.

Южные порты Кореи — Пусан, Масан — и о. Чэчжюдо связаны с японскими островами Хонсю, Рюкю и Цусима морскими подводными кабелями. Подводные кабели проложены также между Вонсан и Мацуэ (Япония), Сунчхон и Дальний (Китай).

Сравнительно хорошо была развита в Корее радиосвязь. Мощность большинства радиостанций составляла 0,25–5 кВт. Наиболее крупные узлы связи имелись в Пхеньяне, Сеуле, Пусане, Чинчжу, Тэчжоне и Тайгу.

В Корее было около 96 аэродромов и 30 посадочных площадок общей емкостью 2400 боевых самолетов. Из общего числа аэродромов в Южной Корее находилось 60 аэродромов, из них 30 с искусственными взлетно-посадочными полосами, в том числе 9 для базирования тяжелых бомбардировщиков. На некоторых аэродромах имелись по две бетонные или асфальтовые взлетно-посадочные полосы, авиамастерские, система слепой посадки, большие склады ГСМ и боеприпасов. Кроме того, в Южной Корее было 16 посадочных площадок. Большинство аэродромов построено на равнинах — у железных и автомобильных дорог и у морских портов.

Наиболее благоприятный период для полетов и боевой деятельности авиации — октябрь — март, когда устанавливается относительно сухая и ясная погода. Визуальная и радиолокационная ориентировка в Корее облегчалась береговой линией моря, островами, дорогами, городами и хребтами. Контрастная местность позволяла успешно применять панорамные радиолокационные прицелы. Вместе с тем при полетах следовало постоянно учитывать наличие морских приливов и отливов, которые резко изменяли конфигурацию берегов материка и островов.

Населенные пункты в Корее преимущественно сельского типа, дома глинобитные или из камня, крыши

соломенные или черепичные, улицы кривые и узкие. Городов мало, большинство их расположено на морском побережье. В центрах городов улицы широкие, дома двух — и четырехэтажные, окраины мало отличаются от деревень.

Корея — преимущественно сельскохозяйственная страна. В предвоенные годы в стране собиралось около 4,2 млн т риса, 1,2 млн т ячменя, 0,9 млн т проса, 0,7 млн т бобов, 0,4 млн т пшеницы, 0,8 млн т картофеля. Рис и ячмень возделываются главным образом на равнинах южного и западного побережий, пшеница и просо — на Пхеньянской равнине, овощи — всюду. В Южной Корее урожай этих продуктов собирается дважды в год. Животноводство в Корее было развито слабо, поэтому товарная продукция мяса не превышала 200 тыс. т в год.

В Корее добывался каменный уголь, железная руда, вольфрам, обнаружены залежи урановых руд (в районах Кусон и Чорон).

Мощность всех электростанций Кореи в 1944 г. составляла около 1,5 млн кВт. Электроэнергии вырабатывалось 3,2 млрд кВт-ч, из которых 92% приходилось на Северную Корею. Самая крупная гидростанция — Супундонская, расположена на р. Ялуцзян.

Металлургия сосредоточена главным образом на севере страны, в городах Ченгчжин, Ким Чак (Сенгчжин), Сеул, Пусан.

В Корее была развита химическая и судостроительная промышленность, в меньшей степени — металлообрабатывающая, текстильная и машиностроительная. Основные химические заводы расположены в Северной Корее.

В целом территория Кореи с ее горным рельефом и относительно развитой дорожной сетью позволяла проводить фронтовые и армейские операции во взаимодействии с авиацией и военно-морским флотом. Преобладающая в стране горная местность затрудняла в ходе боевых действий широкое использование бронетанковых войск, артиллерии на мехтяге, а также автотранспорта.

Боевые действия в войне 1950–1953 гг. развертывались по трем направлениям: западному, центральному и восточному.

Западное направление — Пхеньян, Сеул, Кванчжу — отличалось большей емкостью. Протяженность его составляла 500 км. Обширные равнины этого направления — Пхеньянская, Сеульская и Кунсанская — доступны для широкого использования всех родов войск, а также организации маневра с целью захвата с ходу речных рубежей, проходов в горах, городов и портов. На западном направлении, в полосе шириной 90–120 км, — наиболее плотное население. Здесь расположены крупные города Пхеньян, Сеул, имелась самая густая сеть дорог, и находились важные порты — Нампхо, Инчхон, Кунсан, Мокпхо. В полосе этого направления имелась одна железная, три автомобильные дороги и много рокад.

Центральное направление — Чорон, Чунчжу, Тайгу, Пусан — выводило к крупнейшему порту Кореи — Пусан. Протяженность направления — 360 км, ширина — 75–120 км. Гористый характер местности этого направления в ходе боевых действий ограничивал возможность использования танков. Только местность Нактонганской долины позволяла широко маневрировать всеми родами войск. В полосе этого направления имелись одна железная и одна-две автомобильные дороги.

Восточное направление проходило вдоль всего восточного побережья Кореи, ширина его не более 35–50 км. Эта полоса заполнена крутыми труднопроходимыми отрогами гор с небольшими равнинными участками в устьях рек, в пределах которых и развертывались боевые действия частей и соединений. ■

Ю.Н. ТИХОНОВ

КАК РАЗРЕШИТЬ АФГАНСКУЮ ПРОБЛЕМУ

Окончание, начало в № 9 ВИА

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ ПОХОД НА БУХАРУ

Главной целью Германии и ее союзников в Афганистане было превращение этой страны в плацдарм подрывных акций не только против Индии, но и против советских Среднеазиатских республик. Самоуверенность Гитлера, верившего в успех блицкрига, роковым образом сказалась на деятельности абвера в Северном Афганистане: вплоть до начала 1942 г. Берлин не отдавал приказа на создание агентурной сети в этом районе. В итоге немцами была упущена возможность использовать басмачество против СССР.

Фашистская Италия, в свою очередь, наотрез отказывалась осуществлять какую-нибудь шпионско-диверсионную деятельность против советского Туркестана. Ее спецслужбы были заинтересованы, в первую очередь, в ослаблении военного потенциала Британской империи, поэтому они так старались спровоцировать вооруженный мятеж в зоне пуштунских племен.

Милитаристская Япония, наоборот, в течение многих лет стремилась взорвать мир на южных рубежах СССР, но еще до начала Великой Отечественной войны получила достойный отпор от советской разведки. В результате, несмотря на широкие связи японцев среди среднеазиатских эмигрантов, спецслужбы Страны восходящего солнца оказались младшим партнером германской разведки в Афганистане. А абвер не спешил создавать немецкую «пятую колонну» на севере этой страны, хотя для этого у него были все условия.

После установления Советской власти в Средней Азии вдоль советско-афганской границы возник так называемый «басмаческий пояс», в котором проживало несколько сот тысяч среднеазиатских эмигрантов, многие в прошлом активно боролись против большевиков и были готовы при первом удобном случае вновь взяться за оружие.

К моменту заключения между Германией и Японией в 1936 г. Антикоминтерновского пакта лидерам басмачества в Северном Афганистане удалось сохранить свои вооруженные формирования. После разгрома в 1931 г. банд Ибрагим-бека басмаческие вожаки рассредоточили свои отряды, но сделали все возможное и невозможное, чтобы сохранить их вооружение. Афганские власти, желая избежать кровавых столкновений с эмигрантами из Средней Азии, удовлетворили почти все просьбы их лидеров.

В каждом приграничном селении в афганском Туркестане руководителям басмаческого движения и их приближенным афганское правительство выделило участки земли. В результате этого к моменту нападения фашистской Германии на Советский Союз всего вблизи от советско–афганской границы проживало несколько десятков тысяч вооруженных басмачей: в кишлаках к западу от Герата осели сторонники Джунаид-хана; населенные пункты Карамкуль, Алты-Булак, Доулетобад, Андхой, Курган превратились в центры туркменской эмиграции; в районе Файзадаба, Шугнана, Баглана и Бадахшана расселились таджикские, узбекские, киргизские и казахские эмигранты.

В одном из докладов советского консульства в Мазари– Шарифе в Москву сообщалось о тревожной ситуации на советско-афганской границе: «Так или иначе, но банды (басмачей. – *Ю. Т.*), действовавшие… на советской территории, сохранили и свою организацию, вооружение, руководителей и находятся на прежних своих базах. При желании банды могут быть через 3—4 дня переброшены на советскую территорию».

Туркменское басмачество было самым многочисленным, наиболее хорошо вооруженным и самым воинственным. В августе 1939 г. советское посольство в Кабуле направило в НКИД доклад о басмачестве в Северном Афганистане, в котором говорилось: «Туркменская эмиграция на границе представляет особо внушительную силу, которая может быть использована нашими антагонистами для диверсий и налетов на прилегающие к Афганистану приграничные округа Туркменской ССР. По скромным подсчетам, вся туркменская эмиграция может выставить в месячный срок не менее 5 тыс. бойцов на лошадях, вооруженных разнокалиберным оружием…». И хотя в результате мер, принятых Москвой и Кабулом, налеты крупных басмаческих банд на советскую территорию к середине 30-х годов прекратились, существование «басмаческого пояса» в Северном Афганистане создавало напряженную обстановку на южных рубежах СССР.

Если противники Великобритании традиционно стремились спровоцировать восстание в Индии, то все враждебно настроенные к СССР страны накануне и в годы Второй мировой войны пытались использовать военный потенциал басмачества против Советского Союза.

Первой в этом преуспела Великобритания, а с середины 30-х гг. натравливанием басмачей на СССР занялась Япония. Сразу же после установления дипломатических отношений между Токио и Кабулом

в 1935 г. японская сторона предложила правительству Хашим-хана заключить секретное соглашение, по которому афганские власти брали на себя обязательство не мешать японской разведке проводить шпионско-диверсионную работу среди басмачества против Советского Союза.

Хотя Кабул и отклонил это предложение, Япония все же попыталась создать вдоль советско-афганской границы свою разведсеть. В октябре 1935 г. японский посланник Китада совершил поездку по районам Северного Афганистана, чтобы установить прямые контакты с лидерами басмачества и привлечь их к сотрудничеству с Японией.

Дипломатическая миссия этой страны в Кабуле провела перед поездкой Китады большую подготовительную работу среди проживающих в афганской столице влиятельных среднеазиатских эмигрантов. Поэтому смело можно предположить, что японский посланник, выезжая в Мазари–Шариф, уже знал, когда, где и с кем пройдут его переговоры. В течение месяца Китада и военный атташе Асикачи «путешествовали» по Афганистану. Судя по всему, переговоры Китады с руководителями басмачества прошли вполне успешно.

Афганское правительство, опасаясь обострения отношений с СССР, вынуждено было принять срочные меры в афганском Туркестане. Так, в одном из своих донесений в Москву советский посол в Кабуле Б. Сквирский назвал «чисткой приграничной полосы» попытку в 1935—1936 гг. разоружить часть эмигрантов из Средней Азии и выселить их в южные районы Афганистана. Однако таджики, узбеки и туркмены отказались покинуть обжитые места и сдать оружие, а афганские власти, не желая обострения обстановки, не стали на этом настаивать.

После заключения Антикоминтерновского пакта и подписания соглашения о сотрудничестве между разведками Японии и Германии дипломатические представительства этих стран в Кабуле попытались наладить между собой сотрудничество, составной частью которого была разведывательная деятельность среди басмачества как в Северном Афганистане, так и в китайской провинции Синьцзян. Япония стремилась объединить силы афганского басмачества с враждебным СССР пантюркистским движением в Синьцзяне, провозгласившим своей целью создание единого Туркестана. Пантюркисты при иностранной помощи планировали подготовить поход на Фергану для «освобождения мусульман от большевистского ига».

Желая оказать содействие своему союзнику, фашистская Германия в 1936 г. тайно переправила через Афганистан синьцзянским пантюркистам партию оружия. Контроль за этой операцией осуществлял лично германский посланник в Кабуле Курт Цимке. Благодаря успешной работе разведки СССР об этом стало известно советскому правительству, которое, имея в своем распоряжении необходимые доказательства, заявило резкий протест Германии. Разразился дипломатический скандал, после чего в Берлине благоразумно решили отозвать К. Цимке из Афганистана. Германской разведке был дан такой суровый урок, что только в 1942 г. абвер вновь рискнул начать широкомасштабную подрывную работу среди басмачества.

Провал германской разведки в Афганистане не испугал японцев, которые с еще большей энергией продолжали создавать свою разведсеть в Северном Афганистане. Начав в 1937 г. войну против Китая, Япония стремилась «отомстить» Москве за военную помощь этой стране. Кроме этого, готовясь к будущему вооруженному столкновению с СССР,

▲ Хашим-хан

▲ Ибрагим-бек

в Токио также стремились спровоцировать налеты банд басмачей на советскую территорию.

Для достижения этой цели японская миссия в Кабуле не жалела сил и средств. Посланник Китада летом 1937 г. попытался даже привлечь к сотрудничеству против СССР турецкого посла Эсендаля. Японец предложил турецкому дипломату развернуть на японские деньги пантюркистскую работу в Афганистане. Возмущенный наглостью японского посла Эсендаль не только отверг это предложение, но и сообщил о нем советскому полпреду Б. Сквирскому. Тогда Китада попытался опорочить турецкого посла перед афганским правительством, чтобы то отказало ему в аккредитации. В разгоревшемся конфликте победил Эсендаль, который пользовался большим влиянием и уважением как в Кабуле, так и в Анкаре. Он был в дружеских отношениях с самим Хашим-ханом...

Турецкий дипломат не только сохранил свой пост, но и начал активно противодействовать японским интригам в Афганистане. Разгневанный Эсендаль стал перехватывать переписку между японской миссией и лидерами басмачества. Вскоре он узнал, что японская разведка создала в Турции из среднеазиатских эмигрантов шпионскую сеть, руководящий центр которой находился в г. Дамаске. Турецкий посол тут же сообщил об этом в Анкару и добился от своего правительства принятия решительных мер для пресечения деятельности японской шпионской организации. Кроме этого, Эсендаль сообщил Б. Сквирскому о вербовке японцами узбекских басмачей, которые концентрировались близ г. Ханабада, где, вероятнее всего, японская разведка создала для своих агентов перевалочный пункт. Еще ранее из турецкого посольства советская сторона также получила сведения о планах Японии в 1937 г. создать шпионскую сеть в советских Среднеазиатских республиках, для чего японцы активно вербовали эмигрантов из Туркестана и отправляли их в Японию для обучения навыкам проведения диверсий.

Информация, переданная Эсендалем, подтверждала сведения советского посольства об активности японской разведки в Северном Афганистане. Поэтому осенью 1937 г., имея неопровержимые доказательства подрывной деятельности против СССР японского военного атташе Асикачи, советское посольство вручило афганскому правительству ноту протеста и потребовало высылки японского разведчика из страны. Афганское руководство так и сделало.

Однако и в этой ситуации японская миссия с самурайским упорством стремилась продолжать разведывательную деятельность на советско-афганской границе. Даже свой отъезд Асикачи попытался использовать для подрывной работы среди басмачества. Так, 28 сентября 1937 г., получив визу на отъезд, японец, как сообщил в НКИД поверенный в делах СССР в Афганистане И.Сычев, попытался, несмотря на все запреты афганских властей, выехать из Афганистана в Индию по маршруту Мазари-Шариф — Меймене — Герат — Кандагар. Афганское правительство было вынуждено вернуть его в Кабул, а затем кратчайшим путем выслать в Индию. Вместе с ним из Афганистана были высланы еще несколько японских разведчиков, что значительно ограничило возможности японской разведки в Афганистане.

Казалось бы, что, столь серьезно оскандалившись, японская миссия временно свернет свою работу среди басмачества, но этого не произошло. Вероятнее всего, Токио дало приказ своему посланнику в Кабуле форсировать подрывную деятельность против СССР. В связи с этим японцы продолжили создание разведсети по обе стороны советско-афганской границы. Самурайская напористость давала определенные результаты: многие лидеры басмачества согласились сотрудничать с Японией.

Самым крупным успехом японской разведки в Афганистане было согласие на сотрудничество с Японией бывшего эмира Бухары Алимхана. Скандал с высылкой Асикачи еще не утих, а японцы уже в конце 1937 г. попытались начать с бухарским эмиром переговоры. Однако осторожный Алим-хан уклонился от них, заявив, «что он гость афганского правительства и без его разрешения ничего сделать не может». Получив отказ, японская миссия усилила натиск на эмира и, вероятно,

увеличила сумму денег, которые должен был получить тот за свое согласие сотрудничать с Японией. В итоге в 1938 г. Алим-хан стал получать от Японии крупную субсидию. Как он отрабатывал эти деньги, по рассекреченным на настоящее время документам точно сказать нельзя. Скорее всего, бухарский эмир передал японской разведке своих людей в советских Среднеазиатских республиках.

Кроме Алим-хана, японцам также удалось установить контакт и с другими видными лидерами басмачества. К примеру, глава туркменского басмачества Кызыл Аяк за деньги стал выполнять поручения японской разведки. Его примеру последовали главари узбекских басмачей Курширмат и Махмуд-бек. Благодаря содействию лидеров басмачества Японии в короткие сроки удалось наладить сбор развединформации о ситуации в советском Туркестане. Если учесть, что в Японии ускоренно обучались диверсионной работе завербованные среди басмачей агенты, то японская разведка могла рассчитывать на то, что в ближайшем будущем она сможет использовать басмачество против СССР.

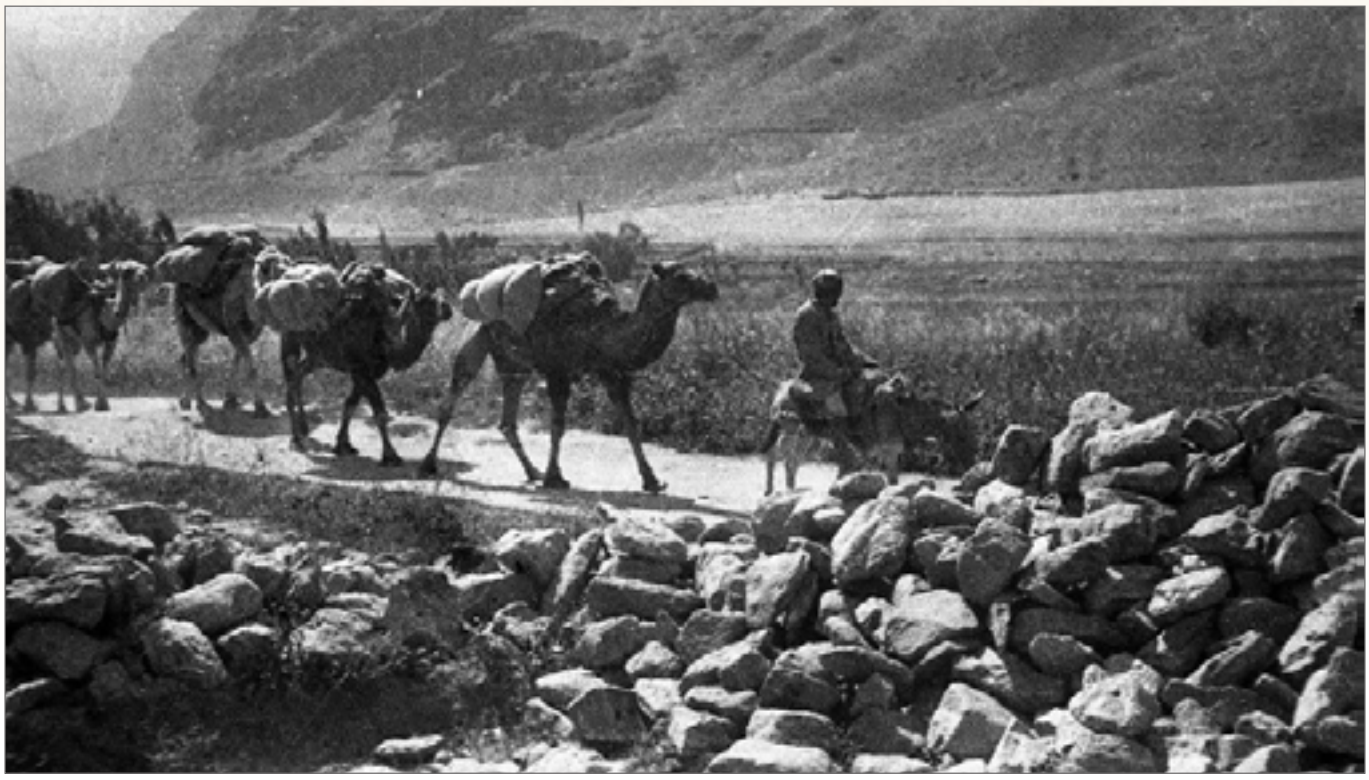
Однако этим планам не суждено было сбыться, так как, форсируя работу среди басмачей, японская разведка действовала в Афганистане грубо и неосмотрительно. Из-за желания получить результаты в кратчайшие сроки японцы провалили свою агентуру, как в Афганистане, так и в СССР. В связи с этим уже в 1937 г. советская контрразведка раскрыла японскую агентурную сеть в советском Туркестане и планомерно шаг за шагом ликвидировала ее. В руки советских разведчиков попали новые доказательства подрывной антисоветской деятельности японской миссии в Кабуле.

Вероятно, располагая этими данными, Советское правительство готовилось вручить афганскому руководству очередную ноту протеста, но японцы сами ускорили провал своей агентуры. В 1938 г. Китада предпринял попытку завербовать... нового советского посла в Кабуле К. Михайлова. 30 марта 1938 г. японец нанес визит своему советскому коллеге. В ходе этой встречи Кидата, улучив момент, вполголоса сказал К. Михайлову: «Я был бы очень вам благодарен, если бы вы смогли давать нам (японцам) документы о вашей деятельности в Афганистане».

Так «нагло», по словам одного из британских дипломатов, в афганской столице ранее еще никто из членов дипломатических миссий не действовал. Разразился очередной дипломатический скандал, вызванный попыткой японского посланника завербовать посла дружественной Афганистану страны. Афганское правительство было вынуждено объявить Китаду персоной нон грата и выдворить из страны.

Одновременно афганские власти усилили контроль за лидерами басмачества, хотя никого из них не арестовали. Оставшись на свободе, басмаческие главари вскоре восстановили связь с японской разведкой.

Обеспокоенное подрывной деятельностью Японии среди басмачества Советское правительство решило договориться с Афганистаном о совместном пресечении любой враждебной СССР деятельности иностранных разведок в Северном Афганистане. Используя заинтересованность Кабула в скорейшем урегулировании пограничного вопроса с Советским Союзом, послу К. Ми-

▲ К. А. Михайлов (А.М. Коротков)

▲ Сеид Алим-хан, бывший эмир Бухары

хайлову удалось в 1938 г. заключить с Хашим-ханом устное джентльменское соглашение, согласно которому афганское правительство обязалось не допускать японских граждан, включая посланника Японии (!), в Северный Афганистан. Хашим-хан также гарантировал СССР, что вдоль всей советско-афганской границы будет создана особая зона, в которую въезд для иностранцев, находившихся в Афганистане, будет закрыт. Кроме этого, Советское правительство получило от Кабула заверения, что ни одна из иностранных держав не получит от афганских властей разрешение на открытие в Северном Афганистане своих авиалиний. Достигнутые между Москвой и Кабулом в 1938 г. договоренности сыграли большую роль в срыве планов стран Оси использовать афганскую территорию как плацдарм для подрывной деятельности против СССР.

После крупных провалов 1936—1938 гг. Германия и Япония не оставили надежду на организацию нападения десятков тысяч басмачей на советскую территорию. В связи с этим сразу же после нападения на Советский Союз фашистская разведка в Афганистане с помощью японцев попыталась установить контакт с наиболее влиятельными лидерами басмачества, справедливо полагая, что многие из них охотно согласятся сотрудничать с Германией.

Действительно, агрессию фашистской Германии против Советского Союза басмачество в афганском Туркестане встретило с радостью. Лидеры среднеазиатской эмиграции, проживающие в Кабуле, объявили Гитлера свои «спасителем». Эмигрантская молодежь из богатых семей спешно начала изучать немецкий язык. Лидеры басмачества уже в июле 1941 г. стали готовиться к возобновлению набегов на советскую территорию.

Афганское правительство не мешало им в этом, так как в Кабуле в то время считали, что Германия в ближайшее время разгромит Советский Союз, и у Афганистана появится возможность захватить земли, ранее входившие в состав Бухарского эмирата и Хивинского ханства. В одном из докладов Средневосточного отдела НКИД от 4 апреля 1942 г. отмечалось, что группа афганских военных во главе с принцем Даудханом разрабатывала план военного похода против СССР. В Кабуле, как указывалось в этом документе, считали, что все части Красной Армии, ранее охранявшие советско-афганскую границу, переброшены, чтобы сражаться против вермахта, поэтому «будет достаточно одной афганской дивизии, чтобы захватить Хиву и Бухару». Многие члены афганского правительства даже не стремились скрывать своей уверенности в победе Германии.

В августе 1941 г. появилась еще одна причина, по которой афганское правительство решило не препятствовать деятельности антисоветских организаций: в Кабуле боялись, что Англия и СССР повторят «иранский

вариант» и введут войска в Афганистан. В этом случае вооруженные формирования басмачей могли оказать ожесточенное сопротивление советским войскам, чем существенно помогли бы афганской армии. Чтобы заручиться поддержкой всех басмаческих формирований в Северном Афганистане, афганский король Захир-шах заключил с Алим-ханом секретное соглашение, согласно которому бывший властитель Бухары обязался оказать вооруженную помощь Кабулу в случае вступления в Афганистан частей Красной Армии.

В этой ситуации лидеры басмачества всеми способами стремились заручиться поддержкой Кабула. В августе 1941 г. один из самых влиятельных руководителей туркменской эмиграции Кызыл Аяк направил премьер-министру Хашим-хану письмо, в котором просил его взять под покровительство Афганистана Бухару и сообщал главе афганского правительства, что готов предоставить в его распоряжение 40 тыс. вооруженных туркмен. Хашим-хан в ответе Кызыл Аяку попросил его держать свои отряды в полной боевой готовности и дал понять, что только после взятия вермахтом Москвы и Ленинграда наступит удобный момент для начала боевых действий против СССР. Однако афганское правительство летом 1941 г. не помешало японской и германской миссиям укрепить их связи с главарями басмачества.

В августе 1941 г., вероятно, по просьбе германской миссии японский поверенный в делах Кацуби с переводчиком Саито встретился с экс-эмиром Бухары Алим-ханом и провел с ним переговоры о возможном сотрудничестве против СССР. Договориться о чем-нибудь конкретном с Алим–ханом Кацуби не удалось, так как бывший владыка Бухары не хотел рисковать: советско-германская война только началась, дивизии вермахта были еще далеко от Средней Азии. Что особенно важно: оружие, необходимое для успешного вооруженного вторжения басмачей на советскую территорию, страны оси предоставить не могли. Поэтому Алим–хан не решился по просьбе японцев и немцев отдать приказ лидерам басмачества о начале подрывных акций на советско-афганской границе.

Японцам также не удалось уговорить бухарского эмира дать согласие на сотрудничество с Германией. Осторожный Алим-хан не только сам отказался выполнять поручения немецкой миссии в Кабуле, но и строго запретил своим сыновьям участвовать в деятельности различных антисоветских организаций, финансируемых Германией и Японией.

Однако окружение Алим-хана и многие лидеры басмачества были настроены более решительно. После того как Великобритания летом 1941 года прекратила финансирование басмачества, они с готовностью пошли на сотрудничество с Германией и Японией, которые обещали им щедро заплатить за организацию «партизанской работы» в советских Среднеазиатских республиках.

В сентябре 1941 г. германская разведка поручила влиятельному среди басмачей узбекскому эмигранту Махмуд– беку создать по обе стороны советско-афганской границы шпионско-диверсионную сеть. С этого времени Махмуд–бек становится резидентом абвера по работе среди узбекских и туркменских басмачей.

Этот узбек был опытным разведчиком, он сколотил целое состояние на продаже различным разведкам сведений о ситуации в Туркестане. Еще до начала Второй мировой войны Махмуд-бек сотрудничал одновременно с турецкой, японской и германской разведками. Судя по всему, он являлся для спецслужб этих стран ценным источником развединформации. Настолько ценным и необходимым, что, когда после высылки японского посланника Китады афганские власти собирались выслать Махмуд-бека из Кабула, турецкий посол пригрозил Хашим-хану в знак протеста приспустить флаг над посольством Турции в Афганистане. Тогда, не желая обострения отношений с Анкарой, афганское правительство отменило свое решение, и Махмуд-бек остался жить в Кабуле.

Осенью 1941 г. Махмуд-беку резидентом германской внешнеполитической разведки в Кабуле К. Расмусом было приказано в афганском городке

▲ Бек из Кулабы

Баглан создать опорный пункт для переброски в СССР немецких агентов. Для этого Махмуд-бек получил от немецкой миссии в Кабуле 40 тыс. афгани. Выполнить это поручение, располагая данной суммой денег, было крайне трудно. Но Махмуд-бек, чтобы показать К. Расмусу и Д. Витцелю свои возможности и добиться от них более щедрых денежных субсидий, вскоре доложил, что создал для абвера не один, а два опорных пункта в Северном Афганистане: в г. Баглане и г. Кундузе. Кроме этого, он сообщил в германскую миссию о вербовке им бывшего офицера Хамра Гуль-бека, который с осени 1941 г. возглавил багланский опорный пункт абвера.

В Кундузе в распоряжение немецкой разведки Махмуд–бек предоставил две явки. Результаты его работы полностью удовлетворили в Берлине руководство абвера, которое после столь обнадеживающих известий из Кабула могло надеяться на новые успехи своей агентуры в Афганистане.

В ноябре 1941 г. Махмуд-бек получил из Берлина новое задание ускорить создание шпионской разведсети в Среднеазиатских республиках СССР. С этой целью ему поручалось через своих агентов вербовать советских граждан в Средней Азии, наладить сбор интересующей немцев информации об обстановке в сопредельных Афганистану советских республиках. Он также получил от Расмуса приказ начать подготовку к переброске в СССР диверсионных групп.

Маловероятно, чтобы хоть одна из них была заброшена в Среднеазиатские республики в конце 1941 г., так как создаваемая абвером агентурная сеть в северных районах Афганистана только начала формироваться, а выдворение в конце октября этого же года большей части германских и итальянских агентов сильно затруднило деятельность разведок стран Оси в Афганистане.

В ноябре 1941 г. руководители басмачества, приглашенные Хашим-ханом на Лоя Джиргу в Кабуле, пообещали ему в случае ввода советских войск в Афганистан выставить против частей Красной Армии 200 тыс. вооруженных воинов. В свою очередь, премьер-министр отдал приказ командованию афганских войск, сосредоточенных близ Мазари-Шарифа, при начале наступления Красной Армии в глубь афганской территории немедленно раздать басмачам оружие.

Именно в это время один из лидеров басмачества, Курширмат, предложил афганскому премьеру с вооруженным отрядом перейти советскую границу и начать наступление на г. Андижан, чтобы дестабилизировать положение в Ферганской долине.

В качестве запасного маршрута вторжения басмачей в СССР рассматривался и Таджикистан. Однако конный рейд в этом районе был сопряжен с большими трудностями. В конце концов, от этого плана пришлось отказаться.

Перед началом наступления вермахта на Сталинград и Кавказ Д. Витцель получил из Берлина приказ создать в советских Среднеазиатских республиках обширную шпионско-диверсионную сеть. После окончания Второй мировой войны бывший немецкий посланник в Кабуле Г. Пильгер во время допросов в Бутырской тюрьме, давая показания о деятельности абвера в Афганистане, рассказал следующее: «Витцель (в 1942 г. – *Ю. Т.*) предусматривал насаждение обширной агентуры на территории Советского

▲ Индийский легион немцев

Союза, в частности в южных районах Туркменской ССР, Таджикской ССР и, насколько помню, в Уз. ССР». Особое внимание, по словам Г. Пильгера, Д. Витцель уделял созданию в Туркмении подпольной организации, которая должна была бы выполнять задания абвера.

Германия стремилась, прежде всего, наладить сотрудничество с туркменским басмачеством, так как туркменская эмиграция в Афганистане имела самые многочисленные военные формирования, готовые в удобный момент возобновить нападения на приграничные районы СССР. Д. Витцель считал, что туркменские эмигранты в Афганистане могут вооружить 11 тыс. басмачей. В марте 1942 г. английская разведка, имевшая обширную агентуру среди басмачества, полагала, что туркменская эмиграция может выставить около 10 тыс. воинов. Таким образом, к весне 1942 г. численность банд туркменских басмачей, сконцентрированных в 3—5 км от советской границы, выросла в 2 раза по сравнению с численностью 1939 г.

Это еще раз неоспоримо доказывает: басмачество активно готовилось возобновить налеты на советскую территорию в 1942 г. Так, в декабре 1941 г. самый влиятельный лидер туркменского басмачества Кызыл Аяк собрал своих сторонников и приказал им готовиться к вторжению в советскую Среднюю Азию летом 1942 г.

В это же время Курширмат заключил с К. Расмусом соглашение о сотрудничестве с Германией против СССР. В нем говорилось: «Добиться независимости тюрков можно только при содействии стран Оси, а посему туркестанцы считают себя их солдатами и готовы выполнить любые задания». Со слов Курширмата, он и преданные ему люди в обмен на финансовую помощь обещали странам Оси:

1. Подготовить и засылать диверсантов на советскую территорию для уничтожения мостов, линий связи и складов с продовольствием.

2. Организовать партизанские отряды в Среднеазиатских республиках и подготовить площадки для приема немецких десантов.

▲ Курширмат

3. Осуществить диверсии против аэродромов советских ВВС в Туркестане.

Германское посольство в Кабуле обещало также своим новым «союзникам» обеспечение всех басмачей оружием и лошадьми, для чего Д. Витцель и К. Расмус в начале 1942 г. предложили Махмуд-беку подготовить списки среднеазиатских эмигрантов, желающих участвовать в вооруженных налетах на советскую территорию. Резиденты германской разведки в Афганистане гарантировали Махмуд-беку и связанным с ним главарям басмачества, что немецкая миссия в Кабуле выделит денежные средства, необходимые для покупки оружия и лошадей.

Если бы так и произошло, на многих басмаческих шейхов, беков и курбаши пролился бы золотой дождь. Поэтому они, стремясь побольше выманить денег у Германии, отправили через Махмуд-бека К. Расмусу и Д. Витцелю списки, в которых в несколько раз завысили численность своих банд. К примеру, Кызыл Аяк в 1942 г. сообщил немцам, что он подготовил к нападению на СССР 40 тыс. воинов и еще столько же туркмен готово влиться в его отряды, когда получат от Германии оружие или деньги на его покупку. Одним словом, он, имея под руководством не более 10 тыс. вооруженных басмачей, завысил численность своих формирований в 4 раза.

Германия и Япония в 1942 г. вновь предприняли настойчивые попытки привлечь бухарского эмира Алим-хана к сотрудничеству против СССР. Но бывший эмир, находясь под бдительным контролем афганских властей, долгое время не мог решиться на это. В связи с чем до мая 1942 г. фактическим лидером бухарской эмиграции и резидентом абвера в кругах узбекского басмачества был уже известный нам Махмуд-бек, сумевший при помощи немцев к весне 1942 г. создать в Северном Афганистане антисоветскую организацию, которая в абвере получила название «Унион». Целью этой организации являлось возвращение Алим-хану бухарского престола.

Попытки абвера и японской разведки спровоцировать басмаческие налеты на советскую территорию не были секретом для разведки СССР, которая имела свою обширную агентуру в Северном Афганистане. Поэтому в Москве было принято решение попытаться перевербовать Махмуд-бека, который за деньги был готов сотрудничать с кем угодно.

Из уже рассекреченных документов внешней разведки еще нельзя установить, каким образом была проведена вербовка Махмуд-бека. Но, вероятнее всего, советская разведка предложила ему столь крупную денежную сумму золотом, что жадный узбек согласился продать всю необходимую НКВД информацию об «Унионе». В начале 1942 г. советская разведка поставила под свой контроль деятельность абвера и антисоветских эмигрантских организаций в Северном Афганистане.

Сотрудничество Махмуд-бека с советской разведкой неожиданно закончилось в мае 1942 г., когда его по требованию Великобритании арестовала афганская полиция. Видимо, К. Расмус использовал Махмуд-бека не только для шпионско-диверсионной деятельности против СССР, но и для сбора развединформации о ситуации в Индии. Только этим можно объяснить тот факт, что этот агент-двойник был арестован вместе с наиболее ценными германскими агентами, обеспечивавшими связь между Индией и дипломатическими миссиями стран Оси в Кабуле.

Когда летом 1942 г. немецкие войска успешно наступали на Сталинград и Кавказ, антисоветские круги среднеазиатской эмиграции в Афганистане стали еще более активно готовиться к нападению на СССР. Арест Махмуд–бека лишь на короткий срок дезорганизовал басмачество. В Афганистане летом 1942 г. возникла новая антисоветская организация «Фаал», которую в абвере по-прежнему именовали «Унион»: она ставила перед собой цель восстановить Бухарский эмират.

На этот раз Алим-хан под давлением своего окружения решился пойти на сотрудничество с Германией и Японией и разрешил своему сыну Умар-хану стать одним из членов «Фаал». Более того, чтобы получить необходимые средства для возобновления басмаческих набегов на советские Среднеазиатские республики, бухарский эмир продал несколько крупных драгоценных камней из своей коллекции. Главой «Фаал» стал сеид Мубашир-хан Ти-

рази (агентурный псевдоним Ханза). Кроме него, в руководящий центр этой подпольной организации входили: известный басмаческий лидер Курширмат, Нурмамад (Нур Мухаммед), Абдул Ахад Кары и личный представитель бухарского эмира Хаджи Бафа.

В сотрудничестве с абвером и японской разведкой Мубашир-хан Тирази стал готовить басмаческие отряды к походу на Бухару. 24 июля 1942 г. Г. Пильгер сообщил в Берлин: «Духовная в своем существе национал-туркестанская тайная антибольшевистская организация „Унион" и состоящая внутри нее особо тайная структура „Лига", которая создана специально для восстановления Бухарского эмирата, возглавляется самим эмиром (в дальнейшем Ауди). Но поскольку он опасается неприятностей со стороны афганского правительства, оказавшего ему гостеприимство, то на первый план им выдвинут Ханза, сын которого помолвлен с одной из его дочерей. Сам Ауди держится в тени.

Ханза официально является руководителем «Униона» и «Лиги». «Ханзе», которого мы щедро снабдили денежными средствами, даны указания: [во-первых], сообразуясь с обстановкой, наладить связи между советским Туркестаном и Афганистаном. Во-вторых, сделать приготовления к посылке войсковых подразделений в Туркестан. В-третьих, продолжать укреплять связи организации, чтобы быть готовыми к введению их в действие (точно так же, как и другие связи, ценность которых проявится только при вступлении германских войск (в Туркестан и Афганистан. – *Ю. Т.*)».

Согласно плану «Униона» к весне 1943 г., когда откроются горные проходы в Северном Афганистане, планировалось собрать и вооружить 20—30 тыс. басмачей, которые должны были «освободить» Бухару. Германия обязалась оказать «Фаал» помощь не только деньгами, но и вооружением, которое должны были доставить немецкие самолеты. Абвер также планировал высадить в Среднеазиатских советских республиках, в первую очередь в Туркменской ССР, диверсионные отряды, сформированные из солдат и офицеров «Туркестанского легиона». Для подготовки диверсантов в Польше близ Вроцлава была создана секретная тренировочная база, которая называлась «Лесной лагерь СС-20», или «Главный лагерь Туркестан».

Германия и Япония стремились примирить различные басмаческие группировки и скоординировать их деятельность, чтобы они весной 1943 г. одновременно совершили нападение на советскую территорию. С этой целью «Фаал» создала свой центр в Кундузе и попыталась расширить агентурную сеть в советских республиках Средней Азии. Одновременно были предприняты попытки установить связь с лидером киргизских басмачей Камчи-беком, который с сентября 1941 г. уже совершал нападения на советскую территорию. Посланнику Мубашир-хана Тирази удалось установить связь с ним и договориться о совместных действиях, поэтому Камчи-бек подтянул свои отряды к советской границе. Кызыл Аяк также был готов участвовать в нападении на советский Туркестан.

▲ Группа пограничников, участников борьбы с басмачами

В конце лета 1942 г. кундузский центр «Фаал» сообщил немецкому посольству в Кабуле, что на севере Афганистана басмаческие формирования, готовые выступить против СССР, насчитывают в своих рядах 70 тыс. человек, но только 15 тыс. из них имеют оружие. Вероятнее всего, сообщив немцам эту явно завышенную цифру о численности своих отрядов на советско-афганской границе, руководители «Фаал» в очередной раз стремились получить от Германии как можно больше денег и вооружения.

Широкомасштабная подготовка басмачества к нападению на советские Среднеазиатские республики не могла долго оставаться тайной, как для афганского правительства, так и для разведок СССР и Англии. Поэтому в начале апреля 1943 г. афганские власти арестовали Мубашир-хана Тирази и около ста других членов «Фаал». Чтобы окончательно ликвидировать последние остатки агентуры стран оси в Афганистане, Англия предложила советскому правительству предпринять новый совместный демарш в Кабуле и добиться от Хашим-хана ликвидации «Фаал» и выдворения из страны германских и японских разведчиков. Москва и Лондон смогли быстро договориться между собой по этому вопросу.

В мае 1943 г. британский посол Ф. Уайли вручил афганскому правительству ноту с требованием пресечь деятельность германской разведки в Афганистане и выдворить японских агентов из г. Кандагара. 8 июня 1943 г. советский посол К. Михайлов был также принят по его просьбе Хашим-ханом и заявил ему протест в связи с враждебной СССР деятельностью посольств Германии и Италии в Афганистане (об интригах Японии среди басмачества в ноте не упоминалось по дипломатическим соображениям...).

Советская нота протеста была составлена с использованием достоверных данных о деятельности «Фаал», полученных внешней разведкой СССР от ее агентов в среде среднеазиатских эмигрантов. Обилие фактов и документов о подрывной деятельности германской разведки среди басмачества, имевшихся у советской резидентуры в Кабуле, позволило послу К. Михайлову отказаться от использования в тексте своего заявления информации, содержавшейся в письмах Тирази, фотокопии которых были предоставлены советской стороне британской миссией в Кабуле.

В ноте протеста посольства СССР в Кабуле указывалось, что советское правительство располагает достоверными сведениями о враждебной Советскому Союзу деятельности германской миссии среди басмачества, и приводился список лиц, возглавлявших «Фаал», хотя само название этой антисоветской организации не упоминалось. Далее в ноте пересказывалось содержание письменного обращения к Германии одного из лидеров узбекского басмачества, входившего в руководство «Фаал», Курширмата. В этом письме, перехваченном резидентом советской разведки в Афганистане

М. Аллахвердовым, говорилось, что «весной 1943 года эмигранты намерены организовать восстание в Советской Средней Азии и развернуть диверсионную деятельность на советской территории, обратив свое внимание (так в документе. – *Ю. Т.*), в первую очередь, на разрушение железных дорог, линий связи и т. п. Эмигрантский центр наметил районами организации повстанческого и басмаческого движения ряд областей Узбекской и Таджикской ССР». В документе, зачитанном послом Михайловым Хашим-хану, также перечислялись многочисленные примеры антисоветской деятельности басмачества в Северном Афганистане и приводились факты, свидетельствующие о том, что дипломатические миссии Германии и Италии ведут подрывную работу против СССР. По этому поводу в ноте говорилось: «Германская миссия финансирует и руководит враждебной Советскому Союзу деятельностью эмигрантов из СССР в Афганистане. Активную работу в этом направлении ведут кроме... Расмуса члены и сотрудники германской миссии: Шмидт, Фишер, Витцель, Дох и др. [...] Германская и итальянская миссии в Кабуле совместно с некоторыми афганскоподданными (так в документе. – *Ю. Т.*) из числа белоэмигрантов намечали распределение среди туркменских, узбекских и киргизских басмаческих организаций на Севере Афганистана вооружения, которое по их плану должно сбрасываться немецкими самолетами в Афганистане. Это вооружение предназначалось к использованию против Советского Союза. Имеются также сведения о наличии в Афганистане организованных немцами радиоточек, получающих... указания непосредственно из Берлина для организации враждебной СССР подрывной работы». Далее, сославшись на советско-афганский договор о нейтралитете, согласно которому афганское правительство взяло на себя обязательство не допускать подрывной деятельности против СССР, К. Михайлов от имени советского правительства потребовал:

1. Ликвидировать организацию среднеазиатских эмигрантов и предать суду ее руководство (Хашим-хану был вручен список с именами членов «Фаал»).

2. Срочно ограничить состав германской миссии, так же как и итальянской, посланником и одним секретарем.

Премьер-министр Хашим-хан спокойно выслушал заявление советского посла и заверил его, что в течение двух лет афганское правительство делало все возможное, чтобы не допустить любой акции, враждебной СССР. Он усомнился в том, что у К. Михайлова имеются данные, подтверждающие правоту советской стороны, которые Москва могла бы «сообщить всему миру».

В ответ на это советский посол сказал Хашим-хану, что посольство СССР готово предоставить афганскому правительству все необходимые документы о враждебной Советскому Союзу деятельности миссий стран Оси в Афганистане. Это заявление К. Михайлова крайне смутило афганского премьер-министра, и он был вынужден принять советскую ноту.

Афганское правительство было вынуждено удовлетворить советские и английские требования. В мае—июне 1943 г. афганская полиция вновь провела массовые аресты среди эмигрантов из Средней Азии в Кабуле, в результате чего деятельность «Фаал» фактически прекратилась, хотя на свободе и осталось несколько сот ее членов.

В ходе допросов членов этой антисоветской организации выяснилось, что Алим-хан оказывал ей покровительство и финансовую помощь. Разгневанный король Захир–шах приказал доставить его к нему во дворец. Когда слепой старик был привезен к афганскому монарху, король обвинил Алим-хана в сотрудничестве со странами Оси. Бывший эмир Бухары, не находя аргументов в свою защиту, расплакался и заявил, что был втянут в интриги Германии и ее союзников против своей воли. Вряд ли Захир-шах этому поверил, но никаких репрессивных мер против Алим–хана не принял, чтобы избежать недовольства среднеазиатских эмигрантов.

Благодаря совместной акции СССР и Великобритании деятельность японской и германской разведок в Северном Афганистане к 1943 г. была парализована. Попытки Германии и Японии превратить Афганистан в плацдарм для подрывной деятельности против СССР потерпели крах.

Из-за того что вермахт потерпел поражение под Сталинградом, германские войска не смогли вторгнуться

о посредничестве правительства Хашим-хана в переговорах по данному вопросу между англичанами и пограничными племенами, многие из которых отказывались посылать своих воинов сражаться за интересы Великобритании.

Имея цель уговорить восточных пуштунов не поднимать восстание против Англии и не саботировать рекрутский набор в британскую армию, в феврале 1942 г. военный министр Афганистана Шах Махмуд-хан совершил поездку на юг Афганистана. Для подкупа вождей племен англичане передали Махмуд-хану 5 млн рупий. Располагая такими средствами, ему удалось склонить представителей большинства приграничных племен к сотрудничеству с Англией.

Для принятия окончательного решения о наборе пуштунов в английские войска в середине марта 1942 г. в Джелалабаде состоялась джирга племен «независимой» полосы Британской Индии. Но достигнуть согласия по всем вопросам, связанным с оплатой воинской службы пуштунов, не удалось. Поэтому в апреле в Пешаваре состоялась вторая джирга, на которой англичане, приняв все условия восточных пуштунов, смогли получить согласие вождей пуштунских племен «независимой» полосы послать своих соплеменников на службу в британскую армию. Заручившись поддержкой вождей племен, англичане сразу же начали набор солдат среди момандов, афридиев, юсуфзаев и ряда других племен СЗПП.

Губернатор СЗПП Д. Каннингхем обратился к племенам «независимой» полосы с воззванием, в котором просил их «предоставить все средства для борьбы против гитлеровской Германии». Присутствуя на джирге афридиев, он даже призвал патанов начать джихад против японцев. Но все старания англичан и Махмуд-хана добиться от вазиров согласия на службу в войсках Великобритании закончились провалом.

В апреле 1942 г. Факир из Ипи поднял вазиров на новое восстание против Англии. Британские власти были крайне обеспокоены сведениями о связи Факира с итальянским и германским посольствами в Кабуле. Английская разведка в событиях в Вазиристане видела, прежде всего, интриги итальянцев и немцев. Как выяснилось после войны, значительная часть сведений, полученных англичанами о сотрудничестве Факира со странами Оси, была ложной.

Вероятнее всего, британские осведомители в полосе «независимых» пуштунских племен, стараясь получить от своих хозяев побольше денег, часто просто выдумывали различные истории о фашистской подрывной деятельности в Вазиристане. Так, по сведениям британской разведки, перед началом восстания вазиров зимой 1942 г. Факира из Ипи посетили 2 немецких агента и передали ему крупную сумму в афганской валюте. «Враг №1» Британской империи получил в дар и 2 печатных станка для изготовления фальшивых афгани и рупий.

У англичан также имелись сведения, что немцам удалось уговорить Факира из Ипи предоставить Германии взлетно-посадочные полосы в районе долины Лвары. Кроме этого, британские спецслужбы располагали данными, что в начале марта 1942 г. Горвехт посетил еще один германский разведчик, который составил донесение о Северном Вазиристане. Английская агентура в Вазиристане сообщила также в Симлу о двух немецких оружейниках, которые якобы организовали у Факира мастерскую по ремонту вооружения и установили связь с германским посольством в Кабуле. В марте этими немцами были проведены переговоры с вождями племен Вазиристана о начале восстания против Великобритании.

Большую тревогу у англичан вызвало известие о том, что Факир из Ипи получил от немцев радиостанцию для связи с миссиями стран

▲ Факир из Ипи

Оси в Кабуле. Данная информация оказалась достоверной, но из-за отсутствия радиста в своем окружении лидер вазиров использовал рацию лишь в качестве радиоприемника.

Без содействия афганского правительства ликвидировать немецкую агентуру в полосе «независимых» племен было невозможно. Поэтому англичане стали передавать подкупленному ими Хашим-хану сведения о подрывной деятельности разведок стран Оси в Афганистане и зоне пуштунских племен. С помощью этой информации афганской контрразведке удалось в феврале 1942 г. арестовать несколько крупных немецких агентов.

Чтобы эффективно бороться с подрывной деятельностью германской агентуры на индо-афганской границе, британские власти в Индии выдали распоряжение: один экземпляр всех донесений английских политических офицеров в «независимой» полосе должен пересылаться из Дели в английское посольство в Кабуле. Туда же направлялись еженедельные обзоры английской разведки о ситуации в зоне пуштунских племен. Вся эта информация предназначалась для посланника Ф. Уайли и еще 3-х английских разведчиков, работавших в британском посольстве: военному атташе подполковнику А. Ланкастеру, первому секретарю В. Коннору-Грину и восточному секретарю Сикандер-хану, который занимал эту должность с 1930 г. и был даже в хороших отношениях с Хашим-ханом.

В одном из своих донесений в Москву советский посол К. Михайлов писал о восточном секретаре британской миссии: «В Кабуле Сикандер-хан, с одной стороны, выполнял роль разведчика-резидента, особенно тесно связанного с афганскими (пуштунскими. – *Ю. Т.*) племенами, живущими на территории Афганистана, и с афганскими чиновниками различных министерств, с другой — он должен был отвлекать внимание афганской разведывательной службы от действительных руководителей английской разведки, в частности от таких личностей, как военный атташе подполковник Ланкастер».

В обязанности В. Коннора-Грина входило поддержание связи с посольством СССР и передача советским разведчикам, работавшим там, разведданных о деятельности фашистской агентуры в Северном Афганистане, который по достигнутой между Москвой и Лондоном договоренности являлся сферой деятельности советской разведки.

Долгое время А. Ланкастер и В. Коннор-Гринн не обменивались со своими советскими коллегами никакой информацией по зоне пуштунских племен, полагая, что британская разведка сможет сама, без посторонней помощи пресечь подрывную деятельность разведок стран Оси в Индии и Южном Афганистане. Но в начале 1942 г. англичане узнали о сотрудничестве басмаческих организаций в Афганистане с абвером. Выяснилось, что одни и те же фашистские агенты действуют как против СССР, так и против Великобритании. Эта новость была крайне неприятна для британской разведки, которая до этого момента не хотела помогать СССР в разгроме басмаческого движения в Северном Афганистане.

После выдворения германских и итальянских подданных англичане вообще прекратили обмен информацией о деятельности спецслужб стран Оси в Афганистане. В докладе советского посольства в Кабуле за 1942 г. по этому поводу говорилось: «Британская миссия на все наши конкретные вопросы о том, что известно о враждебной деятельности немецкой и итальянской миссий, стандартно отвечала, что по этому вопросу ничего нового сообщить не может». Однако англичане вскоре осознали свою ошибку и возобновили сотрудничество с советской разведкой в Афганистане.

Руководство советской разведки, располагая обширной и достоверной информацией о планах стран Оси в Афганистане, своевременно поняло, что Германия и ее союзники хотят превратить немецкое посольство в Кабуле в штаб для координации подрывной деятельности фашисткой разведки не только в Афганистане, Индии, в Среднеазиатских республиках СССР, но даже в Китае.

Из донесений Бхагат Рама — Рома в Москве знали, что немцы главной

▲ Фитин П.М.

своей задачей в Афганистане считают организацию мятежа приграничных пуштунских племен. В связи с этим военная и внешняя разведки СССР пристально следили за обстановкой в зоне пуштунских племен, так как безопасность советско-афганской границы полностью зависела от политической стабильности во всем Афганистане.

Разведывательное управление Красной Армии в начале 1942 г. решило направить в Кабул своего опытного сотрудника для фактической замены военного атташе Я. Карпова, работой которого, видимо, не были довольны в Москве. Я. Карпов был под благовидным предлогом отозван в СССР, а в феврале 1942 г. в Кабул прибыл «помощник» военного атташе советского посольства Владимир Алексеевич Райцев.

В январе 1942 г. штат советского посольства в Афганистане пополнился еще одним разведчиком, которым являлся новый второй секретарь Денисов.

О том значении, которое руководство разведки Советского Союза придавало ликвидации фашистской агентуры в зоне пуштунских племен, говорит тот факт, что сразу же после прибытия в Афганистан Денисов начал собирать информацию о приграничных пуштунских племенах. Логично предположить, что и В. Райцев также имел задание совместно с Заманом держать деятельность К. Расмуса и Д. Витцеля в Индии под контролем.

В середине марта 1942 г. В. Коннор-Грин прислал Денисову письмо, в котором содержалась информация о деятельности германской разведки в Северном Афганистане. 23 марта 1942 г. британский военный атташе А. Ланкастер посетил советскую миссию и передал Михайлову информацию о немецкой агентуре в афганском правительстве и деятельности германской разведки среди басмачества.

О ситуации в полосе «независимых» пуштунских племен Британской Индии А. Ланкастер по вполне понятным причинам «забыл» сообщить, хотя именно там германская агентура была наиболее активной. Поэтому советский посол, желая вызвать английского разведчика на откровенность, рассказал ему о пребывании Э. Анцилотти у Факира из Ипи в 1941 г. Англичанин попытался опровергнуть факт пребывания Э. Анцилотти в Вазиристане, заявив, что, по его сведениям, «Вазиристан посещал и виделся с Факиром из Ипи другой итальянец по имени Аширi. Последний весной 1941 года прибыл в Вазиристан через Афганистан и Иран и ушел обратно в Иран». Больше к вопросу о деятельности фашистских разведок в Вазиристане К. Михайлов и А. Ланкастер не возвращались.

Сообщив информацию о деятельности разведок стран Оси в Афганистане, А. Ланкастер порекомендовал К. Михайлову передать эти сведения премьер-министру Хашим-хану в устной форме, как это делали англичане. Резидент британской разведки в Афганистане в связи с этим постарался доказать советскому послу, что «Хашим-хан будет от своего имени пресекать враждебную (СССР. – *Ю. Т.*)... активность стран Оси». Чтобы его совет был более убедительным, англичанин привел для примера события, связанные с «логарским инцидентом», после которого афганский премьер заявил, что «в результате хорошо поставленной им работы афганской разведывательной системы ему удалось обнаружить враждебные происки иностранцев и пресечь их». Когда К. Михайлов постарался выяснить, какую роль в провале М. Обердорффера и Ф. Брандта сыграла английская разведка, А. Ланкастер опять уклонился от ответа и заявил: «Хашим-хану самостоятельно удалось раскрыть дело о двух немцах».

В конце встречи с А. Ланкастером советский посол спросил о ситуации на индо-афганской границе и отношениях между Кабулом и пуштунскими племенами. На этот раз англичанин не стал уклоняться от ответа и сообщил: «Среди племен сейчас сравнительно тихо. Афганцам удалось добиться спокойной обстановки». Кроме этого, он рассказал К. Михайлову, что наиболее враждебно к Кабулу относится племенной союз гильзаев, в первую очередь племя сулейман-хель, но гильзаи не выступят против афганского правительства, так как у них нет оружия. Говоря о враждебности гильзаев к династии Яхья-хель, английский разведчик подчеркнул: «Аманулла ведет свою подрывную работу против Кабула, опираясь на гильзаев». Далее А. Ланкастер добавил, что амануллисты являются «наиболее прочной опорой немцев и итальянцев». Уезжая из посольства СССР, он пообещал Михайлову вскоре сообщить ему новые данные об антисоветской деятельности немцев в Афганистане. Визит Ланкастера и сведения, полученные от него, свидетельствовали о желании британской разведки установить более тесные связи с советской разведкой.

Вся информация от А. Ланкастера была тщательно проверена. 26 апреля 1942 г. заместитель Л. Берии В. Меркулов отправил на имя В. Деканозова заключение о результатах проверки материалов, полученных от английской разведки в Кабуле. В этом документе говорилось: «...Все эти сведения, за небольшим исключе-

нием, соответствуют действительности и своевременно были нам известны. Некоторые факты имеют трех-четырехлетнюю давность и ряд существенных неточностей, за которыми, по нашему мнению, скрываются какие-то интересы англичан. Однако прямой дезинформации в этих сведениях мы не находим. Поэтому дальнейшее получение подобной информации от англичан в Кабуле считаем целесообразным...»

Советская разведка не осталась в долгу: в апреле 1942 г. она стала снабжать англичан разведданными, полученными от Бхагат Рама. А в июне 1942 г. нарком госбезопасности СССР санкционировал предложение П. Фитина «договориться с английской разведкой о совместном использовании возможностей Рома (Бхагат Рама. – ***Ю. Т.***)». Таким образом, был сделан первый шаг к началу совместной операции спецслужб СССР и Великобритании по ликвидации фашистской агентуры в Афганистане.

Для советской и британской разведок из-за длительного периода вражды между ними это было непростым решением. Особенно в Афганистане. Однако объективная необходимость заставила бывших противников тесно сотрудничать во имя общей победы над врагом.

Индийская политическая разведка (ИПР) в начале 1942 г., арестовав Соди, узнала, что Бхагат Рам является двойным (или даже тройным) агентом и работает на СССР. Перспектива взять деятельность абвера в Индии под двойной контроль спецслужб стран антигитлеровской коалиции была, очевидно, главной причиной, заставившей англичан возобновить сотрудничество с советской разведкой в 1942 г. В июне 1942 г. Бхагат Рам был передан на связь британской разведке. Совместная борьба спецслужб Великобритании и Советского Союза против фашистской агентуры в Индии успешно продолжалась.

Руководство внешней разведки СССР приняло такое решение из-за резкого обострения ситуации в полосе «независимых» племен Британской Индии, где при содействии разведок стран Оси Факир из Ипи успешно боролся против англичан. Британский Генеральный штаб в мае 1942 г. считал, что «из-за непредсказуемой реакции племен» на северо-западной границе Индии сложилась угрожающая обстановка.

Британские власти в Индии были крайне обеспокоены участием в восстании вазиров пуштунов из Афганистана. Поэтому английский посланник Ф. Уайли 4 мая 1942 г. встретился с афганским министром иностранных дел Мухаммед-ханом и заявил ему протест, в котором говорилось о связях афганского гражданина Абдул-хана с Факиром из Ипи.

В мае Ф. Уайли опять был вынужден заявить афганскому правительству протест по поводу участия афганских подданных в «беспорядках, организованных на территории Индии известным Факиром из Ипи». Английский посланник сообщил К. Михайлову, что после его демарша афганские власти провели в Кабуле аресты немецких агентов. Он особенно был рад аресту Уттам Чанда, который, по его словам, был связан с немцами и содействовал С. Ч. Босу во время его бегства из Индии.

Как английская, так и советская разведка также предпринимала все возможное, чтобы пресечь деятельность агентуры стран оси в Афганистане. После прибытия в конце апреля 1942 г. в афганскую столицу Бхагат Рама М. Аллахвердов получил от него самые подробные данные о планах Д. Витцеля и К. Расмуса развернуть против англичан подрывную работу в зоне пуштунских племен. Срочно были приняты меры к тому, чтобы арестовать и вывезти резидента абвера в Москву, если он попытается скрыться из Кабула в полосу «независимых» племен Британской Индии. С уверенностью можно предположить, что захват Д. Витцеля готовили и англичане, так как они были в курсе всех планов германской разведки в Афганистане и Индии. Только осторожность Г. Пильгера уберегла абвер от крупного провала.

Пока советские разведчики в Афганистане вели охоту на Д. Витцеля, в Москве П. Фитин принял решение о разработке операции по вербовке К. Расмуса. 11 мая 1942 г. начальник советской внешней разведки на полях донесения М. Аллахвердова написал: «Отрощенко составить план вербовки Расмуса». Из этого видно, что уже в мае 1942 г. советская разведка стремилась полностью поставить под свой контроль деятельность германской разведки в Афганистане.

Взрывоопасная обстановка на индо-афганской границе заставила ру-

ководство Министерства иностранных дел СССР и советской разведки пристально следить за ситуацией в зоне пуштунских племен. 30 мая 1942 г. Деканозов направил Меркулову запрос, в котором просил предоставить в его распоряжение материалы, «характеризующие историю и современное состояние племен в Афганистане, в особенности племен патанов». В связи с этим Заман получил указание собрать необходимые сведения о пуштунских племенах. В инструкциях, присланных ему из Москвы, указывалось: «Для нас в настоящее время особенно большой интерес представляет деятельность племен в стране Вашего пребывания. Используйте все возможности как Ваши, так и военных соседей (военной разведки. – *Ю. Т.*) для получения наиболее полных данных...».

Выполнить это задание Центра было крайне сложно, так как любая информация о приграничных пуштунских племенах была в Афганистане строго секретной. К тому же советский резидент-нелегал был обязан сообщить в своей справке об этих племенах не только о деятельности германской и итальянской разведок на индо-афганской границе, но и дать обзор политики афганского правительства и Англии в полосе «независимых» племен Британской Индии. Трудная задача была М. Аллахвердовым успешно решена.

М. Аллахвердов смог за крупную сумму денег купить у одного своего агента в правительственных кругах Афганистана годовой доклад афганской разведки о ситуации в полосе «независимых» пуштунских племен Британской Индии. Вероятнее всего, с 1942 г. сведения, добытые спецслужбами Афганистана, стали регулярно поступать в Москву, после чего фактически вся разветвленная агентурная сеть афганцев в Британской Индии, не ведая того, стала поставлять советской разведке ценнейшую информацию. В результате этого сведения, добытые афганской разведкой в полосе «независимых» племен Индии, уходили в Москву. О ценности этой информации свидетельствует тот факт, что советская внешняя разведка получила от своего высокопоставленного «источника» даже список британских агентов, работавших среди племен на индо-афганской границе.

В июне обстановка на индо-афганской границе еще более обострилась. Факир из Ипи, опираясь на помощь пуштунов из Афганистана, начал боевые действия против англичан в Южном Вазиристане. Стараясь лишить Факира помощи из Афганистана, английское правительство усилило нажим на Кабул, требуя запретить афганским подданным оказывать поддержку вазирам. В середине июня 1942 г. Ф. Уайли вновь заявил протест афганскому министру иностранных дел в связи с участием афганских граждан в «беспорядках в Вазиристане». После своей встречи с Мухаммед-ханом британский посланник сообщил послу К. Михайлову: «..Эти беспорядки... приносят большое беспокойство индийскому правительству». Ф. Уайли не стал скрывать от советского посла, что афганский министр иностранных дел принял его крайне сухо, «не проявив никакого желания пойти навстречу английской просьбе».

Не считаясь с временным ухудшением англо-афганских отношений, Лондон был вынужден в течение 1942 г. раз за разом усиливать давление на правительство Хашим-хана. В конце июня 1942 г. Ф. Уайли опять был вынужден, выполняя указание кабинета Его Величества, отправить МИД Афганистана письмо, в котором говорилось, что «афганские подданные продолжают участвовать в беспорядках, организуемых Факиром из Ипи в полосе патанских племен». Но даже после этого афганское правительство не поспешило выполнить английские требования.

В этой ситуации, стремясь получить поддержку от своего советского союзника, британская миссия в Афганистане во второй половине 1942 г. предоставляла посольству СССР в Кабуле подробную информацию об англо-афганских отношениях. По своей инициативе английская разведка также стала предоставлять в распоряжение советского посольства информацию не только по Северному Афганистану, но и по зоне пуштунских племен. 4 июля 1942 г. А. Ланкастер сообщил Михайлову основные положения своего доклада о деятельности разведок стран Оси в Афганистане.

Резидент британской разведки вместе с данными о сотрудничестве лидеров басмачества с немцами передал советскому послу также сведения о подрывной деятельности немцев и японцев в Индии. Так, он информировал К. Михайлова об аре-

сте в Кабуле афганского пилота Гулям Амар-хана, являвшегося связным между итальянским посольством и Факиром из Ипи, и индийского торговца Канширана, который был связан с Уттам Чандом. При этом англичанин добавил: «Немцы в последнее время усиливают свою враждебную связь с Факиром из Ипи, не удовлетворяясь той работой, которая ведется... итальянцами». Кроме этой информации А. Ланкастер довел до сведения советского посла, что японская разведка также активизировала свою деятельность против Индии с территории Афганистана. От него же К. Михайлов узнал, что в СЗПП дислоцирована крупная группировка английских войск из 7 дивизий.

После инцидента в Хосте, оказавшись перед угрозой всеобщего восстания приграничных пуштунских племен, Великобритания сделала все возможное, чтобы избежать мятежа на индо-афганской границе. В связи с этим британская разведка стала более решительно бороться против деятельности фашистской агентуры среди басмачества. Как установили англичане, многие члены антисоветских басмаческих организаций в Афганистане

▲ Аллахвердов М.А

выполняли задания германской разведки в Индии. С их помощью немецкое посольство наладило контакт с Факиром из Ипи.

Так как по совместной договоренности между Лондоном и Москвой пресечение сотрудничества антисоветских организаций в Афганистане являлось прерогативой НКВД, англичане, чтобы ликвидировать фашистскую агентуру среди басмачества, были вынуждены обратиться за помощью к советской разведке.

5 августа 1942 г. В. Коннор-Грин посетил советское посольство и сообщил К. Михайлову, что ему удалось установить: в Кандагаре немцы организовали явку для переправки своих агентов из Ирана в Индию. Хозяином пересылочного пункта является эмигрант из Ташкента муфтий Сатруддин, к которому за последние 3 месяца под видом паломников из Мешхеда прибыло 5 фашистских агентов: Номан-хан, Омар-джан, Сафтар-хан, Султан и Муртаза. Один из них, контрабандист Омар-джан, доставил в германское посольство 2 письма и карту, на которой была отмечена дислокация советских и британских войск в Иране. Английский разведчик далее рассказал, что после выполнения этого задания Омар-джан по заданию немцев выехал в Вазиристан.

Сообщив эти сведения, В. Коннор-Грин высказал пожелание, чтобы советская разведка не производила арестов немецких связных, о которых он сообщил советскому послу, так как этот арест лишит англичан возможности следить за их деятельностью. Через некоторое время после этой встречи Коннора-Грина с К. Михайловым англичане обратились к советской разведке с просьбой предоставить им сведения о муфтии Сатруддине и вскоре получили из посольства СССР в Кабуле интересующие их материалы.

Передавать советскому посольству информацию о деятельности разведок стран Оси близ индо-афганской границы английские разведчики в Кабуле стали под нажимом посланника Ф. Уайли, который был встревожен положением в зоне пуштунских племен и стремился заручиться поддержкой советского посла, чтобы, в крайнем случае, вновь предпринять совместный демарш перед афганским правительством.

В одиночных, хотя и яростных, «атаках» на афганское правительство Ф. Уайли терпел постоянные неудачи. Британский посланник по своей инициативе проинформировал К. Михайлова о его трудных переговорах с Хашим-ханом. 14 августа 1942 г. англичанин сообщил советскому послу, что он 8 августа 1942 г. встречался с афганским премьер-министром и заявил ему протест по поводу той помощи, которую итальянское посольство в Кабуле оказывает Факиру из Ипи. Хашим-хан, по словам английского дипломата, отказался этому верить. Премьер попытался убедить Ф. Уайли, что «все афганцы, которые были связаны с итальянской миссией... арестованы и... никаких денег итальянская миссия Факиру из Ипи послать не может...».

Глава афганского правительства высказал предположение, что Факир получает деньги не из Кабула, а из Индии. В ответ Ф. Уайли еще раз заявил Хашим-хану, что восставшие вазиры получают помощь от итальянцев из Кабула. После этого Хашим-хан перевел разговор на другую тему, дав понять, что не желает далее обсуждать этот вопрос.

Посол К. Михайлов, который всегда перепроверял полученную от англичан информацию, с помощью советских разведчиков через некоторое время выяснил: британский посланник скрыл от него, что во время своей встречи с Хашим-ханом он попытался скомпрометировать лидера вазиров. С этой целью Ф. Уайли заявил премьер-министру Афганистана, что он должен быть доволен бомбардировками в Вазиристане, так как «англичанам известно, что вазиры и... их вождь Факир из Ипи на итальянские деньги пытался... не только причинить некоторые неприятности англичанам, но и собирался выступить против Кабула». Афганский премьер-министр не поверил этим измышлениям.

Чтобы опорочить Факира из Ипи перед населением Афганистана, ан-

гличане распустили по Кабулу слухи о сотрудничестве лидера вазиров с британскими властями в Индии. Подобного рода вымыслы распространялись ими и в 1943—1945 гг., когда все попытки британской разведки убить Факира из Ипи не увенчались успехом.

К слухам, да еще к таким упорным, на Востоке всегда относились серьезно, поэтому советская разведка тщательно проверила информацию о возможном сотрудничестве Факира из Ипи с англичанами. И в начале сентября 1942 г. руководство внешней разведки СССР получило из Кабула справку о положении в Вазиристане. В этот обширный документ были включены и материалы проверки слухов о Факире из Ипи, опровергнутые советскими разведчиками в Афганистане. В справке указывалось: «... Факир является закоренелым и убежденным врагом англичан и может оказать державам оси существенную помощь в их борьбе против союзных держав. Из всего вышесказанного явствует, что положение в Вазиристане заслуживает пристального внимания с нашей стороны. Если учесть еще, что, кроме вазиров, которые одни могут выставить 40—50 тыс. первоклассных в условиях горной страны воинов, имеется еще около 3 миллионов патанов других племен, способных выставить 300—400 тыс. воинов, то нельзя будет не признать, что мы должны самым внимательным образом следить за положением во всей полосе „независимых" племен».

Располагая информацией о подрывной деятельности фашистской агентуры в зоне пуштунских племен и среди басмачества и видя, что афганское правительство готово перейти на сторону Германии, английская и советская разведки стали более тесно сотрудничать в Афганистане и Индии. В первой половине 1942 г. во время встреч британского посланника С. Криппса с заместителем министра иностранных дел СССР Я. Вышинским были обсуждены основные вопросы о координации деятельности спецслужб СССР и Великобритании в Афганистане.

В конце 1942 г. обмен развединформацией о деятельности фашистской агентуры стал осуществляться по двум главным каналам: через представительство британской разведки в Москве, возглавляемое полковником (затем генералом) Джорджем Хиллом, а также во время встреч М. Аллахвердова с А. Ланкастером в Кабуле. Когда в октябре 1942 г. в афганскую столицу прибыл Бхагат Рам, он был извещен Заманом, что теперь он будет работать и на британскую разведку.

Благодаря полученным от него сведениям, СССР и Англия знали все о планах стран Оси в Индии. Но ИПР, которую возглавлял Ч. Сильвер, настолько засекретила Бхагат Рама, что 29 ноября 1942 г. он был арестован в Индии британскими контрразведчиками. Бхагат Рам сообщил им, кем является, но они не поверили, что «человек Мацотты» является агентом ИПР, и ему пришлось некоторое время пробыть под арестом.

Через Бхагат Рама англичане знали о планах немцев о высадке десанта в Вазиристане. Поэтому они решили убить Факира из Ипи. 12 января 1943 г. британские агенты совершили

покушение на лидера вазиров. Однако тяжело раненный в результате взрыва ручной гранаты Факир выжил. Попытка англичан ликвидировать самого известного и авторитетного вождя пуштунов Вазиристана только вновь накалила обстановку в полосе «независимых» племен. Даже ранее лояльные к британским властям приграничные племена послали деньги Факиру из Ипи.

Пока лидер вазиров был прикован к постели, британская разведка могла не опасаться, что немцы высадят свою разведгруппу в Вазиристане. Но в феврале 1943 г. британская разведка получила достоверную информацию о подготовке разведками стран Оси нового восстания в Вазиристане. На этот раз активную помощь германской разведке в полосе «независимых» пуштунских племен оказывала антисоветская организация «Фаал». Чтобы получить всю информацию о планах этой организации, британская разведка использовала в качестве приманки для фааловцев и абвера организацию бухарских эмигрантов в Индии «Энджумен Бухари». С помощью своих агентов в ее руководстве английские спецслужбы смогли перехватить письма Тирази, в которых лидер «Фаал» сообщал о планах содействия Германии в организации очередного британского восстания в Вазиристане весной 1943 г.

«Фаал» сотрудничала с германской разведкой как против Англии, так и против СССР. Поэтому 15 мая 1943 г. английский посол в Москве А. Керр вручил В. Молотову памятную записку, в которой англичане сообщали советскому правительству о подрывной деятельности фашистской агентуры в зоне пуштунских племен и Бухаре. В этом документе указывалось на стремление немцев «способствовать беспорядкам на территориях, населенных индийскими племенами, через Факира из Ипи. Британские власти имеют в своем распоряжении список 36 афганских подданных, участвующих в этом замысле». В записке А. Керра подчеркивалось, что организация Тирази помогает немцам «в обмен на германскую помощь против советских властей в Бухаре».

В качестве приложения к памятной записке А. Керр вручил В. Молотову инструкции своего правительства посланнику Ф. Уайли. В них от него требовался немедленный арест 33 фашистских агентов, связанных с Факиром из Ипи. Для пресечения деятельности разведок стран Оси в зоне пуштунских племен британский посланник должен был добиться от афганского правительства:

1. Высылки из страны разведчиков Германии и Италии, работающих в посольствах этих стран в Кабуле.

2. Выдворения из Афганистана 4-х японцев, работающих в Кандагаре.

3. Прекращения продажи афгани дипломатическим миссиям стран оси в Кабуле, чтобы они не могли финансировать Факира из Ипи.

Чтобы доказать правительству СССР необходимость совместного демарша, британское посольство в Кабуле по указанию из Лондона передало советской стороне фотокопии писем Тирази. Москва 19 мая 1943 г. дала свое согласие на совместные с англичанами действия в Афганистане. Однако было решено, что советский посол вручит Хашим–хану ноту протеста только после Ф. Уайли и отдельно от него. На этот раз такая предосторожность с советской стороны была вызвана тем, что Англия требовала выдворения из Афганистана не только фашистских разведчиков, но и агентов Японии, с которой СССР в то время еще не воевал.

26 мая 1943 г., выполняя полученные инструкции из Лондона, Уайли встретился с Хашим-ханом и потребовал от него ареста фашистских агентов и высылки из Афганистана Э. Анцилотти, Д. Витцеля, В. Доха и 4-х японцев. Афганский премьер-министр отказался выполнить требования англичан. После этой встречи Ф. Уайли сообщил послу Михайлову, что афганский премьер-министр при этом заявил: «Немецкий посланник Пильгер не ведет себя в Афганистане хуже, чем Папен в Турции».

Столь резкая реакция со стороны Хашим-хана была вызвана требованием Англии выслать из Афганистана членов посольств стран Германии и Италии. Что они являются разведчиками, афганский премьер знал уже давно, но требование об их выдворении считал нарушением суверенитета Афганистана.

Однако сразу же после визита Ф. Уайли Хашим-хан вызвал к себе Г. Пильгера и потребовал от него, чтобы тот от имени правительства Германии, а не от своего, дал ему гарантии, что немецкие разведчики прекратят свою деятельность в Афганистане. В начале июня 1943 г. Г. Пильгер сообщил Хашим-хану, что германское прави-

▲ Бачаи Сако

тельство согласно взять на себя такие обязательства.

Получив эти заверения, Хашим-хан попытался убедить Ф. Уайли не добиваться высылки членов германского и итальянского посольств, но это ему не удалось. Даже начавшиеся в Афганистане аресты фашистских агентов не заставили англичан снять свои требования о выдворении Э. Анцилотти, Д. Витцеля, В. Доха и 4 японских разведчиков.

8 июня 1943 г. советский посол Михайлов вручил Хашим-хану ноту протеста правительства СССР. После этого афганскому правительству стало ясно, что оно будет вынуждено выполнить требования Великобритании и СССР.

В конце июня 1943 г. афганские власти вручили Э. Анцилотти, Д. Витцелю и В. Доху паспорта для выезда из Афганистана. Из-за проволочек германского посольства В. Дох и Д. Витцель покинули Афганистан только в сентябре 1943 г., а Э. Анцилотти остался в Кабуле, так как к тому времени Италия уже вышла из войны. По фашистской агентуре в Афганистане был нанесен еще один сокрушительный удар, который предвещал скорый конец всей деятельности германской разведки в этой стране. Главная часть работы в этом направлении была уже сделана.

Следует отметить, что эта победа была достигнута ценой ухудшения англо-афганских отношений. Видимо, Ф. Уайли в общении с Хашим-ханом перешел допустимую для дипломата грань. В связи с этим в июле 1943 г. он был отозван английским правительством с поста посланника в Кабуле, хотя и выполнил возложенную на него задачу выдворить из Афганистана главных разведчиков стран Оси.

Англии в 1943 г. в Кабуле уже не был нужен «сильный человек», способный оказывать давление на афганского премьер-министра. Когда Ф. Уайли 26 июля 1943 г. улетал в Индию, в нарушение всех дипломатических правил правительство Хашим-хана устроило ему на прощание демарш: никто из представителей МИДа Афганистана его не проводил. Английский дипломат мог утешить себя лишь тем, что он уезжал победителем.

Чтобы не осложнять отношений с Кабулом, английское правительство заменило «плохого» Ф. Уайли на «хорошего» Джеймса Сквайра, который 5 августа 1943 г. вручил свои верительные грамоты королю Захир-шаху. В лучших традициях Британской империи посланником в Афганистан был назначен человек с большим опытом разведчика и детальным знанием «патанской проблемы». Д. Сквайр длительное время служил в Пенджабе, Пешаваре, Белуджистане, Иране. С 1941 г. он был «дополнительным советником» английского посольства в г. Тегеране... Следует признать, что новый посланник был удачной заменой Ф. Уайли, которому афганцы дали многозначительную кличку Губернатор.

Вскоре и в советском посольстве произошли кадровые перестановки: К. Михайлов был назначен послом СССР в Иране. Разумеется, это была не только награда за 5 лет сверхтрудной деятельности в Кабуле, но еще и перевод на более спокойное место службы. К. Михайлов, как и многие советские дипломаты в годы Великой Отечественной войны, к 1943 г. в результате работы на износ подорвал свое здоровье. Даже в Иране он смог проработать всего несколько месяцев, после чего его срочно отозвали в Москву на лечение.

Афганское правительство с радостью встретило отъезд К. Михайлова. Ему тоже не могли простить высылки в 1943 г. членов дипломатических миссий Германии и Италии. В связи с этим афганцы устроили ему такие же «холодные» проводы, как и Ф. Уайли.

Новым поверенным в делах СССР в Кабуле был назначен И. Самыловский, которому пришлось вновь налаживать сотрудничество с британским посольством в Афганистане, чтобы окончательно пресечь деятельность фашистской агентуры в этой стране. В конце 1943 г. новым советским

послом в Афганистане был назначен кадровый дипломат Иван Николаевич Бакулин. Более до конца Второй мировой войны кадровые перестановки в миссиях антигитлеровской коалиции в Кабуле не производились.

10—11 августа 1943 г. Д. Сквайр и И. Самыловкий обсудили направления и тактику дальнейших действий в Кабуле. Англичанин сообщил своему советскому коллеге, что немецкая миссия все еще финансирует Факира из Ипи. В связи с этим Д. Сквайр предлагал продолжать добиваться от Хашим-хана ограничения «отпуска средств миссиям стран Оси через Афганбанк», но при этом подчеркивал, что «нажимать на афганцев не следует, дабы не вызвать осложнений в Афганистане». В 1944—1945 гг. эта фраза, можно сказать, стала девизом всей дальнейшей политики Великобритании и Советского Союза в отношении этого государства.

В Лондоне и Москве видели, что третий рейх неизбежно приближался к своему краху, и афганское руководство, чтобы ему потом не вспомнили тайные контакты со странами оси в 1941—1942 гг., готово было к более тесному сотрудничеству с СССР и Великобританией. В этих условиях необходимость в совместных советско-английских демаршах в Кабуле отпала.

В сентябре 1943 г. начавшийся распад германского блока принес весомый подарок дипломатам и разведчикам Англии и СССР в Афганистане. После отстранения Муссолини от власти и объявления Италией войны Германии британское и советское посольства в Кабуле получили в свое распоряжение ценнейший источник информации о деятельности стран Оси в Афганистане: итальянский посланник П. Кварони и советник Э. Анцилотти, подчиняясь приказу правительства Бадольо, были вынуждены вести многочасовые «беседы» с представителями Англии и США, а затем и СССР.

Надо отдать должное дальновидности итальянского посланника, который, получив из Рима сообщение о свержении Муссолини, сразу же опубликовал в афганских газетах заявление о своей верности итальянскому королю Виктору-Эммануилу III, а не фашистскому режиму. Однако на какие-либо контакты с дипломатическими миссиями стран антигитлеровской коалиции в Кабуле П. Кварони до последней возможности не шел, боясь, что ему придется ответить за его подрывную деятельность в зоне пуштунских племен.

Понимая, что по своей воле итальянский посланник не расскажет о сотрудничестве разведок Оси в Афганистане, английское правительство заключило с правительством Бадольо соглашение, согласно которому Великобритания взяла на себя все расходы по содержанию итальянской миссии в Кабуле. Взамен Лондон потребовал, чтобы связь П. Кварони с итальянским правительством осуществлялась через британское посольство, а сам посланник сообщил английским представителям все о своей работе с немцами в Афганистане. Одним словом, итальянского дипломата загнали в угол. Проигнорировать приказ руководства он не мог и стал активно раскрывать Великобритании и СССР тайны бывших союзников по Оси.

29 сентября 1943 г. британский посланник Д. Сквайр посетил советское посольство и сообщил И. Самыловскому, что недавно получил из Лондона 2 телеграммы, в которых ему приказывалось привлечь членов итальянской миссии к сотрудничеству с целью «получения от них всех сведений, которые могут быть полезными для союзников в войне против Германии».

Далее английский дипломат уведомил поверенного в делах СССР о своей предстоящей первой встрече с П. Кварони, которая должна была состояться вечером этого же дня. Д. Сквайр отметил: «Афганцы всем этим очень напуганы и боятся, что союзники установят хорошие связи с итальянцами. Итальянцы могут, очевидно, многое рассказать об афганском правительстве и отдельных афганцах».

В течение трех недель после этой встречи с И. Самыловским британский посланник 3 раза встречался с П. Кварони, которому задал более ста вопросов о деятельности миссий стран Оси в Афганистане и Индии в годы Второй мировой войны. Но наиболее детально с итальянским дипломатом (почти каждый день) в сентябре-октябре 1943 г. «беседовал» первый секретарь британского посольства В. Коннор-Грин.

П. Кварони во время этих встреч с англичанами подробно рассказал им о подрывной деятельности германской и японской разведок в Афганистане, но постарался принизить свою роль в создании разведсети стран Оси в Афганистане и Индии. Он также долго не соглашался назвать имена тех членов афганского правительства, которые сотрудничали с Германией и Италией. Только получив от Д. Сквайра гарантии, что Англия не будет преследовать этих лиц, П. Кварони сообщил англичанам их имена. Британская разведка провела проверку информации, поступившей от П. Кварони, и сделала вывод, что итальянский посланник говорит правду.

Советское посольство стремилось как можно быстрее узнать от англичан, что им рассказал итальянец, но те не спешили поделиться со своими союзниками полученной информацией. Поэтому 19 октября 1943 г. поверенный в делах СССР в Афганистане И. Самыловский посетил британское посольство, чтобы выяснить содержание бесед Д. Сквайра с П. Кварони.

Английский посланник проинформировал советского дипломата, что в его беседах с итальянцем «затрагивались только вопросы, касающиеся антибританской работы... в Индии». Далее Д. Сквайр, пользуясь своими записями, в общих чертах пересказал И. Самыловскому наиболее интересные сведения, полученные от П. Кварони. Так, он сообщил, что, по словам Кварони:

1. «Итальянская миссия свою работу в Индии вела через Факира из Ипи», передав лидеру вазиров 1 млн 900 тыс. афгани.

2. «Субхас Чандра Бос по фальшивому паспорту, который выдала итальянская миссия, уехал (из Афганистана. – *Ю. Т.*) в Германию. [...] Когда у немцев была перспектива захвата Сталинграда и Кавказа, а в дальнейшем возможность движения на Средний Восток и Индию, они не хотели, чтобы (антибританской. – *Ю. Т.*) работой в Индии занимались одни японцы». После поражения вермахта под Сталинградом Германия передала С. Ч. Боса японцам, которые с помощью бывшего президента ИНК хотели организовать подрывную деятельность против Британской Индии с территории Афганистана и Бирмы;

3. Между итальянской и германской миссиями в Кабуле были разногласия по вопросу о работе с бухарскими эмигрантами, так как П. Кварони предупреждал Г. Пильгера, что ставка на их массовую вербовку без серьезной проверки «приведет к провалу всего дела».

Ничего нового в информации П. Кварони для британской и советской разведки не содержалось. Более того, итальянский посланник явно занизил сумму, потраченную Италией на поддержку Факира из Ипи. Но для англичан было важно, что П. Кварони подтвердил их информацию о сотрудничестве некоторых афганских политиков со странами Оси.

Этими сведениями Д. Сквайр не захотел делиться с советской стороной. Поэтому И. Самыловскому в ноябре 1943 г. пришлось принять меры, чтобы англичане предоставили ему возможность самому встретиться с П. Кварони. После различных проволочек британская миссия все же «порекомендовала» итальянскому посланнику посетить советское посольство.

30 ноября 1943 г. П. Кварони нанес визит И. Самыловскому. В ходе их первых бесед никакой ценной информации от итальянца советская сторона не получила. П. Кварони долгое время не хотел сообщать информацию о подрывной деятельности стран Оси на севере Афганистана.

Так, 21 декабря 1943 г. итальянский посланник посетил советское посольство и более двух с половиной часов беседовал с И. Самыловским. П. Кварони охотно поделился с ним сведениями об Аманулле-хане и попытках Дауд-хана и Наим-хана в 1942 г. заключить тайное соглашение с Германией и Италией о создании в Афганистане нового правительства, готового «содействовать

немцам и итальянцам в их движении на Индию».

Когда же И. Самыловский сказал, что его интересуют «некоторые вопросы о бухарских эмигрантах», итальянский посланник заявил, что «он с этим вопросом в деталях не знаком, непосредственно им не занимался и сказать дополнительно ничего не имеет». Однако уже на следующей встрече с советским поверенным, которая состоялась 8 января 1944 г., итальянский дипломат все же сообщил И. Самыловскому сведения о бухарском эмире Алим-хане и его окружении, а также о попытках германской разведки использовать узбекских и туркменских эмигрантов в Афганистане в своих интересах.

12 и 17 февраля 1944 г. итальянский посланник уже встретился с резидентом М. Аллахвердовым и рассказал ему о сотрудничестве итальянской разведки с немецкими спецслужбами в Афганистане. П. Кварони также перечислил Заману имена тех афганцев, которые тайно работали на фашистскую Италию. Среди этих лиц П. Кварони назвал министра экономики Абдул Меджида и министра здравохранения Яхья-хана, о сотрудничестве которых с итальянцами советская разведка ничего не знала.

Подводя итоги бесед советских представителей с итальянским посланником, следует отметить, что почти все сообщенное им было уже известно внешней разведке. В связи с этим ценность его информации для СССР была минимальна. Но в Москве оценили готовность П. Кварони к сотрудничеству, а также тот факт, что он «активной работы против СССР не проводил». В связи с этим в 1944 г. итальянец, после всех согласований с Кремлем был назначен итальянским правительством послом в Советский Союз.

В своих беседах с английскими и советскими разведчиками П. Кварони неоднократно указывал, что резидентом германской разведки в Афганистане является К. Расмус. Но, к удивлению афганского правительства, Англия и СССР не требовали выдворения из страны этого разведчика, хотя он возглавлял всю германскую агентуру в Афганистане и Индии.

Секрет заключался в том, что британская и советская разведки были заинтересованы в его пребывании в Кабуле. ИПР было выгодно, чтобы К. Расмус продолжал руководить работой Бхагат Рама, так как между ним и немецким разведчиком установились дружеские отношения. Британский историк М. Хаунер, который подробно изучил документы английской разведки по Афганистану и северо-западной границе Британской Индии, по этому поводу пишет: «Английская разведка придавала важное значение тому, чтобы К. Расмус продолжал находиться в Кабуле… из-за ровных рабочих отношений, установившихся между ним и Бхагат Рамом».

Внешняя разведка СССР также не хотела выдворения К. Расмуса из Афганистана, но по другой причине: советские разведчики в Кабуле еще не были готовы к вербовке германского резидента, которому в НКВД присвоили псевдоним Магистр. В октябре 1943 г. в Кабул с этой целью прибыл советский разведчик А. Коротков, который считался удачливым мастером вербовки немецких офицеров высокого ранга.

24 октября советским разведчикам удалось заманить К. Расмуса на одну из своих конспиративных квартир. Там А. Коротков (полковник Михайлов) и М. Аллахвердов (советник посольства СССР Алмазов) предъявили ему документы на все деньги, переданные Бхагат Рамом в советское посольство, шифры и коды для радиосвязи между Берлином и Индией и 2 рации. После этого «полковник Михайлов» заявил немцу: «Прежде всего, ознакомьтесь с этими уликами. Вдумайтесь. Спокойно и серьезно оцените обстановку и свое положение. Видите: вот документы на деньги, которые благодаря вашей неосторожности и ошибкам поступили в фонд обороны СССР. Вот рации. Вот шифры, коды, благодаря которым расшифрованы все ваши радиообмены с Берлином и Дели. Это тоже результат ваших просчетов. Поймите, ошибаться может каждый. Но если из-за ваших ошибок и просчетов вся ваша работа оказалась использованной в наших интересах, то это уже хуже, чем ошибка. Это фактическая измена. Это прямая помощь врагам Германии. И эту помощь мы регулярно получали от вас все это время. Мы можем разоблачить вас перед Берлином, переслать туда подлинные документы. Ваше руководство не простит вам этого никогда».

Чтобы советские разведчики выпустили его живым, К. Расмус пообещал встретиться с ними и дать ответ на предложение работать на советскую разведку 26 октября. На встречу он не явился.

А 5 ноября 1943 г. английский посланник Д. Сквайр сообщил И. Самыловскому, что германское правительство отзывает К. Расмуса. Через три недели немецкий резидент тайно выехал из Афганистана и через некоторое время был уже в Берлине. Таким образом, вербовка Расмуса провалилась.

Его бегство, как это ни удивительно, не скомпрометировало Бхагат Рама, так как беглец обвинил в своем провале одного из руководителей басмачества в Афганистане, Махмуд-бека, который действительно сотрудничал с советской разведкой. Поэтому немцы, уверенные в надежности своего резидента в полосе «независимых» пуштунских племен Британской Индии, передали его японцам и тем самым обрекли на провал все попытки японской разведки развернуть подрывную работу среди восточных пуштунов. Одним словом, все закончилось благополучно, а могло быть и совсем наоборот...

Здесь следует отметить, что случай с К. Расмусом в очередной раз проявил скрытое соперничество между советской и британской спецслужбами в Афганистане. Неоднократно действия английской стороны осложняли работу нашей разведки. Так, весной 1942 г. по требованию Ф. Уайли среди прочих немецких шпионов был арестован Махмуд-бек, который был агентом-двойником. Судя по архивным документам, это стало для англичан неприятным сюрпризом. Но факт остается фактом: британская сторона невольно подложила свинью своему советскому партнеру или, используя современную натовскую терминологию, попала под дружественный огонь.

Порой этот огонь велся прицельно. Больший урон работе кабульской резидентуры НКВД нанес арест Уттам Чанда. В данном случае англичане хорошо знали, что этот индиец работает не только на абвер, но и на советскую разведку. Его дом являлся местом встреч Бхагат Рама с Заманом... Уттам Чанд даже посещал советское посольство. Ему настолько удавалась эта двойная игра, что после его ареста сложилась довольно пикантная ситуация: сперва его освобождения у афганского правительства требовал Г. Пильгер, а после высылки Уттам Чанда в Индию за него стал хлопотать НКВД, чтобы вернуть своего человека в Кабул. Англичане отклонили эту просьбу Москвы...

В 1943 г. пришел черед советской разведки преподнести ИПР неприятный сюрприз. Неудачная вербовка К. Расмуса, видимо, заставила британскую разведку внести серьезные коррективы в свою деятельность...

Несмотря на эти досадные инциденты, СССР и Великобритании в Афганистане удалось сорвать все попытки стран Оси спровоцировать мятеж в зоне пуштунских племен в 1941—1943 гг. и реанимировать басмаческое движение в Средней Азии. Таким образом, Германии и ее союзникам не удалось в годы Второй мировой войны использовать Афганистан в качестве плацдарма в «тайной войне» против стран антигитлеровской коалиции. ■

А.В. ЛОБАНОВ

ТАНКИ, ШТУРМОВЫЕ ОРУДИЯ, САУ ВЕРМАХТА

▲ Советский Зверобой

Сразу же после прихода в Германии нацистов к власти было начато развертывание полноценных вооруженных сил — вермахта — и создание в составе сухопутных сил подвижных соединений.

Во Франции и Великобритании танковые войска рассматривались исключительно через призму былых сражений периода 1914-1918 гг. В Великобритании упорно делили танки на пехотные и крейсерские, во Франции танки делились на пехотные и кавалерийские. Поэтому на фоне танков западных держав танковые войска вермахта являли собой весьма прогрессивное явление. И в плане конструктивном, и в плане их боевого применения. Прежде всего, в вермахте отказались от деления танков по предназначению на пехотные и крейсерские. Танки, сведенные в крупные соединения, должны были выполнять при необходимости любые функции: и танков сопровождения пехоты, и танков развития успеха.

В течение всей II мировой войны танковые войска составляли основную ударную силу сухопутной армии нацистского рейха. Ни одно из крупнейших сражений не обходилось без участия в нем частей и соединений панцерваффе, решавших зачастую исход сражения своими дерзкими и решительным действиями.

В вермахте перешли (аналогично РККА) к подразделению танков на легкие, средние и тяжелые. Но если в СССР таким критерием являлась только масса танка, то в Германии танки долгое время подразделялись по классам как по массе, так и по вооружению. Например, первоначально танк Pz. Kpfw. IV рассматривался как тяжелая боевая машина,

исходя из его вооружения — 75-мм пушки, — и считался таковым вплоть до лета 1943 г.

Одними из первых в Германии приступили и к массовому производству самоходной артиллерии (штурмовых орудий, самоходных артиллерийских установок, истребителей танков, противотанковых самоходных установок), рассматривавшихся как средство усиления пехоты и танков на поле боя. При этом вплоть до июля 1943 г. штурмовые орудия, самоходные пехотные орудия и бронированные самоходные истребители танков организационно входили в состав артиллерии, а не панцерваффе.

Значительно усилили танковые войска Германии захваченные в Чехословакии танки Pz.Kpfw.35(t) (LT-35) и произведенные уже по заказам вермахта танки Pz. Kpfw. 38(t) (LT-38), обладавшие намного более высокими боевыми характеристиками, чем самые массовые немецкие танки Pz. Kpfw. I и Pz. Kpfw. II.

Бронетанковую технику Германии, созданную в период 1934-1940 гг., в основном отличали высокая надежность, простота и удобство обслуживания и эксплуатации, простота управления. Техника же, созданная в годы войны, уже не могла похвастаться такими показателями. Спешка и торопливость при разработке и запуске в производство танков Pz. Kpfw. V "Panther" ("Пантера"), Pz. Kpfw. VI Ausf. E "Tiger" ("Тигр") и Pz. Kpfw. VI Ausf. B "Tiger II" ("Королевский Тигр") негативно сказались на их надежности и эксплуатационных характеристиках, особенно это касалось Pz. Kpfw. V "Panther" и Pz. Kpfw. VI Ausf. B "Tiger II" («Королевский «Тигр»).

Все танки, поступавшие на вооружение вермахта, получали буквенную аббревиатуру Pz. Kpfw. (сокращенное от Panzerkampfwagen — бронированная боевая машина) и порядковый номер. Модификации обозначались буквами латинского алфавита и аббревиатурой Ausf. — сокращенным словом Ausfuhrung — модель, исполнение, вариант. Командирские танки обозначались Pz. Bf. Wg. — Panzerbefehlswagen.

***

Легкий танк Pz. Kpfw. I разработан на основе легкой бронированной гусеничной машины. Он был первым танком, запущенным в серийное производство. Танк имел слабое бронирование и вооружение (два пулемета MG-12 калибра 7,92-мм с боекомплектом 1 525 патронов). Для экипажа из двух человек имелось 5 смотровых щелей в надстройке и 6 в башне. Вентиляция боевого отделения была недостаточной, и двигатель воздушного охлаждения перегревался. Но его поставки в войска позволили командованию вермахта развернуть танковые соединения и осуществить крупномасштабное обучение специалистов танковых войск и командных кадров, отработать принципы применения частей и соединений панцерваффе.

Шасси танков Pz. Kpfw. I активно использовалось для создания бронированных машин различного назначения. В 1935-1940 гг. на базе танков Pz. Kpfw. I выпускалось несколько видов специализированных машин и самоходных установок: INSTANDSEZUNGSKRAFTWAGEN I — легкая бронированная машина технического обслуживания. Предназначалась для обслуживания и ремонта гусеничных машин во всех ротах бронетанковой техники. KL PZ. Bf. WG. (SD. KFZ. 265) — малая бронированная командирская машина.

▲ Немецкий легкий танк Pz. Kpfw. I

▲ Немецкий легкий танк Pz. Kpfw. II

MUN SCHL AUF Pz. KPFW. I Ausf. A — транспортер боеприпасов, предназначался для подвоза боеприпасов для танков в бою. 47-мм Pak (t) AUF PZ. KPFW.I Ausf. B PANZERJAGER I — 47-мм истребитель танков. Создан как противотанковая САУ, защищенная броней. 150-мм SLG33 (SF) AUF PZ. KPFW. I Ausf. B — 150-мм тяжелое пехотное самоходное орудие, средство непосредственной поддержки пехоты, способное двигаться в боевых порядках.

Несмотря на широкомасштабное производство танков Pz. Kpfw. I, специалистам и вермахта, и промышленности было совершенно очевидно, что Pz. Kpfw. I нельзя считать полноценной боевой машиной и что вермахту необходимы более мощные танки. Заказ на проектирование нового танка, оснащенного 20-мм пушкой, управление вооружения вермахта выдало фирме MAN в июле 1934 г., а уже с весны 1936 он стал поступать в войска.

В целом Pz. Kpfw. II был более мощным и сбалансированным танком, чем Pz. Kpfw. I, однако и ему было присуще достаточно много недостатков.

Во-первых, даже в середине 30-х г. 20-мм пушка как основное вооружение легкого танка была явно недостаточной. Скажем, сравнимые с Pz. Kpfw. II по массе английские танки «Виккерс-шеститонный» были вооружены 37-мм пушкой, как и французские танки H-35 и R-35, не говоря уже о советском Т-26 с его 45-мм пушкой. Но если «Виккерсы» и Т-26 были сравнимы по бронированию с первыми модификациями Pz. Kpfw. II, то французские H-35 и R-35 были забронированы гораздо лучше.

Во-вторых, использование Pz. Kpfw. II как разведывательного танка имело также ограниченные возможности, поскольку установленная на танке приемо-передающая радиостанция FuG5 имела дальность связи не более 6,4 км в режиме радиотелефона.

В результате танки Pz. Kpfw. II могли вести разведку в лучшем случае в пределах прямой видимости, на удалении не более 5 км от основных сил.

Однако к разведывательному, по сути, Pz. Kpfw. II почему-то были предъявлены требования как к танку, ведущему открытый бой. Хотя общеизвестно, что задача разведывательного танка отнюдь не ходить в атаки. Тем не менее от разработчиков требовали при минимальной массе танка обеспечить бронирование, сопоставимое с бронированием средних танков, а также оснащение разведывательного танка 50-мм пушкой с целью обеспечить ему возможность вести огневой бой со средними танками противника. В результате действительно неплохой разведывательный танк был отвергнут и его производство свернуто.

С другой стороны, достаточно высокая надежность и безотказность Pz. Kpfw. II, удобство обслуживания делали его довольно популярным среди танкистов вермахта.

Если сравнить Pz. Kpfw. II с близким к нему по массе советским легким танком Т-60, то советская машина при меньшем весе имела меньшие габариты, лучшую защищенность (более толстая броня, расположенная под большими углами наклона), что обеспечивало более высокую живучесть на поле боя. Но Т-60 имел меньше средств наблюдения и не располагал радиосвязью.

Созданные на шасси Pz. Kpfw. II истребители танков «Мардер-II» и 105-мм гаубичная САУ «Веспе» оказались весьма удачными.

«Мардер-II» был вооружен трофейной советской 76,2-мм пушкой Ф-22. 20 декабря 1941 года фирме «Алкетт» было поручено установить трофейную советскую 76,2- мм пушку Ф-22 образца 1936 г. конструкции В. Г. Грабина на шасси танка Pz. Kpfw. II Ausf. D.

Дело в том, что советские конструкторы во главе с В. Г. Грабиным еще в середине 30-х г. считали необходимым отказаться от боеприпасов к пушке образца 1902/30 гг. и перейти на другую баллистику, с более мощным зарядом. Но артиллерийские начальники РККА смотрели на отказ от баллистики «трехдюймовки» как святотатство. Поэтому Ф-22 была спроектирована под выстрел образца

1902/30 гг. Но ствол и казенник были спроектированы так, чтобы в случае необходимости можно было просто расточить зарядную камору и быстро перейти на выстрелы с большей гильзой и большим зарядом, повысив тем самым начальную скорость снаряда и мощность пушки. Была предусмотрена и возможность установки дульного тормоза для поглощения части энергии отката.

Немцы должным образом оценили заложенные в конструкции возможности. Зарядная камора пушки была расточена под гильзу большего размера, на ствол установлен дульный тормоз. В результате начальная скорость бронебойного снаряда возросла и достигла почти 750 м/с. Пушка могла бороться не только с Т-34, но и с тяжелыми КВ.

Самоходные противотанковые установки, подвижные и защищенные броней, с достаточно мощным вооружением, позволили в значительной мере решить проблемную задачу обеспечения противотанковой обороны соединений панцерваффе, обеспечили постоянное сопровождение противотанковой артиллерией подразделений мотопехоты и танков на поле боя.

***

Средний танк Pz. Kpfw. III можно отнести к классу т.н. «легких-средних» танков, т. е. танков, которые уже превзошли по своим характеристикам классические легкие танки, но еще не приблизились к классическим средним танкам по вооружению и защищенности.

Во второй половине 30-х гг. такие «легкие-средние» танки еще могли найти применение на поле боя, хотя бурное развитие противотанковой артиллерии калибров 37-47 мм уже делало их достаточно легкой добычей средств противотанковой обороны, а для самостоятельных действий в отрыве от пехоты в глубине обороны противника эти танки имели недостаточное вооружение.

Если сравнивать Pz. Kpfw. III с танками, близкими к нему по характеристикам на момент создания в 1936-1937 гг., то наиболее близки к нему по массе были советский БТ-7 и английские крейсерские танки MkI, MkII и MkIII, а также в какой-то мере французский Somua S-35.

БТ-7 при массе 13,8 т имел бронирование 15-20 мм, скорость на гусеницах 52 км/ч и вооружение — 45-мм пушку и один 7,62-мм пулемет. Британские крейсерские танки имели массу 13-14,4 т, бронирование лобовой части и бортов корпуса и башни — от 16 до 30 мм, скорость — 43-50 км/ч, вооружение — 40-мм пушку и 7,69-мм пулемет. Французский танк имел боевую массу 19,5 т, бронирование — 36-58 мм, скорость — 37 км/ч, вооружение — 47-мм пушку и пулемет 7,5-мм.

На модификациях Pz. Kpfw. III Ausf. A-E в качестве основного вооружения устанавливалась 37-мм пушка KwK L\45. С пушкой были спарены два 7,92-мм пулемета MG34, которые могли наводиться как совместно с ней, так и самостоятельно. Скорострельность пушки — 15-18 выстрелов в минуту. В боекомплект входили выстрелы с бронебойным, осколочно-фугасным и подкалиберным снарядами.

В 1940-1941 гг. большая часть танков Pz. Kpfw. III Ausf. E и практически все танки модификации Pz. Kpfw. III Ausf. D были перевооружены 50-мм пушкой KwK38 L/42, количество спаренных пулеметов уменьшено до одного.

На танке устанавливались бензиновые карбюраторные 12-цилиндро-

▲ Немецкий средний танк Pz. Kpfw. III

вые двигатели мощностью 250 и 300 л.с. Все танки Pz. Kpfw. III оснащались приемо-передающей УКВ радиостанцией FuG5, с дальностью связи 4,5 км в режиме радиотелефона и 5,5 км в режиме радиотелеграфа.

На шасси среднего танка Pz. Kpwf. III выпускались 75-мм штурмовые орудия, 105-мм штурмовые гаубицы и огнеметные танки. Исходя из опыта городских боев в Сталинграде осенью 1942 года, на танке вместо пушки устанавливался огнемет с дальностью огнеметания 55-60 м.

Немецкий средний танк Pz. Kpfw. IV можно отнести к числу лучших средних танков II мировой войны, хотя и с некоторыми оговорками. Танк был достаточно технологичен и конструктивно проработан, что обеспечило его массовый выпуск, прост и удобен в обслуживании и эксплуатации, надежен, безотказен и неприхотлив. Хотя надежность и безотказность в работе ряда агрегатов танка была достигнута все же чрезмерной сложностью конструкции и трудоемкостью в производстве. Тем не менее Pz. Kpfw. IV был единственным немецким танком, находившимся в производстве с первого до последнего дня II мировой войны.

В 1939-1941 гг. по своему вооружению Pz. Kpfw. IV считался средним танком поддержки (и даже тяжелым танком), основными целями для него считались полевые фортификационные сооружения пехоты, противотанковым возможностям отводилась второстепенная роль. Немецкий танк уступал по огневой мощи не только Т-34-76 с его длинноствольной 76,2-мм пушкой, но и британским крейсерским и пехотным танкам с 40-мм пушками. Снаряды 75-мм пушки KwK37 L|24 могли поражать Т-34 только с предельно малых дистанций. Британский пехотный танк «Матильда» Pz. Kpfw. IV не мог поразить ни при каких обстоятельствах, за исключением использования кумулятивных снарядов, но таких боеприпасов в 1941 г. в боекомплекте Pz. Kpfw. IV практически не было. Британские крейсерские танки Mk I — Mk VI поражались из пушки KwK37 L\24 с дальности 300-350 метров.

▲ Немецкий средний танк Pz. Kpfw. IV

После перевооружения Pz. Kpfw. IV длинноствольной 75-мм пушкой KwK40 L\43 и KwK40 L\48, с длиной ствола 43 и 48 калибров соответственно, огневые возможности немецкого танка резко возросли.

Советский танк Т-34 теперь мог поражаться из пушки KwK40L\43 бронебойным снарядом на дистанции до 1 800 метров и на дальности до 1 500 — подкалиберным. Из пушки KwK40 L\48 броня Т-34 пробивалась бронебойным снарядом на дальности 2 000 м и подкалиберным — 1 500 м.

Британский пехотный танк Mk II «Матильда» с 78-мм лобовой броней, имевшей сложный профиль, мог быть поражен с 575 метров бронебойным снарядом из пушки KwK40 L\43 и с 800 метров — бронебойным снарядом пушки KwK40 L\48. Дальность поражения подкалиберными снарядами составляла 940 и 1 200 м. Вертикальный лобовой 60-мм броневой лист пехотного танка Mk III «Валентайн» бронебойные снаряды 75-мм длинноствольной пушки Pz. Kpfw. IV пробивали на дальности 2 100-2 200 метров. Лобовой наклонный 101-мм лист корпуса пехотного танка Mk VII «Черчилль» мог быть пробит подкалиберным снарядом пушки KwK40 L\48 на дальности мене 500 метров.

Британские легкие крейсерские танки Mk I — Mk V, имевшие бронирование корпуса, не превышавшее 20 мм, бронебойные снаряды пушки KwK40 пробивали на любой дальности, крейсерские танки Mk VI «Крусейдер», получившие бронирование до 51 мм, поражались бронебойным снарядом на дальности 1 250-1 350 м и подкалиберным — 1500 м.

С появлением в 1943 — 1945 гг. у британцев новых крейсерских танков «Кентавр», «Кромвель» возможности по их поражению Pz. Kpfw. IV первоначально практически не снизились. 64-мм вертикальную броню корпуса «Кентавра» и «Кромвеля» пушка KwK 40 могла поразить на дальности до 2 200 метров бронебойным снарядом, 76,2-мм вертикальное лобовое бронирование башни поражалось с 1300-1 400 метров бронебойным снарядом и с 1 500 метров — подкалиберным.

Лишь у «Кромвель VII» и «Кромвель VIII» с вертикальным 101-мм бронированием лобовой части корпуса дальность их поражения из 75-мм длинноствольной пушки танка Pz.Kpfw. IV сократилась до 400-500 метров для бронебойного снаряда и до 800-900 метров — для подкалиберного.

▲ Американский танк Шерман

Американские средние танки М3, имевшие бронирование лобовой части корпуса не более 50,8 мм, поражались пушкой KwK40 на дальности 1 500-1 700 метров. Танки М4 «Шерман» выпуска 1942-1943 гг. имели лобовую наклонную броню корпуса и башни толщиной 50,8 мм и 76,2 мм соответственно. Лобовой наклонный броневой лист корпуса танка М4 из пушки Kwk40 мог быть поражен на дальности 1 200-1 250 метров бронебойным снарядом и 1 500 метров — подкалиберным. Лобовая наклонная башенная броня «Шермана» пробивалась на дальности 450-500 и 850-950 метров соответственно.

В целом Pz. Kpfw. IV, вооруженный 75-мм пушкой KwK40, обладал достаточным огневым могуществом, чтобы поражать большинство танков противника на дальностях 1 500-2 000 метров.

Бронирование Pz. Kpfw. IV в годы войны претерпело существенное усиление. Защищенность Pz. Kpfw. IV модификаций B-D можно считать явно недостаточной для танка, предназначенного для действий против полевых укреплений вражеской пехоты. 30-мм лобовая и 20-мм бортовая броня свободно пробивалась снарядами основных противотанковых пушек того времени калибра 37-47 мм на дальности более 1 000 метров, как и 37-47-мм пушками большинства легких и средних танков того времени.

Усиление бронирования в лобовой и бортовой части у всех трех модификаций повысило защищенность от огня 37-47-мм артиллерии. Снаряды советских 45-мм пушек могли пробить 50-мм и 60-мм броню на дальности не более 250-400 метров.

Советская 76,2-мм пушка Ф-34 танка Т-34 пробивала бронебойным снарядом 50-мм лобовой броневой лист немецкого танка с дальности 1 500 метров и 60-мм лобовую броню с 1 000-1 100 метров.

Лобовая броня корпуса и башни танка Pz. Kpfw. IV была доведена до 80 мм монолитного броневого листа. Советская 76,2-мм пушка Ф-34 пробивала 80-мм броню немецкого танка с дальности не более 350 метров бронебойным снарядом БР0350Ф, с дальности не более 800 метров — бронебойным подкалиберным снарядом БР-350П и с дальности 1 000 м — бронебойным снарядом БР-354. Бронебойный тупоголовый снаряд БР-365 85-мм пушки ЗИС-С-53 пробивал 80-мм броню на дальности 2 000 метров, бронебойный снаряд БР-365К — на дальности 1 500 метров.

Необходимо отметить несбалансированность броневой защиты Pz. Kpfw. IV последних модификаций. Слабость силовой установки не позволила усилить до 50-60 мм бронирование бортовых проекций. В результате танк. Попадая под перекрестный огонь советской противотанковой обороны. Мог поражаться в борт не только 76,2-мм пушками с дальности до 2 000 метров, но и достаточно маломощными 45-мм противотанковыми батальонными пушками 53-К обр. 1937 г. с дальности 100-1200 метров.

Обзорность из Pz. Kpfw. IV была одной из лучших среди средних танков. Танк располагал большим числом смотровых приборов, в том числе у командира танка имелась командирская башенка со смотровыми приборами по периметру, практически все члены экипажа располагали приборами наблюдения. Из противников немецкого танка первоначально наихудший обзор имел Т-34, однако по мере совершенствования конструкции обзорность из советского танка улучшалась.

Подвижность Pz. Kpfw. IV была на достаточно приемлемом уровне, по этому показателю немецкий танк уступал только советскому Т-34 и британским крейсерским танкам. Но при этом запас хода был явно недостаточным для танка, предназначенного для действий в составе самостоятельных танковых соединений в отрыве от основных сил. В результате в 1941 г. танкам приходилось буксировать прицепы с дополнительными емкостями с топливом.

Трансмиссия Pz. Kpfw. IV отличалась надежностью и безотказностью в работе, удобством обслуживания. В то же время подвеска танка была худшей из всех немецких средних и тяжелых танков по обеспечению плавности хода, самой жесткой. Она заметно уступала по всем показателям индивидуальной торсионной подвеске Pz. Kpfw. III, но была более

простой в обслуживании и ремонте, чем подвеска «Пантер» и «Тигров».

Модернизации танка, усиление бронирования и вооружения привели к значительному росту массы, в результате возросло удельное давление на грунт и снизилась удельная мощность — с 15 л.с./т до 12 л.с./т. Все это привело к значительному ухудшению и без того не блестящей проходимости в условиях бездорожья и снизило маневренные возможности на поле боя. Особенно это проявилось зимой 1943-44 г. на советско-германском фронте.

Ремонтнопригодность Pz. Kpfw. IV была относительно низкой. Высокая надежность и безотказность в работе многих агрегатов достигались достаточной сложностью их конструкции и необходимостью иметь специализированный инструмент и оборудование для осуществления ремонта. Кроме того, переднее расположение трансмиссии обуславливало значительные трудности при ее замене в случае разрушения от попадания снаряда.

В отчетах с фронтов автобронетанковой службы РККА неоднократно отмечалось, что на Pz. Kpfw. IV, как и на Pz. Kpfw. III, боевые повреждения, устраняемые на Т-34 силами экипажа, с минимальной помощью ремонтных подразделений, требуют эвакуации в специализированные ремонтные части и предприятия.

Если сравнивать Pz. Kpfw. IV с Т-34-76 первых выпусков, то необходимо отметить, что теоретическое превосходство советского танка над противником в значительной степени нивелировалось тремя существенными недостатками: отсутствием радиостанций на большинстве танков, отвратительной трансмиссией и «слепотой» танка.

Недостатки трансмиссии были устранены к августу 1942 г., когда танк получил новый главный фрикцион (11 ведомых и 11 ведущих дисков) и 5-скоростную коробку передач с постоянным зацеплением шестерней. Это резко улучшило динамические характеристики Т-34, обеспечило ему реальное, а не теоретическое, превосходство над Pz. Kpfw. IV в подвижности и маневренности на поле боя. Немецкий танк утратил преимущества, которые давали ему лучшая управляемость и лучшая маневренность.

С конца лета 1942 г. практически все Т-34 начали получать радиостанции, что позволило резко улучшить управление танками в бою. Теперь Т-34 и Pz. Kpfw. IV были в равных условиях относительно обмена информацией между машинами.

Проблема с обеспечением обзорности из Т-34 была в значительной степени решена весной 1943 г., когда танк получил командирскую башенку с шестью трипликсами и перископическим призматическим прибором наблюдения Mk IV, установленным во вращающемся на круговом погоне двустворчатом люке командира. Теперь Т-34 располагал 9-10 приборами наблюдения. И по обзорности практически сравнился с Pz. Kpfw. IV, хотя у немецкого танка продолжало оставаться немаловажное преимущество: освобожденный от всех прочих обязанностей, кроме наблюдения за полем боя и управлением боем, командир танка.

Надо отметить, что начиная с середины 1942 г. на войсковых ремонтных заводах танки Т-34-76 обр. 1941 г. получали нештатные средства наблюдения. Панорама танковая командирская (ПТ-К) и перископический прицел на танках выпуска Сталинградского тракторного завода

▲ Немецкое 75-мм штурмовое орудие

▲ Советский средний танк Т-34-76

заменялись двумя перископическими приборами Mk IV, Т-34-76 обр. 1941 г. выпуска завода № 112 «Красное Сормово» получали Mk IV, устанавливавшийся в едином башенном люке над казенником пушки, у танков с шестигранной башней без командирской башенки Mk IV устанавливался вместо панорамного прицела. Эти меры существенно улучшали обзорность из танка, но решали проблему кардинально. И только после установки командирской башенки с командирским прибором наблюдения Mk IV и смотровыми щелями со стеклоблоками триплекс, обзорность из Т-34-76 вышла на приемлемый уровень.

Окончательно проблема обзора была решена на Т-34-85. Каждый член экипажа, располагавшийся в башне, получил вращающийся перископический прибор наблюдения Mk IV, кроме того, командирская башенка имела шесть смотровых приборов со стеклоблоком триплекс. Теперь Т-34 имел значительно лучший обзор, чем любая модификация Pz. Kpfw. IV.

Проблема вооружения Т-34, резко вставшая в 1943 г., когда Pz. Kpfw. IV получил значительное превосходство в защищенности и в огневой мощи, была решена двояко. Осенью того же года Т-34-76 получил 76,2-мм пушку С-54 с баллистикой 76,2-мм зенитной пушки обр. 1931 г. 3-К, которая могла устанавливаться в существующие башни танков при минимальных доработках даже в ходе войсковых ремонтов. Бронебойный снаряд покидал ствол пушки с начальной скоростью 810-825 м/с и пробивал 80-мм броню с 1250 метров. Подкалиберный снаряд имел начальную скорость 1154 м/с и пробивал 80-мм броню с 1500 метров. Таким образом Т-34-76 практически уравнивался в огневом могуществе с Pz. Kpfw. IV. Но был другой путь, позволивший создать Т-34-85, который уже не только уравнялся с модернизированным Pz. Kpfw. IV по боевым характеристикам, но и превзошел его.

На базе шасси танка Pz. Kpfw. IV выпускались штурмовые танки, штурмовые орудия и истребители танков: 150-мм самоходно-артиллерийская установка — штурмовой танк «Бруммбэр»; 75-мм штурмовое орудие; 75-мм истребитель танков (Jagdpanzer); 75-мм противотанковая самоходная установка.

В начале 40-х гг. в Германии было разработано специализированное шасси Geschutzwagen III/IV (GW III/IV), объединявшее узлы и агрегаты танков Pz. Kpfw. III и Pz. Kpfw. IV. На базе шасси были созданы: — 88-мм истребитель танков «Насхорн». В лобовом листе рубки устанавливалась 88-мм пушка KwK43/1 L/71 с щитовым прикрытием. Открытая сверху, рубка находилась в корме машины, в укладке находился пулемет MG34. Как истребитель танков, «Насхорн» отличался сильным вооружением и весьма слабым бронированием. Бронирование рубки было явно недостаточным. 10-мм броня пробивалась из любой танковой пушки калибра 57-85-мм с 3 000 метров и более. Как следствие, «Насхорны» были вынуждены действовать в основном из укрытий и засад.

Характерно, что «Насхорны» практически всегда в отчетах советских войск упорно именовались «Фердинандами». Во-первых, из-за определенной схожести силуэтов, во-вторых, из стремления преувеличить свои успехи.

На базе шасси GW III/IV была создана 150-мм самоходная гаубица «Хуммель». Первые САУ поступили в войска в мае 1943 г., а первое боевое применение — в ходе операции «Цитадель».

Вследствие ограниченного боекомплекта был разработан транспортер для боеприпасов, по кон-

струкции полностью идентичный САУ, за исключением демонтированного орудия. При необходимости транспортер боеприпасов мог быть оперативно переоборудован в САУ.

В целом 150-мм самоходную гаубицу «Хуммель» наряду со 105-мм САУ «Веспе» и 150-мм самоходным тяжелым орудием «Бизон» можно отнести к несомненным успехам конструкторов третьего рейха. Как САУ огневой поддержки машина полностью оправдала себя. Огневая мощь обеспечивала поражение любых полевых фортификационных сооружений, а мобильность обеспечивала неотрывное следование за танками и мотопехотой. Развертывание на позициях занимало меньше времени, чем у буксируемой артиллерии.

▲ Немецкий тяжелый танк Пантера

***

Работы по перспективному танку, который должен был прийти на смену Pz. Kpfw. IV, были начаты еще в 1937 г. В 1938 г. появился опытный танк DW 2. Летом 1941 г. были изготовлены опытные образцы танка конструкции Фердинанда Порше. Однако встреча с Т-34 на советско-германском фронте повернула работу в другое русло.

Новый танк был готов в сентябре 1942 г., но подвергся тщательным испытаниям. В ноябре началось производство установочной серии танков Pz. Kpfw. V Ausf. D1. По требованиям военных в конструкцию было внесено много изменений: увеличена толщина лобовой брони корпуса до 80 мм и башни до 100 мм, установлен курсовой пулемет и т. д. В результате масса танка превысила проектную на 8 тонн.

После доработки машины, 1 января 1943 г., в серию была запущена первая модификация танка Pz. Kpfw. V Ausf. D «Panther» («Пантера»).

Поспешность, проявленная при разработке и постановке на производство нового танка, привела к множеству «детских болезней».

Несмотря на множество восторженных эпитетов, выданных «Пантере», думается, что все же достоинства этого танка весьма преувеличены. Фактически это был тяжелый танк-истребитель, созданный для борьбы с Т-34. Поэтому рассматривать его как средний танк, как это пытаются делать некоторые исследователи, некорректно. По своим габаритам и массе «Пантера» сопоставима с тяжелыми советскими танками ИС-1 и ИС-2, а также с американским M26. Именно с возможностями этих танков и следует сравнивать боевые возможности «Пантеры».

По боевой массе (46 т) «Пантера» была практически идентична советскому танку ИС-2 и была тяжелее американского M26. Бронирование корпуса у советского и американского танков мощнее, чем у «Пантеры», башенное бронирование практически идентично. Стоит обратить внимание на бортовое бронирование. У «Пантеры» оно явно недостаточное, в полтора раза слабее, чем у M26, и в два раза, чем у ИС-2.

Двигательная установка на «Пантере» мощнее, чем на советском и американском танках. На «Пантере» устанавливался карбюраторный двигатель мощностью 650-700 л.с. (удельная мощность 15,1-15,5 л.с./т.),

▲ 150-мм самоходная гаубица Хуммель

▲ Американский тяжелый танк М26

на ИС-2 — дизельный двигатель В-2ИС мощностью 520 л.с. (удельная мощность 11,3 л.с./т) и на американском М26 устанавливался карбюраторный двигатель мощностью 500 л.с. (удельная мощность 12 л.с./т). За счет более мощной силовой установки «Пантера» имела большую скорость. Запас хода у всех трех типов танков не превышал 200 км по шоссе.

Вооружение на «Пантере» было явно слабее, чем у ИС-2 и М26 (на «Пантере стояла 75-мм пушка KwK42 L/70). Несмотря на чрезвычайно высокие начальные скорости бронебойного и подкалиберного снарядов, верхний лобовой наклонный броневой лист танка ИС-2 пушка «Пантеры» (по отчетам советских войск с фронтов) могла пробить подкалиберным снарядом на дальности не более 750-800 метров. При этом ИС-2 мог поразить «Пантеру», учитывая наклон верхнего лобового броневого листа корпуса 55 градусов к нормали, с дальности 2 000 метров остроголовым бронебойным снарядом и 2 700 метров — тупоголовым. Американский танк мог поразить «Пантеру» с дальности порядка 1 800 метров бронебойным и с 2 000 метров — подкалиберным снарядом. Правда, М26 участвовали в боях в Европе в мизерном количестве и боевых столкновений с «Пантерами» практически не имели в отличие от ИС-2, которые весьма успешно вели с «Пантерами». Так, в ходе боев в Венгрии, атакуя 16 октября 1944 г. город Каньяр, 78-й отдельный гвардейский тяжелый танковый полк вел бой с 10 «Пантерами» и уничтожил пять из них, на следующий день противник подтянул дополнительные силы, но «исами» были уничтожены еще семь «Пантер», при этом потери полка составили три танка подбитыми. У населенного пункта Хайду-Багош два ИС-2 того же полка вели бой с пятью «Пантерами» и уничтожили три из них. Один ИС-2 был подбит из фаустпатрона.

Весьма эффективно действовали против «Пантер» самоходно-артиллерийские установки СУ-100. Бортовую броню немецкого танка 100-мм снаряд поражал на любой дальности, а наклонный верхний лобовой лист пробивался на дальности 1790 метров

▲ Немецкий тяжелый танк Тигр

▲ Советский тяжелый танк ИС-2

остроголовым бронебойным снарядом и 2500-2700 метров — тупоголовым. Действие 152-мм снарядов САУ ИСУ-152 было просто сокрушительным, «Пантера» выходила из строя от ударного воздействия даже при попадании осколочно-фугасного снаряда. При попадании в башню 152-мм снаряд срывал ее с погона.

Необходимо отметить, что лихорадочность, с которой создавался танк, превышение массы на 8 тонн в сравнении с техническим заданием негативно сказались на его эксплуатационных характеристиках и надежности. Танк требовал трудоемкого обслуживания, его узлы и агрегаты имели склонность к частому выходу из строя. Особенно много неприятностей доставляли ходовая часть и трансмиссия. Торсионы часто ломались, а смена их, как и катков, была чрезвычайно трудной и трудоемкой процедурой, для смены катка из внутреннего ряда требовалось снять 4-5 катков из наружных рядов. Бортовые передачи и ведущие колеса, рассчитанные на 35-тонную машину и не усиленные при увеличении массы танка, часто выходили из строя. Низкая надежность была и у двигателей, склонных к самовозгоранию. Избавиться от этих недостатков до конца войны так и не удалось.

В части надежности и безотказности «Пантера» не шла ни в какое сравнение со средними танками панцерваффе Pz. Kpfw. III и Pz. Kpfw. IV, как и с «Тигром», Pz. Kpfw Pz. Kpfw.

▲ Советская САУ 152 Зверобой

▲ Советская СУ-100

VI Ausf. E «Tiger» («Тигр»), созданный параллельно с «Пантерой», несмотря на трудоемкость и сложность обслуживания, обладал заметно лучшими надежностью и безотказностью в работе всех систем и агрегатов. Хотя испытывал те же проблемы с ходовой частью.

И, конечно же, традиционное для всех немецких танков больное место — расположение трансмиссии. С одной стороны, переднее расположение облегчало управление танком, повседневное обслуживание и регулировку, позволяло сдвинуть башню к корме и разместить в ней длинноствольную пушку, с другой — ее замена требовала значительного времени и усилий, требовала специального люка в крыше корпуса для этих целей. Кроме того, переднее расположение трансмиссии ограничивало угол наклона лобовых броневых листов корпуса, составлявший на Pz. Kpfw. V «Пантера» 52 градуса к нормали.

Кроме того, нонсенсом для тяжелого танка являлось то, что бортовое бронирование корпуса и башни позволяло успешно поражать его не только 76,2-мм пушкам средних танков Т-34-76 с дальности 1 500-2 000 метров, но даже 45-мм пушкам легких танков Т-70 или же 45-мм батальонным пушкам 53-К обр. 1937 г. с дальности 600-750 метров. Для сравнения — советский ИС-2 ни при каких обстоятельствах не мог быть поражен в бортовую проекцию из пушки 50-мм KwK39 L/60 танка Pz. Kpfw. III.

Характерно, что появление «Пантеры» на советско-германском фронте было встречено весьма спокойно в отличие от «Тигра». Слабое место танка — 40-45-мм бортовая броня — было быстро выявлено и эффективно использовалось как танковыми частями, так и прежде всего противотанковой артиллерией, встречавшей «Пантеры» подготовленными «огневыми мешками».

Несмотря на все недостатки, именно «Пантеры» в 1944-1945 гг. были основным противником советских Т-34 и американских «Шерманов». И когда Д. Эйзенхауэр приказал провести опрос среди американских танкистов относительно оценки ими боевых свойств «Шерманов», те в один голос твердили, что «Пантера» была настоящим бичом для американских танков. Что неудивительно, ведь американские войска наступали, при этом бронетанковые дивизии не отправлялись в глубокие прорывы, а служили как бы буксиром для пехотных соединений. И немецкие танки в обороне могли свободно выбирать позиции для наилучшего использования своего преимущества в вооружении и защищенности.

Когда же «Пантеры» атаковали, их «ахиллесова пята» — слабое бортовое бронирование — давала себя знать во всей красе. В частности, зимой 1944 г. на Правобережной Украине войска 1-го Украинского фронта дважды (14-20 января и 11-21 марта) отражали сильные контрудары большого количества соединений панцерваффе вермахта (8 и 9 дивизий соответственно). И оба раза советские танковые армии, оснащенные

в основном Т-34-76, перейдя к обороне, действуя из засад и укрытий, активно используя противотанковую артиллерию, наносили серьезные потери танковым дивизиям немцев. При этом в немецких дивизиях, действовавших на Украине, «Пантеры» уже составляли от 40 до 50 % численности танков. В августе 1944 г. в Прибалтике, в районе Шауляя, в ходе контрударов по советским войскам «Пантерам» пришлось столкнуться с «Пак-фронтом» советских стрелковых соединений. Pz. Kpfw. V Ausf. A составляли половину и более танкового парка немецких танковых и танково-гренадерских дивизий, участвовавших в боях. По немецким танкам стреляло прямой наводкой 871 орудие, которые вывели из строя 469 машин, потеряв 191 орудие. При этом на одну вышедшую из строя 45-мм пушку приходилось 0,25 выведенных из строя немецких танков, на одну 57-мм пушку ЗИС — 2 выведенных из строя танка и на одну 76,2-мм пушку ЗИС-3 — 2,5 танка. Ведение ураганного огня на предельно малых дистанциях, «огневые мешки», заигрывающие орудия — все это делало советский «Пак-фронт» настоящим кошмаром для немецких танкистов. Весной 1945 г. у озера Балатон при обследовании подбитых немецких танков было установлено, что более 80% попаданий снарядов приходилось в борта и корму немецких танков и САУ. А эта проекция была наиболее уязвимой у «Пантеры». Учитывая, что на 5 000 Т-34 на советско-германском фронте приходилось 35 000 76,2-мм пушек ЗИС-3, примерно в такой пропорции вырастала вероятность, что «Пантера» получит бронебойный снаряд в борт от ЗИС-3, так и не успев встретиться с советским танком.

В целом «Пантера» была несбалансированным и недостаточно надежным танком. Pz.Kpfw.V перерос рамки среднего танка, но не стал полноценным тяжелым. Думается, если бы в Германии было принято решение провести комплексную модернизацию Pz. Kpfw. IV с установкой более мощного двигателя и усилением не только лобового, но и бортового бронирования до 50-60 мм, вермахт оказался бы только в выигрыше, поскольку материальные и трудовые затраты на производство «Пантеры» были почти вдвое выше, чем на Pz. Kpfw. IV. «Пантеру, как и Pz. Kpfw. III, можно с полным основанием назвать «лишним» танком вермахта, который отвлек на себя силы и средства, но не смог полноценно заменить надежный, простой в производстве и неприхотливый Pz. Kpfw. IV, при этом не дав возможности провести комплексную модернизацию последнего.

В то же время созданный на базе Pz. Kpfw. V истребитель танков «Ягдпантера», несмотря на перешедшие от базового танка недостатки силовой установки, трансмиссии и ходовой части, оказался самой мощной и эффективной противотанковой САУ вермахта. Имея такое же вооружение, как и 68-тонный «Фердинанд», «Ягдпантера», была более компактной и маневренной. 88-мм пушка KwK43L/71 могла поражать практически все типы танков стран антигитлеровской коалиции на дальности до 2 000 метров, что делало

▲ Немецкий 88-мм истребитель танков Ягдпантера

▲ Советская СУ-100

«Ягдпантеру» чрезвычайно опасным противником. Ничего подобного западные союзники СССР так и не смогли создать Советская СУ-85 была слабее бронирована и имела пушку меньшей мощности (начальная скорость снаряда 85-мм пушки Д-5С составляла 792 м/с). Но советская СУ-100 при меньшей массе и габаритах превзошла «Ягдпантеру» как по вооружению (100-мм пушка с начальной скоростью 900 м/с), так и по бронезащите.

***

Работы по созданию тяжелого танка прорыва велись в фашистской Германии, начиная с 1937 года. В 1942 году тяжелый танк Pz. Kpfw. VI Ausf. E «Tiger» («Тигр») стал поступать в войска. У него имелась единственная модификация, обозначавшаяся литерой E, впоследствии замененная на литеру H.

Первые 495 «Тигров» оснащались оборудованием для подводного вождения, позволявшим преодолевать по дну водные преграды глубиной до 4 м, что было весьма актуально, учитывая, что тяжелый «Тигр» (57 т) не выдерживали многие мосты, и т.н. «средствами ближнего боя» — 6 гранатометами, устанавливавшимися по бортам башни, выстреливавшими вверх на 1,5-2 метра гранаты, взрывавшиеся в воздухе и поражавшие противника 360 поражающими элементами — стальными шариками.

Pz. Kpfw. VI Ausf. E «Tiger» («Тигр») являлся наиболее сбалансированным и удачным немецким тяжелым танком периода II мировой войны. На нем немецким конструкторам удалось добиться наиболее гармоничного соотношения между уровнем защиты, вооружением, подвижностью, при этом имея вполне приемлемые масс-габаритные характеристики.

Имея меньшие размеры, чем «Пантера», Pz. Kpfw. VI Ausf. E «Tiger» («Тигр») в то же время был более защищенным и лучше вооруженным

▲ Немецкие Фердинанды, Курская дуга

танком. От Pz/ Kpfw. VI Ausf. B «Tiger II» («Королевский Тигр») его отличали значительно более высокая надежность и безотказность, а также лучшая подвижность. Хотя в целом надежность и безотказность работы узлов и агрегатов танка оставляли желать лучшего. Трансмиссия танка и двигатель работали с перегрузкой, что вело к достаточно частым поломкам, хотя и несравнимо меньшим в сравнении с последовавшим за «Тигром I» «Тигром II».

До появления на поле боя советского тяжелого танка ИС-2 немецкий «Тигр» был самым хорошо защищенным и мощным по вооружению.

Трансмиссия и ходовая часть, обеспечивавшие легкость управления и плавность хода, позволяли выполнять обязанности механика-водителя любому члену экипажа. Однако платой за это стала чрезвычайная сложность обслуживания, регулировок и ремонта. Кроме того, компоновка танка не позволяла заменить элементы трансмиссии иначе, как только со снятием башни, что требовало заводских условий или условий специализированного ремонтного подразделения.

В целом по уровню технической надежности «Тигр» заметно уступал средним танкам Pz. Kpfw. III и Pz. Kpfw. IV. А сложность и трудоемкость его обслуживания вызывали многочисленные негативные отзывы из войск и были одним из сдерживающих факторов в использовании «Тигров». Практика показала необходимость следующего графика: три дня боев должны были прерываться на день, полностью посвященный техническому обслуживанию танка. В противном случае поломки начинались через пять-шесть дней непрерывного ведения боев без полноценного обслуживания танка. В отчете о боевых действиях «Тигров» указывалось, что «очень сложный «Тигр» должен обслуживаться как боевой самолет люфтваффе».

И становятся понятными причины чудовищных потерь в технике тяжелых танковых батальонов зимой 1943/44 г. и летом 1944 г., когда непрерывные прорывы советских войск заставляли тяжелые танковые батальоны просто метаться с одного участка фронта на другой, не имея времени и возможностей для полноценного обслуживания техники. В результате множество машин выходило из строя и бросалось экипажами во избежание пленения, поскольку советские войска продвигались вперед, не оставляя времени на восстановление вышедшей из строя техники, личный состав был вынужден бросать технику и отступать. «Тигры» повторяли судьбу тяжелых советских танков КВ, во множестве потерянных в 1941 г. из-за поломок и невозможности их быстрого устранения в полевых условиях.

Тяжелый немецкий танк «Тигр» уступал советскому ИС-2 и американскому М26 в огневой мощи, его защищенность была также несколько слабее из-за отсутствия рационального угла наклона броневых листов

▲ Немецкий Королевский тигр

▲ Советская 122-мм САУ

корпуса и башни. Дальность поражения ИС-2 из 88-мм пушки не превышала 900 метров бронебойным и 1 200 метров бронебойным подкалиберным снарядом. Американский М26 немецкий танк мог поразить примерно на тех же дистанциях. В свою очередь, 122-мм пушка ИС-2 пробивала лобовую броню «Тигра» с дальности 2 000-2 500 метров. 90-мм пушка танка М26 пробивала лобовую броню «тигра» бронебойным снарядом на дальности 1 400 метров и подкалиберным — 2 000 м.

Некоторые исследователи, исходя из умозрительных заключений, что у «Тигра» более высокая скорострельность, лучшая оптика, лучше подготовлен экипаж, однозначно отдают победу в огневой дуэли немецкому танку. При этом ссылаются на результаты испытаний «ИСов» на полигонах обстрелом из немецких танков.

Однако подобные сравнения, по меньшей мере некорректны. При обстреле танка на полигоне дальность измерена с точностью до метра, скрупулезно учтены все поправки, точки прицеливания помечены специальными маркерами, стрельба ведется на ракурсах, обеспечивающих наивыгоднейший угол встречи снаряда и броневой преграды. Наводчик имеет возможность спокойно и однообразно наводить орудие.

В бою же обстановка иная. Вот огневой поединок на дальности 1 000 — 1 500 метров. Оба танка движутся, маневрируют, стремясь занять наилучшее положение для стрельбы. Дальность определена глазомерно, с большими срединными ошибками. Поэтому прицел на обоих танках не выставляется тщательно, а установлен постоянным — равным дальности прямого выстрела до цели определенной высоты, увеличенной на 300 метров.

▲ Истребитель танков Мардер II

На «Тигр» нацелена 122-мм пушка, с легкостью пробивающая его лобовую броню. И наводчику немецкого танка не до скрупулезного наведения в уязвимую точку бронирования «ИСа», который движется, ныряет в воронки, колеблется на неровностях земной поверхности. Поэтому наведение осуществляется по нижнему срезу цели. В этих условиях 65-70 % вероятности, что снаряд «Тигра» угодит в наклонный верхний лобовой лист корпуса ИС-2, который не сможет пробить. И скорострельность «Тигра» тут не поможет. Командир и наводчик видят, что есть попадание, и будут продолжать стрелять на тех же установках прицела, им некогда заниматься подводкой прицельного маркера на миллиметры выше нижнего среза цели. И «Тигр» будет продолжать вести огонь. До первого попадания снаряда ответного выстрела ИС-2.

Характерно, что отчеты советских танковых полков, оснащенных ИС-2, свидетельствуют, что основным способом борьбы с тяжелым советским танком у «Тигров» было ведение огня с фланга из засады.

Кроме того, достаточно спорен тезис, что немецкие танки имели заведомое преимущество за счет лучшей оптики и лучшей выучки экипажей. С лета 1944 г., когда на ИС-2 стали устанавливаться прицелы ТШ-17 с 4-кратным увеличением и полем зрения 16 градусов, во фронтовых отчетах подчеркивалось: «Как показал опыт боевого использования, введение четырехкратного увеличения было весьма своевременным и обеспечило тактическое превосходство над подобными образцами немецкого». Испытания на НИИБТ также показали, что танки ИС-2 обладают высокой точностью стрельбы. Так, из пяти выстрелов на дальности 700 метров по танку «Пантера» было получено четыре прямых попадания. При стрельбе с ходу на скорости 12 км/ч и на дальности 900-700 метров из трех выпущенных снарядов два поразили цель.

В качестве подтверждения тезиса о высоком качестве вооружения тяжелых советских танков можно привести выдержку из отчета о боевых действиях 71-го ОГвТТП, встретившегося 11-13 августа 1944 г. с танками Pz. Kpfw. VI Ausf. B «Tiger» («Королевский Тигр») 501-го отдельного танкового батальона на Сандомирском плацдарме. Советский полк был вооружен ИС-2 ранних выпусков, с изломанными лобовыми бронеплитами. «13 августа 7 танков «Тигр-Б» атаковали наши позиции с направления высоты 272,1. Находившийся в засаде в кустарнике восточнее Мокре на танке ИС-122 гв. ст. л-т Удалов (гв. ст. л-т Удалов воевал на ИС-122 с башенным № 98, имевшим пушку Д-25) подпустил танки противника на 700-800 м, открыл огонь по головному, и после нескольких метких выстрелов один танк был сожжен, а второй подбит. Танки противника отвернули и начали удаляться. Удалов вывел свою машину лесной дорогой навстречу противнику и с опушки леса снова открыл огонь. Оставив еще один горящий танк, противник повернул назад. Вскоре атака «Королевских Тигров» повторилась, на этот раз они шли в направлении Поник, где стоял в засаде танк ИС-122 гв. л-та Белякова, который открыл огонь с дистанции 1 000 м и третьим снарядом зажег танк. Видя и здесь губительное для наступления направление, оставшиеся танки противника повернули назад».

Итак, в обоих случаях ИС-2 делали по нескольку выстрелов и поражали один, а то и два Pz. Kpfw. VI Ausf. B «Tiger II». При этом пушка у «Королевского Тигра» была не в пример мощнее, чем у «Тигра» обычного, да и уровень подготовки танкистов был не ниже. И огневой бой велся на дистанции 700-1 000 метров. По логике части отечественных авторов, шансов у наших танков ИС в этих боях не было никаких. После первого же выстрела их обнаруживают немецкие танкисты, разворачивают башни и максимум после своего второго выстрела превращают ИС-2 в решето, поскольку заряжающий советского танка еще даже не успел перезарядить орудие. Тем не менее ИС гвардии лейтенанта Белякова делает три выстрела и сжигает «Королевский Тигр». А сам советский танк остается невредимым. Танк ИС-2 гвардии старшего лейтенанта Удалого ведет бой один против СЕМИ танков Pz. Kpfw. VI Ausf. B, делает несколько выстрелов, сжигает два и подбивает один «Королевский Тигр». И при этом немцы опять-таки почему-то не превращают советский ИС в решето.

Слепо доверять немецким источникам, по меньшей мере наивно. Так, к 6 марта 1945 года 3-й Украинский

▲ Противотанковая артиллерия

фронт располагал всего 13 танками ИС. К 16 апреля безвозвратно были потеряны 4 тяжелых танка. Немецкие же танкисты, самоходчики и артиллеристы заявили о безусловно подтвержденном уничтожении ДВУХСОТ танков ИС. Иными словами, каждый тяжелый советский танк, имевшийся на 3-м Украинском фронте, противник уничтожил аж 15 с лишним раз. Комментарии излишни.

В целом же появление «Тигра» на фронте вызвало шок у советского артиллерийского руководства. Отстрел танка показал, что бронебойные снаряды 76,2-мм пушек с баллистикой трехдюймовой пушки образца 1902 года, являвшейся священной коровой для артиллерийских начальников РККА, практически бессильны против его брони. Намного лучше справлялась с «Тигром» 85-мм зенитная пушка, ее снаряды пробивали лобовую броню немецкого танка на дальности 1 000-1 200 метров, 122-мм пушка была вне конкуренции, 57-мм противотанковая пушка ЗИС-2 пробивала лобовую броню «Тигра» бронебойным снарядом с 900 метров.

Для противотанковой артиллерии срочное введение подкалиберного снаряда для 76,2-мм пушек во многом решило проблему, поскольку по всем наставлениям рубежи открытия огня по атакующим танкам, как правило, намечались на дальности не более 500-600 метров, на которой подкалиберные снаряды пробивали бортовую броню «Тигра», а с 400 метров поражалась и его лобовая броня. А основным тактическим приемом противотанковой артиллерии в борьбе с немецкими танками уже стали «огневые мешки», когда открывался кинжальный огонь по бортам.

А вот советские танкисты оказались в чрезвычайно трудной ситуации. Тяжелые танки КВ были бессильны против «Тигров» на дальних дистанциях, в то же время даже экранированная лобовая 100-мм броня КВ-1 пробивалась снарядами пушки немецкого танка с дистанции 1 500-2 000 метров бронебойным снарядом нового типа или подкалиберным снарядом. Про Т-34-76 и говорить не приходилось. И лишь определенная дальновидность конструкторов КБ Челябинского Кировского завода, заранее начавших проработку нового тяжелого танка со 120-мм лобовой броней, позволила осенью 1943 г. противопоставить «Тигру» сначала ИС-1, а затем и ИС-2.

▲ Немецкая 380-мм штурмовая мортира Штурмтигр

Мощнейшим средством борьбы с «Тиграми» стали советские самоходно-артиллерийские установки СУ-100, появившиеся на фронте в сентябре 1944 г. 100-мм бронебойный снаряд пробивал лобовую броню «Тигра» с 2 000 метров остроголовым бронебойным снарядом и с 3 000-3 200 метров — тупоголовым.

На основе шасси «Тигра» была создана 380-мм штурмовая мортира «Штурмтигр».

Созданный на основе шасси «Тигра» истребитель танков «Фердинанд», при большой огневой мощи и запредельном бронировании лобовой части, отличался чрезмерным весом (65 т) и крайне низкими скоростью и проходимостью, поистине чудовищной неповоротливостью.

В ходе операции «Цитадель» из 22 потерянных «Фердинандов» 10 подорвались на минах и были затем или подожжены собственными экипажами во избежание захвата советскими войсками, или расстреляны с близкого расстояния в борта советскими танками и артиллерией. Эвакуировать подбитые машины не имелось ни малейшей возможности.

При этом в оборонительных боях летом-осенью 1943 г. в условиях, когда огневые позиции находились на некотором удалении от первой линии своих войск, «Фердинанды» показали большую огневую эффективность благодаря возможности поражать любой советский танк на дальностях до 4 000 метров. В Италии и на Западном фронте «Элефанты» (так именовался истребитель танков с конца 1943 г.), основным средством борьбы с этой техникой панцерваффе, как и впоследствии с «Королевскими Тиграми», была авиация союзников. Учитывая колоссальные сложности с эвакуацией подбитых «Элефантов», любые повреждения ходовой части от близких разрывов бомб становились фатальными для САУ при последующих атаках союзников и отходе немецких войск. Техника просто бросалась.

В августе 1942 г. управление вооружений сухопутных войск вермахта разработало тактико-техническое задание на тяжелый танк, призванный в перспективе заменить только-только запущенный в серийное производство тяжелый танк Pz. Kpfw. VI Ausf. E «Tiger» («Тигр»). На новой машине предполагалось установить разработанную в 1941 г. 88-мм пушку с длиной ствола 71 калибр. Танк получил наименование Pz. Kpfw. VI Ausf. B «Tiger II» («Королевский Тигр»).

Это был самый тяжелый из немецких танков и наименее удачный из всех. Использование при создании «Королевского Тигра» узлов и агрегатов трансмиссии, ходовой части и двигателя от ранее созданных «Пантеры» и «Тигра», а также тяжелого танка «Пантера II» привело к негативным результатам. В отчете об испытании трофейного «Королевского Тигра» указывалось:

«1. Бортовая передача разрушается полностью после 250-300 км пробега вследствие недостаточной механической прочности подшипников.

2. Зубцы венцов ведущих колес ввиду применения двойного трака с одной цевкой изнашиваются полностью через 250-300 км и к дальнейшей эксплуатации непригодны.

3. Направляющие гребни заклиниваются между дисками опорных катков, т.к. не учтено изменение профиля между дисками катков, вызванное деформацией резины внутренней амортизации катков.

4. Коробка перемены передач и механизм поворота перегружаются, наспех поставленный резервуар с водой для охлаждения масла КПП при отсутствии циркуляции воды не оправдывает своего предназначения.

5. Двигатель благодаря большому весу танка перегружен и также имеет тенденцию к перегреву и заклиниванию вала, в результате чего на машине введен ряд предохраняющих приспособлений».

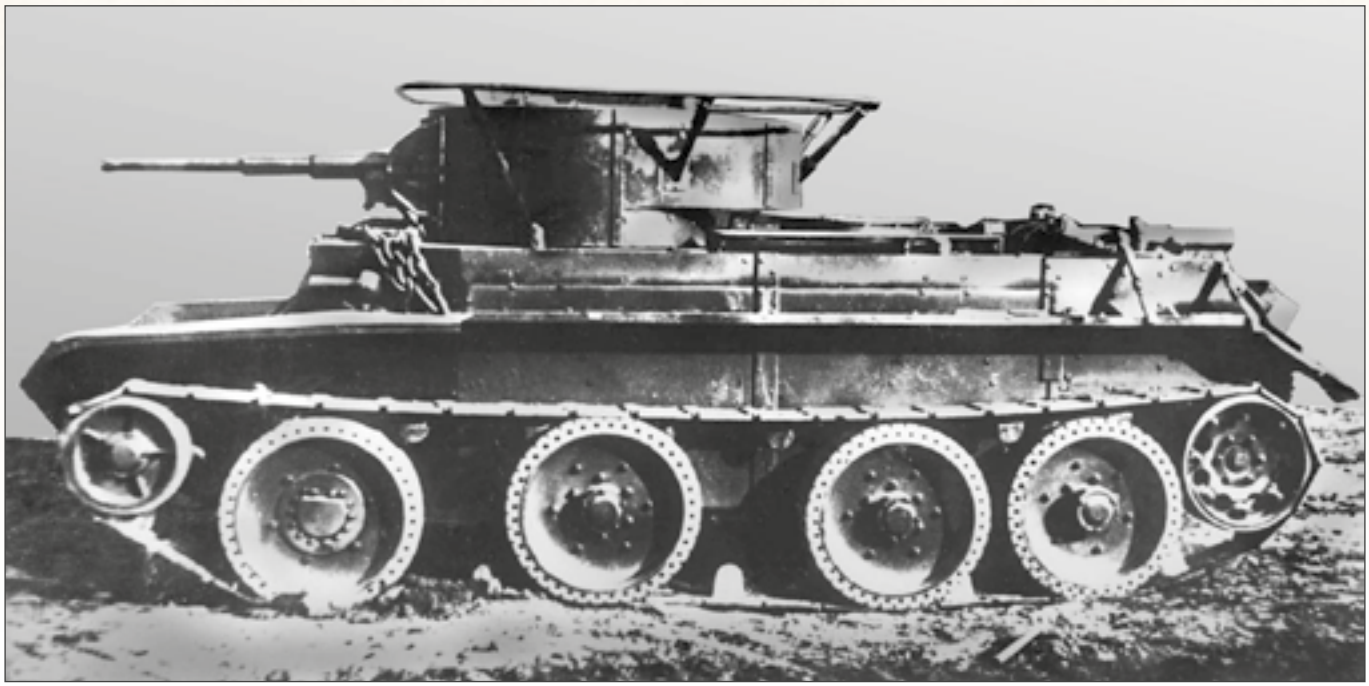
Во время ходовых испытаний, прошедших с большими трудностями, связанными с низкой надежностью элементов ходовой части, силовой установки и трансмиссии, было установлено, что 860 л бензина хватает на 90 км движения по проселочной дороге, хотя в инструкции к машине указывалось, что этого бензина должно хватить на 120 км. Расход топлива на 100 км составил 970 л, вместо 700 л согласно захваченной инструкции. Средняя скорость движения по шоссе составила 25-30 км/ч, а по проселку — 13,4-15 км/ч. Максимальную скорость, указанную в технической документации танка, в 41,5 км/ч достичь на ходовых испытаниях так и не удалось.

По результатам ходовых испытаний и знакомству с общим устройством было сделано заключение, что «танк «Тигр-Б» представляет собой дальнейшую модернизацию основного тяжелого немецкого танка T-V «Пантера» с более мощным бронированием и вооружением».

Для объективной оценки бронестойкости танка было принято решение подвергнуть снарядному обстрелу корпус и башню трофейной машины с башенным номером 102, большинство узлов и агрегатов с которой было демонтировано для дальнейших исследований. Вооружение танка было отправлено для исследований на ГАНИОП.

Испытания обстрелом были проведены осенью 1944 г. в Кубинке, и в ходе них были получены следующие результаты:

«1. Качество брони танка «Тигр-Б» по сравнению с качеством бро-

▲ Советский легкий танк БТ-7

▲ Советские танки Т-34- 85

ни танков «Тигр-Н», «Пантера» и СУ «Фердинанд» первых выпусков резко ухудшилось. В броне танка «Тигр-Б» от первых одиночных попаданий образуются трещины и отколы. От группы снарядных попаданий (3-4 снарядов) в броне образуются отколы и проломы большой величины.

2. Для всех узлов корпуса и башни танка характерным является слабость сварных швов. Несмотря на тщательное выполнение, швы при обстреле ведут себя значительно хуже, чем это имело место в аналогичных конструкциях танков «Тигр-Н», «Пантера» и СУ «Фердинанд».

3. В броне лобовых листов танка толщиной от 100 до 190 мм при попадании в них 3-4 бронебойных или осколочно-фугасных снарядов артсистем калибра 152, 122 и 100-мм с дистанции 500-1 000 м образуются трещины, отколы и разрушения сварных швов, влекущие за собой нарушение работы трансмиссии и выход танка из строя как безвозвратные потери.

4. Бронебойные снаряды пушек БС-3 (100мм) и А-19 (122-мм) производят сквозное пробитие при попадании в кромки или стыки лобовых листов корпуса танка «Тигр-Б» на дистанциях 500-600 м.

5. Бронебойные снаряды пушек БС-3 (100-мм) и А-19 (122-мм) производят сквозное пробитие в лобовом листе башни танка «Тигр-Б» на дистанциях 1 000-1 500 м.

6. Бронебойные 85-мм снаряды пушек Д-5 и С-53 лобовые листы корпуса танка не пробивают и не производят каких-либо разрушений конструкции с дистанции 300 м.

7. Бортовые броневые листы танка отличаются резкой неравнопрочностью по сравнению с лобовыми листами и являются наиболее уязвимой частью броневого корпуса и башни танка.

8. Броневые листы корпуса и башни танка пробиваются бронебойными снарядами 85-мм отечественной и 76-мм американской пушкой с дистанции 800-2 000 м.

9. Бортовые листы корпуса и башни танка не пробиваются бронебойными снарядами 76-мм отечественной пушки (ЗИС-3 и Ф-34).

10. Американские 76-мм бронебойные снаряды пробивают бортовые листы танка «Тигр-Б» с дистанций в 1,5-2 раза больших, чем отечественные 85-мм бронебойные снаряды».

При лабораторном исследовании брони танка «Тигр-Б», проведенном в ЦНИИ-48, было отмечено, что «заметно постепенное снижение количества молибдена (М) на немецких танках Т-VI и Т-V и полное отсутствие его в Т-VIБ... причину замены одного элемента (М) другим (V — ванадием) надо, очевидно, искать в истощении имеющихся запасов и потерь баз, снабжающих Германию молибденом... Характерным для брони «Тигра-Б» является малая вязкость... Преимуществом отечественной брони, как известно, является значительно большая вязкость, немецкая броня менее легированная, но и зато значительно менее вязкая».

Во время испытания вооружения пушка KwK 43 показала хорошие результаты по бронепробиваемости и кучности. Практически такие же, как и у нашей 122-мм пушки Д-25 танка ИС-2. Так, на дистанции в 1 000 м были получены следующие отклонения попаданий снарядов от точки прицеливания: 260 мм по вертикали и 210 по горизонтали.

Для сравнения у пушки Д-25 танка ИС-2 среднее отклонение снарядов от точки прицеливания при стрельбе с места на дистанции 1 000 м по вертикали не превышало 170 мм, а по горизонтали — 270 мм. Бронепробиваемость 88-мм пушкой KwK43 с длиной ствола 71 калибр при начальной скорости броневого снаряда 1 000 м/с на дальности 1 000 м составляла 165 мм/30 градусов. В частности, башню своего «собрата» «Тигр-Б» пробил навылет с дальности в 400 м. А вот по могуществу фугасного действия 88-мм снаряд уступал в 1,39 раза 122-мм осколочно-фугасному снаряду.

В окончательном отчете от 16 февраля 1945 г. по испытаниям «Тигра-Б» было сказано: «...п.9. Лобовая броня корпуса и башни низкого качества. При наличии несквозных поражений (вмятин) в броне образуются сквозные трещины и большие отколы с тыльной стороны... Бортовые листы отличаются резкой неравнопрочностью по сравнению с лобовыми и являются наиболее уязвимой частью броневого корпуса и башни танка...

Недостатки:

Ходовая часть сложная и недолговечная. Механизм поворота — сложен и дорог. Бортовая передача — крайне ненадежна. Запас хода уступает ИС на 25%.

Неудобное размещение боекомплекта (кроме ниши башни)...

...Чрезмерные габариты и большой вес не соответствуют броневой защите и огневой мощи танка».

В целом «Тигр II» совершенно не оправдал возлагавшихся на него надежд. Сталкиваясь с советской противотанковой обороной, эти танки оказывались под кинжальным огнем противотанковой артиллерии, ведущей огонь по бортам, подкалиберные снаряды советских 76,2-мм пушек ЗИС-3 пробивали 80-мм бортовую броню с 400-500 метров — основной дистанции ведения огня противотанковой артиллерии. А 57-мм бронебойные снаряды пробивали бортовые броневые листы с 1 000 метров. Неповоротливость же танка крайне затрудняла маневрирование под огнем. В частности, в ходе обследований подбитых и уничтоженных «Королевских Тигров» в районе озера Балатон отмечалось, что 90% попаданий в танки этого типа приходилось в бортовые и комовые броневые листы, что говорило об исключительно грамотном построении противотанковой обороны советских войск.

На шасси тяжелого танка «Тигр II» была создана САУ — 128-мм тяжелый истребитель танков «Ягдтигр». Несмотря на прекрасные баллистические данные 88-мм пушки KwK43 L/71, фугасное могущество ее снаряда оставляло желать лучшего. В то же время САУ, оснащенные 105-мм гаубицами и 150-мм тяжелыми пехотными орудиями, имели более чем посредственные возможности по борьбе с танками.

За исходный образец была взята 128-мм зенитная пушка Flak 40, на основе которой была разработана 128-мм пушка Pak 44. Бронебойный снаряд этой пушки весил 26,4 или 28,3 кг, осколочно-фугасный — 26 кг. Высокая дульная энергия орудия позволяла обойтись без подкалиберного снаряда. Поскольку длинные унитарные выстрелы к зенитной пушке Flak 40 были неудобны для обращении я в стесненном объеме боевого отделения, для пушки Pak 44 были разработаны выстрелы раздельно-гильзового заряжания, что давало практически такую же скорострельность, как и при использовании унитарных выстрелов, — 2-3 выстрела в минуту. Перископический прицел WZF2/1 имел десятикратное увеличение и поле зрения, что позволяло надежно поражать цели на дальности стрельбы до 4 000 метров.

Если оценивать «Ягдтигр», то единственными сопоставимыми по вооружению серийными САУ, предназначенными для действия непосредственно на поле боя, являлись советские СУ-152, ИСУ-122 и ИСУ-152.

«Ягдтигр» имел несколько более мощное вооружение, чем ИСУ-122, уступал по мощности вооружения СУ/ИСУ-152, но имел значительно более мощное бронирование. Однако немецкий истребитель танков не шел ни в какое сравнение с советскими САУ в части технической надежности, ремонтопригодности, маневренности и подвижности на поле боя. Колоссальный вес «Ягдтигра» (75 т), высокое удельное давление на грунт, крайне ненадежные двигатель и трансмиссия чрезвычайно затрудняли его боевое применение, в то время как советские тяжелые САУ могли действовать на любых участках фронта, неотступно сопровождая пехоту и танки. ■

▲ 128 мм истребитель танков Ягдтигр

У.Д. АСТОН

СЛУХИ О ШПИОНАХ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЕ ШПИОНЫ

▲ Расстрел шпионки

Слухи и тайна их происхождения занимают во время войны важное место в работе разведывательной службы, потому что слухи оказывают значительное влияние, как на армию, так и на население в тылу, а это отражается на моральном состоянии армии. Редко удается обнаружить первоначальные источники тех или иных слухов, ибо самые панические слухи передаются из уст в уста и притом, как все сенсационные сообщения, сильно раздуваются.

Адмирал Мэген, излагая историю испано-американской войны 1898 года, упоминает о вредном влиянии, которое оказал на действия американских морских сил нелепый слух о том, что несколько небольших и плохо снаряженных крейсеров генерала Сервера, якобы, направляются через Атлантический океан с целью атаковать хорошо защищенное восточное побережье Соединенных Штатов. Он обрисовал картину паники в отелях и на приморских курортах и рассказал о том, какое давление производилось на правительство, чтобы оно направило военные корабли для охраны побережья. Этим замедлилось окружение эскадры Северса, которому удалось достигнуть укрепленного порта в Сонт-Яго на Кубе, и, чтобы её разбить, пришлось послать экспедиционные силы под командованием генерала Шефтера, жестоко пострадавшие от болезней в этом нездоровом климате.

Уильям Джордж Астон (1841-1928 гг.) - один из высших руководителей британской разведки, дипломат и политик, сочетавший многогранный опыт всех видов разведки: военно-морской, военно-сухопутной, колониальной разведки с её специфически-британскими приемами, «экономической» (вредительства и диверсионных актов в отношении промышленности иностранных государств) и военной «пропаганды», задача которой состоит в том, «чтобы тайными или другими путями внести дух разложения в политические и военные круги неприятеля и ускорить его крушение или поднять дух своего народа в тяжелые минуты». В годы I мировой войны Астон руководил британской разведывательной службой. Его можно было назвать «живой историей британской контрразведки», в создании и развитии которой он принимал непосредственное участие в течение сорока лет: начав с рядового чиновника по «сводкам» в военно-морской разведке в «младенческий» её период, с 1881 года, он затем переходит на «практическую» работу в разведывательных органах средиземноморской эскадры; участвует в качестве руководителя разведки в двух колониальных кампаниях — в англо-бурской войне 1899-1902 годов под начальством Робертса и по покорению Судана под начальством другого столпа британского колониализма — Китченера. С 1908 по 1913 год Астон — начальник штаба и начальник разведки британской армии в Южной Африке, где он занят, главным образом, «собиранием сведений» о положении в Германской Юго-Западной Африке (современная Намибия), особенно в период Агадирского инцидента 1911 года, после чего с 1913 года назначается на руководящий пост в Secret Service. Деятельность Intelligence Service и Secret Service на протяжении всей истории британского империализма всегда находились в тесном «контакте» с британскими министерствами: иностранных дел, колоний и военно-морских дел. Астон находился «в центре паутины, которая должна была с течением времени опутать все части света».

С 90-х годов XIX века на сцену выступает конкурент Англии — бурно развивающаяся империалистическая Германия, претендующая на «место под солнцем» и требующая колониального передела. Резко усиливается работа не только военно-морской, но и военно-сухопутной разведки. Астон пишет, что «В военных кругах предполагали, что отправкой в помощь французам британской армии из шести дивизий будет создан необходимый для победы перевес сил». Что такое шесть дивизий, по сравнению с миллионными армиями I мировой войны? Дело в том, что британский империализм, по своей традиции привыкший «загребать жар чужими руками», никогда не помышлял о серьезной подготовке к войне своими собственными силами. На протяжении всей своей истории с периода наполеоновских войн Англия покупала «союзников» в качестве ландскнехтов, доводя их до обессиления и загребая потом жар их руками. Но и покупая «союзников», британский империализм не выполнял своих материальных обязательств перед ними. Астон «оправдывает» то обстоятельство, что Британия не помогла России снаряжением и людьми, тем, что, дескать, не было путей, по которым можно было организовать их доставку для России. Изощренный неприкрытый цинизм! Оказывается, те пути, по которым доставлялось русское пушечное мясо во Францию, были закрыты для доставки в Россию английского снаряжения. Это потому, что английский империализм делал ставку на истощение всех стран, которых он втравил в войну во имя своих интересов.

Астон старается доказать, что британская контрразведка оказала «неоценимые» услуги британскому оружию. Стремится показать достоинства английской разведки сравнительно с германской, дает весьма спорную и сомнительную характеристику методов их работы с подчеркиванием гибкости приемов английской разведки и инициативности английских шпионов по сравнению с «муштрою» и однотипностью массовых мероприятий германских шпионов, которые, якобы, могут действовать лишь «по готовому плану, придерживаясь его буквы», и беспомощны без руководителей. Одним словом — «у них труба пониже, и дым пожиже».

В августе 1914 года, когда разразилась война, среди гражданского населения Германии ходило немало панических слухов. Контрразведка считалась делом чисто военным и была оставлена в руках командующих армиями, которые были слишком заняты другими делами. Утверждают, что в то время еще не было специального органа по работе контрразведки внутри страны. Результаты этого оказались достаточно серьезными. В стране начала свирепствовать дикая эпидемия шпионской лихорадки. Это происходило, по свидетельству германских авторитетов, главным образом благодаря «глупости и недостаточной компетентности» невежественных местных чиновников, на которых лежала ответственность за контрразведку и которые не предпринимали никаких шагов против распространения ложных слухов.

▲ Берлин, 1915 г.

Один из таких слухов, явный продукт воображения, привел к весьма печальным последствиям. Передавалось из уст в уста, что по стране разъезжают тысячи автомобилей, нагруженных золотом, которое враги, стремясь внести разложение в Германию, намерены расходовать на разведывательную работу, на распространение мятежных доктрин и на военный шпионаж. Из достоверного источника мне известно, что один высокопоставленный дипломат на вопрос, сколько времени нужно германскому правительству, чтобы создать поворот в настроениях германского народа, к изумлению спрашивавшего ответил: «Около двух недель». Легко представить себе, какое влияние на такой легковерный народ оказывал упомянутый слух, исходивший, как вообще полагали, из официальных кругов. Распространение этой необыкновенной легенды по всей Германии привело к тому, что в некоторых районах задерживали каждый автомобиль. В пассажиров стреляли, причем было много человеческих жертв. Было убито несколько правительственных чиновников, разъезжавших по делам службы. Общественные беспорядки и паника стали настолько серьезными, что нарушали процесс мобилизации, и в конце концов генеральному штабу армии пришлось приняться за восстановление порядка. Тогда впали в другую крайность: местные власти, раньше столь сильно поощрявшие агитацию, которая возродила средневековые легенды о чудовищах, совершенно притихли. Маятник слишком далеко качнулся в обратную сторону.

В связи с этими слухами о действии иностранного золота на возможных предателей родины интересно отметить секретные данные, впоследствии опубликованные полковником Николаи, о национальности лиц, осужденных в Германии во время войны по закону об измене: из них немцев — 235, иностранцев — 176, в числе последних 4 австрийца, подданных союзной страны. Среди остальных 172 иностранцев 94 принадлежали к неприятельским нациям, в том числе 46 французов и 3 англичанина; 78 человек принадлежали к национальностям нейтральных государств, в том числе 31 голландец.

Перейдем теперь к Англии. За август, большую часть которого я провел в Лондоне, я располагаю лишь небольшим количеством достоверных сведений о шпиономании и нелепых слухах, распространявшихся в то время. Я жил в Гранд-отеле, на углу Норзсемберленд-авеню, против Трафальгарского сквера, а все дни и значительную часть ночи проводил в адмиралтействе. В течение дня и большей части ночи на улицах толпился народ. Для настроения масс была характерна не паника, а скорее спортивный интерес. На улице стояли толпы, наблюдавшие за тем, как устанавливали зенитное орудие (с 6-фунтовыми снарядами!!) на верхушке адмиралтейской арки. Многие поглядывали на небо в восточном направлении, как будто ожидая, что оттуда внезапно появятся неприятельские аэропланы. Они, вероятно, предвкушали свое восхищение зрелищем, как вражеская эскадрилья будет сбита этой игрушечной пушкой, ещё не понимая того, что глупо собираться большими толпами во время воздушного налета. Это было ещё до того, как германские бомбы весом в 300 английских фунтов преподали нам соответствующий урок. По ночам беспрерывный людской поток с песнями и возгласами проходил мимо моего отеля. Но вскоре все это прекратилось.

Сведения, почерпнутые мной из одного частного письма, давали типичную картину настроения в деревне. В нем сообщалось: «Здешний народ охотно посылает в армию своих сыновей, но ворчит, когда приходится давать своих лошадей!» Мне не приходилось слышать об общественных беспорядках или панике где бы то ни было, но в городах циркулировали слухи и рассказы о шпионах. Особому отделу Скотленд-ярда и полицейским властям по всей стране приходилось работать крайне напряженно. Особый отдел был учрежден ещё в мирное время для политических целей: известно, что Англия славилась как убежище иностранцев всех национальностей. Во время войны Особый отдел выполнял огромную работу. Френсис Бэкон писал в XVI веке, что «все государства, которые терпимо относятся к натурализации иностранцев, созрели для господства над обширной империей». Но Англии в его дни не приходилось сталкиваться с проблемой укрывания анархистов и тому подобных лиц, приносящих вред другим нациям, или поддерживать порядок в густо населенном Ист-Энде Лондона, где во время воздушных налетов люди в панике спасались бегством в загородные окрестности под защиту изгородей. Во время войны Особый отдел Скотленд-ярда и Особый отдел контрразведки военного министерства, соревнуясь друг с другом в области контроля над опасными иностранцами, в сущности взаимно дополняли друг друга. Что же касается действительного положения вещей, то мне известно из достоверного источника, что в Англии за время войны не был осужден за шпионаж ни один британский гражданин.

Иначе обстояло дело с распространителями ложных слухов: людей этого типа во время войны было множество, но их всегда было немало в лондонском Вест-Энде и в мирное время. В те дни, когда женщины впервые начали кататься на велосипеде, все гостиные обошел «страшный рассказ» о безрассудной даме, которая каталась на велосипеде, не управляя рулем даже тогда, когда попадала в гущу уличного движения. Сообщалось, что она попала под омнибус, когда пересекала Найтсбридж, выезжая из Гайд-парка; её растоптали лошади; колесо прошло по шее и отрезало ей голову... Очень многие верили этой истории, хотя ничего об этом не появилось в прессе, где был бы опубликован отчет о судебном следствии по поводу гибели бедной леди, если бы эта история соответствовала действительности. Многие очень сердились, если их рассказу не верили. Корни этой истории, повидимому, надо искать в сентенции, высказанной старомодным джентльменом, который был шокирован пристрастием дам к велосипедному спорту: «Госпожа X столь безрассудна, что ей хочется кататься на велосипеде, не держась за руль. Что, если она потеряет голову среди шумного уличного движения?» В наиболее раздутых версиях этого рассказа лошади, запряженные в омнибус, были забрызганы кровью; добавлялись и другие ужасные подробности.

В обстановке войны слухи, передаваясь из уст в уста, «уточнялись» аналогичным образом. Появилось множество любителей охоты на шпионов. Определенные разновидности сплетен сделали свое дело, заставляя людей дрожать от страха. В наибольшем ходу были истории о «лакеях-иностранцах». Многие из этих лакеев поспешно уезжали из Англии, чтобы вступить в армию своей страны. Возможно, что среди них было немало шпионов, но я не знаю ни одного случая, где бы это было доказано. Но некоторым совершенно безвредным людям, вышедшим из призывного возраста и оставшимся на своей работе, приходилось очень скверно. В качестве примера укажу на одного «Фрица», которого я знал со времени моей и его юности. Впервые я видел его в 1887 году, когда он был официантом в баре старого Гранд-отеля на Стренде; постепенно прогрессируя, он впоследствии стал заведующим рестораном. Кажется, он был австрийцем по национальности. Я мог бы поручиться за этого человека. К величайшему сожалению его британских коллег, среди которых он пользовался популярностью, он был вынужден под давлением общественного мнения оставить свою работу. Это была грустная история. Один симпатизировавший ему офи-

▲ Сотрудники английской спецслужбы

▲ Офицеры английской контрразведки

циант-англичанин рассказывал мне, что «Фриц» почти умирает с голоду. Затем я потерял его из виду.

Возникавшие слухи были самого разнообразного свойства: сигнализация вражеским воздушным силам; выращивание голубей — несомненно, почтовых; взрывы военных заводов; разрушение железнодорожных мостов; таинственные автомобили, нарушавшие правила освещения. Я сам едва не был арестован ревностным охотником на шпионов из-за того только, что притушенные фары моего форда загорелись ярче обычного в тот момент, когда я выжал конус, останавливая машину. В аристократических семьях оказывались подозрительные швейцарские гувернантки. О людях, игравших большую роль в общественной жизни, рассказывалось, что они заключены в Тауэр. В одном заслуживающем доверия докладе я прочитал, что в лондонскую полицию ежедневно поступали доносы, примерно на 400 человек, обвинявшихся в шпионстве.

В целом это не принесло большого вреда, хотя некоторые заподозренные претерпели кой-какие неприятности. Известное положительное значение имело то, что на помощь полиции пришло много сыщиков-любителей, а распространение ложных слухов, которые могли сбить с толку врага, было небесполезным. Возьмите, например, слух о массах русских войск, высаживающихся в Шотландии и тайно отправляемых на юг в запечатанных вагонах. Появился слух о задуманном Черчиллем налете на Остенде в конце августа 1914 года. Я считал инициатором этого слуха лорда Китченера, основываясь на трюке, примененном им во время войны в Южной Африке.

Мы находились в то время в местности под названием Кенгардт, куда были направлены для подавления восстания в северо-западной части Капской колонии. Там мы получили телеграмму от «К», в некоторой части зашифрованную. В незашифрованной части сообщалось, что «К» лично выступает по направлению к Кенгардту. Зашифрованная часть гласила: «Это будет очень интересно для неприятеля». В Остенде мне показалось поэтому возможным, что в качестве военного министра «К» употребляет сходные методы, чтобы обмануть врага.

Были и другие версии о происхождении слухов о русских войсках. Выше я передал эту историю в абсолютно точной версии, в какой она дошла до меня в Остенде. Один заслуживающий доверия друг, видный историк, впоследствии рассказывал мне, как эти слухи дошли до него в Англии. Он был достаточно хорошо осведомлен в военных делах и поэтому мог расценивать как простую утку эту, по его словам, «невероятную легенду, переходившую из уст в уста в августе и сентябре», между тем как девять человек из десяти, слышавших эту историю, верили всем преувеличениям. Он рассказывал, что по одной версии четыре русских армейских корпуса или даже 250 тыс. русских солдат были будто бы доставлены в Шотландию и Англию через Архангельск (и это при

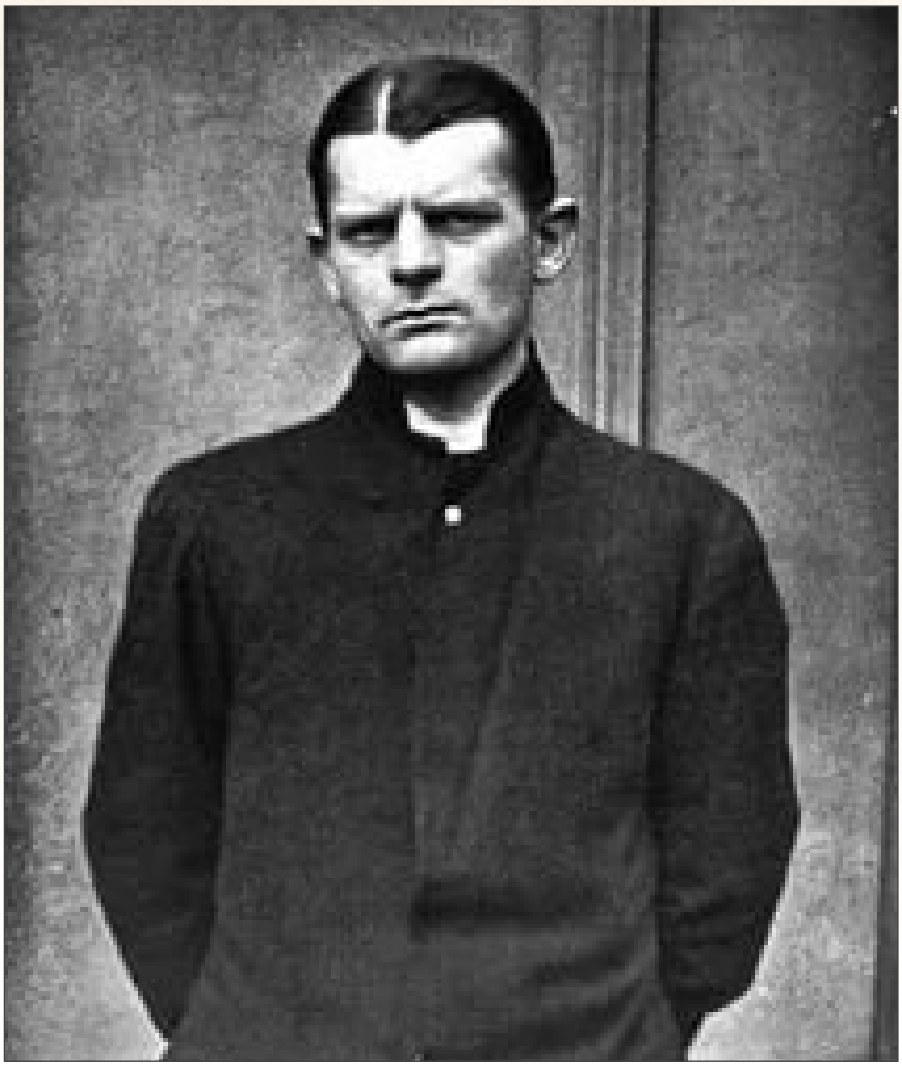
наличии одноколейной железнодорожной линии на севере России!). Такие раздутые истории, по мнению моего знакомого, возникали потому, что в те критические дни все надеялись на неожиданное появление огромной русской армии, которая отбросит назад вторгшиеся в Бельгию и Францию германские войска. Не говоря уже о том, что для перевозки такой армии по территории России и Англии потребовалось бы огромное количество подвижного состава, — для морского транспорта потребовались бы сотни крупных судов, непрерывно курсирующих между Архангельском и шотландскими портами. Откуда могли бы взяться эти суда?

Упоминая об этом слухе, я воспользуюсь случаем воздать должное одному германскому шпиону высшего типа, тоже поверившему этому слуху и передавшему его своему начальству с живописными подробностями о проезжавших через Англию бородатых людях огромного роста, в сапогах, ещё покрытых снегом. Я имею в виду Карла Лоди. Упоминание его имени возвращает нас из области вымыслов к суровой действительности.

Карл Ганс Лоди, говорят, был выделен самим кайзером и, рискуя своей жизнью, прибыл в Англию, чтобы заполнить брешь, образовавшуюся после ареста 21 германского шпиона в августе 1914 года, произведенного по указанию Особого отдела. История его похождений, начиная с того дня, когда он принялся за выполнение своей опасной миссии, кончая моментом, когда он предстал перед взводом наших солдат в лондонском Тауэре, излагалась уже не раз, но все же стоит её повторить здесь.

Вначале Лоди служил в германском флоте, но вышел в отставку, не располагая достаточными средствами для широкого образа жизни, какой вели морские офицеры. С тех пор он числился в резерве морских сил. Он пытался было получить работу в британском туристском агентстве «Томас Кук и сыновья», но ему не удалось. Тогда он поступил в качестве гида на германскую пароходную линию Гамбург — Америка и в напряженные дни, предшествовавшие мировой войне, выполнял эти обязанности в Норвегии. Он приехал в Берлин в тот день, когда Британия вступила в войну (и когда мы интернировали 21 шпиона, которые избежали смертной казни только потому, что их преступления были совершены в мирное время). Затем, движимый чувством патриотизма, он направился в Англию. Как туристский гид он раньше много путешествовал и Англию знал хорошо. Он свободно говорил по-английски с американским акцентом, приобретенный благодаря пребыванию в США, а также благодаря общению с американскими туристами и пассажирами на пароходах линии Гамбург — Америка. У него был паспорт на имя американца Чарльза А. Инлиса. Что стало потом с настоящим владельцем паспорта, мне неизвестно. Этот настоящий Инглис обратился в американское посольство в Берлине с просьбой дать ему визу, годную для путешествия по всей Европе, и посольство направило его паспорт в министерство иностранных дел для получения германской визы. Министерство «затеряло» его: на самом деле фотографическая карточка Чарльза А. Инглиса на паспорте была снята и заменена карточкой Карла Лоди.

Где именно высадился Лоди, не знаю. Как раз в то время страна была наводнена потоками бельгийских и других беженцев. Должный

▲ Карл Ганс Лоди

▲ В окопах I мировой войны

контроль за документами множества эмигрантов был невозможен, так как аппарат был слишком мал, чтобы справиться с возложенными на него обязанностями. Возможно, что Лоди проскользнул вместе с какой-либо партией беженцев. Он впервые выдал себя, находясь в Эдинбурге, где он жил в Северобританской гостинице. Оттуда он послал телеграмму в Стокгольм некоему Адольфу Бурхардту. На телеграмму обратили внимание, так как адресат находился под подозрением. С этого момента все письма Лоди вскрывались и прочитывались почтовыми цензорами, которые в то время начинали развертывать свою работу. Он не пользовался ни шифром, ни стенографией. Свои письма в Швецию он писал по-английски или по-немецки. В них он описывал линии береговой обороны, вооружение кораблей и сообщал разные другие секретные сведения. Четырех писем Лоди Бурхардту было бы достаточно для вынесения обвинительного приговора. Трагический конец был неизбежен.

Вскоре Лоди переехал из отеля на частную квартиру. Ввиду его американского акцента хозяйка считала, что «Чарльз А. Инглис» не кто иной, как американский турист, интересующийся местными достопримечательностями. Находясь неподалеку от Фортса, Лоди несколько недель разъезжал по окрестностям на велосипеде, изучая также укрепления Розита, морской базы около Фортс-Бриджа. Затем он отправился в Лондон, где остановился в отеле в Блумсбери, в районе, повидимому, облюбованном германскими шпионами. Из Лондона по тому же адресу он пересылал сведения о наших противовоздушных вооружениях и об устройстве укрытий.

После этого он вернулся в Эдинбург, причем все время находился под наблюдением. 26 сентября он поехал в Ливерпуль. В качестве знатока торгового судоходства он высылал в Берлин полезные для немцев сведения об установке орудий на океанских рейсовых пароходах. Затем он через Холихед отправился в Дублин, где остановился в Грандотеле. Из Дублина он сообщил своему корреспонденту в Стокгольм, что избрал путь Дублин — Холихед как благоприятный для получения информации, но подозревает, что за ним следят. Из Дублина он перебрался в Килларией, где и был арестован 2 октября ирландской полицией и задержан до приезда представителей Скотленд-ярда, которые отвезли его в Лондон.

В методах Лоди не было никакой гибкости; он не умел даже скрыть порочащие улики. В его бумажнике было обнаружено около 180 английских фунтов, норвежские ассигнации и германские монеты. При нем была также найдена записная книжка, содержавшая сведения о последних действиях флота на Северном море, и копии писем к Бурхардту. Лоди был заключен в лондонский Тоуэр. 30 и 31 октября его судил военный суд и признал виновным. Через пять дней его расстреляли.

Это был первый шпион, расстрелянный в Великобритании во время мировой войны, и первый человек за последние сто пятьдесят лет, казненный внутри мрачных зубчатых стен Тоуэра. Кажется, ничто в такой мере не внушало лондонским жителям сознания суровых условий войны, как казни в Тоуэре.

Благодаря работе контрразведки свыше 30 германских шпионов предстали перед судом в Англии. Из них было расстреляно 12, один повешен, один покончил с собой.

В числе других германских шпионов, орудовавших в Англии, было немного немцев; большинство из них

происходило из нейтральных государств и работало только за деньги. Они принадлежали к низшей категории людей, погрязших в пороках, и в нашем описании разведывательной службы не место для рассказа о том, в какой агонии трусости и страха кончали свою жизнь эти люди. Я не верю, что мужчины или женщины такого типа добывали или пересылали сведения, имеющие важное военное или военно-морское значение, и сожаление вызывает тот факт, что воюющие страны пользуются такими людьми. По некоторым авторитетным источникам, к таким людям их начальство относилось с подозрением и отправляло их за границу как «шпионов» в расчете на то, что там они будут казнены.

В Великобритании не в обычае использование женщин в качестве агентов разведки или шпионов, но вообще освещение работы разведки во время европейской войны не может считаться полным без упоминания о женщинах.

Мне вспоминается прочитанный несколько лет назад интересный роман, название которого, кажется, было «Кронштадт». То был роман о девушке, гувернантке в русской семье, которая рисковала жизнью, пытаясь раздобыть план крепости. Наличие любовного элемента в таком романе дело обычное, но в реальных условиях военного шпионажа любовь, как показывает опыт, играет отрицательную роль. Существует много рассказов о том, как женщины и мужчины, увлеченные любовью, делались жертвой внутренней борьбы двух великих сил — патриотического дела и страсти. Я слышал рассказ о женщине, которая в качестве агента разведки должна была выведывать секреты у одного иностранного офицера, занимавшего высокий пост. Дело кончилось тем, что она влюбилась в него, бросила свою работу, и, выражаясь стилем романов, «они потом жили счастливо до конца своих дней». Будем надеяться, что, меняя свое отечество, эта женщина не выдала военных тайн страны, от которой она отказалась. Мне ничего неизвестно об этой стороне дела, но здесь всегда нужно считаться с известным риском.

С другой стороны, я разделяю взгляд, что женщина лучше хранит военные государственные тайны, чем мужчина. Существует тип мужчин, которые, особенно во время войны, стремятся приобрести репутацию людей, осведомленных в военных и морских делах, но мало интересуются семейными делами своих знакомых. У женщин как будто дело обстоит наоборот.

Основное же заключается в том, что женщины до сих пор нигде не допускались наравне с мужчинами к занятию ответственных военных и военно-морских постов, где решаются наиболее важные секретные дела, и поэтому женщина-шпионка должна получать информацию от мужчины. Это вводит некоторый элемент неуверенности в связи между шпионом и жертвой шпионажа, что и является одной из причин, почему в Великобритании не поощряется использование женщин на шпионской работе. Не во всех странах держатся такой точки зрения. Кроме того, у нас играет роль желание не подвергать женщин опасности смертной казни, которая угрожает шпиону, в случае его разоблачения.

Немцы направили в Британию во время войны немногих шпионок, и только три женщины судились у нас по обвинению в шпионаже. Одна из них — миссис Смит, жена иностранца, натурализовавшегося в Британии; сообщая своим хозяевам сведения о подъеме патриотических настроений в Великобритании, она, вероятно, принесла Антанте больше пользы, чем вреда, и поэтому отделалась легким наказанием. Другая шпионка — Лиззи Вертгейм, родом немка; она была замужем за британским подданным, сыном натурализованного немца. Муж её, в силу достаточных оснований, не жил с ней, хотя развод, кажется, не был оформлен. Она вела широкий образ жизни, питала пристрастие к кокаину и отличалась низкими нравственными качествами.

Заправилы германской разведки полагали, что эта женщина окажется полезной в деле добывания сведений о наших военно-морских делах в Шотландии или других местах, — сведений, которые она должна была передавать шпиону, известному под фамилией Брикоу. Последний

▲ Гинденбург, Вильгельм II и Людендорф

вместе с другими германскими агентами был послан в Англию весной 1915 года под фальшивым американским паспортом на имя Реджинальда Роуланда, но у американского орла на печати его паспорта не хватало одного когтя. Вот от каких мелочей иногда зависит жизнь агента разведки! Эта пара предстала перед гражданским судом в Олд-Бейли. 20 сентября 1915 года были представлены обильные доказательства их шпионской работы. Госпожа Вертгейм была присуждена к 10 годам каторжных работ и отправлена в Эйльсбери для отбывания срока наказания, а в дальнейшем была переведена в Бромдурский дом для умалишенных уголовных преступников, где она умерла 4 августа 1920 года. Её компаньон Брикоу умер от паралича сердца перед расстрелом в Тоуэре. Кстати, госпожа Вертгейм жила в Блумсбери, когда «Реджинальд Роуланд» прибыл в Англию, а название этого квартала, расположенного вблизи Британского музея и населенного верхушкой интеллигенции, постоянно встречается в делах об иностранном шпионаже. Я не знаю, что именно привлекает тайных агентов в этот район; повидимому, там существует изрядное число недорогих гостиниц, где останавливаются иностранные путешественники из небогатых слоев.

Третья шпионка, представшая перед судом в Англии, была шведка Ева де Бурнонвиль, находившаяся на службе у немцев. Она обратила на себя внимание своими глупыми вопросами и постоянными напоминаниями о том, что она, дескать, родилась в Дании. Она также была арестована в Блумсбери, хотя раньше проживала в других районах. Она получала всего 30 фунтов стерлингов в месяц, которые выплачивались ей через германского военного атташе в Швеции. Это была не слишком высокая плата за работу, на которой она рисковала жизнью, а в данном случае мы имели дело с наиболее способной из пойманных нами шпионок. Она, вероятно, была бы казнена в другой стране, где менее снисходительно относятся к женщинам-шпионкам.

▲ Фош, главновомандующий французской армией

На суде в Олд-Бейли почти ничего нельзя было привести в её защиту; суд не нашел также никаких смягчающих вину обстоятельств. Ева де Бурнонвиль была признана виновной и приговорена 12 января 1916 года к смертной казни, которая была заменена пожизненной каторгой. Она отбывала наказание вместе с Вертгейм в Эйльсбери, где впоследствии им была предоставлена возможность беседовать друг с другом.

Более интересные данные о женщинах-шпионках можно найти в уголовной практике других стран. В связи с делом Евы де Бурнонвиль можно отметить слабость, свойственную этому полу. В одном из своих писем из тюрьмы она спрашивала, нельзя ли ей получить свой прибор для маникюра и часть её многочисленных платьев, причем трогательно добавляла: «Пожалуйста, развесьте мои вечерние платья и хорошо прикройте их».

В мае и июне 1915 года наблюдался большой наплыв германских шпионов в Англию. Некоторые из них, например, компаньон или наниматель госпожи Вертгейм, упомянутый Брикоу («Реджинальд Роуланд»), и некто Антон Кюпферле, который пробыл на свободе лишь 5 дней, возлагали надежду на свой американский акцент и американские паспорта. Напомним, что 1915 год был первым годом беспощадной подводной войны, битвы при Нев-Шапель, предпринятой по инициативе сэра

▲ Гейнрихсек – «фрейлен доктор»

Джона Френча, затем второй битвы при Ипре и последовавшего за этим наступления союзников, наконец, предпринятого Жоффром и Фошем и дорого нам обошедшегося осеннего наступления, в котором британская армия по настоянию Китченера также принимала участие. В этом году западный фронт больше привлекал внимание германской военной разведки, чем Соединенное королевство, Дарданелльское предприятие. Главной целью агентов германской разведки в 1915 году было получить военно-морскую информацию в Англии и особенно в Шотландии.

К 1916 году должно было закончиться обучение британской «новой армии», поэтому ценность военной информации, получаемой непосредственно из Англии, постоянно возрастала. В начале года Жоффр (с помощью Фоша) и Хейг (вновь назначенный вместо Френча, командующий британской армией) закончили разработку своего первого плана большого наступления на Сомме, которое, однако, германцы предупредили своим ударом по Вердену. Германская разведка прилагала большие усилия, чтобы достать информацию о подготовке наступления на Сомме, которое, ввиду необходимости облегчить положение французской армии в Вердене, не могло быть отложено на срок позже 1 июля, хотя Хейг рассчитывал на больший промежуток времени для обучения своих новых дивизий.

Это дает нам повод ознакомить граждан с организацией германского шпионажа на западном фронте и рассказать об одной таинственной немке, которая, обосновавшись в Антверпене после занятия его немцами, играла как будто руководящую роль в этом шпионаже. После войны много писалось об этой женщине, о методах её работы, о различных именах, под которыми она была известна в странах Антанты. Прозвание «фрейлейн доктор»» — главный псевдоним, под которым она была известна во Франции, где преимущественно была сосредоточена её деятельность; но она имела много других, более выразительных кличек: «красный тигр», «глаза тигра», «черная кошка», «королева шпионов», «фрау доктор Элизабет» и т. д. Её агенты орудовали за линией фронта, в тылу противника. Она возглавляла тайную организацию, обычно применяя к своим подчиненным методы террора. Эта организация занималась добыванием военных и военно-морских тайн в Англии и в французских департаментах, расположенных, примерно, к западу от линии Булонь — Париж — Эпиналь — Бельфор до швейцарской границы. Ричард Роуан много писал о ней в своей книге «Разведка и контрразведка». О ней имеются более или менее точные упоминания (большей частью менее точные) почти во всех книгах о шпионаже во время мировой войны.

Роуан пишет, что это была женщина с властным взглядом, и добавляет, что в её «сверкающих холодных синих глазах» можно было прочесть дерзость и жестокость. Несомненно, её агенты испытывали страх перед ней. Ей приписывается изобретение особого метода столь же безжалостного, сколь и простого, применявшегося ею для расправы с негодными или неугодными агентами («шпионами-дураками»): несчастному давалось поручение, которое наверняка должно было привести к его провалу и смертной казни.

Иосиф Маркс, голландец, прибывший в Англию в июле 1915 года, оказался именно в таком положении. Он был захвачен в Тильбери. Сэр Бэзиль Томсон, руководитель Особого отдела Скотленд-ярда, тогда как раз оказался там, и ему Иосиф Маркс от-

крыл характер своего поручения. Если безжалостная «работодательница» действительно рассчитывала на его казнь, то ее ждало разочарование: Маркс был присужден к 5 годам каторги по обвинению в том, что он, будучи связан с агентом неприятельской разведки, пытался пробраться в Англию. Впоследствии он был выслан на родину и горячо благодарил англичан за хорошее с ним обращение; несомненно, английская тюрьма была для него наиболее безопасным местом, если он действительно являлся жертвой зловещих «глаз тигра». Между прочим, арест этого шпиона дал нашей контрразведке возможность ознакомиться с новым остроумным способом пересылки информации в Германию о британском флоте; через Швейцарию посылались письма с разными почтовыми марками, причем каждая марка обозначала какой-либо тип военных кораблей.

Однако самая интересная для нас черта в деятельности «фрейлейн доктор» — это понимание опасности введения «любовного элемента» в такое серьезное дело, как военный шпионаж. Она имела большой опыт в подготовке шпионов в германских школах шпионажа, и я имел возможность ознакомиться с содержанием инструкций, которые она давала одному надежному агенту. Вполне полагаясь на него, она, тем не менее, строго внушала ему, что он всегда должен быть трезвым, вести скромный образ жизни, вставать рано. Если по условиям работы ему придется бывать в увеселительных заведениях, то он должен остерегаться и не попадаться в любовные сети: контрразведка врага пользуется услугами агентов-женщин.

Известен рассказ об одном голландце, посланном той же дамой в Париж: он не послушался ее советов, пил слишком много и проговорился, беседуя в нетрезвом виде с кафешантанной девицей, состоявшей агентом французской разведки. Он даже сообщил ей о своем поручении, стараясь завербовать ее. Французская полиция оставила его на свободе в расчете на то, что благодаря своей болтливости он выдаст и других германских шпионов. Роуан передает, что он кончил свои дни в одном из переулков Монмартра, где его ночью застиг немецкий нож, оставленный в ране для предупреждения других.

Заканчивая рассказ об этой безжалостной и отталкивающей женщине, которая, применяя методы устрашения, работала будто бы очень успешно, мы должны сделать несколько замечаний по поводу различных легенд о её происхождении и социальном положении.

«Фрейлейн доктор» было «красивая женщина, повидимому, вполне уверенная в силе своего очарования, которым она пользовалась для вовлечения несчастных граждан нейтральных стран в шпионскую работу». Она величала себя то баронессой д* Аспремон, то графиней Лувен, то представительницей одной германской дворянской фамилии с приставкой «фон». Полагают, что на самом деле она была дамой полусвета, которая пользовалась благосклонностью одного прусского генерала, очень влиятельного в органах разведки и доставившего ей возможность получить там «работу». Говорят, что её настоящая фамилия была «Гейнрихсен», но точно её происхождение не установлено. Её сила заключалась в горячей преданности порученному делу и в готовности идти на любой риск при выполнении его. Из своей штаб-квартиры в Антверпене она часто ездила в Голландию, где её хорошо знали тайные агенты союзников в Роттердаме. Она часто пользовалась автомобилем, но во время её поездок или когда она шла пешком её всегда сопровождали два телохранителя.

Говорят, что решающего успеха в борьбе с ней агенты союзников добились, устроив к ней на работу в Антверпене в качестве её доверенного лица своего агента, молодого бель-

▲ Супружеская чета Маклеод

▲ Мата Хари – утренний луч

гийца, разыгравшего роль сторонника Германии; но когда она со временем разоблачила его обман, то собственноручно застрелила его. Различные рассказы об этой зловещей женщине приведены в книгах Фелстэда, Людеке, Роуана и др. Она не любила пользоваться услугами женщин-шпионок по вышеприведенным соображениям: она опасалась неустойчивости, которую может вносить «любовный элемент» в серьезную и важную работу

Мы можем теперь расстаться с этой женщиной и вернуться к тем шпионкам, которым удалось пробраться в Англию во время европейской войны. Наиболее известна из них Маргарита-Гертруда Маклеод, урожденная Пелле, которая пользовалась нашим гостеприимством лишь несколько дней. Она была выслана в Испанию, но судьба её решилась во Франции в 1917 году отчасти вследствие проявленного ею интереса к наступлению на Сомме.

Она была танцовщицей с европейским именем и слыла покорительницей мужских сердец. Её псевдоним по сцене «Мата Хари» («утренний луч»). Её имя было окружено многими легендами. Вот некоторые из них. По наиболее распространенной версии, она была дочерью голландца, женившегося на яванке (по другим рассказам — на японке), родилась в Голландской Ост-Индии и от матери унаследовала свою утонченность, вкрадчивость и льстивость. После смерти отца мать, желая избавить дочь от необходимости работать на сахарных плантациях на Яве, перевезла её в Бирму, где пристроила на двусмысленную роль танцовщицы в одном буддийском храме. Какой-то британский офицер, очарованный её красотой, будто бы помог ей из храма и женился на ней. Она родила двух детей, но её скоро надоела однообразная жизнь в Индии, и она уехала в Голландию, а оттуда в Париж. С тех пор она прославилась как танцовщица.

Нам незачем дольше останавливаться на красочной и крайне фантастичной легенде о начале её карьеры. Её внешность, смуглая кожа и блестящие черные глаза, естественно, придавали этому рассказу характер правдоподобия, и этому содействовала также её «ненасытная жажда роскоши и денег». Не столь эффектны документальные свидетельства, по которым она числилась разведенной женой, сохранившей фамилию мужа — Маклеода; по этим данным, она родилась в Голландии (в Леевардене) в 1878 году, была крещена под именем Маргарита-Гертруда Целле. Восемнадцати лет она вышла замуж за офицера голландской колониальной армии, повидимому, шотландца по происхождению, на что указывает его фамилия Маклеод. Муж взял её с собой на Яву, где их совместная жизнь была далеко не счастливой. Рассказывали, что он с ней обращался жестоко и грубо, что слуга-туземец убил будто бы их сына из ненависти к своему хозяину, а мать застрелила убийцу. У них родился другой ребенок — дочь. За шесть лет пребывания в тропическом изнурительном климате Явы — в той части света, где, по словам Киплинга, «нет места для десяти заповедей и где лучшее похоже на худшее», — Маргарита Маклеод овладела мастерством танца вообще и восточного танца в частности; впоследствии это пригодилось ей для обольщения мужчин.

Неудачная супружеская чета вернулась в Голландию в 1901 году с 5-летней дочерью Марией-Луизой. Не стоит останавливаться на первых годах, проведенных в Голландии. В первое время супруги жили

▲ Мата Хари в тюрьме

среди порядочных людей, которые, повидимому, иногда вмешивались в их семейную жизнь во время особо острых скандалов. Эта семейная жизнь кончилась тем, что муж покинул её, взяв с собой дочь. Маргарита-Гертруда, кажется, жила в нужде, её помогали родственники. Жизнь в голландской деревне скоро ей прискучила. На 29 году жизни она отправилась в Париж. Имея столь пестрое прошлое, она стала распространять красочные легенды о своей молодости; она с успехом выступала в роли исполнительницы восточных танцев, благодаря которым она стала известна во всей Европе.

Её профессия позволяла ей приобретать связи в высших кругах Франции, Германии и других стран Европы; это способствовало дальнейшим её успехам, и она стала зарабатывать большие деньги. Неизвестно, когда именно она стала тайным германским агентом; возможно, что это было еще до войны; на это указывает её агентурный номер «Х-21» — буквой «Х» во время войны не обозначались агенты. Широкая известность вредила ей, и, в конце концов, даже самые высокопоставленные знакомые не смогли её спасти от неизбежной судьбы.

Можно думать, что угодно о профессии и источниках доходов этой женщины, но не приходится сомневаться в её храбрости. Её тридцать восьмой день рождения пришелся на 7 августа 1914 года. Когда вспыхнула война, она танцевала в Винтергартене в Берлине; говорят, там её видели в обществе одного высокопоставленного полицейского чиновника, с которым она давно поддерживала знакомство. Она выступала публично и в других странах.

Впервые она возбудила подозрение английской и французской разведки во время своих выступлений в Мадриде в июле 1915 года, в те дни, когда англо-французское наступление во Фландрии кончилось неудачей, а итальянцы начали свои первые атаки на реке Изонцо. Высадка её в Англии в 1916 году произошла, повидимому, в связи с условиями, созданными беспощадной германской подводной войной и установкой мин на главных морских путях. Вследствие этого все пароходы должны были заходить в британские гавани, где производился осмотр и давались указания о наиболее безопасных путях дальнейшего следования. По одной версии, Мата Хари должна была сойти на берег со всем своим багажом и театральным реквизитом по предложению молодого скромного морского офицера; согласно другой версии, она приехала в Англию по своей доброй воле. Как бы то ни было, она была приведена в Скотленд-ярд на допрос к сэру Бэзилю Томсону, но там она вполне успешно обманула допрашивавших её лиц. Фелстэд, один из надежнейших авторитетов по закулисным делам шпионажа, излагает эту историю таким образом: когда Мата Хари было прямо заяв-

лено, что она является германской шпионкой, она с обворожительной улыбкой сказала Томсону: «Мне нужно вам рассказать кое-что, но раньше попросите всех этих джентльменов выйти из комнаты». Когда они ушли, Мата Хари заявила: «Да, я действительно состою тайным агентом, но я работаю не в пользу бошей. Нет! Тысячу раз нет! Я работаю для Франции!» Говорят, что она пыталась применить подобный же трюк и в Париже, но руководители французской контрразведки вскоре заподозрили её в том, что, узнав имя одного французского тайного агента в Бельгии, она предала его немцам, и он был расстрелян. В результате произведенного допроса английскими следственными властями она была выслана в Испанию с добрыми пожеланиями на будущее.

Большинство шпионов, пойманных во время войны, осуждалось на основании документальных данных, добытых благодаря применяемым ими способам пересылки сообщений. Безнаказанность Мата Хари во Франции в течение долгого времени объясняется её личным влиянием в одной нейтральной стране; это дало ей возможность пользоваться дипломатической почтой нейтрального государства для пересылки своих донесений: полагали, что она переписывается со своими родственниками в Голландии, в действительности же её письма предназначались для немецких тайных агентов. Когда её корреспонденцию перехватили, оказалось, что ее сообщения записаны с помощью шифра, который нельзя было раскрыть. Ей всегда удавалось заметать следы. Гладко сошло даже посещение ею нового аэродрома в Вителе, построенного в 1916 году, хотя пропуск был выдан именно для того, чтобы следить за ней.

В Испании она часто бывала в обществе германского военного атташе; в конце концов она попалась из-за него: он послал ей радиограмму, чтобы «Х-21» зашла в посольство такой-то нейтральной страны в Париже для получения огромной суммы денег. Она была арестована в феврале 1917 года, предстала перед военным судом в июле и была приговорена к расстрелу. В промежутке между этими датами сорвалось широко возвещавшееся наступление Нивелля, в котором французская армия понесла огромные потери, а вслед за этим в армии начались бунты и по всей Франции прокатилась волна пораженчества. Самые влиятельные друзья Мата Хари не смогли добиться смягчения приговора или пересмотра его; в октябре приговор был приведен в исполнение в Венсенской крепости.

Подобно Еве де Бурнонвиль, приговоренной за шпионаж в Англии к пожизненному заключению, Мата Хари осталась верна себе до последней минуты. В последнее утро она оделась с особой тщательностью. Когда пришло время, она гордо прошла мимо взвода, который должен был её расстрелять, послала воздушный поцелуй солдатам, священнику и всем присутствующим. Так, в возрасте 41 года, закончила она свою жалкую карьеру.

Дж. М. Спэйт в своей книге «Авиация и военное правосудие» приводит список других шпионок, приговоренных к смерти во Франции: Маргарита Шмидт — казнена в марте 1915 года, Отилия Фосс — казнена в мае 1915 года, мадемуазель Лалар — приговорена к смерти в августе 1915 года, Мария Хосе де Баси — казнена в январе 1916 года, Регина Диан — казнена в январе 1918 года, Жозефина Альварес и Викторина Франше — казнены в мае 1918 года, Сидония Дюкре — приговорена к смерти в июне 1918 года.

Англия была в сравнительно более выгодном положении, и нам не приходилось применять к женщинам столь суровые меры за шпионаж. ■

▲ Казнь Мата Хари

Н. ВАСИЛЬЕВ, А. ГОВОРОВ, военные журналисты

ГДЕ ЖЕ ФЕЛЬДМАРШАЛ?

▲ Пленные немцы, 1943, Сталинград

Огромный город, весь истерзанный и израненный, но не сломленный, ставший символом стойкости и несгибаемого мужества советских людей, медленно возвращался к жизни. После окончания великой битвы каждый день на его улицах появлялись новые жители. Они шли из-за Волги, таща на санках скудные пожитки. Их не пугали развалины, обгоревшие коробки зданий с пустыми глазницами окон и еще дымящиеся пепелища. Все преображалось там, где они останавливались, к чему прикладывали свои руки.

Майор Устинов ежедневно ощущал эти перемены. Возвращаясь из лагерей военнопленных, где допрашивал офицеров и солдат, причастных к деятельности гитлеровской разведки, он замечал новые, только что застекленные окна домов или наспех написанные вывески булочных и магазинов, разместившихся в подвалах. Это были первые «островки» жизни. В основном же, куда ни кинь взгляд, — горы битого кирпича.

Самые сильные разрушения майор видел, пожалуй, в районе тракторного завода. Завод выглядел мертвым гигантом. Цехи представляли груды искореженного металла, бетона и штукатурки. И только на площади перед заводом стояла чудом уцелевшая величественная скульптура Ф.Э. Дзержинского. Она была почти не тронута пулями и осколками снарядов. В этом было что-то символичное.

Устинов жил в холодном, неуютном доме, у которого одна стена треснула от разрыва бомбы. Маленькая комната служила ему спальней и кабинетом. Но он и ею был доволен. Всю осень и зиму майор провел за Волгой в землянках. А здесь все же настоящий дом с крышей.

Однажды поздно ночью его вызвали к генералу. Генерал сидел за столом, накинув на плечи полушубок и зажав ладонями алюминиевую кружку с горячим чаем.

— Только что звонили из Москвы, — сказал он. — Нас предупреждают о том, что в последнее время гитлеровская разведка усиленно ищет место, где находится Паулюс. Как вы полагаете, зачем бы это?

— Наверное, выкрасть хотят? — вслух предположил Устинов.

— Вот именно. Он нужен Гитлеру живым или мертвым. Для престижа.

В Германии был объявлен траур. По приказу Гитлера немцы оплакивали уничтоженную советскими войсками 6-ю армию. Появление же в Берлине живого Паулюса, ее командующего, наверное, смягчило бы горечь поражения. На фельдмаршала можно было бы взвалить и всю вину за катастрофу под Сталинградом...

Майор вдруг вспомнил разговор, услышанный на «толкучке». Так звали колхозный рынок. Майор зашел туда однажды просто так, посмотреть. Он слышал, как одна женщина в телогрейке уверяла соседку в том, что «пленный немецкий фельдмаршал в Иловле содержится». Устинов только усмехнулся: «Вот и оно заработало, сарафанное радио». И он подробно все рассказал генералу.

— Вот как? — удивился генерал. — Выходит, слухи эти распространяются не случайно, кому-то они нужны. Как раз Паулюс находится недалеко от того места, которое называют...

Лицо генерала, вдруг исказилось гримасой боли. Он охнул и начал растирать руками раненую ногу.

— Скажите, Виктор Андреевич, а лейтенант Самсонов ушел за линию фронта? — спросил генерал, когда боль немного утихла.

— Нет, завтра должен идти.

— Мне кажется, когда он вернется в гитлеровский разведорган, его обязательно спросят, что он знает о местонахождении Паулюса. Абвер будет проверять имеющиеся у него сведения через многих своих агентов. Самсонову проще всего сказать: «Не знаю...» Но такой ответ в данной обстановке нас не устраивает. Пускай скажет, что в одной из частей слышал разговор, будто фельдмаршал находится на каком-то хуторе в Иловлинском районе, неподалеку от штаба Донского фронта.

▲ Над планом Барбаросса, позади Гитлера разработчик плана Паулюс

— Не слишком ли это точно для них? — усомнился майор.

— Ничего, все согласовано. На правдивую информацию абвер должен клюнуть. Передайте это Самсонову.

Лейтенант Алексей Самсонов летом 1942 года получил задание особого отдела Сталинградского фронта — перейти линию фронта и сдаться немецким властям. Перед представителями гитлеровского командования он предстал как перебежчик, бывший комендант одной из переправ через Дон, который, поддавшись паническому настроению группы солдат и офицеров, взорвал ее раньше времени, не получив приказа. Его собирались арестовать и, наверное, расстрелять. Алексей, опасаясь возмездия, был вынужден бежать...

Как и предполагалось, им заинтересовалась гитлеровская разведка. Самсонова допрашивали много дней подряд, очевидно, с целью найти какие-либо противоречия в показаниях. Но все тщетно. Самсонов хорошо знал обстоятельства этого дела. Такой случай был в самый разгар боев. Взорвавшего переправу расстреляли. Но об этом никто не знал.

Несколько месяцев Самсонов провел в лагерях военнопленных, перенес много лишений. К нему подсылали провокаторов. Но он выдержал все испытания, и осенью его направили на курсы подготовки агентов гитлеровской разведки возле Ростова-на-Дону. Самсонов хорошо знал подрывное дело. Немецкий инструктор это сразу заметил и сделал его своим помощником. Алексей остался в школе.

Первое самостоятельное задание лейтенант получил в начале января 1943 года. В ночь на десятое он приземлился на парашюте восточнее Сталинграда. В районе Ленинска он должен был совершить диверсию на железной дороге, по которой перебрасывались к району боев советские войска, затем собрать сведения о частях 64-й армии и вернуться через линию фронта обратно. Взрывами на железной дороге гитлеровцы стремились как-то облегчить участь окруженной группировки фельдмаршала Паулюса. Но не знали они, что 10 января нача-

лось завершающее наступление советских войск и дни гитлеровцев были сочтены. Никакие взрывы помочь уже не могли.

Самсонов первым делом разыскал особый отдел фронта. Он принес сведения о гитлеровской разведшколе. Здесь его познакомили с майором Устиновым. Они вместе составили доклад начальнику разведоргана о выполнении задания. В январе возле Ленинска из-за снежных заносов сошел с рельсов воинский эшелон. Это записали в актив Самсонову. А сведения о частях 64-й армии ему раздобыл, разумеется, с согласия штаба фронта, майор Устинов. С таким багажом можно было смело возвращаться.

...Генерал дал Устинову машину. Майор тотчас поехал в Бекетовку, где находился Самсонов. Лейтенант спал на топчане, укрывшись полушубком.

— Что-нибудь случилось? — спросил Алексей, вскочив на ноги.

У него было открытое, немного скуластое лицо. Короткие светлые волосы свешивались на широкий лоб.

— Ничего, — успокоил его майор. — Давай-ка внесем коррективы в твои действия...

* * *

Немецкий обер-лейтенант, к которому привели лейтенанта Самсонова, задержанного при переходе линии фронта, с недоверием смотрел на него. Когда же Алексей сообщил ему пароль и потребовал отправить в штаб, он успокоился, пробормотав: «Это другое дело...»

В штабе Самсонов сказал, что был в Сталинграде. Это произвело сильное впечатление на немецких офицеров. У всех были кислые лица. Куда девалась спесь, которую Алексей привык видеть раньше. Катастрофа под Сталинградом вызвала уныние и разочарование.

17 февраля, после всех проверок, Самсонова привезли в Запорожье. Здесь в общежитии одного завода размещалась штаб-квартира абвер-команды. Его сразу же принял майор Зелигер, возглавлявший абвер-команду. Он усадил Алексея в кресло и пригласил переводчика.

Докладом Самсонова шеф остался доволен.

— Вы, лейтенант, заслужили отпуск, — сказал Зелигер. — Только сначала одна формальность — опишите все на бумаге. И потом, есть к вам еще один вопрос...

Шеф откинулся на спинку мягкого кресла, погладил лысину.

— Вы ничего не слышали о фельдмаршале Паулюсе? Где он находится?

Алексей удивленно посмотрел на шефа и тут же вспомнил Устинова. Выходит, не напрасно майор приезжал той ночью.

— Как же, слышал, — подумав, ответил Самсонов. — Один майор рассказывал своему приятелю, как он из Бекетовки сопровождал Паулюса в штаб Донского фронта, который располагался в каком-то хуторе, севернее Сталинграда.

— Хутор называется Заварыгино? — подсказал шеф.

— Название точно не помню, — ответил Алексей.

В тот день шеф повез Самсонова в разведшколу. Он решил поднять настроение у своих подчиненных. Весь личный состав школы был выстроен во дворе. Пять десятков пар глаз с любопытством осматривали Самсонова, стоявшего перед строем.

— Этого человека, бывшего советского лейтенанта, я хочу поставить вам в пример, — сказал Зелигер. — Он пустил под откос воинский эшелон, принес из Сталинграда ценные сведения. И, как видите, вернулся живым и невредимым. Награждаю лейтенанта трехмесячным окладом и предоставляю 10 суток отпуска...

Почти весь следующий день Алексей писал донесение. Спать лег поздно. А утром его вызвали к начальнику школы.

▲ Сталинград осень 1942

▲ Воздушный мост, декабрь 1942 г.

— Шеф приносит вам свои извинения, — сказал начальник школы лейтенант Ганс Раунах. — Ваш отпуск откладывается ровно на неделю. За это время вы должны подготовить к отправке в советский тыл одну группу.

Самсонов в душе радовался тому, что его подключают к какому-то важному делу и он будет в курсе событий.

Начальник школы познакомил его с группой диверсантов. Ее командир, одетый в форму советского лейтенанта, назвал себя Шиповым. Остальные носили сержантские знаки различия.

— Вот с этими джентльменами вам предстоит ежедневно заниматься по 4 часа, — сказал Раунах. — Расскажите об условиях жизни в Сталинградской области, покажите на примерах, как действует советская комендантская служба...

В распоряжении Самсонова была неделя. Он подсчитал, что 23—24 февраля группа будет выброшена в Сталинградской области. Но где именно, с какой целью?

Он решил попробовать сблизиться с Шиповым Но разговора с ним не получилось. Он подозрительно отнесся к Алексею. Зато радист Ступко оказался более покладистым. Не мудрствуя лукаво, он доверительно сообщил Самсонову, что группа идет искать какой-то штаб севернее Сталинграда.

Этого было достаточно. В тот же день Самсонов пошел в город. Обедал в ресторане, а когда возвращался, зашел на почту. Здесь в тайнике оставил донесение о группе Шипова и ее задании.

20 февраля вечером Алексея неожиданно вызвал Зелигер.

— Видите ли, Самсонов, отпуск вам придется отложить, — сказал он. — Потом вместо десяти дней получите месяц. А пока есть срочное дело.

— Какое?

— Мы подумали и решили, что вы лучше других наших сотрудников знаете Сталинградскую область. Почему бы вам самому не возглавить группу?

Алексей молчал. Уж не подвох ли?

— Согласен, — глухо произнес он.

— Вот и хорошо. Мы выбросим вас вот здесь, — шеф наклонился к карте, — в районе хутора Медведев. Будете работать под видом саперов. Ваша задача — точно установить, где находится фельдмаршал Паулюс. Распоряжения о дальнейших действиях получите по радио. Кого хотели бы взять с собой радистом?

Самсонов подумал и попросил:

— Можно Ступко?

— Вопрос решен, — вставая, сказал Зелигер — В вашем распоряжении всего одни сутки. Завтра вылет.

Самсонов никак не мог понять, почему абвер так торопится. Наверное, кто-то давит на шефа, раз он меняет свои же планы.

В ночь на 22 февраля немецкий военный самолет в тылу советских войск выбросил двух парашютистов Это были лейтенант Самсонов и радист сержант Ступко.

▲ Отпрыгался, 1943

***

Парашюты зарыли в снегу, в небольшом овраге. Здесь же решили дождаться утра. По степи гулял ветер, мела поземка.

— К рассвету от наших следов ничего не останется, — заметил Самсонов.

Одеты они были в добротные полушубки, ватные брюки, валенки и шапки-ушанки. И все же оба продрогли, Алексей предложил выпить по глотку спирта.

— Только для сугрева, — пошутил он.

Они сидели на туго набитых вещмешках, прижавшись друг к другу. Обоим стало немного теплее. Под действием спирта Ступко разговорился. Он вспомнил о доме, о матери, говорил о себе. Но в его словах Алексей не уловил главного — сожаления о том, что изменил Родине. Лейтенант подумал, что надо бы докопаться, какое настроение у Ступко, но торопиться не стал.

Когда совсем стало светло, лейтенант достал карту, сориентировался, нашел удобную дорогу к хутору. Они закинули на плечи тяжелые вещмешки и двинулись в путь. Алексей держал в руках миноискатель, который должен был придать им вид занятых людей.

Возле самого хутора они встретили патруль. Два солдата с автоматами пристально их оглядывали. Казалось, не миновать беды. Лейтенант заметил, как у Ступко отвисла нижняя челюсть.

— Много мин нашли, саперы? — спросил старший патруля.

— Все наши, — весело ответил Алексей.

Солдаты прошли мимо. Самсонов быстрее зашагал, увлекая за собой оторопевшего радиста. На улицах хутора сновали солдаты. Здесь стояла какая-то часть.

Внимание Алексея привлекла маленькая, неказистая на вид избушка, стоявшая на отшибе. Они направились к ней. На пороге встретилась сгорбленная старая женщина.

— Здравствуй, мамаша, — приветливо сказал Алексей. — Можно у вас погреться?

— А мне-то что? Места не жалко.

В избе было жарко натоплено. Самсонов огляделся. В углу под образами стоял стол, возле него, вдоль стены — широкая лавка и две табуретки. Вот и вся обстановка. Справа стояла русская печь.

Хозяйка оказалась мрачной, неразговорчивой женщиной. Алексей попросил кипятку. Она молча поставила на стол закопченный чугунок, накрытый жестяной крышкой.

После завтрака Ступко сладко потянулся.

— Поспать бы часок, глаза слипаются.

— Ладно, ложись на лавку, — подумав, сказал Самсонов.

Он ломал голову над тем, как быстрее сообщить майору Устинову о своем прибытии. В части, расположенной в хуторе, есть штаб и, наверняка, уполномоченный особого отдела. Он должен помочь.

Пока Ступко спал, Алексей осмотрел все закоулки дома. Заглянул на чердак. Нужно было место, чтобы развернуть рацию. Но чердак для этой цели не годился потолок оказался слишком ветхим, только наступи — того и гляди провалится.

Прошло часа два. Алексей разбудил Ступко.

— Я пройдусь по хутору, посмотрю, какая тут обстановка, — сказал он радисту. — Ты без меня — ни шагу.

Самсонов без труда нашел штаб. Оттуда его проводили к дому, в котором находился оперативный упол-

▲ Немецкие связисты

номоченный особого отдела. Его встретил коренастый широкоплечий старший лейтенант. У него было скуластое лицо с приплюснутым носом боксера. Гимнастерка туго облегала сильные плечи и руки.

— Мне нужна ваша помощь, товарищ старший лейтенант, — сказал Самсонов. — Позвоните, пожалуйста в Сталинград, в особый отдел, и передайте майору Устинову, что «Сокол» прибыл с важным заданием и ждет его.

Поняв, кто такой лейтенант Симагин (в документах Самсонова стояла эта фамилия), старший лейтенант вызвал сержанта и предложил ему проводить гостя в другую половину дома. Лейтенант Самсонов разговаривал с сержантом, а сам «клевал» носом. В тепле его разморило, хотелось спать.

— А вы прилягте на лавку, — предложил сержант.

Алексей завернулся плотнее в полушубок и сразу уснул. Проснулся он оттого, что кто-то тряс его за плечо. Алексей поднял голову и увидел Устинова. Майор стоял и улыбался.

— Ну, с приездом, «Сокол»! — Они обнялись. Майор предложил поужинать. Самсонов ел и подробно рассказывал обо всем, что видел и слышал в разведцентре в Запорожье. По его мнению, майор Зелигер очень торопится. Он потребовал от Алексея в течение двух-трех дней узнать точно, где находится фельдмаршал.

— Что за человек, радист твой? — спросил майор.

— Парень, кажется, не плохой. Надо бы с ним как следует поработать.

Устинов подумал и сказал:

— Не трогай его. А вдруг лисой окажется? Как только поймет, кто ты, даст во время радиопередачи условный сигнал, и все пропало. Нет уж, пускай все идет так, как Зелигер хочет. А там посмотрим.

Алексей передал Устинову график радиосвязи и шифр.

— Вот за это спасибо, — сказал майор. — А теперь иди. А то радист как бы чего не заподозрил. Завтра увидимся.

▲ Плененный Паулюс

▲ Сталинград, зима 1942 г.

На улице было уже темно. Самсонов с трудом нашел избенку. Она казалась вымершей. Алексей открыл дверь и посветил фонариком. Ступко был одет, за спиной виднелся вещмешок.

— Что так долго, товарищ лейтенант? — спросил он тревожно. — А я собрался уходить из хутора. Думал, вам крышка.

— Так получилось, Георгий, — оправдывался Алексей. — Познакомился тут с одним стариком. Ну и заговорились мы. Он кое-что знает о нужном нам объекте.

Они еще долго шептались, обсуждая план действий на завтрашний день. Ничего подозрительного в поведении Ступко Алексей не нашел.

Утром в дом вошла молодая женщина в черном платке.

— Тетка Авдотья, жива ли? — позвала она.

Хозяйка слезла с печки. Они о чем-то поговорили в сенях, потом вместе ушли.

— А ну, быстрей разворачивай рацию, передай, что мол, прибыли, начинаем действовать, — сказал Самсонов радисту. — Я подежурю на улице. Если хозяйка вернется, задержу ее.

Через четверть часа Ступко показал ответ разведцентра на их первое донесение: «Ждем новых сообщений».

Вечером Алексей встречался с Устиновым.

— Радист твой, кажется, ничего. Мы слушали его сегодня. Работает без фокусов. Но все же будь с ним осторожнее, — сказал майор.

Он развернул карту и показал карандашом населенный пункт.

— Пойдешь в этот хутор. Дорога туда прямая, не собьешься. Найдешь дом с мансардой, скажешь хозяину: «Нам бы комнатку на несколько дней». Вас устроят.

— Ясно, Виктор Андреевич.

— Между прочим, жена хозяина работает поваром на хуторе Заварыгино, где содержатся пленные немецкие генералы. Она кое-что расскажет. Этим сведениям надо верить.

Самсонов и Ступко отправились в путь. В хутор они пришли под вечер. Алексей сразу узнал дом, о котором говорил Устинов. Он стоял на пригорке и выделялся среди других.

— Зайдем сюда, — предложил Алексей радисту.

В сенях они столкнулись с бородатым мужчиной в стареньком кожухе.

— Отец, нам бы комнатку на несколько дней, — первым заговорил Самсонов.

Мужчина оглядел их внимательно и ответил:

— Найдется.

Припадая на правую ногу, он тяжело заковылял к лестнице, ведущей в мансарду. Они поднялись в небольшую комнату.

— Подойдет?

— Конечно, — обрадовался Алексей.

Условия для работы здесь были великолепные. Можно закрыться и даже днем развернуть рацию.

Хозяин пригласил их отведать горяченькой картошки. Ступко молчал, поглядывая на лейтенанта. Самсонов согласился. Он шепнул радисту, чтобы тот захватил что-нибудь с собой. Они спустились в просторную горницу. Их встретила хозяйка, женщина ладная и статная. На вид ей было лет сорок пять.

— Будем знакомиться, — сказал хозяин. — Хуторяне зовут меня Савельичем. А это жена моя, Анна Мефодьевна.

На столе стоял большой чугун с дымящейся картошкой, а рядом — алюминиевая миска с солеными огурцами. Ступко добавил на стол полукилограммовую банку консервов, буханку хлеба и флягу со спиртом.

За столом говорили в основном хозяева. Гости сидели скромно, изредка задавая вопросы. Говорили о войне, ругали Гитлера. После третьей стопки Анна Мефодьевна вдруг разоткровенничалась:

— Я их, иродов, знаю. В соседнем хуторе содержат генералов-то немецких. Я при них стряпухой состою.

— И фельдмаршала Паулюса видела? — поинтересовался Ступко.

— А то как же. Живет в отдельном доме. Важный такой. А с ним генерал один и полковник. Охраняют их четверо наших солдат.

Она рассказала, как живут пленные гитлеровские генералы, какой у них паек.

— Живут и в ус не дуют, — заметил Самсонов.

— Какое там, жалуются. Этот Паулюс ихний говорил, будто вино плохое подают. Ему, вишь ли, вина хорошего надо.

Ступко слушал затаив дыхание. Позднее, когда они поднялись в свою комнату, радист сказал Алексею:

— На ловца и зверь бежит. Кажется, повезло нам.

Рано утром Алексей встал и спустился вниз. На скрип лестницы вышел Савельич.

— Анна Мефодьевна ушла на работу. Она через день ходит в соседний хутор. Мне тоже пора. Колхозный инвентарь готовим к весне. Так что остаетесь за хозяев, — сказал он.

Они не спеша позавтракали, потом составили донесение обо всем, что узнали о фельдмаршале Паулюсе. Ступко отстукал донесение по радио. Шеф дал новое задание: срочно узнать, в каком доме содержится Паулюс, большой ли гарнизон в хуторе.

Было решено, что изучением здешнего хутора займется Ступко. Он собрался, вышел на улицу, но вскоре вернулся, запыхавшийся и взволнованный.

— На патрулей нарвался. Не выдержал и повернул домой. — Ступко помолчал и смущенно добавил: — С вами, товарищ лейтенант, я смелее себя чувствую. Вы же офицер, к вам меньше цепляются.

— Ну, сиди тогда дома, — ответил Алексей.

В душе он был рад, что радист оказался изрядным трусом. Это давало ему, Алексею, свободу действий. Он собрался и ушел искать Устинова.

Майор поджидал его недалеко от дома. Алексей сообщил ему о новом задании шефа. Устинов дал сведения об охране.

— Знаешь, вчера в деревне Садки арестован лейтенант Шипов с радистом, — сказал майор. — Опознали по твоим приметам.

— Да ну! Все-таки прислали.

▲ Сталинград, январь 1943 г.

▲ Сталинград февраль 1943

— Как видишь. Зелигер хочет подтверждения данных о Паулюсе по разным источникам. Между прочим, в конце очередного донесения сообщи ему, что в деревне прошел недавно слух об аресте в Садках двух немецких шпионов.

— Зачем? — не понял Самсонов.

— Так надо. Пускай шеф рассчитывает только на тебя и довольствуется твоими сведениями.

За обедом Самсонов сообщил радисту, что слышал об аресте двух немецких шпионов.

— Доложи об этом в центр, — сказал Алексей тоном приказа.

Ступко не очень охотно выходил в эфир. Он боялся, что его запеленгуют. В прифронтовой полосе, где множество радиосредств работало одновременно, можно было как-то замаскировать себя. А здесь, в глубоком советском тылу, обнаружить новую радиостанцию в общем-то было нетрудно. Радист это понимал. Свои опасения он высказал еще в разведцентре. Но сотрудники радиоотдела горячо убеждали, что опасного ничего нет, и требовали чаще появляться в эфире. График связи был очень плотный.

Самсонов хорошо понимал, что в разведцентре просто обманывали радиста. Что им Ступко? Они готовы были пожертвовать десятками таких, как Ступко, лишь бы получить нужную информацию. Это лишний раз доказывало, что абвер слишком азартно ведет игру и готов сделать любую ставку.

Ступко старался реже включать передатчик. Алексей посмеивался про себя. Если бы знал радист, что советские контрразведчики и без пеленгации давно его знают и слушают каждую передачу. А вслух лейтенант подбадривал радиста:

— Ничего, не бойся. Авось не засекут. А если и засекут, успеем уйти.

На одну из радиограмм центр неожиданно ответил: «Завтра утром ждите гостей». И далее сообщался пароль и отзыв.

Лейтенант забежал к Устинову, сообщил ему новость. Майор тут же позвонил в Сталинград генералу. К встрече готовились основательно. Устинов сказал, что дело будет серьезное.

***

Их было трое. Они остановились у дома, огляделись по сторонам, затем один поднялся на крыльцо. Алексей смотрел на них из окна. Он спустился в сени и распахнул дверь. На пороге стоял невысокого роста, плотный мужчина с холеным лицом. За бортом мехового полушубка в петлице виднелось по одной шпале.

— Лейтенант Симагин? — спросил капитан.

— Так точно!

— Я из инженерного отдела штаба фронта. Нам нужно сверить карты минных полей.

Это пароль.

— Хорошо. Пойдемте посмотрим мою карту, — сообщил отзыв Алексей.

Капитан обернулся и сделал знак своим спутникам. Вслед за лейте-

нантом гости медленно поднялись на мансарду.

— Белицкий, — представился капитан.

Ему было лет сорок. Он производил впечатление делового человека, был подчеркнуто вежлив и отлично говорил по-русски.

Следом за ним вошел высокий, худощавый майор. Он назвал себя Рудольфом. Третьим гостем оказался молодой круглолицый солдат. Он стоял у порога, посматривая на капитана.

— Что ж ты молчишь, братец? — спросил Белицкий и представил его: — Это радист Крутов. А вам, лейтенант, кажется, было поручено подготовить для нас место?

— У меня все готово, — ответил Алексей.

Вечером он доверительно разговаривал с Савельичем о том, куда деть «саперное начальство». Савельич вначале чесал затылок, приговаривая: «Ума не приложу». Потом его осенила мысль: «Постой, да ведь сестра моя двоюродная завтра к матери уходит в дальний хутор за ребятишками...»

Савельич проводил гостей к дому. А часом позже к ним отправились Самсонов со Ступко.

Рудольф и Белицкий сидели за длинным столом. Перед ними лежала топографическая карта. Другая половина стола была заставлена мисками с разной снедью.

— Присаживайтесь, — пригласил Белицкий.

Самсонов и Ступко сняли полушубки. Белицкий расспрашивал о жизни в окрестных хуторах, о составе гарнизонов, дорогах, линиях связи, расположении комендатур и органов милиции. Особенно его интересовали подробности о доме, где содержался Паулюс, и его охране. Самсонов рассказал все, что знал. Майор слушал и изредка делал замечания на русском языке:

— Это надо проверить...

Рудольф с почтением обращался к капитану. И когда заговорили о предстоящих делах, Самсонов понял, что руководитель группы — Белицкий.

Капитан попросил Алексея после обеда обследовать два обширных поля, расположенных вдоль проселочной дороги в трех километрах от хутора. Нужно установить, какое поле ровнее и на каком грунт тверже.

Стояли последние дни февраля. После полудня солнце сильно пригревало. Снег заметно осел и почернел, покрылся твердой коркой. И только в низинах и оврагах лежали сугробы. Алексей часа три бродил по полям, которыми заинтересовался Белицкий. Он убедился, что они вполне пригодны для выброски десанта.

Смеркалось, когда он вернулся в хутор. Прежде всего, завернул к майору Устинову.

Узнав интересовавшие его подробности о «гостях», Устинов сообщил:

— Пока ты мерял сугробы, Белицкий и этот, как его, Крутов ходили к хутору Заварыгино. Видимо, ему надо было лично удостовериться в наличии гарнизона, охраны домов.

Майор достал из сумки пистолет «вальтер» и передал его Алексею.

— Поставь на предохранитель и носи в кармане. Будь осторожен с «гостями». Помни, мы следим за каждым их шагом. Рядом с тобой, в соседнем доме, находится мой помощник капитан Егорычев. В случае чего беги к нему.

Для чекистов настали трудные, тревожные дни. Устинов то и дело звонил в Сталинград, держал генерала в курсе всех событий. Ежечасно ждали, какой новый ход сделает Зелигер. На случай, если будет выброшен десант, выделялись пехотные и танковые подразделения, которые оставались здесь после Сталинградской битвы.

Сотрудники Устинова ни на минуту не сводили глаз с дома, где жила группа Белицкого. И в то же время они старались дать «гостям» свободу действий. Важно было вызвать у Зелигера впечатление, что все идет, как задумано. Так должно быть до тех пор, пока будет выброшен десант. Вот тогда ловушка и захлопнется.

Но, пожалуй, труднее всех приходилось Самсонову. Алексей сразу почувствовал железную хватку Белиц-

▲ Февраль 1943 г., Паулюс на хуторе

▲ Красногорский лагерь для немецких генералов

кого. В его отсутствие капитан долго терзал Ступко, потом что-то выспрашивал у Савельича, Анны Мефодьевны и даже успел побывать у хутора Заварыгино. Что он узнал? Совпадают ли его сведения с теми, что передал Самсонов? Лейтенант понимал, что один неверный шаг решит все, и он может получить пулю в затылок.

Ночью он не мог уснуть. Алексей прислушивался к каждому шороху за окном. Однажды скрипнула лестница. Лейтенант вскочил и схватился за пистолет. Ступко, который спал на полу, не было.

Алексей припал к окну, стараясь что-нибудь разглядеть в темноте. К счастью, скрип послышался снова. Это возвращался Ступко. Самсонов быстро юркнул в постель.

Теперь он опасался своего радиста. Зелигер запретил ему выходить в эфир и приказал перейти в распоряжение Белицкого в качестве запасного радиста.

Самсонов до утра так и не сомкнул глаз. Вспомнились годы учебы в Ленинграде в военном училище. Там он вступил в комсомол. Жениться не успел, помешала война. Мать осенью 1941 года была эвакуирована в Омск. Писать ей было нельзя. Но из особого отдела регулярно сообщали, что ее сын жив и здоров.

Утром Алексей вместе с Белицким и Рудольфом снова пошли в поле. Капитан взял его с собой, чтобы уточнить какие-то детали. Самсонов понял, зачем тот взял его: нужен был человек с миноискателем, чтобы отвести всякие подозрения.

Когда пришли на место, Белицкий послал Алексея вдоль оврага, чтобы точно определить границы поля в дальнем углу. Пройдя с полкилометра, лейтенант обернулся. Долговязый Рудольф широким шагом измерял длину поля. Изредка он останавливался и что-то записывал в блокнот. Рудольф прошагал так в нескольких направлениях. Он что-то выбирал. Что именно? Может, расположение будущей взлетно-посадочной полосы для самолетов? Самсонова осенила мысль: этот Рудольф скорее всего инженер, специалист по аэродромам. А Белицкий профессиональный разведчик, вероятно, отпрыск белогвардейцев.

Белицкий приказал Алексею еще раз обойти поле и установить, нет ли ям или овражков. А сам с Рудольфом ушел в хутор. Возвращаясь один, Самсонов без опаски повидался с Устиновым.

Виктор Андреевич, оказывается, все видел. Правда, в бинокль.

— «Гости» готовят место для посадки самолетов, — сказал майор. — Дело, Алеша, приближается к развязке.

На другой же день Самсонов убедился в этом. Утром Белицкий и Рудольф снова отправились в поле. На этот раз с ними пошел радист Крутов. Алексея не взяли. Белицкий сказал, чтобы он как следует отдохнул, его ждет работа в районе хутора Заварыгино.

Следом за Белицким отправился в поле и Устинов со своими людьми. Все были одеты в белые маскировочные халаты. Чекисты залегли на пригорке.

Примерно через полчаса в небе послышался звенящий гул авиационных моторов. Майор поднял бинокль.

— Радист, передайте: в нашем квадрате три фашистских самолета. Роту автоматчиков поднять по тревоге.

Самолеты сделали круг и пошли на снижение. Потом снова набрали высоту и улетели в западном направлении. Это была репетиция. Устинов принял меры, чтобы усилить наблюдение.

Самсонов за это время хорошо отдохнул. После полудня он пошел к капитану получить задание. Белицкий и Рудольф сидели и пили коньяк. Оба были настроены на веселый лад.

— А, лейтенант, — сказал Белицкий. — Хотите рюмочку коньяку?

Самсонов спросил об указаниях.

— Э, какие сегодня дела? Завтра утром и поговорим, — сказал капитан.

Однако встретились они вечером того же дня. Когда стемнело, в дверь кто-то постучал. Предчувствуя недоброе, лейтенант вышел. Правая рука нащупала в кармане «вальтер».

В сенях стоял Белицкий.

— Все, лейтенант, наша работа окончена, — сухо сказал он. — Делаем рокировку восвояси. Шеф отзывает домой.

— Почему? — недоумевал Алексей.

Белицкий презрительно усмехнулся:

— Нашли о чем спрашивать. Вот вам приказ: выходим через час. Встречаемся за околицей. К полудню будем на станции Иловля.

И ушел, хлопнув дверью. Самсонов понял, что произошли какие-то важные изменения, о которых он ничего не знает. Ступко спросил, что случилось. «Уходим», — ответил лейтенант. Он поднялся в свою комнату, надел полушубок и шапку.

— Пойду к Белицкому, уточню маршрут, — сказал Алексей и вышел.

А сам метнулся в темноте к соседнему дому, где находился капитан Егорычев. Узнав, в чем дело, капитан немедленно позвонил Устинову. Через несколько минут пришел запыхавшийся майор.

— «Гости» уходят, Виктор Андреевич, — взволнованно сообщил Алексей.

— Как уходят?

— Белицкий сказал: «Делаем рокировку домой, в Запорожье. Шеф всех отзывает».

— Ну, рокировка у него не получится. Мы напомним ему шахматные правила: через битое поле рокировку не делают. А у него все поля битые.

Майор тут же отдал распоряжение капитану Егорычеву: Ступко взять сразу, а группу Белицкого задержать на выходе из хутора.

— Садись, Алеша, отдыхай, — сказал Устинов. — Докопались все же, черти полосатые, что Паулюса здесь нет.

— Как нет? А где же он? — спросил Алексей.

— Еще 9 февраля его увезли отсюда под Москву, в Красногорск. Вероятно, только сегодня абверу стало об этом известно. Поэтому Зелигер дал Белицкому отбой.

Только теперь Виктор Андреевич раскрыл все, что утаивал раньше. Анна Мефодьевна действительно работала стряпухой и говорила о Паулюсе правду. Но все это было в недалеком прошлом. А он, Устинов, проинструктировал ее, чтобы она рассказывала так, будто и сейчас там все по-старому.

— А я и не знал, — горестно вздохнул Самсонов.

— Не обижайся, Алеша, — ответил майор. — Так лучше было. Если бы ты знал правду, мог вести себя иначе и вызвать подозрение у Белицкого или у Ступко. Теперь тебе здесь придется остаться, к Зелигеру мы тебя больше не пустим. Он потерял семь своих агентов и рано или поздно дознается, чьих рук это дело. И тогда тебе не сносить головы.

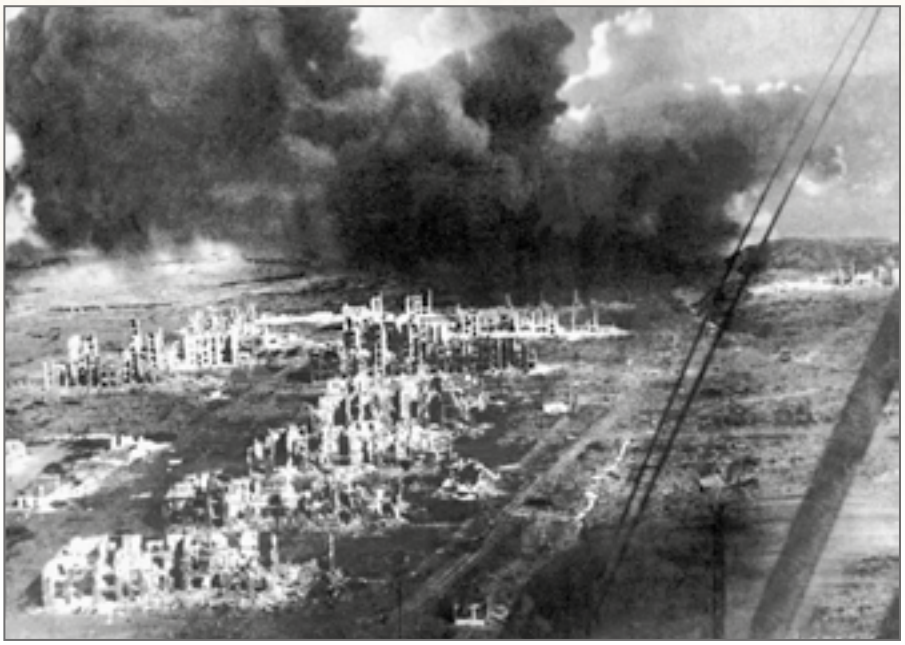
* * *

Так закончилась эта операция. Она не принесла абверу славы. Паулюса не удалось выкрасть. Но сама попытка говорит о том, к каким методам иногда прибегала гитлеровская разведка. Как известно, позднее, в сентябре 1943 года по приказу Гитлера ей удалось выкрасть Муссолини.

Самсонов до конца войны работал вместе с Устиновым. Иногда он высказывал сожаление, что ему, наверное, так и не удастся свести личные счеты с Зелигером.

— Как знать, — заметил Устинов. — Война еще не окончена.

Летом 1944 года Самсонов вылетел в один из партизанских отрядов. Вместе с народными мстителями он участвовал в засаде. Партизаны подорвали «оппель». В исковерканной машине нашли убитого майора. Самсонов сразу узнал его — Зелигер. Это была последняя встреча. ■

▲ Руины Сталинграда

ТРЕТИЙ ТОСТ

Среди обыденности серой
Сверкает юбилея свет.
Он собирает офицеров
За стол на праздничный банкет.

Надев награды, те, кто служит,
Фронтовики, отставники
Приходят, чтоб связать потуже
Святого братства узелки.

Но в час веселья шум смолкает,
Когда, поднявшись во весь рост,
Наш командир провозглашает
Традиционный третий тост.

Встаем, окидываем взглядом
Свои житейские пути
И вспомним тех, кого нет рядом,
Кому на праздник не прийти.

Всех, кто за Родину в сраженьях
И в годы мира жизнь отдал
И до последнего мгновенья
Из рук не выпустил штурвал.

И выпьем разом и по полной,
Не чокаясь, без слов, до дна.
Погибших поименно помним,
Ведь Родина, как мать, одна.

Нам жить не суждено иначе,
Но прочь, печаль, свое возьмем.
Есть третий тост,
который значит,
Что смерть и мы переживем.

Г. П. КОЧЕРГИН
генерал-майор авиации,
заслуженный военный летчик России

ВЛАДИМИР КОРНЕЕВЕЦ
Ветеран военной разведки

ЮБИЛЕЙНОЕ

Мой друг, на длинном жизненном пути
Лишь половина пройдена тобою.
И предстоит не меньший путь пройти
С блокадами, эмбарго и борьбою.

Так что мужайся, набирайся сил,
Храни достоинство, терпенье тоже,
Чтоб нас никто и никогда не победил,
Не растоптал бы герб, дома не уничтожил.

И будем верить, что наступит час,
Когда Россия станет центром мира,
Когда любить, а не бояться будут нас,
И громче зазвучит моя скупая лира.

Потом, уже в конце всего пути,
Когда уйдут соблазны и тревога,
Мы детям скажем: «Дальше вам идти»
И честно встанем перед взором Бога.

ВЛАДИМИР КОРНЕЕВЕЦ
Ветеран военной разведки

МИР ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ

Мир человеческий жестокий и опасный:
Теракты, войны, заговоры, козни.
И как остановить пока не поздно?
Творенья же природы все прекрасны.

Вот красотою поразил окрестный лес
Поля, луга, что с детства мне знакомы
И я как будто выхожу из комы
И слышу откровения небес…

По-детски чистыми, все засияли краски
Мир первозданною открылся красотою
В гармонии с трудом и добротою
Где все как в детстве ждут любви и ласки.

НИКОЛАЙ ГУМИЛЕВ

ТУРКЕСТАНСКИЕ ГЕНЕРАЛЫ

Под смутный говор, стройный гам,
Сквозь мерное сверканье балов,
Так странно видеть по стенам
Высоких старых генералов.
Приветлив голос, ясный взгляд,
Бровей седеющих изгибы
Нам ничего не говорят
О том, о чем сказать могли бы.

И кажется, что в вихре дней,
Среди сановников и денди,
Они забыли о своей
Благоухающей легенде.
Они забыли дни тоски,
Ночные возгласы: «К оружью»,
Унылые солончаки
И поступь мерную верблюжью;

Поля неведомой земли,
И гибель роты несчастливой,
И Уч-Кудук, и Киндерли,
И русский флаг над белой Хивой.
Забыли? Нет!
Ведь каждый час
Каким-то случаем прилежным
Туманит блеск спокойных глаз,
Напоминает им о прежнем.

«Что с вами?»
— «Так, нога болит».
«Подагра?»
— «Нет, сквозная рана».
И сразу сердце защемит
Тоска по солнцу Туркестана.

И мне сказали, что никто
Из этих старых ветеранов,
Средь копий Греза и Ватто,
Средь мягких кресел и диванов,
Не скроет ветхую кровать,
Ему служившую в походах,
Чтоб вечно сердце волновать
Воспоминаньем о невзгодах.

ШКАНАКИНУ Владимиру Геннадьевичу — 85 лет

Шканакин Владимир Геннадьевич — заслуженный военный летчик. Генерал-полковник авиации.

Родился 20 марта 1935 года в г. Горький.

Окончил Горьковскую спецшколу ВВС (1953 г.), Военную авиационную первоначальную школу летчиков ВВС(1955 г.), ВАУЛ (Новосибирск) (1957 г.), ВВА (1968 г.), Высшие академические курсы. Проходил службу в строевых частях:

- ВВС ПрибВО (1957–1970 г.), дойдя до должности командира авиационной эскадрильи;
- ВВС ЦГВ(1970–1976 г.) – командир авиационного полка.
- ВВС ОдВО (1976–1981 г.) – командир авиационной дивизии;
- Заместитель Командующего по боевой подготовке.
- Участник боевых действий в Афганистане:
  40-я армия (1981–1982 г.) – командующий ВВС 40-ой армии.
  Совершил 360 боевых вылетов на МиГ-21 и Ми-8.
- ВВС ПрибВО (1982–1983 г.) – Заместитель Командующего;
- ВВС СибВО (1983-1984 г.) – Командующий;
- ВВС ТуркВО и 73 Воздушная армия (1984-1991 г.) – Командующий.

До 1993 г. – помощник вице-президента РФ по ВС.

Награжден двумя орденами Красного Знамени, орденом Красной Звезды, медалями.

Отличительными чертами его являются:

- профессионализм;
- чувство высочайшей ответственности;
- последовательность и настойчивость в решении задач;
- объективная оценка как обстановки, так и людей;
- выдержка и справедливость;
- уважение к людям и личная примерность.

Наиболее полно его талант руководителя раскрылся в период его командования авиацией в Афганистане, где несмотря на всю сложность успешного выполнения авиацией боевых задач, на первом плане стояли вопросы обеспечения безопасности полетов и исключения боевых потерь, сохранения личного состава и их обустройства в тяжелых климатических условиях. Большое внимание в боевой обстановке он уделял вопросу подготовки руководящих кадров для авиации страны.

В боевой характеристике на Шканакина В. Г., которую составил в 1982 г.в Афганистане Командующий 40-й армии Ткач Б.И., отмечается: «В боевых условиях много внимания уделяет подбору и воспитанию кадров». Как результат, им подготовлено и воспитано 24 Героя страны, 17 авиационных Командующих, 3 заместителя Главкома ВВС и 1 Главнокомандующий ВВС (Зелин А. Н.).

Созданная Шканакиным В.Г. в ТуркВО и ВВС 40-й армии «Кузница кадров» стала в последствии основой руководящего состава ВВС страны и Вооруженных Сил России в целом.

Генерал-полковнику авиации
ШКАНАКИНУ
Владимиру Геннадьевичу
в день 85-летия

Уважаемый Владимир Геннадьевич!

Пусть годы летят, оставляя свой след,
А память листает жизни страницы:
Школа, училище, первый полёт
И небо, ставшее смыслом всей жизни…

Всё было в ней – и радость побед,
Горечь утрат, недовольство начальства,
Всё уже в прошлом и в памяти тех,
Кто составляет военное братство.

Помнят воспитанность, скромность, такт,
Умение видеть подходы к задачам,
Видеть способных, их продвигать
И представлять даже к высшим наградам.

Двадцать четыре Героя страны,
Семнадцать командующих-генералов
Помнят, как к ним относились Вы,
Что поручали, как воспитали…

Во всём объективность – в поступках, делах,
Смелость решений сложных вопросов,
Всегда и везде, на всех должностях
Являлись примером умелой работы.

Себя подчиняя целям войны,
Решали задачи в Афганистане,
Рискуя жизнью в афганских горах,
Не раз на задания вылетали…

Вы были первым, кто создавал
Могучий кулак группировки в Афгане,
Учил воевать, учил побеждать,
Всегда соблюдая верность присяге.

Опыт афганский, опыт ТуркВО
Давно стал основой военной науки.
Его изучают, преподают,
Его будут помнить дети и внуки!

В год юбилейный желаем Вам
Успехов в делах на благо Отчизны,
Здоровья и сил, чтоб во всём побеждать,
И долгих лет плодотворной жизни!

Совет ветеранов ВВС ТуркВО и ВВС 40 Армии

20 марта 2020 г.

МОЧНОВУ Николаю Борисовичу — 65 лет

10 апреля 2020 года исполнилось 65 лет Н.Б. Мочнову, гвардии полковнику, военному летчику, воину-интернационалисту, заслуженному испытателю космической техники, ветерану военной разведки. Николай Борисович родился в Таганроге в семье военного летчика. Окончил Балашовское высшее военное авиационное училище, Военную академию Советской Армии. С 1979 по 1983 годы находился в составе советских войск в Демократической Республике Афганистан. В небе провел около 6 тысяч 600 часов. Совершил 360 боевых вылетов. В дальнейшем выполнял специальные государственные задания за рубежом нашей Родины. В настоящее время является президентом Регионального благотворительного общественного фонда социальной защиты и помощи военнослужащим «Резерв». Занимает активную жизненную позицию. Отличительной чертой Николая Борисовича является бескорыстность, стремление прийти на помощь, доступность, коммуникабельность, умение поддерживать добрые деловые связи с людьми, простота в общении, полное отсутствие чванства и высокомерия. Николай Борисович! Поздравляем Вас с прекрасным праздником — Днем Рождения! Будучи сильным духом человеком, Вы с легкостью покоряете любые вершины, так пусть же небо для Вас будет высоким и чистым, как никогда, душа стремится в полет, а сердце замирает от счастья. Везения, успехов, любви и здоровья, удачи всегда и во всем!

МОЧНОВУ Николаю Борисовичу — гвардии полковнику, военному летчику, моему товарищу

Душа не принимает серый цвет,
Предпочитает белый, черный, красный.
Хочу прожить. Чтобы оставить след,
Как кровь из раны, яркий и контрастный.

Поклон, отвесив солнцу и луне
За то, что делят жизнь на дни и ночи,
Людей делю на тех, кто дорог мне,
И остальных, кто нравится не очень.

Не закрываю двери на засов.
Кому я нужен, пусть войдет без стука.
И мне заменит целый ворох слов
Блеснувшая лучом улыбка друга.

У нас с ним задушевное родство:
Мы небу поклоняемся как братья.
Он признает меня за своего
Железным, как капкан, рукопожатьем.

Не год, не два со взлетной полосы
Мы шли в Кабул, лежащий в горной чаше.
И в лётных книжках есть у нас часы
Бессмертия погибших экипажей.

Не горбимся, судьбе подставив грудь,
По сути, не меняемся с годами.
И потому отмечен лётный путь
Не только звездами, не только орденами.

Мы свысока глядим на шар земной
И время отмеряем полной мерой,
Предпочитаем цвет крыла стальной
И не приемлем цвет унылый – серый.

ГЕННАДИЙ КОЧЕРГИН
Генерал-майор авиации,
Заслуженный военный летчик России